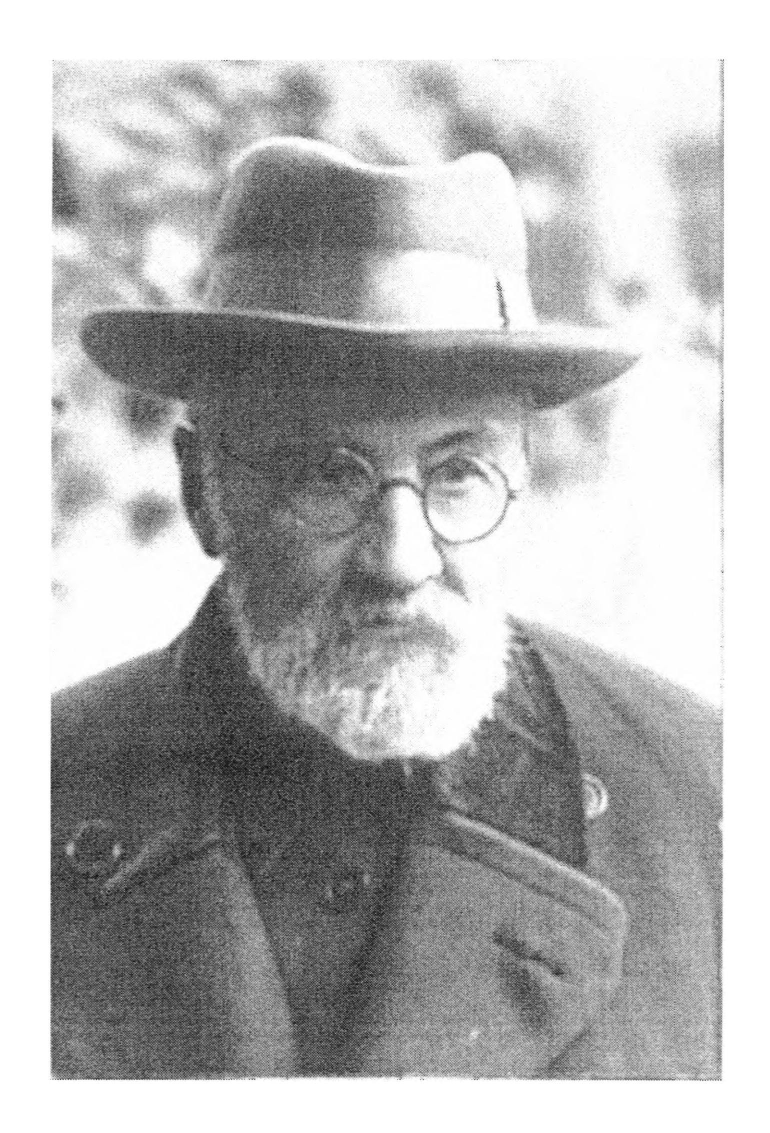
А.С. Моравская
Воспоминания об отце

* * *

С.П. Моравский
Переписка

С.П. Моравский
(1866 - 1942)

А.С. Моравская
(1924 - 2010)

Моравская А.С.

Воспоминания об отце

* * *

Моравский С.П.

Переписка

Санкт-Петербург
2010

УДК 82-82
М 85

Моравская А.С. Воспоминания об отце. – Моравский С.П. Переписка. / Под общ. ред. И.В. Столяровой. – СПб.: Изд-во «Мосты памяти», 2010. - 280 с.

ISBN 5-98883-009-9

Сборник содержит воспоминания о крупном медиевисте и педагоге первой половины XX в. С.П. Моравском его дочери А.С. Моравской и избранную переписку С.П. Моравского с Д.М Петрушевским, М.О. Гершензоном, А.И. Неусыхиным.

Сборник будет интересен всем, кто интересуется историей России первой половины XX в.

ISBN 5-98883-009-9

К читателю

С начала «перестройки», этого нового этапа в нашем общественном развитии, перед нами открываются многие малоизвестные страницы истории российской науки и просвещения. Большой интерес вызывают биографии тех, кто творил эту историю на рубеже XIX-XX вв., не подчиняясь соблазну всякого рода разрушительных анархических тенденций, и самим складом своей личности оказывал благотворное влияние на общество, вносил и упрочивал в нем созидательные гуманные начала. Осознанно избранный этими людьми путь самоотверженного служения родине, высокие «правила жизни», которыми они руководствовались, искренняя гражданственность их помыслов не теряют с течением времени своего значения и притягательности и для тех, кто идет за ними в череде поколений.

Одним из таких людей, достойным навсегда остаться в нашей культурной памяти, был Сергей Павлович Моравский (1866–1942), ученый-историк, крупный организатор народного просвещения и образования, выдающийся педагог, авторитетный общественный деятель.

С.П. Моравский был воплощением лучших черт русской интеллигенции 1870-х гг., увлеченной просветительскими, народническими (в широком смысле этого слова) устремлениями. Он был человеком долга – перед народом, перед наукой, – и человеком большого сердца.

Неутомимый труженик, СП. Моравский рано снискал своей многосторонней деятельностью высокий авторитет в научной и педагогической среде. Современники видели в нем талантливого исследователя-историка, прекрасного учителя, всегда любимого своими учениками, энтузиаста в деле народного просвещения. На уроках истории, проходили ли они в известных столичных гимназиях или в только что открытой гимназии древнего Ростова, он всегда стремился пробуждать и развивать у школьников личное желание учиться, поощрял их первые шаги к обретению научного мышления и собственной гражданской позиции, воспитывал у них умение использовать полученные знания для лучшего понимания современности, новых социальных процессов и осознанного участия в них.

Ратуя за самое широкое проникновение науки и образования в массы, СП. Моравский, начиная с 1890-х гг., отдавал много сил методической работе: разрабатывал новые учебные программы для гимназий и городских училищ, активно выступал в периодической печати по вопросам ожидавшейся реформы школы, читал множество публичных лекций. В своей интенсивной педагогической деятельности он нередко опережал свое время. Его методики только теперь могут быть всесторонне оценены и использованы.

В предреволюционную эпоху конца XIX - начала XX века вопросы образования и самообразования обретали в России новую общественную актуальность. Откликаясь на них, СП. Моравский стал одним из инициаторов и деятельных популяризаторов таких новых и прогрессивных для того времени форм обучения, как заочные или вечерние курсы и так называемая «организация домашнего чтения» (практически это был первый в России заочный университет, который возглавил он сам). Множество людей из низов, рвущихся к образованию, приобретало теперь серьезные знания, штудируя те или иные вводные пособия и учебники, написанные крупными специалистами по заказу этой организации.

В 1907 году С.П. Моравский был приглашен в Ростов Великий директором гимназии, которая строилась на частные средства, завещанные городу талантливым местным предпринимателем и меценатом А.Л. Кекиным. Деятельность С.П. Моравского на этом новом поприще, которой он отдался со всей присущей ему энергией и душевной горячностью, оказалась особенно плодотворной. Ему удалось создать учебное заведение, которое в короткое время завоевало репутацию одной из лучших гимназий в России. Знаменательно, что былые коллеги Моравского по Московскому университету, к этому времени уже обретшие известность ученые, были так или иначе вовлечены им в решение научных и методических задач, возникавших перед педагогическим коллективом гимназии. Зачастую старые друзья становились соучастниками периодически проходящих в ней научно-методических конференций. Таким образом, практически осуществлялась давняя мечта С.П. Моравского о сближении школы с университетской наукой. Из его переписки, публикуемой в этой книге, явствует, что обычно московские гости уезжали из Ростова с чувством радостного освежения сил и глубокого уважения к «тихому» и большому культурному делу, которое совершал здесь Моравский.

Сергей Павлович был удивительно цельной и яркой личностью, щедро наделенной, помимо прочих талантов, талантом человечности. Высокое духовное горение учителя, присущее ему сознание большой ответственности за каждого, с кем столкнула его жизнь, его любовь к детям оставляли глубокий след в сердцах его учеников и коллег. Гимназисты платили ему и своей любимой школе ответной любовью. Выразителен такой штрих: они добились права и по воскресеньям приходить в гимназию, чтобы пообщаться с учителями и позаниматься вместе с ними тем или иным любимым делом.

Людей, лично знавших СП. Моравского, уже почти нет. И живая память о нем остается лишь в детях тех учеников, которым в далеком уже прошлом выпала судьба учиться в его гимназии; по существу она стала уже семейным преданием. Но обаяние личности Моравского, его живую участливость и действенность его взыскующего слова довелось ощутить не только былым

гимназистам, но и людям совсем другой, грубой малообразованной среды, по недостатку воспитания и развития привыкшим проявлять циничное пренебрежение к тем, кто слабее и беспомощнее их. Именно эта сторона современной ему русской жизни, – грубость нравов, широко бытующая привычка действовать с позиций силы и безнаказанно теснить других, вызывала особое возмущение Моравского и порождала у него неутихающую душевную боль. Но он не был пассивен по отношению к этим явлениям. Несмотря на явное неравенство сил, он вступал с ними в противостояние и активную борьбу. На протяжении всей своей жизни он никогда не пренебрегал и малейшей возможностью повлиять на поведение и поступки людей, отмеченные печатью варварства. Как бы ни были велики его научные и учебные нагрузки, не щадя своих душевных сил, каждый год СП. Моравский шел работать в товарищеские суды. Так было и в Ростове, так было затем и в Москве, куда он переехал с семьей в 1924 г. и спустя некоторое время поселился в большом семиэтажном доме близ Арбата. Не пасуя перед вульгарностью постоянно возникающих в перенаселенных коммунальных квартирах житейских конфликтов, он и здесь, в новых для него житейских обстоятельствах, оставался Учителем, терпеливо учил людей, не имеющих необходимой культуры общежития, обретать эту культуру, укрощать в себе власть природных и собственнических инстинктов, находить путь к пониманию другого и в любых мелких ссорах кончать дело миром. Глубокий демократизм СП. Моравского, свойственная ему просветительская вера в возможность достучаться до сокровенных глубин человеческого сердца помогали ему быть услышанным самыми заядлыми скандалистами, и после долгой тихой беседы один на один они чаще всего забирали назад свои заявления с жалобами на соседей и уходили домой со светом в душе.

Эту книгу о С.П. Моравском написала его младшая дочь Александра Сергеевна Моравская. По слову тех, кто знал ее отца, она была похожа на него и своей статью, и лицом, и деятельным, жизнелюбивым характером, и неиссякаемой любознательностью, и любовью к искусству. От отца, очевидно, ей передалась и педагогическая находчивость. Сама Александра Сергеевна рассказала мне однажды, как в военное лихолетье, ей пятнадцатилетней городской девочке, еще не успевшей закончить школу, пришлось стать учительницей в том селе, значительно отдаленном и от Ростова и от Борисоглеба, где Моравские вынуждены были тогда пережидать войну. Школа была маленькой, «некомплектной», в каждом ее помещении во время урока занимались по отдельным программам не один, а два класса. У нее все получалось, но в одном из классов был непоседливый мальчишка-переросток, драчун, гроза детворы. Долгое время он оставался совершенно равнодушным к учению, но юной учительнице удалось его чем-то «зацепить», дать в руки интересную книжку. Неожиданно для нее вскоре он стал ее помощником, главным блю-

стителем порядка и дисциплины на уроке и первым учеником. Как-то к ней в школу явился его отец, работавший в местном лесхозе богатырь-детинушка, и без всяких проволочек зычным голосом потребовал от нее ответа: «Что Вы сделали с моим сыном?». Она смешалась, но грозный родитель пояснил, что раньше его сын ходил в школу без портфеля, а весь остальной день проводил на улице. А теперь он сидит дома, и его не оторвешь от книги!..

По болезни отца и старшей сестры Александре Сергеевне пришлось в то время взять на себя в доме самую большую часть всех бытовых забот, и все же она сумела перед окончанием войны экстерном сдать в Борисоглебе на отлично все экзамены на аттестат зрелости и по возвращении в Москву поступить на биофак Московского университета. Блестяще его закончив, она поступила в аспирантуру и защитила диссертацию, имевшую, помимо всего прочего, большое практическое значение для сельского хозяйства. По существу ее исследование было составной частью той коллективной работы, которая была удостоена тогда Сталинской премии. Александра Сергеевна начала работать по специальности, с этих пор для нее, к большому душевному облегчению, стало возможным наладить быт семьи, многое сделать для улучшения физического самочувствия старшей сестры, так и не сумевшей до конца оправиться от последствий перенесенных ею тяжелых болезней.

К сожалению, недавно Александры Сергеевны не стало: она совсем немного не дожила до выхода своей книги, написание которой считала одним из самых главных дел своей жизни. После выхода на пенсию она целиком сосредоточилась именно на этом своем труде, посвященном памяти горячо любимого ею отца. К счастью, она успела узнать, что эта книга принята к печати и к юбилею Ростовской гимназии, любимого детища С.П. Моравского, будет издана. Мысль об этом согревала ее душу в последние месяцы жизни.

Я познакомилась с Александрой Сергеевной всего полтора года тому назад, когда вдруг узнала из Интернета, что она, как и раньше, живет в Москве и занята подготовкой книги об отце. Еще более изумилась я, когда тут же смогла прочитать в Интернете опубликованные в ростовской печати переложения отдельных глав из этой книги, любовно выполненные местными журналистами. Из этих же материалов я узнала о их недавних встречах с Александрой Сергеевной, которая побывала в Ростове и в той самой гимназии, директором которой в лучшие годы своей жизни был ее отец. Конечно, мне тут же отчаянно захотелось самой предпринять попытку знакомства с ней. Дело в том, что мой отец, много-много лет тому назад был учеником С.П. Моравского, и я с детских лет запомнила его восторженные рассказы об этом человеке, который своим добрым вмешательством перевернул жизнь и его самого и двух его сестер. После войны, когда мы всей семьей приезжали обычно на летние каникулы на родину папы, мы обязательно шли с ним к зданию Ростовской гимназии, которую он считал своей духовной колыбелью.

В свои мальчишеские годы мой отец, Столяров Владимир Павлович (1904 г. рождения) рос в деревне Опальнево, в 2 км от Борисоглеба и в 20 км от Ростова. Вся его большая крестьянская семья, как и большинство односельчан, была безграмотной. Пахотной земли близ Опальнева было мало, подспорьем для пропитания служило только кустарное изготовление кирпича. О серьезном образовании детей думать не приходилось, казалось неизбежным ограничиться для них только низовой школой. Однако, С.П. Моравский, с юности мечтавший о доступности образования для всех детей, каждую весну совершал инспекторские поездки по окрестным школам Ростова, присутствовал там на выпускных экзаменах и не упускал возможности поспособствовать тому, чтобы наиболее любознательные и способные из ребят продолжили учение в его гимназии. Следуя этому своему обычаю, выслушав ответы моего отца, он вызвал в школу его родителей и порекомендовал им отправить его для продолжения учения в Ростов. Те поблагодарили инспектора, но признались, что не могут воспользоваться его советом: содержать сына в другом городе им не по карману. Моравский возразил: пусть эти обстоятельства их не беспокоят, у него тоже есть сын, мальчики будут жить в одной комнате в его квартире. Через несколько лет подобным «семейным» образом была разрешена и проблема дальнейшего учения обеих сестер моего отца. Учение пошло в прок: мой папа впоследствии закончил Ярославский пединститут, а потом и аспирантуру при биофаке Ленинградского университета. Он стал ученым. Старшая его сестра Александра Павловна после окончания того же института нашла свое призвание в преподавании литературы. В трудные послевоенные годы в мужской ленинградской школе ей поручали вести классы ребят-переростков, и она с ними отлично справлялась без всяких дисциплинарных мер. Другая сестра Антонина Павловна, не меньший энтузиаст школьного дела, почти всю жизнь работала впоследствии в Борисоглебской школе учителем биологии. Ее пришкольный участок, возделываемый школьниками, превратился в прекрасное опытное поле, урожай с которого не раз демонстрировался на выставке ВДНХ в Москве. Не случайно поэтому, что у нас, детей, слышавших рассказы взрослых о Моравском, он превращался в личность легендарную, и мы не могли не разделять того пиетета, который были проникнуты рассказы о нем.

С большим волнением я решилась позвонить из Петербурга Александре Сергеевне в самый канун ее дня рождения и попросить ее о встрече. Я уже знала, что ей много лет и не была уверена поэтому в ее согласии. Но вдруг услышала в ответ очень живой и бодрый голос: «Я помню большую крестьянскую семью Столяровых...». И дальше – желанные слова о том, что она готова со мной увидеться. А когда, осмелев, я спросила, чем бы я могла порадовать ее по случаю нашей встречи, она мгновенно предложила: «Давайте, сходим в Большой театр!». Надо ли говорить, что я с удовольствием исполнила это ее желание, и мы вместе побывали вскоре на «Иоланте».

После этого я еще не раз виделась с Александрой Сергеевной, а потом, к моей большой радости, мне удалось почти на все лето «заполучить» ее в гости к себе в Опальнево. Мы подружились. Еще в Москве Александра Сергеевна познакомила меня со своей книгой об отце, которая очень меня увлекла. Надеюсь, что и широкий читатель не останется к ней равнодушен, прежде всего потому, что в ней идет речь о крупной и притягательной личности, к которой хочется подойти поближе, подышать с ней одним воздухом. «Об одном хорошем русском типе», так назвал один из своих рассказов Гл. Успенский. Так же можно было бы озаглавить и эту книгу: при всей своей документальности, она побуждает задуматься и о неких общих лучших традициях нашей интеллигенции, которые хотелось бы удержать в жизни.

Большой моральной поддержкой для Александры Сергеевны на склоне ее жизни оказалось сердечное внимание, проявленное к ней школой-преемницей той Ростовской гимназии, созданию которой в свое время отдал столько душевных сил ее отец (ныне эта школа как одна из лучших в области вернула себе название гимназии). И преподаватель истории Татьяна Валентиновна Умникова и директор Алексей Алексеевич Гаврилов очень заинтересованно отнеслись к работе Александры Сергеевны, были рады ее участию в организации ряда мероприятий по увековечению памяти Сергея Павловича Моравского, оказали ей помощь в переиздании некоторых его работ, предоставили ей возможность в удобных условиях пожить в Ростове так долго, как ей того хотелось. Узнав прошлым летом, что она собирается поехать ко мне в деревню, они тут же прислали за ней машину в Москву, а потом Татьяна Валентиновна и навестила нас в Опальневе, к большой радости Александры Сергеевны.

Теплым словом вспоминала Александра Сергеевна руководителей школы в тот день, когда после первой неудачной попытки нам с ней все же удалось, преодолев бездорожье, добраться до старого сельского кладбища близ деревни Хмельники, на котором покоится прах С.П. Моравского и родных Александры Сергеевны. К нашей большой радости, могила (немногая из сохранившихся) оказалась в полном порядке. Оградка и памятники выглядели так, словно кто-то ухаживает за ними (позже мы узнали, что заботится о них гимназия). Сами могилки были сплошь покрыты сверкающим на солнце кудрявым брусничником, не оставившем места никаким сорнякам. Ни тени ожидаемой нами заброшенности!

Хочется надеяться, что и в будущем имя Моравского будет дорого Ростовской гимназии, краеугольный камень в основание которой был положен именно им, а ее лучшие традиции будут сохранены и получат новое развитие.

Последние месяцы жизни Александры Сергеевны (как и летнюю ее жизнь в Опальневе) очень скрасили ее старые соседи по дому: семья Марины Ивановны Зарубовой и Евгения Милановского, которые опекали ее с поистине родственной теплотой. Незримо причастным к их заботам о ней оказался и

С.П. Моравский: в далекие довоенные времена отец Е. Милановского был его учеником в одной из Московских гимназий. После возвращения Сергея Павловича в Москву они жили по одной лестнице: Моравские этажом ниже, Милановские – выше, и их квартиры располагались одна под другой. Погружаешься в историю семьи и снова и снова убеждаешься: Моравский – это слово, которое соединяет!

Киев (1866- 1885)

Семья. Детство

Сергей Павлович Моравский родился 17(29) ноября 1866 года в Киеве в семье врача. Его отец, Павел Григорьевич Моравский, работал в клинике при Киевском университете. В его служебном списке, который сохранился в архиве Сергея Павловича, написано:

«Надворный Советник Павел Григорьевич Моравский, православного исповедания. Кавалер ордена Св.Станислава 2-ой степени.

Потомственный дворянин. Имения не имеет ни он, ни его жена.

Удостоен звания уездного врача 6 июня 1860 года.

Состоя на службе, умер 23 янв. 1868 г.».

Характерная деталь – в формулярном списке есть графа: «Был ли в отпусках, когда и насколько именно времени; являлся ли в срок...». И в этой графе за весь 11-летний период работы Павла Григорьевича имеется только одна запись: «Был в отпуску с 26 января 1859 г. на 25 дней и на срок явился».

23 января (4 февраля) 1868 года Павел Григорьевич погиб при лечении гангренозного больного. Больной был спасен, но сам доктор при операции нечаянно порезал палец и скончался. Ему было всего 36 лет. Он оставил троих сыновей. Младшему – Сереже ещё не исполнилось и двух лет.

Случай с отцом Сергея Павловича показателен тем, что позволяет увидеть и проследить наследственность подвижничества, готовность к самопожертвованию истинных русских дворян-интеллигентов, на каком бы поприще они ни подвизались, будь то медицина или просвещение.

Мать Сергея Павловича – Александра Александровна (урожденная Ильяшенко) вышла замуж вторично, но судьба не была к ней милосердной: ее второй муж, тоже врач, г-н Картамышев (имя не сохранилось), поехал на эпидемию холеры и там погиб, исполняя врачебный долг. На борьбу с эпидемией он отправился не по обязанности, а лишь по зову сердца и совести. Александра Александровна вновь осталась вдовой, теперь – с четырьмя сыновьями.

По характеру Александра Александровна была доброй, мягкой, отзывчивой. Такой ее образ сложился у меня по рассказам Сергея Павловича; это видно и по фотографиям. Она всегда кому-то помогала, за кого-то хлопотала. Сама она с детства была болезненной: у неё были слабые легкие, и нередко её приходилось вывозить на лечение – перемена климата благотворно сказывалась на её здоровье.

Детство, отрочество и первые годы юности Сергея Павловича прошли в Киеве. Семья жила в доме на Фундуклеевской улице. Здесь всегда было много народа – товарищи детей, гости, родственники. Дом вела бабушка Александры Александровны – Агафья Григорьевна Ильяшенко. По словам Сер-

гея Павловича, бабушка была очень строгая, но справедливая. Чистокровная украинка (урожденная Искра), она горячо любила свою Малороссию, свято соблюдала украинские обычаи. За столом, когда собиралась вся семья, разговор шел только на украинском языке, хотя в другое время дома разговаривали и на русском, и на французском языках. Дома носили национальное украинское платье – детей приучали к этому с детства, и эту привычку Сергей Павлович сохранил на всю жизнь. Но беззаветная любовь к Украине не помешала бабушке привить детям и внукам истинный интернационализм.

Семья Моравских принадлежала к той части русской интеллигенции, жизненным принципом которой было служение родине, народу. Так жил отец Сергея Павловича, так завещала жить своим сыновьям и мать. Сергей Павлович сохранил письмо матери, которое звучит, как завещание, ведь писала она его незадолго до собственной смерти - она скончалась 4 августа 1889 года.

Вот выдержка из этого письма, в котором хранилась и веточка памятного венка, возложенного на гроб украинского патриота профессора Кистяновского: «...Деятельность и любовь к родине этого человека пусть будет примером для Вас, мои сыны дорогие. "Любив Вин правду и науку, и родину свою любив" - вот что было написано на этом венке, прочтите, и пусть будет это для Вас законом. Знайте, что и мать Ваша любила свою дорогую Малороссию выше всего на свете, и, простите, дорогие, я любила ее одинаково, как Вас, а, может быть, и больше; и кто из Вас уважает меня, пусть любит ее, дорогую, по-моему.

Ваша мать А. Картамышева».

Даю Вам честное слово, что это была единственная любовь, ради которой любовь к Вам отходила назад или, лучше сказать, ослабевала: понимаете, если б сказали, отдай всех четырех сыновей для блага родины, но знай, что они все погибнут, наверное, отдала б. Вот единственный секрет в моей жизни; все прочие слабости мои Вы знаете, я их никогда не скрывала».

Жизненные принципы, заложенные в детстве, стали основой для Сергея Павловича на всю жизнь. Всю свою жизнь он сознательно и беззаветно служил родине, науке, людям.

В семье, где рос Сергей Моравский, всегда царила прекрасная добрая атмосфера, там умели шутить, умели уважать людей, умели хранить любовь и память. Примером этому может служить такая история: я с детства привыкла видеть висящую над письменным столом отца удивительную семейную реликвию – в рамке под стеклом помещена коротенькая записочка: «Не забудьте Ваши ключи, дорогой дядюшка». Записка на французском языке, и подпись: П. Моравский. Она написана дедушкой, Павлом Григорьевичем, своему любимому дяде, очень рассеянному. Записочка помещена в красивую кованую рамку, которая была поставлена к дяде на стол и служила напоминанием. Когда дядюшки не стало, дедушка поставил эту рамку на своем столе как память об ушедшем. После смерти самого Павла Григорьевича, его жена,

а потом и их дети с любовью хранили ее. Когда в феврале 1909 года умер брат отца – Григорий Павлович, последний из живших в Киеве Моравских, мой отец привез ее в Ростов, где он тогда жил. Теперь я храню эту семейную реликвию, и она мне очень дорога.

Чтобы полнее охарактеризовать семью Моравских, надо рассказать и о таком факте. Под Киевом, в местечке Фастов, у них была дача. Когда Александра Александровна осталась вдовой с четырьмя сыновьями, ей приходилось не раз закладывать и перезакладывать эту дачу (сохранился листок – часть её письма, где она спрашивает кого-то, что необходимо сделать, чтобы перезаложить дачу). После смерти Александры Александровны в Киеве оставался только её сын – Григорий Павлович. Он в течение многих лет очень много работал, чтобы заплатить долги и выкупить дачу, занимался селекцией фруктовых деревьев и создал прекрасный сад. Перед смертью Григорий Павлович, с согласия наследника - Сергея Павловича и, выполняя пожелание их матери, завещал дачу в Фастове и сад со всеми постройками, инвентарем и всякого рода движимым имуществом на «устройство учебно-воспитательного учреждения». И в 1913 году в Фастове было создано училище садоводства имени Григория Павловича Моравского и Александры Александровны Картамышевой. Об этом земство сообщило Сергею Павловичу Моравскому, и эта телеграмма сохранилась в его архиве.

Годы ученичества

Сережа Моравский с детства обнаружил незаурядные способности к языкам и любовь к книгам. В 1876 году он поступил во 2-ю Киевскую гимназию, где в июне 1877 года окончил 1-й класс. Но к этому времени сильно ухудшилось состояние здоровья его матери. При таком обострении болезни и по настоянию врачей ей пришлось поехать на юг Франции в Йер, с собой она взяла сына Сережу. Об его учебе во Франции напоминает томик истории Франции («Hisfoire de France», P, 1859) с дарственной надписью на французском языке: «Дана как свидетельство удовлетворения и в память об Евангелической школе Йера ученику Сергею Моравскому. Йер, I мая 1878 г.».

Спустя несколько лет они вернулись в Киев, и Сергей продолжил учебу во 2-й гимназии. 18 июня 1880 года он с наградой второй степени был переведен в четвертый класс, который окончил в августе 1881 года.

В том же году Сергей Моравский, выдержав большой конкурс, поступил стипендиатом в коллегию Павла Галагана в Киеве. Это закрытое учебное заведение было основано в Киеве в 1871 году Г.П. Галаганом в память об умершем шестнадцатилетнем сыне Павле. Школа была частной и высокоопла-

чиваемой[1]. Поступить в коллегию могли лишь те дети, у кого были очень состоятельные родители, а также немногие одаренные ребята, которые стали победителями в конкурсе претендентов на бесплатное обучение.

Еще в годы обучения в коллегии Сережу Моравского глубоко ранила эта социальная несправедливость, и в нем зародилась мечта о том прекрасном времени, когда все, кто хочет учиться, смогут учиться.

Коллегия Павла Галагана была очень серьезным учебным заведением. Из ее стен вышло немало известных впоследствии деятелей науки и культуры, среди них: арабист А.Н. Крымский, ботаник, вице-президент Украинской Академии наук В.И. Липский, историки права И.А. Покровский, Н.А. Максименко и И.А. Малиновский, историк всеобщей литературы Н.А. Котляревский, историк-медиевист академик Д.М. Петрушевский, профессор истории международного права В.Э. Грабарь и другие. С Петрушевским и Грабарем Сергей Павлович познакомился и подружился в коллегии, большая настоящая дружба связывала их всю жизнь.

В коллегию Павла Галагана принимали мальчиков не моложе 14 лет, ученики там жили и пользовались полным содержанием, в том числе одеждою и бельем. Те юноши, у кого в Киеве были родители, воскресный день могли проводить в домашней обстановке.

Директором коллегии в годы ученичества С.П. Моравского был И.И. Ничипоренко.

В этом учебном заведении находилась хорошая библиотека, отделы по словесности, истории и географии содержали немало редких и ценных книг, много справочной литературы и периодических изданий[2].

Среди учебных предметов были: русский язык и словесность, Закон Божий, история, география, математика, физика, рисование, пение, гимнастика, танцы и ручной труд. Каждый ученик должен был освоить какое-либо ремесло. Сергей занимался переплетным делом.

В коллегии изучали два древних языка (латынь и греческий) и два новых - немецкий и французский. Французский язык С. Моравский знал в совершенстве, т.к.на нем говорили в семье, кроме того, в детские годы он довольно долго жил во Франции вместе с матерью. В дальнейшем он изучил самостоятельно английский, итальянский, испанский, польский и чешский языки. С детства, естественно, хорошо знал украинский язык. В целом, в арсенале ученого было 10 иностранных языков.

---

1. Плата в год составляла 750 руб., при вступлении в коллегию взималась ещё единовременно «на первоначальное обзаведение» - 50 руб.
2. К концу учебного 1895/96 года в библиотеке было 3758 названий книг, из них по словесности – 938, истории 903, географии – 269, справочных книг – 143, периодических изданий – 191 (в 2898 томах). О.Яреш «Библиотека Коллегии» в кн. «25-летие Коллегии Павла Галагана». Киев, 1896, с.175-176.

В архиве Сергея Павловича сохранились его ученические тетради периода обучения в коллегии Галагана, в них записи по истории и литературе (любимые предметы Сережи), а также написанные им сочинения. Привожу перечень содержания тетрадей. Это любопытно, так как дает некоторое представление об уровне преподавания в коллегии, а также о вкусах и привязанностях юного С. Моравского.

Домашние сочинения на заданные темы: «Наши народные сказки»; «Зима в городе и деревне»; «О 23 июня – Иван Купала (об обрядах)»; «О Сервантесе».

Домашние сочинения на свободные темы: «Как аукнется, так и откликнется»; «Эмансипированная»; «Богочеловек» – драма в 4-х действиях; «Вера Николаевна Лонина» – пьеса.

Классные сочинения: «Почему труднее писать драму, чем повесть?». (С пометками учителя, в конце вместо отметки написано карандашом «Сказано дело»); «Можно ли оправдать нарушение единства действия в драме Шиллера «Вильгельм Телль?» (Вместо отметки: «Вопрос решен удовлетворительно. Речь правильная и ясная»); «Какой интерес представляет изучение народной поэзии?» (Отметка: 4+. Подпись: П. Житецкий); «Черты сходства между Чацким и Рудиным»; «Гоголь и его переписка с друзьями»; «О поэзии Шиллера, Жуковского».

Письменные ответы (сочинения) по истории: «Что получили плебеи после учреждения должности трибунов. Что сделано трибунами и не трибунами и почему последние старались о плебеях?» (Отметка: «Очень хорошо»); «Латинская война» (Отметка: «Хорошо, хотя ничего не сказано»); «Сцены из китайской жизни» (С пометками, но без оценки); «Древняя история европейских народов» (35 стр.); «Свайные постройки и мегалитические сооружения» (36 стр.); «Древнейшее поселение Галлии».

В коллегиатских тетрадях С. Моравского сохранилось немало любопытных документов, например, черновик отчета о его деятельности в качестве кассира коллегиатской кассы. Вот некоторые выдержки из этого документа (в тетради 2,5 стр.): «В продолжение моего 4-х недельного кассирства:

… Оборот кассы - 45 р. 86 ½ к., а собственность – 28 р. 6 ½ к.

... Оборот увеличился на 15 р.

В таком виде сдаю я кассу своему преемнику, к избранию которого мы и приступаем».

Немалый интерес представляет и сохранившаяся в одной из тетрадей «Программа литературно-вокально-музыкального вечера», 24 февраля 1883 года. Вечер состоял из двух отделений, среди выступавших в I отделении – Сережа Моравский, он играл на скрипке. Во II отделении Володя Грабарь (в будущем известный специалист по международному праву, профессор В.Э. Грабарь) читал сербское народное стихотворение «Косовская девушка». В той же тетради – черновик рецензии на все исполненные в тот вечер номера.

Рецензия написана Сережей для ученического журнала «Слово». Объем рецензии – 10 страниц. О выступлении Володи Грабаря написано: «Предисловие удовлетворяет своему назначению, но читал Грабарь не особенно, как-то монотонно и утомительно, впрочем, тоже с чувством, которое, к несчастью, выражалось в понижении голоса и ускорении темпа».

Жизнь коллегиатов была достаточно насыщенной яркими событиями, они не только выступали в концертах, но ставили пьесы и даже оперы. В одной из тетрадей С. Моравского есть перечень действующих лиц и исполнителей, с указанием голоса. Сам Сергей исполнял женскую роль, у него баритон, но в скобках написано: тенор. Все актеры – однокурсники:

Актриса Наталия Осиповна Неводова – Моравский – баритон (тенор).

Ив. Петр. Ястребов, пожилой человек с солидной наружностью и состоянием – Дверницкий (баритон).

Павел Сергеевич (Чеховский) Лужницкий, молодой человек (зачеркнуто у С. Моравского) – Радзимовский (тенор).

Клавдия Вас. Зарецкая, его невеста – Мандровский (тенор).

Камеристка Неводовой Анюта – Ферликовский (2-ой тенор).

Тихон Андреевич Ладожский, друг Лужницкого – Невский (бас).

Юный Сергей Моравский активно участвовал в литературной жизни коллегии: он член историко-литературного общества, один из редакторов журнала «Слово», автор разного рода заметок, в которых живо откликался на различные события в ученической среде.

В коллегиатских его тетрадях сохранилась «Критическая статья» на ученический «opus» под заголовком «Не суйся куда не следует» (6,5 стр.) и «Критические очерки» на то же событие (6 стр.). О литературном даре автора, о его неравнодушии и наблюдательности свидетельствуют многие материалы, например: «Заметка» и «Письмо в редакцию».

Заметка

Недавно в местечке случилась кража, кража эта сама по себе не представляет ничего примечательного, так как это событие слишком заурядное в здешних местах, но удивительно то, что украденные вещи были на другой или третий день доставлены их владельцу, благодаря энергии и находчивости здешнего урядника Р-ского. Факт, по меньшей мере, неожиданный. А вот вам другой образчик распорядительности здешних властей: несмотря на занимающие и даже волнующие почти всех слухи о холере, в Фастове на самых многолюдных, а поэтому и самых пыльных улицах продают на лотках[3] *мясо, которое чуть не гниет под солнечным зноем: упитанное пылью, грязью и всяким сором, оно своим отвратительным видом способно отнять всякий аппетит: тем не менее эта дозволенная торговля идет, по-видимому, бойко.*

3. Здесь и далее подчеркнуто у С.П. Моравского.

Говоря о различных происшествиях, которыми так богата жизнь нашего местечка, нельзя не упомянуть о загадочном убийстве проходившей вечером по улице женщины: ни виновных, ни причины, несмотря на все старания судебных властей, не обнаружены. Вообще нужно сказать, что в Фастове на каждом шагу встречаешь если не убийство, то ожесточенные бои и драки, которые всегда сопровождаются членовредительством и увечьем: таких случаев и не перечесть. Да и пожары тут нередки: на днях сгорела хата одного крестьянина, занимающегося перевозкой извести; причины пожара весьма курьезны: в сенях этой хаты стояла негашеная известь, которую поставленные тут же лошади вздумали гасить. В ночь же с 29 на 30 июня произошел другой пожар, не в самом местечке, но невдалеке от него; вред, принесенный этим последним пожаром, ещё пока не выяснен.

Письмо в редакцию

10 февраля 1882 г.

Все, конечно, читающие «Дело» прочли как письмо в редакцию г. Sonoqui, так и ответ на него г. фон Наделя и, наконец, ответ на этот ответ некоего господина, имя которого знает Бог да редактор. На страницах нашего почтенного журнала загорелась полемика: почтенные сотрудники его принялись язвить друг друга более или менее тупым оружием; посыпались ругательства, недостойные занимать место в журнале (впрочем, русский человек любит ругаться). И все из-за чего же? Из-за двух незначительных фраз, употребленных мною в повести «Коля Соколов», фраз, которые, если б даже и были неправильны, то во всяком случае недостойны чести быть яблоком раздора между почтенными сотрудниками не менее почтенного журнала. Имея целью своей заметки прекратить возникшие раздоры, я оставляю в покое всех трех упомянутых господ и их ругательные статьи, которые, замечу мимоходом, сильно нуждаются в критике, скажу только, что все они лишены смысла, запутаны и наполнены ругательствами; господин Неизвестный, по-видимому, согласен со мной в том, что ругаться не следует, но тут же, на следующей строчке обзывает г. Наделя болваном и глупцом! Или, быть может, он не считает это за ругательство? Но оставим это. Я обращаюсь к г. Sonoqui с вопросом: стоило ли ему обращать свое просвещенное внимание на такие пустяки? Или, быть может, он не нашел более крупных недостатков? По всей вероятности. Но из этого вовсе не следует, что таковых не было; это значит, что только г. Sonoqui не в состоянии заметить их, почему и уцепился за две фразы, но уцепился так неловко, что лучше было бы совсем не цепляться. Если бы он указал на достойные внимания промахи и недостатки моего сочинения, то я счел бы своей приятной обязанностью вступить с ним в письменный разговор. Но так как он не сделал этого, то я молчал, пока дело не обострилось и не грозило перейти из руготни в драку;

тогда я решился написать эту коротенькую заметку; но прежде, чем написать ее, я обратился к редактору с вопросом: неужели он не имеет лучших статей, чтобы замещать свободное место в своем журнале? И когда он мне ответил, что имеет достаточно, то я написал и отправил в редакцию это письмо. Закончу его искренним желанием, чтобы эта руготня прекратилась и не занимала более места в уважаемом журнале «Дело».

Автор повести «Коля Соколов»[4].

Особый интерес представляет статья С. Моравского, в которой он как один из редакторов журнала «Слово» намечает пути его развития.

«В конце прошлого учебного года, а именно 20-го мая, на последнем заседании нашего историко-литературного общества после окончания прений зашел разговор о «Слове». Но так как на этом заседании присутствовали все шесть редакторов нашего почтенного журнала, а большая часть остальных членов выше упомянутого общества также принимает участие в редакции «Слова» в качестве сотрудников, то разговор этот принял характер более или менее официальный. На этом основании я и решаюсь передать этот разговор, близко касающийся и долженствующий быть интересным как для сотрудников, так и для читателей «Слова». Говорили о будущем этого журнала, именно о его существовании в продолжении 1883/84 учебного года: было заявлено (одним из редакторов), что журнал чахнет, статьи поступают очень туго, редакция обнаруживает вялость и апатию; кроме того, статьи по своей бессодержательности и низкопробности мало интересуют читателей, так что журнал является чуть ли не лишним, ненужной и бесполезной прихотью нескольких редакторов, которым нравится издавать, и двух-трех повестей писателей, которым нравится писать. Вспомнили времена Колубовского, Петрушевского[5]*, которые действительно много сделали для «Слова». И нужно заметить, что большая часть из вышесказанного, к несчастью, довольно справедлива. Я сам на опыте убедился, что наш журнал читается довольно-таки вяло; но тут я должен оговориться: статьи, хоть сколько-нибудь касающиеся нашей коллегиатской жизни, читаются чуть не нарасхват. Всякий памфлет (по нашему «сатира»), в котором воспитанник X. вволю ругает воспитанника Z., с жадностью прочитывается почти всеми; какое-нибудь «ругательное письмо» производит необычайное впечатление на читающую публику. Статьи подобного рода обусловливают успех номера! Грустно, но оно так: это были почти единственные статьи, более или менее затрагивающие внутреннюю жизнь воспитанника-читателя. Что же касается до повестей и романов, которыми изобиловал наш журнал в прошлом году, то они могут быть хорошо написаны и иметь свои достоинства,*

4. Сама повесть, к сожалению, не сохранилась.

5. Выпускники коллегии 1882 года.

но успеха в читающей публике они не имеют почти никакого: во-первых, читатель - воспитанник относится к ним весьма недоверчиво, во-вторых, как бы они ни были хороши, им в очень редком случае удается заинтересовать этого читателя-воспитанника, который читал, или, по крайней мере, слышал о Гончарове, Тургеневе, Гоголе и др. и, наверное, перечел всего Майн-Рида и Густава-Эмара; наконец, в третьих, самые эти повести и романы, нельзя не признаться, далеко не отличаются особенными достоинствами, при том они бывают иногда так длинны! Стихотворения же благодаря стараниям гг. Крайского, Д. и др., а также своей сравнительной краткости пользуются в нашем журнале заслуженным успехом. Итак, из «Слова» читаются только «ругательные статьи» и отчасти стихотворения, а так как они составляют сравнительно незначительную часть содержания нашего журнала, то журнал читается очень вяло. Но благомыслящая редакция жаждет поднять значение «Слова», сделать его интересным и, возможно, более распространенным. Желание благое – но как осуществить его?

При настоящем положении дел остается одно: отвести побольше места «ругательной литературе». Но это вряд ли было бы желательно кому бы то ни было, а благомыслящей редакции тем более. Таким образом, необходимо изменить «настоящее положение дел». К этому-то заключению и пришли редакторы на собрании 20 мая прошлого года. Они решили изменить программу журнала в настоящем году. Об этом изменении мне и предстоит теперь повести разговор.

В своем былом обзоре статей, составляющих внутреннее содержание «Слова» за прошлый год, я забыл упомянуть о рецензиях тех музыкально-литературных вечеров, которые были у нас в Коллегии. Эти рецензии, правда, читались довольно старательно, но были они за немногими исключениями, весьма и весьма неудовлетворительными; писались они большею частью на скорую руку, лишь бы написать что-нибудь, и, будучи весьма неполны и поверхностны, состояли преимущественно в самых восторженных ругательствах двух-трех исполнителей, которые особенно не понравились рецензенту; кроме того, бравшиеся писать рецензии литературно-музыкальных вечеров в большинстве случаев почти ничего не понимали в музыке и, говоря об исполнении музыкальных номеров, ограничивались общими фразами, не могущими иметь никакого значения, а между тем, музыкальная часть занимала довольно видное место на наших вечерах. Сознавая все это, редакция решила в этом году поручить рецензии лицам более или менее понимающим и могущим отнестись к своей задаче добросовестно.

Из сказанного мною ясно, что журнал наш в прошлом году по своему содержанию представлял мало интереса для читавших его коллегиатов и вообще мало удовлетворял тем целям, какие редакция имела или, по крайней мере, должна была иметь в виду. Об этих целях уже много было говорено и писано в самом журнале, так что я не стану здесь говорить о них. Упомяну только

об одной из них, именно о благом стремлении побуждать лучшие умственное силы коллегии к литераторству и тем просвещать и развивать более слабых в этом отношении. Главным образом, это относится к романам и повестям, т.е. к более серьезному и солидному, если можно так выразиться, роду литературы. Но, как видно из сказанного раньше, цель эта не достигается: божественные страницы этих литературных произведений быстро перелистываются рукой безжалостного читателя, который из 200-300 страниц нашего журнала читает лишь то, что хоть сколько-нибудь может его интересовать, как коллегиата; в качестве же лица более или менее образованного, культурного, ощущающего потребность читать, следить за жизнью, происходящей вне стен коллегии, жизнью, которая не может его не интересовать; в качестве человека, более или менее причастного этой жизни и заинтересованного ею, он предпочитает читать журналы в роде «Дела», «Вестника Европы», «Отечественных Записок» и др. Этих журналов наше «Слово» не может ему заменить: пора отказаться нашей редакции от такой льстивой, но несбыточной надежды! Но чуть дело касается до внутренней жизни коллегиата, которая имеет для него немалое значение, то внимание и интерес его весь к услугам редакции. Итак, чем больше «Слово» будет касаться этой жизни, тем вернее обеспечен его успех в будущем, тем больше будет его значение для нас, коллегиатов; и если сумеет стать на надлежащую почву и будет добросовестно и толково исполнять свою задачу, то из едва пробегаемого немногими меценатами-любителями коллегиатской словесности журнала обратится чуть не в настоящую потребность для каждого заинтересованного коллегиатской жизнью воспитанника (конечно, я не говорю здесь о тех, к счастью, немногих, которые считают себя выше этой жизни и принимают в ней только вынужденное обстоятельствами участие).

Итак, для достижения этого, всем желанного, успеха редакция решилась расширить возможно более или, лучше сказать, вновь создать в нашем «Слове» отдел того, что в «мире» называется публицистикой. Тотчас после этого решения многие сотрудники, а в их числе и я, грешный, сочувствовавшие и содействовавшие ему, обязательно приняли на себя ведение этого отдела.

Знаю, что между читателями найдутся такие (но свет не без добрых людей!), что прочтут это заявление с усмешкой, более или менее язвительною, и с такою же, по возможности, усмешкой спросят: «А интересно знать, какую такую публицистику заведет он в нашем журнале? Уж не будет ли он сообщать, что такого-то числа воспитанник М. подрался с воспитанником N. и что это очень нехорошо?» или же что-нибудь в этом роде: ведь у нас найдутся люди, у которых за язвительным вопросом и таковой же усмешкой дело не станет. Но в ответ на это я скажу им следующее: неужели же вы такого низкого мнения о себе и о своих товарищах, что всю свою внутреннюю жизнь исчерпываете дракой М. с N.; ведь как хотите, сумма коллегиа-

тов, волей или неволей соединенных в одно целое, есть общество и, притом, настолько замкнутое и отделенное от остального мира, что оно не могло не выработать себе более или менее своеобразной оригинальной внутренней жизни– с этим нельзя не согласиться! Итак, у нас общественная жизнь есть. И какова бы она ни была, но для того общества, которое ею живет, она не может не быть интересною. Но какова эта жизнь вообще и представляет ли она хотя маломальский интерес для постороннего наблюдателя, которых в нашей среде найдется, к несчастью, немало – это уже другой вопрос, на который я постараюсь также ответить.

Действительно, ограничься наша жизнь правилами, обязательно выработанными для нас министерством и нашим правлением, которые втиснули ее в довольно-таки тесную рамку, то она показалась бы «постороннему наблюдателю» бессодержательной и неинтересной и ему осталось бы ожидать с нетерпением субботы, чтобы пожить «настоящей» жизнью. Но, как вы сами знаете, мы рамкой не ограничились: мы почувствовали (конечно, не все) потребность в более полной, разнообразной жизни. С этой целью мы основали журнал; для этого же составили «Историко-литературное общество», учредили «Театральную комиссию», стараниями которой давались и будут даваться время от времени спектакли; кроме того, у нас существуют «Общественные кассы» и т.д. – все это проявления нашей же общественной жизни!

Наконец, у нас существуют так называемые коллективные движения, возникают даже общественные вопросы, являются желания сплотиться более или менее тесно и противопоставить Ивану Ивановичу сильное своим единодушием общество или что-нибудь вроде общества. Это ли не общественная жизнь?! Таким образом, наша жизнь, хотя и ограничена узкими стенами Коллегии, но не вяла и бесцветна, а разнообразна и деятельна, так что материала для статей в ней недостатка не может быть; а сумеем ли мы пользоваться им, как следует, – это уже вопрос, решить который предстоит исключительно читателям; но наше «Слово» должно стать органом нашей жизни!».

12 августа 1883 г. *С.Моравский.*

Уже отмечалось, что коллегия была закрытым учебным заведением. Ученики должны были неукоснительно соблюдать Устав, нарушения строго карались, вплоть до исключения. Проявления казенщины вызывали недовольство коллегиатов, и однажды, 26 сентября 1883 года, часть учащихся выступила с протестом, среди них был и Сергей Моравский. Поводом для недовольства коллегиатов стало запрещение их спектакля, но причиной – отношения внутри коллегии между «пастырями и пасомыми». В архиве сохранился черновик его заметки, ярко отражающей и атмосферу тех дней, и позицию автора:

«Самым выдающимся событием последнего времени была, бесспорно, «революция» 26-го сентября. События, окрашенные этим именем, без со-

мнения, известны каждому из коллегиатов, даже тем, которые с благородным негодованием отвернулись от участия в них. Но не об этом идет речь. Я хочу побеседовать с читателем о причинах этой «революции», о ее, так сказать, внутреннем содержании, идее и о том влиянии и впечатлении, которое она оставила после себя.

Повод её известен: это – запрещение спектакля, но причиной оно не могло быть: нам часто приходилось слышать от начальства кое-что и попечальнее, но революции это не вызывало. А между тем в этом событии выразилось столько недоверия, озлобления и даже некоторой ненависти к начальству, что приходится искать причины этой вспышки во взаимных отношениях между «пастырями» и «пасомыми». Что же это за отношения? Семейный характер их, снисходительность и ласковость со стороны воспитателей и доверчивость и любовь, соединенная с уважением со стороны воспитанников, их взаимная искренность, их трогательное согласие и замечательная близость – все это известно каждому в Киеве, известно не только лицам, имеющим сыновей или родственников в Коллегии, но и тем, которые знают о ней только понаслышке; слава об этих отношениях заходит и за пределы Киева, о них знают многие, знают и умиляются – мы только их не знаем, нас только, нас, неблагодарных животных, не трогают они.

«Неблагодарные животные» – вот, кажется, то слово, которое вполне формулирует отношения нашего начальства к нам, которое, так и слышится в устах его. Вспомните, какое недоумение, какое изумление изобразилось на лице директора, когда он явился невольным зрителем нашей «революции». Это, видимо, поразило его, что было видно и из его беседы с нами: «Из-за чего все это?.. Чего вам нужно?.. Разве вам может быть что-нибудь нужно?», – вот вопросы, которые застыли на его исказившемся от изумления и горести лице. Мне было жаль видеть его, так наше поведение поразило его.

До сих пор наше начальство было уверено, что благодаря их изумительной распорядительности и тонкому пониманию педагогического дела, мы имеем все, что только можно иметь, что все наши потребности удовлетворены и нам нечего желать: уверенность эта была настолько сильна в них, что даже революция не разубедила их в этом, но они приписали все проискам и старанию некоторых «зачинщиков», которых следует примерно наказать, попугать, или, как выражаются они, «предостеречь». И предостерегли: 11 троек и 8 четверок в поведении[6] *явились ближайшим результатом наших*

---

6. Отметка за поведение играла очень большую роль в судьбе воспитанников коллегии. «Воспитанник - стипендиат, получивший в поведении отметку «три» в течение двух четвертей за время пребывания своего в коллегии, или отметку «четыре» за три четверти в год, лишается стипендии. Воспитанник, получивший отметку «три» в течение 6 четвертей, должен оставить школу. Воспитанник IV класса не может иметь отметки по поведению ниже «четырех». («25-летие Коллегии Павла Галагана в Кие-

волнений; мы оказались мальчиками, наглупившими и наказанными! Прежние отношения, прежняя «семейность» с новой силой утвердилась у нас.

«Семейство»! Что за насмешка, едкая насмешка над нашей Коллегией, представляющей скопище насильно соединенных вместе людей, из которых добрая половина нос воротит от этого «семейства»!

Злостные нотации оплевывающего «Коса», грозный оклик прилегшего после пятичасового однообразного сидения на деревянных скамьях, на диване воспитанника, тщательное записывание в дневник всякого, забывшего про существование малейшего из наводняющих нашу жизнь правил и установлений, злорадство какого-нибудь Ермакова при виде стоящего с опущенными долу глазами воспитанника перед негодующим и свирепеющим директором, подслушивание дядек – вот элементы, придающие нашей жизни колорит семейности!

Какое подлое стремление возбудить в нас любовь к изучению каких-нибудь греческих стихов, какое гнусное залезание в душу нашу, желание руководить не только нашими поступками и словами, но и помыслами, велениями, стремлениями, овладеть всем нашим существом, чтобы мять его по всем правилам педагогики, втиснуть в одобренные министерством народного просвещения и святейшим синодом рамки!

Что за ложь, фальшь в этих «искренних», основанных на полнейшем обоюдном доверии отношениях!.. И после этого, отнявши у нас семью, свободу и общество, смеют уверять нас, что настоящее положение дел не оставляет нам желать ничего лучшего?..

А между тем, среди нас есть такие люди, которые вполне довольны настоящим порядком вещей, которые даже осмеливаются упрекать недовольных им, которые, называя их «неблагодарными», поют в одну дудку с начальством и на всякое действие его готовы кричать «рады стараться» и урррa!!

Не желаю навязывать своего мнения об этих господах читателям: пусть каждый дает им достойное название сообразно своему убеждению, но возвращусь опять к нашим злополучным «отношениям».

Ну, можно ли серьезно утверждать, что отношения к нам Яреша носят отпечаток семейности, что Ермаков чувствует к нам родственную привязанность, можно ли верить теплоте и искренности отношений Трегубова, можно ли видеть в Гордиевиче[7] *отца семейства? Читатель, я вижу улыбку на твоем лице. О, дайте мне юмор Гоголя и Диккенса, чтобы достойно изобразить семейность нашей жизни! К несчастью, мне приходится впол-*

ве», стр. 140. Ред. А.И. Степович, Киев, 1896).

7. Ф.Л.Яреш и О.И.Гордиевич – воспитатели и преподаватели древних языков; П.П. Ермаков – воспитатель и преподаватель математики; Е.К.Трегубов – воспитатель и преподаватель истории.

не согласиться с вами в том, что у меня его нет ни капли: вдумываясь серьезно в нашу жизнь в стенах Коллегии, я не могу подавить в себе жёлчи и озлобления, которые овладевают мной при мысли о страстном желании начальства уверить нас в полнейшем блаженстве нашего существования в Коллегии. Досадно, что немногие вполне понимают язвы нашей внутренней жизни; еще досаднее, что многие совсем сторонятся от нее. Но что будешь делать: жалобы на это – глас вопиющего в пустыне и ими не поможешь делу; поэтому оставим их и обратимся опять к революции, которая составляет предмет настоящей статьи. Мне пришла в голову довольно странная, на первый взгляд мысль, которую да простят мне читатели; мысль эта – сравнить нашу «революцию» с Куликовской битвой; сравнение это я основываю на сходстве результатов: из истории знаете вы, что Куликовская битва, несмотря на победу над татарами, не повлекла еще за собою освобождения от их ига, но она подняла дух русских, пробудила их национальное самосознание; в нашей же революции, хотя не было даже и победы, наоборот, многие из наших Дмитриев Донских были поражены уменьшением отметки за поведение, но, тем не менее, наш дух, несомненно, поднялся, мы стали бодрее, мы увидели, что начальство есть еще не бог весть какая штука, что перед ним и в масках поскакать можно и язык показать.

Таковы следствия нашего Куликовского поражения. Что же касается до дальнейшей нашей судьбы, то надеюсь, что многие с удовольствием вручат ее в руки правления, будучи уверены в его педагогической опытности.

Подождем, что нам объявят относительно театра: авось тогда интересы некоторых будут ближе затронуты; тогда и мы снова поделимся с читателем своими впечатлениями, а пока замолчим и будем ждать.

18 (26) / IX 83 г.
С. Моравский».

Спустя год, 26 сентября 1884 года, когда коллегиаты отмечали годовщину «революции 26 сентября», Сергей Моравский произнес следующую речь:

«Господа! Событие 26-го сентября, годовщину которого мы празднуем сегодня, принадлежит к отраднейшим явлениям нашей тусклой, беспросветной коллегиатской жизни. Отрадно оно не по своим успехам, которые были далеко не блистательными, не по тем результатам, которые оно принесло, и которые для многих были даже весьма печальны, но по самому существу своему. Отрадно было то, что в этот день впервые коллегиаты ясно и определенно сознали неудовлетворительность той внутренней жизни, которую им предлагало начальство, жизни, до последней мелочи регламентированной школьными правилами и постановлениями. Сладости подобной жизни мы и теперь еще испытываем, но мы к ней все-таки привыкли; мы, так сказать, пришли в некоторое соответствие с ней, приспособились уже;

но вообразите себе какого-нибудь постороннего, трезвого и беспристрастного наблюдателя, невидимкой прокравшегося в нашу «семью», как ее называет начальство: что вынесет он из подобного наблюдения, хотя бы пробыв с нами один только день; какой чад пойдет у него после этого в голове, сколько пошлости, гадости и мерзости увидит он у нас на каждом шагу, в каждом слове, в каждом движении?

Сколько раз придется ему задавать себе вопрос: неужели тут живут люди, нормальные, здоровые люди? Неужели это чуть не лучшее в России закрытое заведение? Каковы же худшие?

Но ведь он наблюдает невидимкой, все это остается в стороне от него, не затрагивает его самого: что же, если ему самому придется завязнуть в этом болоте, на самом себе заметить следы его грязи и тины? Что же, если он сам увидит себя зараженным всей этой мерзостью и пошлостью, и если при этом ему не останется другого исхода, как терпеливо, стиснувши зубы и заглушивши тяжелый, назойливый внутренний голос сознания ждать истечения положенного срока, считать часы и минуты до своего освобождения, как узник считает мгновения до выхода своего из опротивевшей темницы?

Впрочем, во всякой луже, самой грязной и вонючей, всегда найдутся поросята, которые будут в ней блаженствовать и наслаждаться; и у нас, господа, есть немало таких, которые при одном только воспоминании о 26-м сентября снисходительно и даже подчас ехидно усмехаются! И у нас есть такие, которые вполне довольны своим положением и ничего лучшего себе не желают.

Но, к счастью, не все коллегиаты оказались такими; нашлись и среди нас лучшие люди, которые сознали пошлость и убогость коллегиатской жизни, которые убедились, что, втискивая свою жизнь в предложенные начальством рамки, они только уродуют её; которые употребили все свои силы и усилия, чтобы осмыслить и облагородить ее, а главное, обратили внимание на то, чтобы куче воспитанников, представлявших до сих пор начальственно собранное стадо, дать вид более соответствующего человеческому достоинству общества. И вот у нас явились еженедельные любительские спектакли, с более или менее высокой, хотя и не достигнутой целью; явилось историко-литературное общество; возобновлен и оживлен прозябавший до тех пор коллегиатский журнал «Слово». Но первые два учреждения попали в руки начальства, которое, как классическая Гарпия, загадило все, к чему только ни прикасалось: спектакли окончательно заглохли, а общество принуждено принять вид обязательных религиозно-нравственных бесед с педагогическою целью. Нам оставили один только журнал и то, кто знает, надолго ли? Но, что не удалось начальству, то докончила созданная им же затхлая и смрадная атмосфера коллегиатская: журнал наш хиреет, день за днем чахнет, а очень может быть в скором времени совсем сгинет.

Но неужели, господа, среди вас не найдутся достаточно развитые и честные люди, которые захотели бы и сумели бы поддержать такое хорошее, но падающее дело? Неужели коллегия осуждена снова впасть в свой прежний беспросветный и непробудный сон? Неужели блаженствующие и самоуслаждающиеся поросята одержат верх над честными и добрыми стремлениями?

Нет; не хочется этому верить; это было бы слишком низко и обидно для нас; досадно и горько было бы убедиться в собственном бессилии и несостоятельности; больно было бы расстаться даже с надеждой на возможность лучшего, хотя бы и отдаленного будущего!

Итак, пью, господа, прежде всего, конечно, за 26-е сентября 1883 года и за участников в этом событии, а затем за «Слово», за «Историко-литературное общество», и, наконец, за наших преемников, за продолжателей честного и благородного дела осмысливания и очеловечивания коллегиатской жизни, оздоровления коллегиатских болот!».

В 1886 году уже бывшие коллегиаты, теперь студенты-историки, собрались вместе, чтобы отметить третью годовщину «протеста». Сергей вновь произнес речь, подчеркивая, что хотя «этот протест облекся в ребяческую форму», но «мы почувствовали в себе «душу живу»... «Мы, историки, должны уметь отделять идею, принцип от случайной оболочки факта...».

Выступление представляет определенный интерес, поэтому привожу его полностью:

«Господа, кому из вас не приходилось слушать, как старички, сидя за бутылкой, перебирают свои юношеские воспоминания. Сколько поэзии в этом старческом хламе, сколько жизни в этих покрытых плесенью, обросших от времени мохом событиях, случаях и историях! Но мне всегда становится как-то особенно грустно при этом, какая-то укоризна звучит в этих молодых речах людей, которые уже прожили свою жизнь. Невольно напрашивается на сравнение наша молодость, наша беспросветная, мертвенная молодость с ее хандрой и апатией, с ее позорной безжизненностью.

Пусть каждый из нас, положа руку на сердце, скажет: много ли у него воспоминаний из этой только что пережитой поры, много ли событий, напоминание о которых заставит сильнее биться его сердце, быстрее течь его кровь в жилах? Четыре года провели мы в коллегии, четыре года, которые люди обыкновенно называют лучшей порой своей жизни и о которых вспоминают с особенным удовольствием, и что же? Единственный светлый, хороший момент - это 26 сентября 1883 года. И этот день стоит того, чтобы мы хоть раз в год помянули его добрым словом, хоть раз в год пережили те хорошие, живые чувства, которые волновали нас три года тому назад. Да, господа, этот день был одним из немногих дней в нашей

жизни, когда мы почувствовали в себе «душу живу», когда эта душа, старательно вытравливаемая и школой, и жизнью, вдруг подняла свой голос, возвысила его до открытого протеста всему тому, чему она до сих пор безропотно подчинялась. Правда, этот протест облёкся в ребяческую форму, и некоторым, пожалуй, смешно, что мы придаем этой «ребяческой выходке» (как они ее называют) такое значение, что мы празднуем ее годовщину. Но пусть смеются те, которые насчитывают в своей жизни ряд блестящих подвигов среди какой-нибудь величественной обстановки, пусть презрительно усмехается богач, швыряющий тысячами, нам же дорог и наш щербатый грош. Тем хуже для нас и для нашего времени, если в нашей жизни живые, светлые минуты, честные, энергические порывы выпадают так редко и в таком миниатюрном количестве, но тем более мы должны дорожить ими и свято чтить память о них. Мы, историки, должен уметь отделять идею, принцип, от случайной оболочки факта, в которой он проявляется, и мы должны одинаково отнестись к великой идее свободы, протестующей против всякого насилия, какая бы мизерная обстановка не сопровождала её. В самом деле, вам смешно, как могут люди придавать такое значение мальчишескому плясанию перед «Косом», требованиям изгнания битков на завтрак и пр. и пр. Но поставьте перед нами Самого вместо «Коса», и мы попадем в историю, раздвиньте пределы коллегии от Белого до Черного морей и от Вислы до Урала, - и нам, смешным мальчишкам, будет, пожалуй, рукоплескать Европа. Не спорю, меня могут упрекнуть в некотором идеализме, в излишней восторженности, но нам ли, благоразумным и рассудительным юношам, бояться восторженности, нам ли, благонравным «мальчикам в штанах», страшиться упрека в идеализме?! ...

Я хочу обратить ваше внимание еще на одну черту настоящего празднества. Мы едва вступили в жизнь, но уже и теперь дает она чувствовать нам свое разъединяющее влияние. Пройдет еще несколько лет, и она, быть может, разбросает нас своей могучей рукой по разным концам света, поставит между нами те бесчисленные перегородки, которых, к несчастью, еще слишком много осталось до сих пор. Но где бы мы ни были, и кто бы мы ни были, мы будем свято чтить память 26 сентября и будем гордиться тем, что нас соединяют в одно не интересы желудка, не общие аппетиты, а общее, одинаково дорогое всем воспоминание о когда-то бывшем хорошем, честном порыве.

Итак, пью за 26 сентября, пью за вас, господа, и дай Бог, чтобы память об этом событии как можно дольше волновала нас, дай Бог, чтобы мы когда-нибудь от малого перешли к большему, и в этом большем проявили такую же честную молодую энергию, такую же, ничем не сокрушимую силу жизни, какая прорвалась в нас в этот день 3 года тому назад. Пусть нас ждет на другой день расправа, как тогда, но пусть эта расправа не устрашает нас! Пью за 26 сентября!».

Многие воспитанники коллегии, покинув её стены, где бы они ни жили и трудились, продолжали поддерживать дружеские отношения между собой. В архиве Сергея Павловича сохранилось немало писем товарищей, приведу выдержки лишь из одного письма, характеризующего эти отношения:

«Андрей Макаренко[8] *- С.П.Моравскому.*

14 и 20 января 1892 г. Нижний Новгород.

Милостивый государь Сергей Павлович.

Весьма Вам благодарен за сообщение, в особенности относительно предполагаемого юбилея Коллегии П. Галагана. Я весьма охотно буду участвовать в чествовании памяти Григория Павловича[9] *и в приветственной телеграмме.*

... Я присоединяюсь к проекту об основании стипендии (или, если окажется возможным, то и нескольких стипендий) имени Григория Павловича Галагана в Киевском университете для окончивших курс Коллегии.

Уважающий Вас А.Макаренко».

Среди педагогов коллегии были прекрасные чуткие наставники, оставившие светлое воспоминание в душах учеников, и один из них – преподаватель русского языка и словесности П.И. Житецкий, служивший в коллегии почти 20 лет.

В архиве сохранился текст письма, написанного рукою Сергея Павловича от имени бывших коллегиатов П.И. Житецкому, который был уже стар и болен. Теплое, хорошее письмо - вот его текст:

«Глубокоуважаемый Павел Игнатьевич!

Весть о Вашей болезни глубоко опечалила всех нас, Ваших учеников. С тяжелым чувством узнавали мы и передавали друг другу слухи об угнетенном состоянии Вашего духа, неизбежно вызываемом болезнью и вынужденным бездействием в человеке, который, как Вы, привык жить, работая неустанно и энергично на пользу общую, в постоянном общении с людьми. Это подало нам мысль напомнить Вам о своем существовании и о той нравственной связи, которая навсегда сохраняется между нами и нашим дорогим учителем. Быть может, это напоминание хоть сколько-нибудь скрасит Вам тяжелые минуты болезни и поможет с бодростью и спокойствием дождаться полного выздоровления, которое, мы надеемся, не заставит себя долго ждать. Если это так, то знайте, дорогой Павел Игнатьевич, что все мы – Ваши многочисленные ученики, рассеянные по всей России, по-прежнему горячо любим Вас, высоко ценим в Вас честного, бескорыстного и самоотверженного деятеля и по-прежнему храним благодарную память

8. А.Макаренко окончил коллегию в 1877 году (стипендиат).

9. Г.П. Галаган – основатель коллегии.

о Вас как о своем учителе. От всей души желаем Вам доброго здоровья на многие-многие годы. Мы верим и надеемся, что теперешняя болезнь Ваша пройдет бесследно и что, оправившись от неё, Вы с прежней энергией и силой приметесь за тяжелый, но благодарный труд служения всем нам, дорогой родине.

Глубоко уважающие и искренне преданные Вам ученики».

В архиве С.П. Моравского сохранилась книга П.И. Житецкого «Описание пересопницкой рукописи XIV в. с приложением» (Киев, 1876). Эту книгу автор подарил ученику, когда тот окончил коллегию и собирался ехать в Москву для поступления в университет. На книге дарственная надпись: «Сергею Павловичу Моравскому на память 31 мая 1885 г. П. Житецкий».

Москва (1885 – 1907)

Годы университетской молодости

В 1885 году С.П. Моравский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь он много и серьезно занимался в семинарии профессора П.Г. Виноградова, разрабатывая ряд тем по источникам (Гомеру, Геродоту, Фукидиду, Тациту и Цезарю), а также в семинарии профессора В.И. Герье.

В студенческие годы С.П. Моравским были написаны научные работы о политическом и социальном строе кельтов во времена Цезаря; о Карле V, императоре германском, и работа «Крестьянские наказы Парижского округа депутатам Генеральных штатов 1789 г.».

У этих семинарских работ сложная судьба. Как писал сам отец в автобиографии (1934 г.), они не были опубликованы, так как пропали в архиве Московского Учебного округа, куда были представлены взамен кандидатского сочинения для получения диплома 1-ой степени. Но несколько лет тому назад, когда я занималась архивом Сергея Павловича и сборником его памяти, историк Юрий Федорович Иванов сообщил мне, что в Центральном Историческом Архиве г. Москвы в картотеке дипломных работ студентов Московского Университета он видел фамилию Моравского. Я немедленно пошла в этот архив и убедилась, что работы отца, которые в свое время основательно затерялись, при формировании новых архивов, к счастью, обнаружились.

Все студенческие работы, написанные С.П. Моравским, были отмечены и профессорами, и студентами как выделявшиеся из ряда других.

Профессор Н.Г. Тарасов в своем отзыве о моем отце, которого он знал с 1885 года, писал: «В Московском университете студентом он выдвинулся, как ученый, владеющий солидным запасом знаний, и как широкий и глубокий исследователь»[10].

С.П. Моравский стал одним из самых близких и любимых учеников П.Г. Виноградова. По окончании Московского университета в 1890 году он был оставлен П.Г. Виноградовым и В.И. Герье при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории.

В течение нескольких лет С.П. Моравский продолжал работать под руководством П.Г. Виноградова, участвовал в организованном им кружке молодых ученых - историков, юристов, экономистов, философов. Виноградов старался преподать своим ученикам умение самостоятельно обращаться с источниками и применять к ним приемы научной критики. В исследованиях кружковцев главное внимание обращалось на изучение социально-экономических

---

10. Личный архив С.П. Моравского. Ф №1830 РАН. Отзыв Н. Тарасова от 18.05.1934 г.

явлений и процессов. П.Г. Виноградов считал С.П.Моравского одним из наиболее активных членов этого кружка (вместе с А.А. Кизеветтером, М.К. Любовским, А.А. Мануйловым, П.Н. Милюковым, Д.М. Петрушевским, С.Н. Трубецким и др.)[11].

В начале 1890-х гг. появляется первая печатная научная работа С.П. Моравского – «Федор Лисовский (1709-1722): очерк из внутренней истории Малороссии в 1-й половине XVIII столетия»[12]. Эта монография написана на основании исследования неизданных документов бывшей Малороссийской Коллегии, хранившихся в архиве Министерства иностранных дел. В работе показан чрезвычайно интересный процесс образования на Украине помещичьего класса из казацкой старшины.

Немало сделал в этот период Сергей Павлович и для нужд педагогики, издав несколько собственных и переводных работ по всеобщей истории, а также весьма ценные пособия для изучения истории в средней школе.

Для С.П. Моравского всегда была характерна высокая принципиальность, не допускавшая даже незначительных компромиссов. Об этом свидетельствует, в частности, его признание об отношении к известному историку В.О. Ключевскому: «...я очень уважаю его как крупного и талантливого ученого, как выдающегося профессора, могущего создать свою школу, но я не могу разделять многие его взгляды и тенденции. Особенно противны мне некоторые его отношения, которые делают его моим принципиальным врагом, именно его враждебное отношение не только к современному общественному движению в Малороссии, но и вообще к ее прошлому, ее истории и даже историографии, т.е. к деятелям южнорусской исторической науки. А быть учеником человека, основных взглядов которого не можешь разделять, – очень тяжело».

О характере, душевных устремлениях, жизненных и научных принципах молодого ученого можно узнать из его сохранившихся писем. Одно из них адресовано в 1885 году подруге его юности С.А. Менгден, а второе написано два года спустя будущей жене О.П. Шеленковой.

Сергей Павлович Моравский - Софье Александровне Менгден

Мой дорогой друг!

Своим письмом вы поставили меня в очень затруднительное положение: я считаю своим долгом помочь вам чем бы то ни было, хотя бы советом, и в то же время чувствую, что вряд ли из моего совета что-нибудь может выйти. Вы пишете, что с каждым днем все более и более чувствуете бесполезность своих занятий, что начинаете вполне сознавать свое бессилье и не-

11. Императорская Академия наук, 1889-1914, т. . III. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук, часть II, Петроград» 1917, с. 296.

12. Киевская старина. 1891, №9, с.427-454; №10, с. 22-57.

пригодность к чему бы то ни было, к какой бы то ни было полезной деятельности, одним словом, доходите чуть ли не до полнейшего самоуничижения и отчаянья в самой себе и своих силах. Боже меня сохрани упрекать вас за подобные мрачные мысли, за это недоверие к себе, за эту доведенную до крайности добросовестность и щепетильность в отношениях к своей особе: нет ничего противнее человека, всегда довольного «собой, своим обедом и женой», нет ничего отвратительнее филистера, вечно самоуслаждающегося и самопоклоняющегося. Но надо же знать меру, надо уметь остановиться там, где кончается добросовестное, честное отношение к самому себе и своим нравственным силам и начинается тупое, мрачное отчаяние, связывающее человека по рукам и ногам, лишающее его возможности не только делать что-нибудь полезное и доброе, но и вообще что-нибудь делать. Вы задаетесь вопросами, зачем вы живете, зачем занимаете место на белом свете, что за цель может быть у вашей жизни, кому и на что она пригодна и т.д. Не трудитесь отвечать на эти и им подобные вопросы: вы родились и этим уже достаточно оправдываете ваше существование, - в других оправданиях оно не нуждается; а раз вы живете, вы <u>должны</u>, вы <u>обязаны</u> жить как можно лучше, стремиться к возможно более полному счастью - иначе вы насилуете свою природу, вы совершаете один из самых тяжких грехов. Теперь весь вопрос в том, что значит устроить свою жизнь как можно лучше, что значит стремиться к счастью <u>для самого себя</u>? Есть люди, которые готовы вырвать кусок хлеба у нищего, чтобы прибавить лишнее блюдо к своему обильному обеду, - и они довольны этим блюдом, они счастливы сознанием полной удовлетворенности всех своих аппетитов; а есть и такие, которым кусок не лезет в горло, когда рядом сидит голодный, - и они делятся с ним этим куском и опять-таки счастливы сознанием удовлетворенности своих нравственных потребностей и побуждений. Первые возбуждают отвращение, ко вторым относятся с глубоким уважением. Итак, все дело в том, чтобы уметь быть счастливым счастьем других, чтобы стать на ту нравственную высоту, когда жить для других, делать им добро и приносить пользу - становится потребностью, при неудовлетворении которой является невозможным не только счастье, но и простое чувство удовлетворенности, сознание довольства собой и своей жизнью. Я не хочу говорить вам комплиментов, Соня, но, право, с моей стороны это будет лишь искренним и добросовестным признанием факта, что вы именно стоите на этой высоте, что я не знаю человека, который больше вас был бы способен на жертву собой и своими интересами для счастья ближнего! Но куда направить эти честные и благородные порывы, где найти поприще, на котором вы могли бы применить ваши силы, где бы ваши усилья не пропали даром, без всякой пользы? В этом-то и состоит все затруднение, и мне, право, совестно, что я не могу дать вам почти никакого удобоприменимого, практического

совета; совестно тем более, что вы обращаетесь ко мне с таким доверием, с надеждой действительно получить от меня помощь и добрый совет... Вы женщина, и поэтому для вас общественная деятельность, у нас, по крайней мере, недоступна; область науки и искусства требуют специальных способностей и притом же опять-таки для женщины не могут представить в одно и то же время и удовлетворения нравственной потребности, и жажды полезной деятельности, и возможности кормиться собственным трудом. Вам остается сравнительно узкая сфера семейной жизни, жизни частной, содержание которой исчерпывается отношениями к отдельным, частным личностям, среди которых вам придется жить, с которыми вам придется сталкиваться; а в то же время учительство или другая какая-нибудь деятельность в этом роде дадут вам и честно заработанный кусок хлеба, и неоцененное сознание, которого ни за какие деньги не купишь, что все, что вы ни получаете от жизни, окупается собственным вашим трудом, что никакой голос самой тонко развитой и щепетильной совести не обзовет вас дармоедом. Честолюбие ваше, быть может, не будет удовлетворено, но у вас будет спокойная, чистая совесть, будет сознание полнейшего, неоспоримого права на жизнь и ее блага, и на уважение людей. В утешение могу Вам сказать, что честный, хороший человек везде на своем месте, и никогда никто не решится упрекнуть его в бесполезности, как бы мелко и незначительно ни было поприще его деятельности.

Однако я вижу, что мои рассуждения становятся бесконечными, нисколько не выигрывая от этого в занимательности, а поэтому кончаю свое длиннейшее и, быть может, скучнейшее, письмо.

Остаюсь вашим неизменным другом С. Моравский.

Сергей Павлович Моравский - Ольге Павловне Шеленковой

Москва, 18 (23) / X 87 г.

...Жизнь давала и дает мне немало примеров того, что я не должен делать, каким я не должен быть, чего должен избегать, бояться и т.д. Но среди массы подобных фактов самым поучительным являются В; смотря на них, я постоянно повторяю себе: «Вот Сцилла и Харибда (в противовес В. у меня есть картинки совершенно противоположного характера), которых нужно во что бы то ни стало избежать; лучше совсем потонуть, чем пристать к такому скверному берегу». И странно, ведь до замужества М.В. была очень симпатичной, развитой хорошей девушкой, и С.И. тоже, кажется, нравился и казался вполне порядочным человеком, а между тем теперь атмосфера, которая окружает этих людей, которой они живут и дышат, кажется мне чем-то до невозможности противным, гадким, душным: это буржуйство в самом скверном смысле этого слова, какое-то самодовольное невежество, филистерство, торжествующее свинство,*

нравственная скудость и убожество, лицемерно прикрывающиеся громкой фразой, с которой давно уже слезла позолота и которая в этих устах жалка, как лохмотьями висящее на теле нищего когда-то пышное и дорогое платье... Ну, да черт с ними, я совсем не о В. хотел написать тебе сегодня, хотя, признаюсь, это довольно любопытный сюжет. Последние дни для меня были богаты событиями. В среду я получил твое письмо, а накануне был у Виноградова и имел с ним очень любопытный разговор: он говорил о моих занятиях, о том, что я намерен делать в будущем, и, между прочим, сообщил, что оставит меня с большим удовольствием при университете, если только я захочу посвятить себя всеобщей истории. Такое открытое заявление было для меня довольно неожиданно и, правду сказать, поставило меня в тупик: когда я поступил в университет, у меня был план, от которого я и до сих пор не хотел отказываться. Я хотел за четыре года пребывания в университете основательно заняться всеобщей историей, познакомиться с жизнью и развитием западно-европейских народов, с различными историческими явлениями и процессами вообще, пройти возможно лучшую школу, чтобы овладеть вполне научным методом, и затем уже, вооружившись таким общим образованием, приступить к специальному изучению русской истории. В этом я видел свой долг, долг развитого русского интеллигента, не обделенного природой и избравшего для своей деятельности науку, историю. У меня есть силы, и я должен посвятить их своей стране, как бы малы и ничтожны они ни были. Я твердо верил (и теперь верю), что русское общество более всего нуждается не только в отчетливом знании и понимании своего прошлого, в самосознании в самом широком и лучшем смысле этого замечательно хорошего слова, но и в общем политическом и общественном развитии, в том особом просвещении, которого могут быть сплошь и рядом чужды люди умственно очень развитые, и которое делает невозможными целый ряд безобразных и возмутительных явлений, повторяющихся у нас на каждом шагу; я уже не говорю о позорном индифферентизме, составляющем у нас самое крупное и как бы неизлечимое общественное зло, – он исчезнет сам собой, когда исчезнут причины, его производящие; но как часто мы видим хороших людей, являющихся носителями и даже проповедниками самых возмутительных идей, порядочных – творящих безобразия в качестве общественных деятелей, умных, не умеющих отличить белого от черного в области политических и социальных явлений! Общество есть единственная политическая сила, стихийная и несокрушимая, грозная сила, которая сама делает историю, это аксиома, а между тем, что такое русское общество, как не орда холопов, падающих на брюхо при всяком грозном оклике, откуда бы он ни шел! Я вспомнил при этом одну поучительную историю, которую, кажется, когда-то рассказывал тебе, историю про старушку-богомолку, которая ехала со мной; когда поезд подъехал к станции, она собралась вый-

ти и хотела протолкаться в двери вагона, но тут кто-то прикрикнул на нее, чтобы не толкалась со своими узлами, – она и села, да так и просидела, пока поезд тронулся; а потом оказалось, что ей на этой станции надо было выходить. Вот эту-то тьму, в которой люди лишаются возможности отличить добро от зла, право от насилия, и может, и должна рассеять наука. Пусть зло делают только злые, и все знают, что это зло, пусть мерзавцами будут только мерзавцы, а дураками – дураки; кажется, просто, а между тем это pia desiderata, осуществление которых еще очень далеко, тем более, что жизнь наша дает нам совсем не соответствующее воспитание, и вот то, чего не может нам дать жизнь, должна дать наука, через посредство своих честных, гуманных и просвещенных деятелей.

Таков мой план, мои мечты, с которыми я, вероятно, никогда не расстанусь, хотя бы мне и не пришлось их осуществить.

Женитьба. Первые годы службы

По общему признанию, благодаря большим способностям и трудолюбию С.П. Моравского ждала блестящая карьера и обеспеченное существование, но обстоятельства его личной жизни сложились так, что заняться только подготовкой к профессорскому званию и всецело посвятить себя научным исследованиям возможности не было.

В 1889 году, еще до окончания университета, Сергей Павлович женился, его избранницей стала Ольга Павловна Шеленкова. Отмечу сразу, что отец был женат дважды: его первая жена умерла в 1911 году, и через восемь лет после ее смерти он женился вторично. Со второй женой Евлампией Ивановной он прожил до самой своей кончины (с 1919 по 1942 год).

В феврале 1891 года в семье Моравских родился сын Владимир. Чтобы содержать семью, Сергей Павлович был вынужден учительствовать, ему приходилось набирать все больше и больше уроков. Сергей Павлович преподавал историю в мужской Медведниковской гимназии, в женской Алферовской гимназии и ряде других. Преподавание отнимало у него много сил и времени, отвлекало от научной работы и мешало подготовке к экзамену.

Чтобы представить, в каком положении находился тогда Сергей Павлович, привожу выдержку из довольно эмоционального письма, адресованного ему Серафимой Гавриловной, сестрой профессора П.Г.Виноградова: «Вчера был у нас Дмитрий Моисеевич[13], очень много говорили наши о Вас. Слушая их горячие споры, я радовалась и горевала за Вас, радовалась, потому что лишний раз убеждалась, как сердечно к Вам относятся многие лица, печалилась, вникая в Вашу теперешнюю жизнь - разве можно так существовать? Разве можно так

13. Дмитрий Моисеевич Петрушевский

работать? Вы отдаете урокам время, здоровье, силы, словом - все! О будущем Вы не думаете! Ему - Вы ничего не оставляете!... Жить одним настоящим - нельзя! Да разве Вы живете? Физически и нравственно Вы разбиты, обратились в какую-то преподающую машину…».

Хочется привести и собственные признания молодого ученого из его письма к жене, Ольге Павловне (судя по тексту, это приблизительно 1892 год): «На днях был у меня Пашка[14], вытащил в Нескучный сад. Мы с ним провели часа четыре, и он был в высшей степени мил. Настаивает, чтобы я начал экзамен весной, уверяет, что он во мне нисколько не разочаровывался, смотрит на мой экзамен как на пустую формальность, потому что знает меня и уверен во мне, что этот взгляд разделяет и Герье и даже Корелин (Герье действительно все время относился ко мне в высшей степени хорошо и сердечно, даже вычеркнул мне два билета из программы). Одним словом, меня хотят во что бы то ни стало вытянуть за уши. И благодарен я им за это, и в то же время мне так грустно, обидно за себя! Хотя бы один год я мог всецело посвятить приготовлению к экзамену, и я тогда выбрался бы, наконец, из этого положения! А между тем жизнь все более и более забирает меня в свои тиски…».

Материальные «тиски» никогда по сути не отпускали семью Моравских. Особенно нелегко стало на переломе веков и в первые годы нового столетия. У сына Володи в семилетнем возрасте открылся туберкулез в очень тяжелой форме. Ценою больших усилий жизнь мальчику удалось сохранить, но болезнь не была побеждена, и в последующие годы она время от времени обострялась (Володя от туберкулеза умер в 37 лет).

Материальные затруднения семьи Сергея Павловича усугубились и тем, что умер отец жены, тяжело заболела ее мать. Ольга Павловна, будучи старшей дочерью, должна была помогать младшим братьям и сестрам. А как я уже упоминала, единственным источником существования семьи была служба Сергея Павловича: преподавание истории в ряде московских гимназий. Чтобы как-то сводить концы с концами, он вынужден был набирать все больше и больше уроков, ездить на них часто приходилось через всю Москву (из одного конца в другой), о чем можно прочитать в его письмах к жене.

Некоторое представление о числе уроков, которое он проводил, мы можем получить из его письма к Д.М. Петрушевскому от 18(30) августа 1898 года. Отец пишет, что в 1897 году у него было в неделю «30 уроков в 7 местах», а теперь (т. е. в 1898 г.): 22 в 3-х местах. И об этом он сообщает, как о большом облегчении. Дмитрий Моисеевич отвечает другу: «Признаться меня несколько расхолодила цифра уроков, которые Вы все-таки нашли необходимым оставить и в этом году... цифра их у Вас в письме стоит немаленькая...».

В архиве я нашла листок, на котором длинный перечень, кому и сколько

14. Так дружески, по школьной привычке, между собой называли профессора Павла Гавриловича Виноградова его ученики.

должен Сергей Павлович, какую часть долга отдал в 1898/9 году, и сколько перешло на следующий год. Подобные страницы часто попадаются и в записных книжках Моравского. В очень многих письмах Ольги Павловны встречаются просьбы к Сергею Павловичу не забыть перезаложить ту или иную вещь (кольцо, шапку – свою, его и т. п.), напоминания о приближении сроков и подсказки, где лежит та или иная квитанция.

Но материальные трудности никогда не заслоняли для него главного – необходимости высокого служения людям. Именно в этот период С.П. Моравский постепенно пришел к мысли, что работа кабинетного ученого не сможет вполне удовлетворить его. Выросший в семье, где долг и смысл жизни видели в деятельной любви к родине, он понимал важность общественной деятельности и необходимость борьбы за реальное воплощение в жизнь идеи народного просвещения. Поэтому научно-исследовательскую работу в области исторической науки он старался сочетать с преподавательской и общественной деятельностью.

Обладая педагогическим талантом, добрым и чутким характером, глубоким и тонким умом, Сергей Павлович уже в молодые годы стал педагогом-новатором. Многие из методов преподавания, которые разрабатывал С.П. Моравский, и в настоящее время сохраняют свою актуальность. На уроках истории он широко применял наглядные пособия, всемерно стремился пробудить и развить в учениках творческую инициативу и научное мышление. Сейчас этот прогрессивный метод преподавания получил всеобщее признание, а тогда за него надо было бороться.

Став преподавателем средней школы, С.П. Моравский скоро выделился в кругу своих коллег. «Его строго научная подготовка, не прекращавшаяся научная работа и блестящие научные и педагогические дарования очень скоро выдвинули его в первые ряды преподавателей истории в московских школах и создали ему весьма авторитетное положение в педагогическом мире», - так характеризовал отца его друг академик-историк Д.М. Петрушевский.

Одной из основных черт характера Сергея Павловича была доброжелательность, чуткое отношение к людям, готовность помочь. Поэтому, будучи преподавателем, он всегда помогал другим найти работу. А тем, кто хотел поступить учиться, оказывал всяческое содействие. Особенно много добра в этом плане сделал он, когда был директором гимназии в г. Ростове Ярославской губернии. Более подробно об этом будет сказано в разделе, посвященном ростовскому периоду жизни С.П. Моравского.

Общественная и просветительская деятельность

В последнее десятилетие XIX - начале XX столетия С.П.Моравский развернул чрезвычайно плодотворную и многогранную общественную деятельность.

Несомненный интерес представляет перечень комиссий, обществ и общественных организаций председателем, активным участником, организатором и вдохновителем которых был Сергей Павлович Моравский.

С 1900 по I904 год он руководил в качестве председателя работой Исторического отделения Педагогического общества при Московском университете.

С 1904 по 1910 год С.П. Моравский – попечитель Самотецкого 2-го мужского городского начального училища и член попечительного Совета Высших городских училищ.

С 1900 по I907 год был председателем «Учебного отдела общества распространения технических знаний» (ОРТЗ), участвовал в работе целого ряда комиссий Учебного отдела (УО ОЗРТ):

Историческая комиссия УО.

Комиссия по наглядным пособиям УО.

Комиссия по законоведению УО.

Географическая комиссия УО.

Комиссия по организации народного образования УО.

Комиссия по организации средней и низшей школы УО.

Комиссия по техническому и профессиональному образованию УО.

Комиссия по организации домашнего чтения УО.

Подкомиссия для выработки плана сношения с читателями комиссии домашнего чтения.

Подкомиссия по устройству кружков для самообразования.

Подкомиссия для разработки вопроса об общеобразовательной программе.

Подкомиссия для организации публичных лекций.

Подкомиссия по организации музеев.

Лекционное бюро.

Комиссия по разработке программ по истории в младших классах.

Комиссия по вопросам средней школы.

Комиссия по выработке программ в VIII дополнительном классе женских гимназий.

Училищная комиссия.

С. П. Моравский – член Московского Общества внешкольного просвещения,

- член Комиссии по объединению деятельности учреждений, оказывающих помощь детям,

- член Местной группы Всероссийского Союза Писателей,

- член Московского Общества содействия устройству общеобразовательных

народных развлечений, - член Комиссии Научно-Литературных чтений,

- действительный член Общества для пособия нуждающимся студентам Московского университета.

Моравский был членом кассы взаимопомощи: при Московском Союзе деятелей средней школы (1907 г.); при Московском отделении Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (1903-1916 гг.).

Перечислим и другие многочисленные организации и комиссии, приглашения на заседания которых хранятся в архиве С.П. Моравского:

Педагогический музей при Педагогическом обществе,

Историческое отделение в Педагогическом музее,

Комиссия по организации музея педагогических пособий,

Комиссия по устройству чтений для учащихся,

Отделение по вопросам семейного воспитания,

Отделение русского языка и словесности,

Отделение преподавателей географии,

Отделение начальных училищ,

Комиссия по организации единой общеобразовательной школы,

Комиссия по средней школе,

Комиссия по вопросу о желательных преобразованиях средней женской школы,

Московский Союз деятелей средней школы,

Педагогические курсы,

Московский педагогический кружок,

Слесарно-ремесленное училище ОРТЗ,

Училищная комиссия и общественного здравия,

Училищная и Финансовая комиссии,

Подкомиссия по вопросам общего образования,

Комиссия по организации общеобразовательных летних курсов для народных учителей и учительниц.

Лекционная комиссия.

Комиссия по низшим школам.

В архиве С.П. Моравского сохранились извещения об его избрании в действительные члены: Исторического общества при императорском С-Петербургском университете (1891г.); Археографической комиссии Московского Археологического общества (1896г.); Московского юридического общества (1897г.); Педагогического общества при Московском университете (1898 г.); Общества распространения технических знаний в России (1900г.); Московского литературно-художественного кружка (1905г.).

Сохранились также пригласительные билеты:

1. На общее собрание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Географического его отделения. Сообщение вице-адмирала С.О. Макарова «Об исследовании Северного Ледовитого океана при посред-

стве ледокола». 14 декабря 1892 года

2. Московский университет приглашает: 1) На торжественное заседание памяти Пушкина – 26 мая 1900 года; 2) На Пушкинскую выставку, 1899 год.

3. Университетское Общество русских врачей приглашает на заседание памяти Н.И. Пирогова – 26 октября 1906 года.

4. На спектакль в пользу недостаточных учениц Елисаветинской гимназии – февраль 1906 года.

5. На открытие памятника Н. В. Гоголю – программа торжеств на 26, 27 и 28 апреля 1909 года.

6. На вернисаж картин «независимых» – декабрь 1909 года.

Это всего лишь краткий перечень, за каждой строкой которого стоят часы, дни и годы напряженной и плодотворной деятельности С.П. Моравского.

В его архиве находится более 2,5 тысяч писем от более 1 тысячи корреспондентов. Среди них – многие видные ученые, известные общественные деятели и литераторы, словом, весь цвет русской мысли конца XIX – первой половины XX века: академики М.М. Богословский, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, В.П. Волгин, В.И. Герье, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, М.Н. Покровский, Н.М. Никольский, В.Ф. Миллер, член-корр. АН Д.Н. Ушаков, профессор, заслуженный деятель науки А.А. Борзов, профессора В.Э. Грабарь, А.А. Кизеветтер, М.Н. Коваленский, Е.А. Мороховец, А.И. Неусыхин, А.Н. Сперанский, Б.Е. и В.Е. Сыроечковские и многие другие.

Эти письма дают широкую информацию о масштабе и разнообразии научной, педагогической и общественно-просветительской деятельности Сергея Павловича. По ним можно судить о его выдающихся заслугах в области просвещения, они убеждают в том, что всю свою жизнь с неутомимой самоотверженностью он посвятил делу народного образования.

Особенно большой интерес представляет многочисленная переписка, которая позволяет изучать деятельность Моравского в качестве председателя Учебного отдела Общества Распространения Технических Знаний (1900-1907 гг.) и в качестве председателя Исторического отделения Педагогического общества при Московском университете (1900-1904 гг.). Просветительская деятельность этих обществ имела большое общественное значение.

Когда я только начала разбирать архив Сергея Павловича, то обнаружила, что часть писем разложена в пачки по хронологическому признаку. Это было сделано им самим, на пачках его рукой были написаны годы. Я сделала лишь следующие подсчеты:

1890-91 гг. – 36 писем от 19 корреспондентов.

1891-95 гг. – 40 писем от 18 корреспондентов.

1897-98 гг. – 35 писем от 22 корреспондентов.

1899-900 гг. – 248 писем от 83 корреспондентов.

Получение такого количества писем впечатляет, но ведь на них надо было

и отвечать! Кроме того, очень возможно, что не всю корреспонденцию Сергей Павлович сохранял, а также не вся она могла сохраниться, т. к. он дважды переезжал из города в город: в 1907 году – из Москвы в Ростов, а в 1925 году семья со всеми пожитками и архивом вернулась обратно. Были также многочисленные переезды с квартиры на квартиру и во время жизни в Москве в период с 1885 по 1907 годы.

Я считаю необходимым привести все известные мне адреса С.П. Моравского, потому что это любопытные штрихи, свидетельствующие о трудных условиях, в которых жила средняя московская интеллигенция в те годы.

В студенческие годы до женитьбы в письмах к С.П. Моравскому встречались такие адреса:

- Спиридоньевский пер., дом Ливенцевой (18.X.1886),
- Сретенка, Пильников пер., дом Кирхгофа (Ивану Осиповичу Палице – с передачей С.П. Моравскому, I. 1887),
- Большой Казихинский пер., дом Эверта, кв. 9 (XI. 1887),
- Петровка, Богословский пер., дом Кабанова, кв. 12 (I.,1887),
- Никитский бульвар, дом Прибылова, кв. 22 (X.1887).

После женитьбы С.П. Моравский жил по следующим адресам:

- Молчановка (1889),
- Воздвиженка, дом Кубицкого, кв. 11 (1890),
- Тверской бульвар, дом Кириковой (бывш. Эфрос), кв. 5 (III, V. 1892),
- угол Поварской ул. и Мерзляковского пер., дом Немчинова, кв. Каразиной - №5 (V. 1893),
- Поварская ул., угол Хлебного и Ржевского переулков, дом Котельниковой (VIII. 1894; IX.1900),
- Борисоглебский пер., дом Лукутиной, кв. 2 (I.1901),
- Смоленский бульвар, дом Селивановских (1902),
- Сивцев Вражек, д. 13, кв. 3, дом гимназии Медведниковых (VI.1906; VI.1907).

Основной причиной перемены квартир, как это видно из писем, была ее стоимость, а в студенческие годы - стоимость и наличие обедов у хозяйки.

Просветитель, издатель, реформатор

С.П. Моравский был человеком, целиком посвятившим себя воплощению в жизнь идей просветительства. Как он писал в автобиографии, он ставил себе следующие задачи: 1) широкое распространение научных знаний в тех слоях населения, которым недоступна высшая школа; 2) поднятие методик преподавания истории в средней школе на научный уровень и борьба с искажением исторической науки; 3) борьба за демократизацию школы.

Исполнение первой задачи при отсутствии возможности создания свободного народного университета, было достигнуто путем учреждения в Москве при Учебном отделе Общества распространения технических знаний (ОРТЗ) особой организации, получившей скромное название «Комиссии по организации домашнего чтения», - по сути дела, это был первый в России заочный народный университет. Широкое распространение научных знаний в объеме университетского курса осуществлялось с помощью специально составляемых программ. В программах указывались необходимые пособия и вопросники для письменных ответов, а также давались списки дополнительной литературы. Количество обучавшихся таким образом «читателей» вскоре стало исчисляться тысячами.

С.П. Моравский принимал самое энергичное участие в работе Исторической группы Комиссии. Он был одним из ее основателей в 1897 году и активнейшим сотрудником с первого года ее создания и до своего отъезда из Москвы в 1907 году.

Руководителем Исторической группы сначала был профессор П.Г. Виноградов, но вскоре Сергей Павлович взял на себя руководство научной работой Исторической группы, им была составлена программа университетского курса по истории средних веков и часть программы курса средней школы по всеобщей истории для «подготовительного курса» (совместно с М.Н. Покровским и др.). Важно отметить, что программы издавались не только на русском языке, но и на других языках, например, на французском.

«Комиссия по организации домашнего чтения» при Учебном Отделе ОРТЗ была удостоена серебряной медали на всемирной выставке в Париже.

Спустя многие годы в своих воспоминаниях академик Н.М. Дружинин отметил неоценимую помощь, которую оказали программы Комиссии домашнего чтения в его самостоятельных занятиях на историко-филологическом факультете Московского университета: «...я широко пользовался «Программами домашнего чтения» – этой своеобразной попыткой прогрессивных деятелей Русского технического общества создать новую форму демократического заочного университета. Рекомендации и проверочные вопросы этого издания очень помогали моим самостоятельным занятиям и до и во время университетского курса».

С.П. Моравский принял живое и энергичное участие в задуманном П.Г. Виноградовым (тогда председателем Комиссии преподавателей истории при Учебном Отделе ОРТЗ) сборнике «Книга для чтения по истории средних веков». Он был автором двух серьезных научных исследований «Французские города в средние века» и «Германцы до Великого переселения народов». Вторая статья в то время была единственной оригинальной работой на данную тему на русском языке; член-корр. АН историк И.В. Лучицкий оценивал ее как лучшую во всем сборнике.

С.П. Моравский не только написал две статьи для этого издания, но активно участвовал во всей организации этого большого и трудного дела: в обсуждении плана всего сборника, отдельных статей, а также в их редактировании.

Это четырехтомное издание еще в рукописи было удостоено большой премии имени Петра Великого. Опубликованный в конце 1890-х годов сборник выдержал несколько изданий (изд. I-VI, 1896-1915 гг.). «Книга для чтения по истории средних веков», можно сказать, составила эпоху в преподавании средневековой истории. Такая форма учебного пособия оказалась наиболее удачной, и подобный тип пособия удержался до настоящего времени. Этот сборник до сих пор рекомендуется как пособие для студентов.

Неуклонное стремление Сергея Павловича к распространению научных знаний среди широких слоев населения ярко проявилось в те годы, когда он возглавил Учебный отдел ОРТЗ. Моравский был избран председателем Учебного отдела в 1900 г. и возглавлял его до своего отъезда из Москвы в 1907 г. За время председательства Сергею Павловичу удалось превратить эту организацию в одно из крупнейших просветительских обществ в России. Он направил деятельность Учебного отдела в русло внешкольного просвещения, создал целый ряд новых комиссий, в частности Комиссию по наглядным пособиям, при которой был образован богатый музей наглядных пособий и большой фонд теневых картин. Были созданы также географическая комиссия, комиссия по законоведению, по организации народного образования, по организации средней и низшей школы, по техническому и профессиональному образованию и др.

Эти комиссии создавали и обслуживали рабочие курсы, воскресные школы, начальные городские училища и другие подобные учреждения и предприятия, распространявшие просвещение в широких массах московского населения. Наглядные научные пособия обеспечивали возможность преподавателям этих учебных заведений дать слушателю рабочих курсов начальную научную подготовку. Этой же цели способствовали и организованные публичные лекции, в чтении которых С.П. Моравский принимал активное участие. Например, им были прочитаны в Историческом музее лекции «Средневековый идеалист (Людовик IX)» и «Немецкие гуманисты и обскуранты XVI века». Лекции были напечатаны в журналах, а затем вышли отдельным изданием. При Учебном отделе впервые проводился цикл лекций по истории музыки. Инициатива исходила от Д.С. Шора, а первые лекции составлялись при участии С.П. Моравского.

Популяризации научных знаний среди широких слоев населения способствовала издательская деятельность Исторической и Географической комиссий Учебного отдела, организованных под руководством С.П. Моравского. Эти комиссии выпускали популярно изложенную и недорогую научную литературу. Сергей Павлович редактировал многие книги по истории, в частно-

сти, он осуществил организацию очень популярного в те годы труда «Русская история в картинах», выдержавшего несколько изданий в разных вариантах. Первое вышло в 1904 году, оно состояло из 18 больших листов. Каждый был посвящен какому-то одному моменту русской истории, на нем размещались цветные репродукции картин лучших русских художников (Сурикова, Васнецова, Маковского и др.) и текст, который в очень сжатой и популярной форме описывал это историческое событие. Второе издание вышло в 1908-1909 годах в виде отдельного альбома картин – 33 листа (40х57 см) и отдельной книги текста – 100 страниц. Третье издание вышло в 1911 году, четвертое – в 1914 году. Высокое качество пособия и невысокая цена обеспечили этой книге очень широкое распространение.

К работе над изданием «Русской истории в картинах» были привлечены многие русские художники. Если не было подходящей картины, изображающей необходимый исторический момент, то художники создавали иллюстрации специально для этого издания.

В составлении текстов принимали участие выдающиеся специалисты по русской истории: А.А. Кизеветтер и др. Редактировал тексты С.П. Моравский. В архиве находятся рукописные варианты текстов, некоторые полностью написаны рукою Сергея Павловича, в других – ему принадлежат отдельные абзацы или даже целые страницы.

Задачу этого масштабного издания С.П. Моравский сформулировал в разделе «От редактора»:

«В том грандиозном движении популяризации научных знаний, которое происходит у нас в последнее время, истории принадлежит чуть ли не самое последнее место. В то время, как результаты научной работы в области естествознания, например, быстро становятся достоянием все более и более широкого круга людей и входят в оборот популярной литературы, предназначенной не только для так называемой образованной публики, но и для средней школы, и даже для детского и народного чтения, - плодами исторической науки питаются лишь немногие избранники, специально ею занимающиеся или интересующиеся. Лишь в самые последние годы и то с большими затруднениями, результаты научной разработки исторических данных стали спускаться с академической высоты в сферу, доступную несколько более широкому кругу читателей из образованного общества и учащихся в старших классах средней школы. Всем же остальным и до сих пор под видом истории преподносится за очень редкими исключениями нечто весьма мало доброкачественное в научном отношении: разрозненные факты, оторванные от их взаимной связи. Или же поставленные в чисто внешнюю хронологическую связь события так называемой внешней истории, выхваченные из их жизненной обстановки и среды, с которой они органически связаны. Все это, конечно, нисколько не годится для той цели, которую ставит себе всякое научное знание: разобраться в той или другой категории

явлений, из которых складывается жизнь человека и окружающей его природы; все это ни на шаг не подвигает к пониманию явлений и процессов, совершающихся в жизни человеческого общества, даже не заключает в себе ни малейшего намека на закономерность этих явлений и процессов. Мало того, что таким образом вместо результатов научной работы над известной категорией фактов предлагается груда этих самых фактов в сыром виде, из них еще обыкновенно производится весьма тенденциозный подбор, при котором руководствуются чем угодно, но только не научными целями. Излюбленным материалом народной и детской исторической литературы является анекдот, питающий праздное любопытство и служащий лишь помехой для развития здоровой научной любознательности к данным истории; биографический материал, способствующий укоренению ложного взгляда на исторический процесс, как на ряд подвигов отдельных личностей; легенда, приближающая историю к сказке; идеализированные военные события, способные питать самые низменные чувства человеческой природы; наконец, ряд фактов, истинных и вымышленных, которые под видом патриотизма развивают ненависть к людям иной религии и национальности и бессмысленное бахвальство, могущее существовать лишь на почве слепого невежества, незнания и нежелания знать жизнь и историю родной страны. Итак, хаос вместо закономерности, извращенные понятия, сказка и тенденциозная ложь вместо научного знания, дурные инстинкты и чувства, – вот что может дать и дает «малым сим» такая «история». Естественник ужаснулся бы, если бы такой обработке подвергались бы данные его науки, если бы в народной и детской литературе по зоологии, например, вновь получили бы права гражданства жар-птица и индрик-зверь, если бы эта литература, вместо того, чтобы развивать, убивала бы в тех, кто ею пользуется, интерес к живой природе и желание наблюдать ее. Историкам же, вероятно, долго еще придется терпеть такое положение дел и не только потому, что оно поддерживается многими условиями, ничего общего с наукой не имеющими, но и вследствие некоторых особых свойств самой «исторической» науки. Дело в том, что благодаря этим свойствам результаты научной обработки исторических данных менее, чем какие-нибудь другие, поддаются вполне популярному изложению. Главное затруднение при этом заключается не только в сложности, но особенно в отвлеченности предмета. И эту трудность вполне сознавала Историческая комиссия Учебного отдела московского Общества распространения технических знаний, приступая к выполнению поставленной себе задачи необходимостью приспособить текст к картинам, которые почему-нибудь было желательно поместить в издание. Наконец, на каждом шагу приходилось считаться с таким чисто внешним затруднением, как недостаток места на листе, заставлявший иногда сжимать изложение более, чем следовало, а кое-что и совсем опускать. Результатом всего этого явилось много недочетов, которые комиссия сама сознает; но, конечно, рядом с этим ей будут указаны такие промахи, которые

произошли от недосмотра и недостаточного умения справиться с той чрезвычайно трудной задачей, которую поставила себе комиссия. Надо надеяться, что критика отнесется снисходительно к этим промахам именно ввиду трудности задачи и ввиду того, что издание популярной «Русской истории в картинах» представляет собой чуть ли не первый шаг. Руководители этого издания будут вполне удовлетворены, если этот первый шаг облегчит дальнейшее движение по намеченному пути и за их несовершенной попыткой разрешить трудную, но заманчивую задачу, последуют другие, более удачные. Таково предприятие, задуманное исторической комиссией, и цели, которыми она при этом руководствовалась. Конечно, не авторам издания судить о том, насколько полно им удалось достигнуть этих целей. Всякое замечание критики в этом отношении будет принято с благодарностью и послужит к исправлению указанных недостатков в дальнейших изданиях. Необходимо, однако, при этом иметь в виду, что немало отступлений от намеченных целей пришлось сделать сознательно, ввиду чисто практических затруднений, мешавших в каждом отдельном случае удовлетворить сразу всем требованиям, которые сама комиссия ставила себе, приступая к выполнению намеченной трудной задачи. Так, например, сложность излагаемого исторического факта или явления подчас делала невозможным изложение его в простой, доступной даже едва грамотному читателю и в то же время интересной форме. С другой стороны, необходимость дать именно такое доступное изложение заставляло пропускать тот или иной исторический момент, несмотря на его научную ценность. Немало неизбежных погрешностей вызвано недостатком готовых картин и трудностью скомпоновать новые, которые могли бы иллюстрировать намеченный сюжет, а также популярный курс русской истории: поэтому пробелы между темами отдельных листов, представляющих собой лишь важнейшие вехи русского исторического процесса, по возможности заполнены в тексте.

Из всей серии в 18 листов первые 3 уже выпущены в продажу, остальные будут выходить в свет в ближайшем будущем в хронологическом порядке».

Во втором издании редактор уделяет больше внимания фактическому содержанию альбома и книги, чем их общей направленности. Ниже приводится вступительный текст.

«Настоящая книга представляет собой текст ко 2-му изданию «Русской истории в картинах». Этим в значительной степени объясняется и содержание ее, и характер изложения. Приступая к первому изданию, историческая комиссия имела в виду со временем выпустить особую серию листов, посвященных так называемой «Культурной» истории России, поэтому содержание первой серии, поставленной комиссией в ближайшую очередь, составила главным образом политическая история родной страны. Вот почему как картины, вошедшие в эту серию, так и приложенный к ним текст, не дают всего того,

что, может быть, и желательно было бы видеть в общем элементарном руководстве по истории России. Пришлось сосредоточить внимание преимущественно на явлениях политических и неразрывно с ними связанных социально-экономических. Далее все издание было задумано в виде отдельных больших листов с 3-4 картинами и соответствующим текстом на каждом из них. Отдельный лист должен был быть посвящен тому или другому крупному моменту русской истории. Необходимо было поэтому тщательно произвести самый выбор этих моментов и эпох, ограничившись по возможности небольшим числом их (16) так, чтобы каждый из них представлял собой нечто крупное и имеющее самостоятельное значение (например, «Татарская неволя», «Смутное время», «Реформы Петра»), а все вместе давали бы в то же время общее и, по возможности, полное представление об историческом развитии русского государства и общества. Отсюда необходимость найти центральный пункт для каждого листа и на нем фиксировать интерес читателя, опустивши детали и давая возможно более простую и отчетливую схему сложного исторического процесса или явления. Отсюда же неизбежная сжатость изложения, тем более неизбежная, что приходилось вмещать во что бы то ни стало намеченный материал на пространстве данного листа.

Подбор картин производился не только с целью иллюстрировать намеченный текст, но и познакомить широкие круги читателей с лучшими образцами русской исторической живописи: это приводило иногда к необходимости нарушить несколько масштаб текста для того, чтобы сохранить связь между ним и данной картиной и не оставить последнюю необъясненной.

Соединение нескольких картин и соответствующего текста на одном листе, посвященном тому или другому крупному историческому моменту, представляло собой, по мнению комиссии, огромное преимущество: оно давало возможность охватить сразу целую эпоху или сложное явление, ясно и сжато описанное в тексте, и в то же время наглядно и доступно для самого неподготовленного читателя изображенное в картинах. Но практика показала, что такая система имеет и некоторые свои неудобства, может быть, даже несколько преувеличенные критикой; кроме того, особенно в случае недостаточно внимательного отношения, текст при этом как-то слишком заслоняется картинами; многим он, вероятно, казался чем-то вроде обычного объяснительного текста при картинах, не имеющего самостоятельного значения; некоторые рецензенты, даже благосклонные, не обмолвились о нем ни словом. Между тем, центр тяжести издания лежит именно в тексте, и он поэтому во всяком случае, думается нам, заслуживает некоторого внимания. Ведь, как показывает самое название, имелось в виду дать не картинки из русской истории с текстом, а «русскую историю в картинах»; и картины, и текст, вместе взятые, должны были дать то, что обычно называется «курсом» русской истории, курсом, конечно, элементарным по характеру своего изложения

и по доступности самым широким кругам читателей; причем доступность эта особенно увеличивалась тем, что история родной страны излагалась не только словами, но и в виде образов, многие из которых воплощены нашими лучшими мастерами исторической живописи. По самой задаче своей издание должно было быть дешевым, и действительно 20 к. за лист, 3-4 рубля за всю серию давало возможность приобрести его для самой бедной школы. А между тем, и на это обстоятельство не было обращено достаточное внимание, и некоторые критики (на этот раз, конечно, неблагосклонные) предпочитали говорить не о том, что лист с 3-4 картинами (часто принадлежащими кисти Семирадского, Репина, Верещагина, Сурикова и т. п.) и с текстом, о значении которого мы говорили и в составлении которого принимали участие такие компетентные лица, как А.А. Кизеветтер, - что этот лист стоит 20 к., а о том, что издание недостаточно роскошно, и что в техническом отношении оно не безукоризненно.

Некоторые неудобства, происходящие от соединения на отдельном большом листе трех-четырех картин и текста, навели на мысль выпустить это издание в ином виде – картины отдельно в виде альбома, а текст тоже отдельно – книжкой; при этом некоторые из картин (наименее удачные) были выпущены, текст был также несколько изменен и дополнен так, чтобы в новом издании он мог представлять собой вполне доступное для очень мало подготовленных читателей элементарное руководство по русской истории. применимое также и к школьному преподаванию.

Но стремление сделать книгу удовлетворяющей именно этой цели не помешало ей все-таки остаться текстом к альбому картин по русской истории и сохранить тесную связь с ними; кроме того, и в новом варианте она не утратила некоторых своих прежних особенностей. Происхождение данной книги из текста, напечатанного раньше на листах с картинами, отразилось, как было указано выше, и на содержании ее, и на характере изложения: по-прежнему она заключает в себе преимущественно факты политической и отчасти социально-экономической истории России; по-прежнему изложение ее не летописно-хронологического характера, как в большинстве учебников, а сосредоточено на немногих сравнительно основных моментах отечественной истории; почти по-прежнему это изложение сжато и несколько схематизировано, совершенно лишено очень многих таких деталей и эпизодов, которые по традиции продолжают фигурировать во всех руководствах по русской истории, особенно таких, которые предназначены для широкого круга читателей. Все эти черты были сохранены редактором в новом издании совершенно сознательно, т. к. именно они (по крайней мере, некоторые из них), по его мнению, должны выгодно отличать настоящую книгу от прежних элементарных учебников. Нечего и говорить, что тоже совершенно сознательно составители текста в обоих изданиях уклонились от обычного типа таких учебников:

они не пожелали еще раз дать такой «Элементарный курс» русской истории, в котором по печальной традиции, до сих пор еще очень живучей, исторические факты отступают на второй план перед легендой, объективное изложение заменяется тенденцией, общая перспектива исторического развития заслонена подробно рассказанными эпизодами, а роль «элементов» исторической науки, преподносимых начинающим свое знакомство с этой наукой, играют мельчайшие детали военной истории и биографические анекдоты.

Так представляла себе свою задачу историческая комиссия Учебного отдела, приступая к изданию «Русской истории в картинах». Дело критики, конечно, судить о том, насколько правильной представляется самая постановка такой задачи и насколько удалось ее выполнить».

С. Моравский».

С.П. Моравский принимал активное участие в организации Московского Педагогического общества, которое было учреждено в 1898 году при Московском университете. В этом обществе было несколько отделений по специальностям. С 1900 года Сергей Павлович руководит в качестве председателя Историческим отделением общества. На этом посту ранее были такие выдающиеся историки, как П.Г. Виноградов, а затем Р.Ю. Виппер.

Педагогическое общество объединяло в своем составе лучшие и наиболее передовые научные и педагогические силы того времени. В сохранившихся протоколах заседаний за 1903 и 1904 годы отражен состав Исторического отделения Педагогического общества:

Председатель С.П. Моравский.

Товарищи председателя: М.Н. Покровский, Н.Г. Тарасов.

Секретари – Н. Никольский, В. Хмелева

Члены отделения: Р. Виппер, М. Гершензон, Ю. Готье, А. Дживелегов, И. Житецкий, В. Каллаш, Ал. Кизеветтер, М. Коваленский, П. Новгородцев, Д. Петрушевский, Н. Рожков, С. Фортунатов, М. Хвостов, Е. Богрова, Е. Бари, О. Бари, М. Богословский, Е. Вишняков, Е. Воларович, Н. Гейнике, А. Гартвиг, И. Григорьянц, В. Губкина, В. Евтеев, Д. Егоров, Е. Ефимова, Ю. Закурдаева, Д. Каринский, В. Лебедева, 3. Мирович, А. Писарева, Г. Писаревский, Л. Покровская, Н. Прокофьев, О Протопопова, В. Протопопов, А. Пропер, В. Репин, И. Романов, А. Савин, М. Смирнова, В. Сторожев, Н. Савинова, Е. Тимковская, В. Устинов, Н. Шамонин, Ин. Шитц, А. Яковлев.

В 1901 году Моравский был избран Педагогическим обществом членом «Комиссии по вопросу о желательных преобразованиях женской средней школы»[15], а также вошел в Бюро Музея Педагогического общества. Отделение преподавателей истории под председательством Сергея Павловича в 1901 г. работало над устройством исторического отделения при музее.

15. Отчет о деятельности Педагогического Общества за 1901-1902 гг. М., 1903.

Работу Педагогического общества Сергей Павлович считал делом первостепенной важности, видел в этом служение русской науке, русскому просвещению и относился к ней с большой любовью, увлечением и энергией. Именно в те годы, когда председателем Исторического отделения был Сергей Павлович, деятельность отделения активизировалась и расширилась. На заседаниях обсуждались различные вопросы преподавания истории в средних школах, а также составления новых учебников, которые соответствовали бы уровню последних достижений исторической науки. Доклады оживленно обсуждались многочисленными участниками заседаний. Сергей Павлович как председатель всегда принимал активное участие в обсуждении докладов, делая затем беспристрастное резюмирующее заключение.

Для того, чтобы распространить влияние деятельности Педагогического общества, сделать материалы его работы доступными широкому кругу преподавателей не только Москвы, но и периферии, С.П. Моравский организовал публикацию протоколов заседаний общества и годовых отчетов о его деятельности. Сергей Павлович редактировал эти публикации.

Протоколы ряда заседаний Исторического отдела Педагогического общества были напечатаны отдельной брошюрой, которая носит название «К вопросу об элементарном преподавании истории». Редактировал ее Сергей Павлович, им же была написана объяснительная записка к программе курса истории во II и III классах средней школы. Эта брошюра выдержала два издания: в 1902 и 1911 годах. На нее был опубликован целый ряд положительных рецензий и, в частности, в книге Б. Соллогуба и В. Симоновского «Указатель лучших, по отзывам печати, учебников, наглядных учебных пособий и методических руководств на русском и украинском языках». – Пособие для учителей и учительниц. СПб., 1909. С. 187-188.

Считаю необходимым привести здесь выдержку из этого «Указателя...»: «Мы сравнительно долго остановились на небольшой брошюре педагогического общества: но она настолько содержательна и интересна, настолько бьет свежей жизненной правдой, что заслуживает полного внимания. Если даже ее идеалы еще нескоро войдут в жизнь (но они должны войти рано или поздно!), все-таки и в настоящую минуту на этой брошюре можно отдохнуть и умом и сердцем. А практически превосходно разработанная программа и сейчас может сослужить хорошую службу всякому преподавателю, который не ограничивается официальными требованиями, но хочет поставить русскую историю научно и дать ученикам действительные познания».

В 1904 году обстоятельства вынудили С.П. Моравского отказаться от непосредственного руководства делами Педагогического общества. Огромные масштабы работы Учебного отдела ОРТЗ, которую развернул Сергей Павлович, став его председателем, требовали все больше времени и сил. Руководство Историческим отделением Педагогического общества он передал в руки М.Н. Покровского.

Товарищи по работе Отделения в адресе, написанном тепло и искренно, высоко оценили деятельность С.П. Моравского. Текст адреса приведем полностью.

«Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Отделение преподавателей Педагогического Общества, с большим сожалением узнав о Вашем категорическом отказе от обязанностей председателя, считает своим долгом выразить Вам глубокую благодарность за труды, понесенные Вами на этом посту для Отделения. Задача, выпадавшая Вам на долю, была тем труднее, что деятельность Отделения не ограничивалась одними педагогическими вопросами, касавшимися преподавания истории. Значительную часть своего внимания оно уделяло также вопросам чисто научным, обсуждая рефераты, знакомившие его членов с новыми явлениями в исторической науке. В обоих этих случаях Отделение встречало в Вас одинаково авторитетного руководителя, в обоих случаях Вы один из самых талантливых преподавателей Москвы, обладающий глубокой и разносторонней эрудицией, оказывались всегда на высоте положения. Неутомимая энергия в организации работ Отделения, спокойное беспристрастие в руководстве прениями, высокие достоинства Ваших резюмирующих заключений – все эти черты, отличавшие Вашу деятельность, как председателя, останутся навсегда светлым воспоминанием тех, кто участвовал в работе под Вашим руководством. Выражая Вам, глубокоуважаемый Сергей Павлович, самую искреннюю признательность, Отделение позволяет себе надеяться, что, сложив с себя обязанности председателя, Вы не откажетесь от участия в его дальнейших занятиях.

А. Дживелегов, Д. Егоров, Н. Тарасов, Н. Романов, Ю. Готье, М. Покровский, Н. Рожков, М. Коваленский, П. Новгородцев, И. Григорьянц, В. Губкина, С. Богоявленский, Е. Ефимова, В. Каракуркги, А. Писарева, А. Яковлев, М. Богословский, И. Шитц, Н. Шамонин, Н. Никольский, Дм. Галанин, В. Протопопов, Н. Савинова, В. Хмелева, А. Гартвиг, Е. Бари, О. Бари».

Педагог-исследователь

В 1902 году на съезде по реформе средней школы, созванном Московским округом, Сергей Павлович выступил с докладом о преподавании истории. Доклад затем был напечатан в Трудах этого съезда. Моравский подвергает резкой критике официальную точку зрения на преподавание истории в школах царской России. Главным он считал развитие исторического мышления учащихся. В этом докладе Моравский впервые высказал и подробно развил мысль, что в средней школе следует преподавать не одну историю в узком смысле этого слова, а обществоведение, то есть элементарную энциклопедию общественных наук (экономических, юридических и др.).

В 1907 году в «Русских ведомостях» (№150 и 151) С.П. Моравский опубликовал статью под заглавием: «Государство и общество в деле заведывания средней школы».

В том же году в журнале «Вестник Воспитания» (№ 2, с. 42-45) была напечатана его статья «Опыт пропедевтического курса истории», в которой он вновь отстаивает необходимость новых методов преподавания истории. Он показывает, что этому предмету необходимо придать характер обществоведения и аргументирует введение в научный оборот данного понятия. Многие положения, выдвинутые им в этой работе, вошли затем в целый ряд руководств по методике преподавания истории.

В эти же годы С.П. Моравским была составлена Программа с объяснительной запиской по всеобщей истории для специалисток по истории VIII класса женских гимназий. Эта программа была введена во всем Московском округе, а в него входило тогда 11 губерний.

Особое внимание С.П. Моравский уделял качеству и внешнему виду учебных пособий, он считал, что они должны быть яркими и доступными по изложению, свободными от второстепенных фактов и понятий, написанными на основе последних данных исторической науки.

Материалы, имеющиеся в архиве Моравского, показывают, что он принимал активное участие в создании именно таких пособий, которые должны были оживить преподавание, сделать его более интересным, и, прежде всего, послужить основой для действительно научного преподавания истории.

С.П. Моравский лично принимал участие в составлении некоторых учебников, например, П.Г. Виноградов, печатая свой учебник по средним векам, давал его С.П. Моравскому на просмотр в корректуре.

В 1903 году в сотрудничестве с Н.Г. Тарасовым С.П. Моравский издал учебное пособие «Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы в IV-XVIII вв.».

Моравскому принадлежит предисловие и написаны следующие 8 статей из 12:

В усадьбе древнего германца.

«Государевы посланцы» в области саксов.

За стенами монастыря.

На турнире.

Немецкий город XV века.

Крестьяне и ландскнехты в XVI столетии.

В лагере.

В аристократическом доме.

Моравским осуществлена общая редакция книги, которая выдержала 4 издания, причем, последнее в 1924 году. И поныне это издание не утратило своего значения, до сих пор его рекомендуют студентам, изучающим историю.

Еще один аспект многогранной деятельности С.П. Моравского в те годы – его работа в Комиссии по выработке нового типа средней школы. Комиссия

была создана по инициативе Моравского в 1905 году, в нее входили около 80 лучших специалистов по всем предметам, которые преподавали в средней школе. Среди них были П.Н. Сакулин, А.Н. Реформатский, А.А. Борзов, Н.А. Иванцов и другие. Под председательством С.П. Моравского эта Комиссия выработала учебные планы и подробные программы отдельных предметов с объяснительными записками. Программа и объяснительная записка по истории были написаны Сергеем Павловичем. Члены Комиссии выработали и Устав «школы 2-й ступени», как они уже тогда ее называли. Новая школа стала пользоваться большим успехом в Москве, т. к. была вполне доступна для рабочего класса и давала детям московского пролетариата, обучающимся в городских начальных училищах, возможность получить законченное среднее образование. Окончившие курс такой школы были вполне подготовленными для дальнейших занятий в высших учебных заведениях.

В первые годы XX века Сергей Павлович сотрудничал в целом ряде журналов, в частности: «Вестник воспитания» (входил в редакцию журнала в течение многих лет – с 1901 по 1909 гг.), «Для народного учителя» (входил в редакцию журнала с 1907 г. по 1910 г.), «Народное благо», «Журнал для всех», «Русская мысль». Он пишет ряд статей, среди которых, в частности, «Забытый народ», где говорится о необходимости вести преподавание в школах Украины на родном языке – тема достаточно актуальная и в наше время.

В 1906 и 1907 годах он входил в редакцию журнала «Просвещение», издаваемого Московским отделом «Лиги образования», но отдел просуществовал недолго: через год он был признан «неблагонадежным» и закрыт, т.к. «не преследовал одни просветительные нужды, а проявлял политическое направление».

Хочется добавить еще несколько слов о широте научных интересов С.П. Моравского и обширности его знаний. Творческий ум исследователя и знание иностранных языков позволили ему сделать любопытные наблюдения в области лингвистики. В результате им была написана книга «Эхо русской разговорной речи». Само название книги уже говорит о том, что эта работа не находилась в пределах постоянных научных интересов Сергея Павловича. Книга была издана трижды как руководство для иностранцев, изучающих русский язык. Она вышла в издательстве Гиглера в Лейпциге (1893 г.) и в Гельсинфорсе (1896 г.). В местных училищах книга использовалась как учебник русского языка.

Ростов Великий (1907 – 1923)

Новый поворот судьбы

В 1907 году в жизни семьи Моравских произошло важное событие – Сергей Павлович был приглашен в качестве директора гимназии в город Ростов Великий Ярославской губернии.

Эту гимназию город собирался основать на частные средства, завещанные купцом-миллионером А.Л. Кекиным. В завещании было написано, чтобы «были учреждены обязательно в городе Ростове гимназия и при первой возможности университет».

Предложение возглавить гимназию было для С.П. Моравского необычайно заманчивым, так как руководство новым учебным заведением открывало возможность широкого воплощения в жизнь тех принципов, методов и программ преподавания, за которые он все время настойчиво боролся. Условия приема позволяли обеспечить доступ в гимназию беднейшим слоям населения.

В 1905-1906 гг. состоялся Всероссийский конкурс на лучший проект здания гимназии в Ростове. Было подано 38 проектов. Победу одержал проект московского архитектора П.А. Трубникова.

Был объявлен конкурс на должность директора будущей гимназии. Прежде, чем приступить к обсуждению кандидатур, представитель Ростова посетил города, из которых были поданы заявления, чтобы собрать исчерпывающие сведения о претендентах. На запросы Ростовской Городской думы были получены отзывы о претендентах. Привожу выдержки из некоторых отзывов о С.П. Моравском.

«... все свои способности и знания он (Моравский) отдал средней школе и вскоре стал одним из самых выдающихся преподавателей истории в Москве, сумевшим поставить преподавание всеобщей и русской истории на уровень тех высоких требований, какие все настойчивее и настойчивее стала предъявлять историческому преподаванию и наука, и педагогия. Насколько высок стал сравнительно скоро авторитет С.П. Моравского во мнении московского педагогического мира, об этом, между прочим, красноречиво свидетельствует такой факт, как избрание Сергея Павловича восемь лет назад, тогда еще совсем молодого педагога, на ответственный и трудный пост председателя Учебного Отдела при Обществе Распространения Технических Знаний, который он с честью занимает все эти восемь лет, обнаружив на нем недюжинный организаторский талант и большое умение руководить сложным просветительским делом.

О том же свидетельствует и несение Сергеем Павловичем в течение ряда лет обязанностей председателя исторической секции Педагогического Общества при Московском Университете, а также избрание его Попечи-

телем одной из городских школ Москвы. ...Я давно знаю С.П. Моравского, внимательно следил за его педагогической деятельностью и смело могу сказать, что в его лице учреждаемая в Ростове гимназия приобретет крупную педагогическую силу и очень умелого и опытного организатора и администратора и сразу же станет на твердую почву в качестве просветительного учреждения в истинном смысле этого слова». (Одинарный профессор Московского университета, доктор всеобщей истории Д.М. Петрушевский, 14 мая 1907 года).

«Я знаю С.П. Моравского много лет, много работал с ним по обсуждению вопросов преподавания в Педагогическом Обществе, много встречал его сослуживцев и учеников. И мои личные и отзывы названных лиц сходились в признании за ним выдающихся достоинств. Не говорю уже об его широком образовании и глубоких научных познаниях. Ему приходилось ряд лет преподавать при довольно-таки тяжелых условиях, нередко вконец изнуряющих педагога, но он все-таки сумел сохранить в себе живое отношение к делу и ту свежесть мысли, которая позволяет человеку не впадать в механическую рутину, а при каждом сочетании условий находить новые и лучшие пути... Я нисколько не сомневаюсь, что его долголетний педагогический опыт и, главное, его живая мысль и неиссякаемый интерес к делу дадут ему возможность справиться с трудностями организации нового учебного заведения... Наконец, не могу не указать на то, что одной из выдающихся черт в характере Сергея Павловича является мягкость и гуманность, качества очень ценные в педагоге». (Н. Шамонин, директор Костромской гимназии, 15 мая 1907 года).

В мае 1907 года на заседании городской управы совместно с комиссиями по постройке гимназии и заведыванию имуществом купца А.Л. Кекина из восьми претендентов на должность директора был избран С.П. Моравский.

Но попечитель Московского учебного округа отказался представить его на утверждение министра народного просвещения, т.к. С.П. Моравский, известный своей прогрессивной общественно-просветительской активностью, считался неблагонадежным человеком в глазах администрации. Лишь под сильным давлением общественного мнения и благодаря использованию ростовцами своих петербургских связей, попечитель московского учебного округа, можно сказать, против своей воли сделал необходимое представление. Но и министерство назначило С. П. Моравского не директором, а лишь «исправляющим должность» директора со 2 сентября 1907 года.

Окончательное утверждениев должности директора Моравский получил лишь три года спустя – случай совершенно небывалый во всей истории министерства народного просвещения. Но Сергей Павлович, не дожидаясь утверждения, уже с 1 июня 1907 года фактически руководил организацией

гимназии в качестве «сведущего лица». По его предложению были представлены более широкие права городу по управлению гимназией, разработан для нее особый учебный план и устав.

Мне хочется процитировать здесь выдержки из некоторых писем, адресованных коллегами и друзьями Сергею Павловичу в июле-августе 1907 года:

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Сей момент мне передали, что Вы приняли предложение от провинции и оставляете Москву. Правда ли это? Если это так, радуюсь за Вас и за гимназию, которая будет под Вашим руководством...» (15.VIII.07. Г. Пузыревский).

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Прочел в газетах о Вашем назначении и возрадовался, как за Вас, так и за гимназию...» (28.VIII.07 В. К. Б – подпись неразборчива).

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Желаю вам удачи в вашем новом, интересном, свежем, трудном, подчас тяжелом, подчас удовлетворяющем деле. Жму вашу руку А. Алферов».

С.П. Моравский создавал новую гимназию с самого начала, «с нуля», он сразу же вошел в состав строительной комиссии: тщательно изучив чертежи и планы здания гимназии, он внес целый ряд пожеланий и замечаний, которые впоследствии были учтены. В частности, по его совету была построена астрономическая обсерватория.

Строительство гимназии продолжалась в течение трех лет. Работы шли под непосредственным руководством архитектора П.А. Трубникова и при постоянном наблюдении со стороны членов строительной комиссии и городской управы Ростова. Комиссия входила в рассмотрение каждой детали дела, никакое обстоятельство не проходило мимо ее внимания.

В результате было выстроено прекрасное специальное здание, строительство которого обошлось полмиллиона довоенных (дореволюционных) рублей.

В речи, произнесенной 22 июня 1908 года при торжественной закладке Ростовской мужской гимназии имени А.Л. Кекина законоучителем гимназии священником О. Николаем Чуфаровским, утверждалось: «Если закладка всякого школьного здания вызывает чувство высокого удовлетворения и радости, то тем более закладка такого грандиозного храма науки, который в законченном своем виде составил бы украшение даже столичного города, – есть явление в «высшей степени знаменательное и отрадное».

С.П. Моравский был первым и единственным директором гимназии за все время ее существования: с 1907 по 1917 гг. А когда после событий 1917 года гимназия была преобразована в единую трудовую школу II ступени, С.П. Моравский стал первым заведующим школы и возглавлял ее до 1923 года.

Коллектив, атмосфера, предметы изучения

Первые классы гимназии были открыты в сентябре 1907 года, когда строительство здания гимназии еще не было начато. Занятия проходили в нанимаемом городом частном доме, лишь условно приспособленном для учебного процесса.

Официальным годом рождения гимназии считается 1910 год, когда полностью закончилось строительство здания, а днем ее рождения – 5(18) октября.

Преимущественное право поступления в создаваемую гимназию имели жители Ростовского уезда, после них жители Ярославской губернии, прием же прочих кандидатов проводился только на остающиеся свободными места.

По типу учебного заведения гимназия была классической. Городскою Управою было принято решение, что «для города является наиболее целесообразным и отвечающим потребностям местного населения устройство 8-классной классической гимназии без греческого языка, с возмещением последнего более основательным изучением новых языков, математики и естествознания». Одним из мотивов в пользу такого решения было то, что поступать в университет можно было после окончания классической гимназии. А в завещании А.Л. Кекина устройство гимназии было поставлено в тесную связь с возможностью открытия в Ростове также и университета. С.П. Моравский разделил точку зрения Городской Управы о необходимости создания именно классической гимназии.

Особое внимание Сергей Павлович уделял подбору преподавателей и постановке всего учебно-воспитательного процесса. Соглашаясь стать директором вновь создаваемой гимназии, он поставил условие: преподавателей будет подбирать сам. И действительно, за все время существования гимназии только два преподавателя были назначены непосредственно учебным округом. (См.: Автобиография С. П. Моравского. Архив РАН, Ф. 1830, оп. 1, д. 52).

Кроме высокой квалификации, при выборе преподавателей С.П. Моравскому представлялось желательным «чтобы это были люди, не слишком искушенные педагогическим опытом, во всяком случае не настолько, чтобы потерять способность и охоту к исканию новых путей в педагогическом деле». Об этом критерии Сергей Павлович как-то высказывался в письме С. Королеву.

Используя свое право подбора педагогического персонала, С.П. Моравский приглашал прогрессивно мыслящих преподавателей. В гимназии была создана обстановка, не имевшая себе равной ни в одном из учебных заведений той поры. Революционно настроенные педагоги открыто, с ведома директора, вели среди учащихся старших классов занятия, знакомившие их с различными общественными системами.

В архиве Моравского сохранилось два письма М.О. Гершензона, где он, рекомендуя для Ростовской гимназии молодую преподавательницу француз-

ского языка Е.Г. Лопатину, отмечает ее «неженскую образованность, нетерпимость к косности и рутине» (10 и 23 августа 1907 г.).

В архиве имеется также ведомость распределения уроков и классного наставничества на 1916/17 учебный год. Привожу его полностью.

Фамилия преподавателя	Классный наставник, класс	Предмет и число часов	Всего часов
С.П. Моравский	VIII класс (2)	История – V класс –4	6
В.В. Казенцев	-	Русский язык и логика	12
Отец Н. И. Чуфаровский		Закон Божий	14
А. К. Траубенберг	7 класс	Русский язык	18
С. А. Грачев	2 класс	Русский язык	18
А. П. Косминков	-	Математика	16
Г. Н. Веригин	-	Математика	17
В. И. Шухвастов	VII	Физика	21
Ф. З. Чембулов	VIII	География	19
Е. А. Мороховец	I	История I,III,VII,VIII,6,7	12
С.В. Покровский	III и 3	География, природоведение	18
А. П. Прушак	6	Математика	18
В. П. Покровский	-	Латинский язык	25
К. И. Белоросов	VI	Русский язык и логика	18
В. И. Башле	-	Французский язык	24
П. Э. Жуковский	IV и 4	История IV и VI География 4 и VI	12
К. В. Котрохов	II	Латинский язык; История 11,3.4	19
А. П. Пашкевич	V	История 1,2	19
Е. Г. Лопатина	-	Немецкий язык, французский язык	13

Е. Ф. Судьбинина	-	Немецкий язык, французский язык	23
А. И. Девшиев	-	Гимнастика	14
А. И. Звонилкин	-	Рисование	17
С. Г. Марков	-	Пение	6
Новый преподаватель	1	Немецкий язык	...

Примечание: арабскими цифрами обозначены классы – параллельные.

О высокой квалификации преподавателей гимназии убедительно говорит тот факт, что многие из них, когда уехали из Ростова в начале 20-х годов, стали профессорами высших учебных заведений Москвы и других городов. Например, Е.А. Мороховец и А.К. Траубенберг – в Москве; К.И. Белоросов – в Иванове и др.

С.П. Моравский руководил всем учебным процессом и сам вел уроки истории. Он большое значение придавал принципу наглядности в учебном процессе, умению увязать научные основы с жизненными явлениями, стремился пробудить интерес к изучаемому предмету, пробуждать и развивать в учениках творческую инициативу и научное мышление.

Особенно обильно наглядными пособиями снабжалось преподавание природоведения, географии и истории. Но наглядными пособиями пользовались и на уроках арифметики, и на уроках иностранных языков, преподавание которых велось по натуральному методу. Ученики знакомились со словами, глядя на предмет и производя действие. Изложение по русскому писали, имея перед глазами картину. Ученики часто рисовали с натуры. Теперь наглядные пособия прочно вошли в процесс преподавания, нам даже трудно представить себе, как это можно было обойтись без таблиц, картин и других наглядных пособий, а тогда это было новаторством.

Важное воспитательное значение С.П. Моравский придавал эстетическому развитию. С этой целью в гимназии обязательными для всех учеников были уроки не только рисования, но и пение. Постановка уроков рисования была такова, что целью их было не усвоение технических навыков, а воспитание глаза, развитие наблюдательности и эстетического чувства.

Большое внимание С.П. Моравский уделял оборудованию гимназии, начиная с парт и кончая учебными пособиями, обсерваторией, фотографической лабораторией и учебным кинематографом.

В архиве сохранилось письмо, в котором говорится о выполнении заказа на специальные парты для учеников первого класса, образцы таких парт Сергей

Павлович выбирал сам. Еще до назначения его «исполняющим должность» директора в письме от 20 мая 1907 года Моравский пишет А.К. Опелю (Городской голова Ростова), что он в Москве выбирает и покупает подходящие для 1-х и 2-х классов парты. Он считает, что наиболее подходящий тип парт, такой, как в гимназии Алферовой. Покупку он делает в магазине «Сотрудник школ», где имелись «парты всех существующих типов, сделанные по Эрисману». Сергей Павлович взял 3 размера, чтобы подходили на каждый рост детей.

В 1913/14 учебном году был издан прекрасный фотоальбом Кекинской Ростовской гимназии. Открывает альбом общий вид гимназии, затем – интерьеры: вестибюль, роскошная беломраморная лестница, просторные широкие коридоры, большой актовый зал, лекционная аудитория, кабинеты: физический, естественно-исторический, скульптурный зал, специальный зал для уроков рисования, гимнастический зал, фундаментальная библиотека, докторский кабинет, столовая (во время завтрака); педагогический персонал и служители гимназии; ученики (по классам) – от I до VII с отдельными преподавателями, некоторые – во время ведения урока.

Хороший гимназист – здоровый гимназист

Огромное внимание Сергей Павлович уделял физическому воспитанию учащихся. Он был учредителем и членом Ростовского спортивного кружка (1911 г.).

Общий тон всего строя школьной жизни и характер преподавания по возможности был установлен такой, чтобы ученики не переутомлялись, не приходили в угнетенное состояние, но работали с интересом, по слову Моравского, «не теряя свойственной их возрасту живости и бодрости». Принимались все меры для того, чтобы регулировать количество домашних заданий. Во избежание переутомления детей центр тяжести был перенесен на классные занятия. Расписание уроков составлялось так, чтобы учитывать, в первую очередь, интересы учеников, а не преподавателей.

Перемены между уроками в Ростовской гимназии по возможности проводились на открытом воздухе; во дворе были устроены две большие площадки для игр, зимой на них заливался каток. Ученики занимались гимнастикой и подвижными играми под руководством опытного преподавателя А.И. Девишиева. Такого специалиста С.П. Моравский настойчиво искал в течение года, а когда нашел, убедил городское управление выплачивать ему повышенное жалование, чтобы «переманить» его в Ростовскую гимназию.

В гимназии был организован внимательный врачебный надзор за здоровьем учащихся. Гимназический врач Л.Я. Богданов был квалифицированным и добросовестным и тоже получал жалование выше обычного. Врач регулярно проводил обстоятельный осмотр учащихся, присутствовал в гимназии

во время уроков, а также обязательно обходил квартиры учеников, которые жили не у родителей, лечил на дому всех заболевших учеников. Как видно из докладной записки Л.Я. Богданова, которую привожу ниже, лекарство детям бедных родителей выдавали бесплатно. Врач присутствовал почти на всех педагогических советах гимназии.

В гимназию специально приглашали зубного врача, который должен был провести тщательный осмотр зубов у всех учеников, а потом вылечить тех, кто в этом нуждался. Кроме того, приглашали окулиста для тех учеников, у которых гимназический врач нашел слабое зрение.

Для учеников были организованы горячие завтраки, дети бедных родителей завтракали бесплатно.

Здесь мне хочется привести выдержки из докладной записки Л.Я. Богданова, которую он передал директору, уходя на пенсию в 1912 году. Этот документ представляет несомненный интерес, так как рисует картину врачебной помощи учащимся в Ростовской гимназии.

«С.П. Моравскому, директору гимназии.

Оставляя службу в гимназии, я на основании 4-летнего изучения санитарных нужд учащихся, позволяю себе высказать свой взгляд на организацию в ней врачебно-санитарной части.

В основу всех моих дальнейших суждений легло глубокое убеждение, что как Вы лично, глубокоуважаемый Сергей Павлович, так и Педагогический совет, Ростовское Городское самоуправление и Родительский Комитет одинаково смотрите на гимназического врача, не как на лишний придаток, не как на лишнюю спицу в учебной колеснице.

Гимназии не нужен врач-чиновник. Администрация Кекинской гимназии стремится, как я понимаю, чтобы за учащимися был насколько возможно фактический санитарно-врачебный надзор.

При заболевании – помощь и в гимназии (кабинет врача) и у врача на квартире и обязан явиться на квартиру ученика по вызову.

В гимназии 2 раза в год – обследование учеников по подробной программе – записи результатов осмотра в Общий Санитарный журнал и личные санитарные тетради.

По субботам врач осматривает низших служащих – нет ли у них заразных болезней.

По желанию Педагогического Совета и Родительского Комитета врач иногда устраивает беседы с туманными картинами о личной гигиене; осматривает ученические квартиры, врач обязан наблюдать за чистотой и температурой воздуха в классах, за устройством ученических парт, за посадкой учащихся и пр.

Широко поставленное у нас физическое воспитание (гимнастика, игры, спорт, экскурсии) требуют внимания врача.

Я посещал гимназию не 3 раза в неделю, как требует инструкция, а ежедневно (от 1,5 до 3 часов в день, т. е. около 13,5 часов в неделю), но не успевал делать всего.

Так как число учащихся классов и параллелей растет, то необходим помощник-фельдшер, потому что необходимы: подкожные впрыскивания мышьяка (у нас много малокровных и нервных учеников), массаж, смазывание носоглотки (т. к. многие с хроническим катаром носоглотки).

Наконец, фельдшер, заготовляя лекарства из купленного у дрогистов товара, тем самым, сократил бы расход на выписку лекарств по рецептам из частных аптек для бедных учеников.

Вышеизложенные соображения имею честь представить на усмотрение Вашего Высокоблагородия.

С совершенным почтением

Врач Л. Богданов».

«Внеклассная работа»

Очень важными в педагогическом отношении Сергей Павлович считал экскурсии. Поэтому в гимназии проводились многочисленные экскурсии на местные предприятия и по окрестностям Ростова, прогулки на лыжах и велосипедах, а также более длительные экскурсии – по стране и даже за границу.

В гимназии был организован ряд научных обществ, в частности Общество по изучению Ростовского края, различные кружки, например, любителей природы, кружок любителей астрономии и физики.

Большое внимание педагогического персонала было уделено тщательному подбору книг ученической библиотеки, не было ни одной книги случайной или неподходящей в каком-либо отношении. Ученики читали книги очень охотно.

С.П. Моравский считал, что дело воспитания вообще и развитие дисциплины, в частности, должно быть основано не на страхе и механическом послушании, а на уважении и доверии детей к воспитателям, на сознательном стремлении поддержать честь и доброе имя своего учебного заведения, на сознании своих обязанностей.

В гимназии не было специальных надзирателей.

Исходя из убеждения, что воспитательное воздействие школы тем сильнее, чем лучше отношение учащихся и к ней, и к воспитателям, в гимназии стали проводиться регулярные воскресные собрания. На эти собрания приходили все желающие из учеников и большая часть преподавателей. Здесь они проводили по нескольку часов в совместных занятиях и развлечениях по собственному выбору: занимались фотографией, рисованием, лепкой, музы-

кой, пением, что они делали с удовольствием в воскресные дни в гимназии. Были организованы хор и оркестры, на первых порах – балалаечников, а потом духовой и струнный.

Ученики издавали много разных журналов, сохранилось несколько экземпляров таких изданий: «Ежъ, его не трожь», «Ку-ка-ре-ку», «Наш класс», «Лихорадка», «Звонарь», «Сотрудник», «Известия Кекинского кружка любителей астрономии и физики». Из сохранившихся журналов некоторые – рукописные, а некоторые отпечатаны способом, напоминающим гектограф, многие журналы были напечатаны в Ростовской типографии.

Чтобы иметь некоторое представление о литературных журналах, приведу содержание одного из них: «Наш класс» № 1 (декабрь 1916 г.) – журнал 2-х недельный, рукописный.

От редакции: Журнал издается с разрешения директора – Сергея Павловича.

Цель – «давать возможность товарищам поделиться знаниями, впечатлениями и мыслями друг с другом».

Содержание:

1. Стихотворение «Радостным утром».
2. «Воришки» (быль) рассказ.
3. Стихотворение «Летняя ночь».
4. Отрывок из моего дневника (из путешествий по Кавказу).
5. Стихотворение «Африканская школа».
6. Научный отдел – биография Митрополита Ростовского Иона Сысоевича, который построил Кремль в центре Ростова.
7. Хроника гимназической жизни.
8. Наш юмор.
9. Почтовый ящик.

К журналам старших классов издавались «Приложения». Так, в архиве сохранился один экземпляр «Приложения к журналу "Известия Кекинского кружка любителей астрономии и физики"» - «Михаил Васильевич Ломоносов как первый русский ученый-естествоиспытатель». Это рукописная брошюра-лекция. Автор – А.П. Косминков, преподаватель математики. В брошюре 29 страниц убористого рукописного текста. На обложке и в тексте – портрет Ломоносова.

В большой аудитории гимназии устраивали публичные литературные вечера, посвященные русским писателям (Н. Некрасову, А. Никитину, В. Гаршину, Л. Толстому и др.). На таких вечерах ученики старших классов читали свои доклады и рефераты наряду с преподавателями. Так, в архиве А. И. Неусыхина (Архив РАН, ф. 1634, оп. 1), который окончил гимназию в 1916 году и впоследствии стал известным историком, сохранился его гимназический реферат «Общественные взгляды Л. Толстого».

Устраивались и музыкальные вечера, и любительские спектакли, в которых участвовали гимназисты и преподаватели, но часто приглашали и про-

фессиональных артистов; любопытный факт: в гимназию не раз приезжали Л. Собинов и Ф. Шаляпин.

В гимназии были организованы циклы публичных лекций по самым разнообразным вопросам, причем, приглашались обычно лекторы из Москвы и Петербурга (например, В. Потемкин, А. Гродескул, К.Л. Баев и др.). Спустя годы, в одном из писем (от 17 октября 1941 г.) А.И. Неусыхин писал Сергею Павловичу из Томска, куда он эвакуировался: «Здесь бывают неожиданные встречи: встретил Баева К.Л., который примерно в 1914 году приезжал к нам в Ростов из Москвы читать в гимназии лекцию о звездном небе».

Лекции, литературные вечера и концерты в гимназии привлекали большое внимание и посещались широкой публикой.

«Я не чувствовал себя инородцем...»

Созданная С.П. Моравским гимназия проводила большую научно-просветительскую работу и стала не просто центром, но и подлинным источником просвещения не только в городе **Ростове-Великом**, но и во всем Ростовском уезде. Она была одной из лучших мужских гимназий в России. Уникальность этого учебного заведения еще и в том, что здесь, в мужской гимназии, девушки могли сдавать экзамены экстерном и после успешной сдачи получали аттестат.

С.П. Моравским было организовано еще и Общество для распространения народного образования в г. Ростове и Ростовском уезде Ярославской губернии.

Популярность Моравского как педагога и человека была настолько велика, что он был не только директором мужской Кекинской гимназии, но и председателем педагогического совета женской Ростовской гимназии. Его деятельность на этом посту была также очень успешной, о чем говорит приводимый ниже отрывок из письма учительницы женской гимназии – О. Альбовой.

О. Альбова – С. П. Моравскому

Кострома, 28 октября 1917 г.

Глубокоуважаемый Сергей Павлович!

Мне очень жаль, что не пришлось проститься с Вами, а так хотелось сказать Вам несколько слов на прощанье. Может быть, нам больше не придется встретиться. Одним из лучших воспоминаний о ростовской жизни у меня навсегда сохранится воспоминание о Вашей обаятельной личности, особенно когда Вы, как луч света, проникли в женскую гимназию, и темные силы, господствовавшие там ранее, отошли на задний план и стали незаметны. Вы так хорошо поддерживали всякие добрые начинания в учебной жизни. С Вами легко было работать. В трудную минуту Вы умели дать до-

брый совет и оказать необходимую поддержку. Мне так жаль расставаться с Вами, так тяжело уходить от Вас. Если бы не Вы были Председателем Педагогического совета, меня давно, давно уже не было бы в Ростове. Сейчас я попала в новую формирующуюся гимназию...

Примите уверения в совершенной преданности и почтении.

О. Альбова.

Моравский заботился о том, чтобы преподаватели гимназии постоянно повышали свою квалификацию. Известно, что А.И. Звонилкин знакомился с новыми методами преподавания своего предмета на летних курсах рисования и живописи в Петербурге. А.И. Девишев в 1910-м году принимал участие в учительском семинаре ручного труда в Швеции, Ф.З. Чембулов, преподаватель географии, знакомился с постановкой учебного дела в Бельгии и Англии.

И такое замечательное учебное заведение было вполне доступно детям всех слоев населения, даже беднейших. Плата за учение была невелика 50 рублей в год, причем 20 рублей из этой суммы за жителей Ростова платил город. А дети неимущих по представлению директора полностью освобождались от платы. В 1913-1914 учебном году, когда гимназия доросла до полного комплекта в составе 8 классов с семью параллелями, общее число ее учеников составило 500 человек, а бюджет до 100 тысяч рублей, но из них плата за обучение составляла лишь менее 15%.

Организуя всякого рода сборы средств путем лекций, концертов и т. п. благотворительных мероприятий, удавалось освободить детей малообеспеченных родителей от платы за все, что давала гимназия – от завтраков до экскурсий в Москву, Петербург (Петроград), по Волге, в Финляндию, Крым и даже за границу. Выпускники гимназии 1913-1914 учебного года ездили в сопровождении своих преподавателей в Швейцарию и Германию, о чем мы узнаем из фотографий и писем выпускников (в частности, в поездке по Германии были экскурсии по Берлину и Дрездену).

В гимназии была исключена сословная и религиозная рознь, был снят ценз на число обучающихся евреев, не было дискриминации. Об этом можно судить и по высказываниям преподавателя гимнастики А.И. Девишева, по национальности татарина.

«...Работая в Ростове с 1908 по 1920 гг. никогда я не чувствовал начальственного отношения т. Моравского. Руководящие его указания и советы высоко ценились всеми работниками. Никто в своей работе не обходился без совета Сергея Павловича. И учащиеся, всегда встречая со стороны т. Моравского внимательное и чуткое отношение, считали его наиболее близким, обращались к нему при всех своих затруднениях...

...только в Ростове за все время своей службы в царское время я не чувствовал себя «инородцем», «нехристианином» или «допущенным к препо-

данию» и т. п. случайным временным жителем земли русской». Выпускник гимназии А.И. Неусыхин в своих воспоминаниях в 1939 году пишет:

«...Основанная вскоре после революции 1905 года Ростовская гимназия восприняла, благодаря редкому в то время благоприятному стечению обстоятельств, ее освободительные веяния и сумела пронести их через глухие годы реакции. В ряду этих благоприятных обстоятельств первое место, бесспорно, принадлежит тому факту, что директором гимназии был С.П. Моравский. Ибо именно он сумел подобрать и сплотить вокруг себя коллектив опытных и культурных педагогов, которые различными педагогическими методами – от классного урока до образовательной экскурсии – неуклонно стремились не только дать своим ученикам знания, но и повысить общий уровень их развития и притом в политической сфере в той же мере, как и в области общего мировоззрения: так, в эпоху реакции и разгула национальной травли учителя Ростовской гимназии – в том числе и ее директор С.П. Моравский – выступали на уроках с целыми лекциями, направленными против антисемитизма и его расового обоснования. Ученики платили гимназии и ее директору неизменной и искренней любовью, о чем могут свидетельствовать хотя бы адреса, которые из года в год преподносились директору и отдельным преподавателям кончающими гимназию учениками VIII класса.

Я считаю, что многим в моем интеллектуальном развитии я обязан Ростовской гимназии, ее директору и уверен, что каждый, кто окончил эту гимназию, может сказать то же самое о себе». А. И. Неусыхин, 1939.

А 45 лет спустя, в 1984 году, та же мысль звучала на «Вечере памяти Йоэля Нафтальевича Кобленца (1900 - 1983)». Рассказывая о Кобленце, как историке культуры, председатель Археографической Комиссии АН СССР, академик РАО, профессор С.О. Шмидт сказал: «Широта интересов Й.Н. Кобленца, его незаурядная эрудиция в значительной степени связаны с той школой, которую он прошел в юности. Таким уникальным учебным заведением дореволюционной России была частная гимназия в Ростове Ярославском, которую окончил Й.Н. Кобленц» (ж. Советская библиография, 1985, 2, с. 90).

В преподавании Сергей Павлович совершенно исключал метод принуждения. Один из учеников ростовской гимназии, который бывал у нас в доме в Москве, рассказал нам с сестрой такой эпизод. Однажды на уроке истории Сергей Павлович, который вел урок, вызвал его и за хороший ответ заслуженно поставил ему оценку «5». А к следующему уроку ученик не выучил домашнее задание, так как рассудил, что не будут же его вызывать два раза подряд. Но расчет его не оправдался. Его вызвали… На всю жизнь запомнились ему слова директора: «Значит, ты ходишь на уроки не для того, чтобы получить знания, а чтобы получать пятерки... пожалуйста – вот тебе пятерка...». От стыда он с трудом дошел до своей парты. Щеки его пылали, ноги с трудом передвигались. В классе стояла звенящая тишина. Все сидели, опу-

стив головы. И с тех пор не было случая, чтобы он не выучил урока. И ничто не могло ему в этом помешать.

О педагогическом даре Сергея Павловича мы читаем на оборотной стороне фотографии гимназистки, выпускницы одной из московских женских гимназий, в которых он преподавал до Ростова – до 1907 года. (В архиве Моравского много фотографий его учениц и учеников, с теплыми словами признательности). На этой фотографии (подпись неразборчива) написано следующее: «Вы умели пробудить любовь к предмету без методов принуждения». На другой фотографии бывшей ученицы Чельцовой есть такие слова: «...Позвольте Вас поблагодарить, Сергей Павлович, за всегдашнее Ваше сердечное отношение к нам, воспитанницам. Вы умели нас заинтересовать Вашим предметом и заставляли учиться, не прибегая к строгостям».

В архиве Сергея Павловича сохранился интересный документ: написанный его рукой черновик отчета Комиссии, избранной Педагогическим Советом Ростовской Кекинской гимназии в связи с «циркуляром г. Попечителя» о поднятии нравственного уровня и дисциплины учащихся в школе и за ее пределами. Текст считаю нужным привести полностью, ибо он весьма интересен с педагогической точки зрения и, что особенно важно, очень актуален. Дата на документе не указана, но т. к. в тексте говорится, что «гимназия существует всего 1 год», то можно заключить, что это 1908 или 1909 год.

«Директор сообщил о результатах работы Комиссии, избранной Педагогическим Советом по вопросу о мерах, необходимых для поднятия нравственного уровня учащихся и для установления порядка и дисциплины, как в школе, так и во внешкольной жизни учеников.

Комиссия в составе директора, преподавателей: Ломатиной, Косминкова, Казанцева, Чембулова и Девишева, а также представителей родительского комитета – Милославова и Иванова, после обсуждения порученного ей вопроса в нескольких заседаниях пришла к следующим выводам:

Ввиду того, что ростовская гимназия существует всего 1 год и старший класс в ней пока только 3-ий, она находится в сравнительно благоприятных условиях: особенно тревожных явлений в жизни учащихся, на которые указывает циркуляр г. Попечителя, нет, и поэтому нет повода принимать какие-либо экстренные и чрезвычайные меры. Но тем более, конечно, необходимо обратить внимание на создание таких общих условий и такого строя школьной жизни, которые обеспечили бы и на будущее время возможно большее благополучие в этом отношении: тем более должно быть обращено внимание педагогического персонала на укрепление основ порядка и нравственности, на действительное воспитание, а не только обучение вверенных им детей.

Но наряду с этим необходимы, конечно, и меры борьбы с теми уже существующими уклонениями от желательного порядка, которые в будущем могут сделаться более частыми и разнообразными и принять более тревож-

ный характер, особенно если планомерная борьба с ними не будет вестись с самого начала. Меры эти должны быть, прежде всего, предупредительного характера и при проведении их в жизнь необходимо возможно более участие родителей и вообще семьи учащихся. Всякое нарушение учеником школьных правил должно, конечно, вызвать известную кару, но карая такое нарушение школа обязана употребить все усилия для того, чтобы этих нарушений было как можно меньше, т. к. одними наказаниями нельзя создать настоящего порядка и дисциплины. В основе целого ряда нежелательных явлений в жизни учащихся лежит часто здоровая и естественная потребность, но только получившая дурное направление, вылившаяся в уродливую форму. И бороться с таким явлением нужно не только запрещая такое уродливое проявление и стараясь искоренить его, но и давая возможность удовлетворить самую потребность более нормальным, здоровым образом. Так обстоит дело, например, с посещением учениками разных зрелищ и общественных увеселений. Конечно, надо допускать такое посещение только с разрешения и ведома воспитателей; конечно, некоторые виды зрелищ должны быть совершенно и безусловно запрещены; но этого мало, чтобы устранить или хотя бы свести их к минимуму, надо дать им возможность развлечься без вреда для себя, и вот в этом отношении чрезвычайно важно возможно лучше использовать установившийся в прошлом году у нас обычай собирать учеников в праздники для разумного развлечения их под руководством педагогического персонала. далее здесь в Ростове на ярмарке в течение нескольких недель даются представления в балаганах и цирке, и большей частью такого содержания, которое делает посещение их учащейся молодежью совершенно недопустимым. Но просто запретить - это значило бы обречь себя заранее на неуспех в борьбе с этим злом: слишком уж эти зрелища популярны, доступны, слишком сильна привычка посещать их родителями и родственниками большинства учащихся, неприхотливому вкусу которых они вполне удовлетворяют; многие иногородние родители только на это время и приезжают в Ростов и. желая доставить своим детям удовольствие, ведут их в балаган или цирк. Никакие запрещения не уничтожат этот обычай; педагогическому персоналу пришлось бы чуть не ежедневно дежурить в балаганах, высылать оттуда учеников, вступать в конфликт с родителями, наказывать, доводить дело чуть не до увольнения тех, кто проявит упорство в многократном нарушении постановлений гимназического начальства и т. д. – и все-таки вряд ли удалось бы вывести совсем этот дурной обычай. Очевидно, даже в этом случае, нужно идти навстречу реальным условиям жизни и, входя в соглашение с антрепренерами ярмарочных увеселений, устраивать иногда специально для учащихся представления с соответствующим репертуаром.

То же самое можно сказать и относительно чтения книг: Пинкертонов и Холмсов нужно запретить и все усилия употребить к тому, чтобы изъять

подобные книги из обращения среди учеников: но в то же время надо сделать так, чтобы естественная в мальчике потребность в занимательном (а не только поучительном) чтении могла найти себе более здоровое удовлетворение. В этом отношении в нашей гимназии уже положено хорошее начало, надо только развить дело дальше в том же направлении: ученическая библиотека тщательно и удачно составлена, и следует лишь не оставлять заботы о своевременном пополнении ее достаточным количеством новых книг столь же тщательно подобранных. Полезно и здесь привлечь к делу родителей и даже самих учеников, давши им возможность высказывать свои пожелания относительно приобретения для библиотеки той или другой книги. Кроме того, необходимо облегчить им знакомство с составом библиотеки и выбор из нее книги по своему вкусу, для чего составить каталоги и тем или иным способом сделать их доступными для использования».

«Кусочек подполья». Знакомство со Сперанским

О доброжелательности, готовности всегда придти на помощь С.П. Моравского говорят многочисленные письма учеников Сергея Павловича, коллег по работе, преподавателей и не только их.

За помощью и советом часто к нему обращались и совсем незнакомые люди, так как его имя и участливость были широко известны.

Об этом свидетельствует, в частности, и сохранившаяся открытка, присланная в 1916 г. с таким предельно коротким адресом: «Ростов Ярославский. Сергею Павловичу Моравскому».

Добрая слава о С.П. Моравском распространилась не только в Ростове, но и далеко в округе. В результате сложилась такая репутация, что к нему ехали все, кто оказывался в трудном положении.

Ярким свидетельством этого может служить история знакомства Сергея Павловича и Александра Николаевича Сперанского, впоследствии известного историка, профессора Историко-архивного института в Москве. Эта история настолько необычная, что выглядит как приключенческий рассказ.

Перед событиями 1917 года Александр Николаевич, тогда студент, был связан с нелегальными студенческими кружками. Как-то в летние каникулы он собирался поехать к родственникам в Киев, и ему было поручено отвезти киевским студентам нелегальную литературу. По пути в Киев он решил навестить отца, который был священником у Троицы (в 2-х километрах от Борисоглеба под Ростовом). У отца Александр Николаевич собирался провести несколько дней.

В пути он настороженно следил за тем, чтобы за ним не было «хвоста», словом все время был начеку. Отец был очень рад сыну, а на следующий день,

уходя по служебным делам, сказал ему: «Саша, будь дома к обеду, я вернусь, и мне надо будет с тобой поговорить».

Эта фраза очень насторожила Александра Николаевича. Он стал мучительно думать, уж неизвестно ли отцу что-нибудь о его нелегальной деятельности. В это время он сидел у открытого окна в отцовском доме. Окно выходило в сосновый бор (Троица в ту пору - это церковь и только 2 жилых дома для служителей церкви, окруженные сосновым бором). Был жаркий летний день. Воздух был душным. Это усиливало тревожное состояние юноши. Надвигалась гроза. По небу ползли черные тучи. Драматизм ситуации нарастал. Юноша чутко ко всему прислушивался. Он уже слышал, как в соседней комнате накрывали на стол. Час обеда приближался. Значит скоро придет отец, что-то он скажет?! В это время он слышит чьи-то шаги, кто-то поднимается по ступеням крыльца. Женский голос спрашивает: «Кто там?». Слышится ответ: «Тут к отцу Николаю с обыском...». «Обыск!! Вот она развязка!» – стучит в висках юноши. В то же мгновение и в природе разразилась гроза: вспыхнула ослепительная молния, раздался оглушительный удар грома, и начался проливной дождь, как из ведра. Все это произошло в одно мгновение, и решение принято – бежать, скрыться. Александр Николаевич, как сжатая пружина, выскакивает из окна и бежит в лес. Ливень скоро прекратился, тучи исчезли. Промокший до нитки Александр Николаевич до вечера скрывался в лесу и думал, а что же делать дальше. Уехать – нельзя: на вокзале, конечно, его сразу схватят; идти к кому-то из знакомых – тоже нельзя, прежде всего, его будут искать там. Так что же делать, куда деваться?! И тут он вспоминает, что слышал о необыкновенном директоре Ростовской Кекинской гимназии. Прогрессивные взгляды директора Кекинской гимназии – С.П. Моравского были известны не только гимназистам и преподавателям самой гимназии, но и далеко за ее пределами.

И, дождавшись темноты, Сперанский пошел лесом, минуя дороги и селения, в Ростов. К счастью, была луна. И все-таки надо было пройти около 20 километров. Уже глубокой ночью он постучался в квартиру директора. Сергей Павлович выслушал взволнованный рассказ юноши и сказал: «Прежде всего, вам нужно переодеться, поесть и выспаться. Вам еще потребуются силы. У меня вас искать не будут. А утром я постараюсь выяснить ситуацию». Он дал ему свою одежду, накормил и уложил спать у себя в кабинете. Утром, приняв все меры предосторожности, Сергей Павлович поехал к Троице. И вот, подъезжая к Борисоглебу, он видит едущего ему навстречу, тоже в тарантасе, священника.

Этот священник не был знаком Сергею Павловичу, но по обычаю того времени, люди, встречаясь, даже незнакомые, здоровались. Поэтому он не удивился, когда священник, остановив лошадку, поздоровался. Но дальнейшее было приятной неожиданностью. Священник обратился к Сергею Павло-

вичу по имени и сказал, что он едет к нему за советом. Священник был очень взволнован. Назвав себя – отец Николай из Троицы-бор, он сказал, что у него пропал сын-студент, и он не знает, как ему поступить. Заявить в полицию о розыске он не решается, т.к., не дай Бог, сын попал в какую-нибудь некрасивую историю. Он наслышан о доброжелательности и мудрости Сергея Павловича, поэтому очень просит помочь ему. Моравский стал его обстоятельно расспрашивать, потом высказал предположение:

– Может быть, к сыну зашел кто-нибудь из его приятелей, и он с ним ушел?

– Да, нет, никто не приходил! – ответил отец Николай.

– Но, может быть, кто-то приходил к Вам и передал приглашение сыну к кому-нибудь из товарищей? - спросил Моравский.

Отец Николай задумался, потом сказал как-то неопределенно:

– Ко мне – приходили... как раз перед самым обедом, но я еще не вернулся... Они были с обыском...

Сергею Павловичу стоило большого труда, чтобы не выдать своего волнения и спросить спокойно:

– С каким обыском?

Отец Николай ответил обыденным тоном:

– Так называется церковная книга гражданских актов.

Сергей Павлович готов был расхохотаться – вот уж воистину у страха глаза велики! Но ситуация была очень напряженной. Спрятав улыбку в усы, он постарался успокоить несчастного, растерянного отца. Он убедил его никуда не обращаться и вернуться домой. Сергей Павлович сказал, что примет все необходимое, чтобы разыскать юношу, что он почти уверен: тот задержался у кого-нибудь из товарищей и, чтобы не возвращаться очень поздно, придет сегодня. Вот так произошло знакомство Сергея Павловича и Александра Николаевича Сперанского. Позже они подружились и были близкими друзьями до конца своих дней.

Историю эту я так хорошо помню потому, что и Сергей Павлович, и Александр Николаевич, который часто бывал у нас в доме, не раз с удовольствием вспоминали ее.

Эхо добра

Отзывчивость и доброжелательность С.П. Моравского согревали душу многим, оказавшимся в затруднительных обстоятельствах. Общение с ним духовно обогащало его друзей и учеников, было для них школой жизни и человечности.

Многочисленные письма учеников сохраняют благодарную память о нем, человеке редкой душевной одаренности, без которой нельзя стать настоящим педагогом.

Вот выдержка из письма группы кекинцев, которые уже окончили гимназию и училсь в Москве (С. Воронов, А. Талицкий, Л. Савелов) – они пишут в годовщину основания гимназии 5(18) октября 1917 года.

«Дорогой Сергей Павлович!

Одновременно с приветственной телеграммой шлем свое искреннее и сердечное поздравление Вам и дорогой гимназии с годичным праздником 5 октября и десятилетним юбилеем... душой и сердцем с Вами... и желаем процветать гимназии еще много, много лет под Вашим, столь памятным и дорогим нам руководством.

Здесь, в Москве, с гордостью мы называем себя Вашими воспитанниками и заявляем, что благодаря Вам наша гимназия, как была при Кассо, так осталась и при Игнатьеве, не изменила своего направления и при Кульчицком, осталась верною себе и при Мануйлове. Да, этим мы можем гордиться, и за это Вам наше искреннее и глубокое спасибо, которое мы будем мысленно приносить Вам всю нашу жизнь. И в этот день позвольте нам еще раз высказать Вам свою горячую любовь, любовь детей к своему второму, школьному отцу, от которого мы не скрывали ничего и с которым мы всегда делились своими радостями и горестями. «А как Сергей Павлович...», «Надо к Сергею Павловичу...», «Попросим у Сергея Павловича...» – постоянно говорили мы, зная, что Сергей Павлович нам поможет, нам посоветует, нам не откажет. И за это Вам глубокое, сердечное наше спасибо... Мы никогда, никогда не забудем, что мы – воспитанники Кекинской гимназии, т.е. Ваши воспитанники...»

О доброжелательном и заинтересованном отношении С.П. Моравского к ученикам рассказывают и выдержки из писем родителей З. Падеревского, который учился в гимназии, самого З. Падеревского и его товарищей.

«Ваше Превосходительство!

Позвольте от всей души, от всего сердца поблагодарить Вас, Ваше Превосходительство, и весь учительский персонал вверенной Вашему Превосходительству гимназии за эти отцовские отношения, о коих писал нам сын наш, с чувством глубокой благодарности; по его словам, вы, как и должно

быть, требовательны, но требовательны по-отцовски; мы здесь свыклись с иными отношениями...» (Варшава, 6.V.1915 г.).

«Ваше Превосходительство, Многоуважаемый Сергей Павлович!

После окончания экзаменов мы уехали из Ростова в Ярославль и, сделав оттуда экскурсии по Волге, для познакомления с Россией, мы возвратились в Варшаву и, собравшись вместе, мы сочли своим долгом искренно поблагодарить Вас за все любезные отношения, которые вы нам, иностранцам, оказали... Мы всегда с глубоким уважением будем вспоминать Вас и Вашу гимназию.

Мечислав Тырховский
Збигнев Падеревский
Ян Кржижкевич
Чеслав Пиотровский
8.VI.15 г.

Значительное число корреспондентов – ученики и ученицы Сергея Павловича, которые обращались к нему с просьбой помочь продолжить образование или найти работу, с выражением признательности за помощь.

Сергей Павлович продолжал заботиться о своих учениках и помогать им и после окончания обучения. С этой целью даже было организовано «Общество вспомоществования бывшим воспитанникам ростовской гимназии». Касса была большой поддержкой на первых порах самостоятельной жизни выпускников.

Следующие выдержки из писем бывших кекинцев ярко характеризуют отношение С.П. Моравского к своим воспитанникам.

«Сергей Павлович! Сердечно благодарю Вас за заботу обо мне, результаты которой для меня так важны. Вообще Ваше доброе отношение оставит в нас, бывших Ваших воспитанниках, тот светлый уголок, который будет светить нам во время нашей борьбы с темнотой жизни...» (Б. Колдомасов, 1914(15) г.).

«Многоуважаемый и дорогой Сергей Павлович!

Шлю Вам свою горячую благодарность за Вашу помощь. Она меня не удивляет, ибо я Вас всегда знал как благороднейшего человека. Это не лесть, я не льстил никогда...» (Чернявский Николай Борисович, 1915).

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Так как перед отъездом мне не удалось повидать Вас и поблагодарить, то позвольте выразить Вам хоть теперь мою глубокую благодарность за ту моральную поддержку, которую я всегда встречал у Вас, когда я висел между средним

и высшим учебным заведением, и за ту реальную помощь, благодаря которой передо мной раскрылись двери политехникума...» (Лев Иосман, 1915 г.)

Сергей Павлович просил помочь этому своему бывшему воспитаннику (также, как и многим другим) поступить в высшее учебное заведение. Об этом упоминается в трех ответных письмах Д.М. Петрушевского к Моравскому. В выполнении этой просьбы Сергея Павловича, возможно, участвовал не только Д.М. Петрушевский, но и другие. В письмах упоминаются П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, М.А. Дьяконов, В.А. Бутенко, А.А. Чупров, Н.И. Кареев.

Преподаватели гимназии также обращались к Моравскому с любыми просьбами. Вот выдержка из одного такого письма. Преподаватель А.П. Пашкевич писал из Бердичева 13.VII (без года), будучи в рядах Красной Армии, что его жена едет к нему из Ростова, и просит ей помочь:

«...Зная Вашу отзывчивость и постоянную готовность оказать свою помощь, я уверен, что Вы не откажете мне в этой просьбе и заранее выражаю Вам свою горячую благодарность.

Искренне уважающий Вас

А. Пашкевич».

О том, что девочки сдавали экзамены при Кекинской мужской гимназии, упоминается в письме А.И. Неусыхина (бывшего ученика Сергей Павловича), в котором он просил помочь устроиться на работу М.Н. Кобленц, своей будущей жене.

А.И. Неусыхин – С.П. Моравскому

г. Петровск, Ярославской обл.

23.VII.19 г.

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Прошлым летом я обращался к Вам с просьбой о месте для меня, и Вы тогда сделали все, что могли, чтобы удовлетворить мою просьбу. Воспоминание об этом, а также и всегдашняя Ваша отзывчивость дают мне основание вновь просить Вас о том же, но на этот раз уже не за себя. Хочу оказать «протекцию» подательнице этого письма, Маргарите Николаевне Кобленц... Образовательный ценз – 7 классов Ростовской женской гимназии, пять дополнительных экзаменов при нашей мужской».

В архиве сохранилось немало писем от учащихся и преподавателей из многих учебных заведений разных городов с просьбой о содействии в проведении экскурсий по г. Ростову, а потом – с выражением благодарности за внимание и заботу об экскурсантах: «за сердечный и ласковый прием», «за внимание, радушие и гостеприимство», «...экскурсанты в полном восторге от гимназии, от озера и от Ростова вообще...» (Е. Кирпичникова, без даты).

Сохранились письма от экскурсантов из Москвы, Малаховки, Санкт-Петербурга (Петрограда), Лесного, Варшавы, Ярославля, Александрова, Рыбинска, Саратова. В Ростов на экскурсии приезжали также из Выборга, Нарвы, Пошехонья, Нерехты, Переславля, Юрьева-Польского, Владимира, Костромы, Углича, Подольска, Твери, Калуги, Смоленска, Минска, Николаева, Екатеринбурга и из многих сельских училищ Ярославской губернии.

О готовности помочь, о неизменной доброжелательности Сергея Павловича говорит и следующая выдержка из письма.В. Шишкиной С.П. Моравскому. 1914 г.

«Многоуважаемый Сергей Павлович!

Сегодня получила посланные Вами 50 рублей. Нет слов выразить Вам свою благодарность за Ваше отношение ко мне. Ваша искренняя готовность поддержать меня материально теперь, а пять лет тому назад такое же искреннее стремление помочь мне выбраться на дорогу, трогает меня до слез.

Вы извините мне мою искренность, Сергей Павлович, но я не могу не ценить: ни Ваших часов отдыха, которые Вы отдавали мне, ни того, что Вы, больной, продолжали давать мне уроки, ни того доверия ко мне, как к человеку, несмотря на то, что в 25 лет, когда я занималась у Вас, я была еще совсем дикарь по своему развитию, ни Вашей материальной поддержки, цену которой я не могу не понять, зная, что ее уделяют мне не из запасного капитала.

Как люди преклоняются перед гением, авторитетом и талантом, часто приходится видеть; но чтобы люди в каждом простом смертном уважали человека – редко. Особенно редко выражено это у людей с положением. Вот эта черта, уважать в другом человека, присущая Вам, и дала мне смелость обратиться к Вам с последней просьбой совершенно искренне и без боязни быть непонятой.

Я знаю, что мое письмо не довольство, а скорей смущение вызовет у Вас, вот почему я и прошу извинить мне мою искренность в своем рассуждении о Вас.

В. Шишкина».

Ветры перемен. Новая власть – прежние принципы

В марте 1917 года был создан Ростовский уездный комитет общественной безопасности. Председателем был единогласно избран С.П. Моравский, как наиболее популярный прогрессивный деятель в Ростове. Комитет существовал до декабря 1917 года.

Моравский по-прежнему был директором гимназии. После событий 1917 года педагогическая деятельность Сергея Павловича значительно расширилась. Его мечта о всеобщем народном образовании осуществлялась, и он активно включился в строительство новой школы. Моравский остался на своем

посту, возглавляя гимназию, которая теперь стала называться единой трудовой школой 2-ой ступени № 2. В феврале 1918 года должность директора была упразднена, во главе стал педагогический совет, который единогласно избрал его своим председателем. Позднее в 1918 году он возглавлял в должности заведующего школой, оставаясь в этой должности до сентября 1922 года.

В гимназии давно торжествовали демократические принципы, поэтому она органично влилась в новую систему народного образования. Но встала задача внедрить демократические принципы просвещения в многочисленные земские, частные, церковноприходские школы разных направлений, создать единую общедоступную трудовую школу на основе положения, разработанного Наркомпросом. Ростовский уездный исполком предложил С.П. Моравскому как лучшему педагогу и организатору школьного дела возглавить работу по преобразованию всех школ города и уезда в единые трудовые.

С 15 августа 1918 года Моравский утвержден членом Коллегии уездного отдела народного образования (УОНО). Коллегия состояла из председателя УОНО и двух членов. Моравский был членом Коллегии до 1922 года – года ее упразднения.

1 сентября 1918 г. под руководством Сергея Павловича была организована смешанная комиссия по проведению школьной реформы в городе и уезде. В течение двух месяцев – до ноября проводились подготовительные работы. Чтобы учителя могли освоить новые методы обучения и некоторые трудовые навыки, были открыты педагогические курсы на 60 человек, где учили приемам аппликации, картонажного дела, изобразительного искусства, лепки, рисования и др.

На педагогических курсах также преподавали историю развития социалистических идей, политэкономию и советскую конституцию, занятия по которой вел сам Моравский.

После ряда уездных совещаний, в которых принимали участие и представители Ростова, школьная реформа была осуществлена. В результате были созданы единые трудовые школы 1 и 2 ступени. Школ 1 ступени (куда входили младшие классы) было создано в городе – 14, в уезде 212; школ 2 ступени (старшие классы): в городе 4, в уезде – 3. Учащихся в школах и 1 и 2 ступени было около 20 тысяч. Но, кроме школ в Ростове, существовали и другие учебные заведения, подведомственные УОНО: сельскохозяйственный техникум с ремесленной школой при нем и педагогические курсы, которые впоследствии были преобразованы в педтехникум. На этих курсах Моравский с сентября 1919 года по август 1923 года преподавал всеобщую историю и советскую конституцию.

Здесь следует сказать, что сельскохозяйственный техникум был создан в Ростове в 1917 г., но хлопоты об его учреждении велись еще раньше и С.П. Моравский принимал в этом активное участие. А когда на заседании Город-

ской думы 3.III.1917 г. было принято решение о создании комиссии для разработки вопросов, связанных с открытием техникума (училища) уже к 1917/18 учебному году, то в эту комиссию входил и Сергей Павлович. Он входил в нее, как представитель учебного ведомства. Вместе с ним из Кекинской гимназии входили также преподаватели: Г.К. Веригин, С.А. Галашин и В.В. Казанцев.

Кроме того, при УОНО были гидротехнические и бухгалтерские курсы, а также музыкальная школа. Большая заслуга С.П. Моравского в том, что порученное ему преобразование всех школ города и уезда в единые трудовые было проведено им настолько успешно, что школы всего района безболезненно перешли на новые рельсы. Им не пришлось пережить даже кратковременного периода развала, который наблюдался тогда во многих районах России. И из всей Ярославской губернии школьная реформа успешно прошла только в Ростове и его уезде.

Успеху отчасти также способствовала и профсоюзная организация работников просвещения, в которой Моравский с самого начала принял самое активное участие: сначала – в качестве товарища председателя правления Ростовского отделения профсоюза, а потом в течение нескольких лет – председателя (1919-1922 г.).

Несомненный интерес представляют выдержки из стенограммы доклада С.П. Моравского об организации трудовой школы в Ростове на уездном съезде учителей в январе 1919 года.

С.П. Моравский начал свой доклад словами, что главная цель настоящего съезда – желание вдохнуть бодрость в ряды школьных работников и создать радостное настроение для предстоящей работы в реформированной школе.

Главная задача реформы – уничтожить разницу между отдельными типами школ, за исключением профессионального и технического.

Необходимо не натаскивание учеников, а подготовка по существу, на основах новой трудовой школы. Учителя должны дать учащимся всестороннее развитие, возбудить в них стремление и жажду к продолжению образования.

Первым шагом С.П. Моравского по реформированию школы стало проведение общих собраний для решения принципиальных и технических вопросов. Таких собраний в Ростове прошло 14.

Отделом Народного образования (ОНО) для городских учащих были устроены краткосрочные курсы, на которых главное внимание было обращено на знакомство с природой, живое и разумное, а не схоластическое; преподавание изобразительных искусств, разрешение задач эстетического и физического воспитания. Вообще занятия по этим предметам, по убеждению Моравского, следовало вводить во всякие курсы: «Теперь надо забыть деление предметов на важные и неважные: музыка, пение, рисование - все это важно, все должно занимать в школе одинаковое место с другими предметами».

Курсы – это наиболее доступный способ подготовки учащих. В дальней-

шем сами учащие путем самообразования должны помогать себе в работе, а не ждать указаний сверху.

Характеризуя отношение к старой и новой школе, Моравский говорит: «К старой школе мы привыкли, новую школу - эту прекрасную незнакомку надо полюбить. В ней осуществятся те мечты, которыми жили и старые, поседевшие на службе работники, и юноши, только что вступившие на путь школьной работы, которым внешние условия мешали воплотить их в жизнь. Вся работа в прежней школе сводилась к борьбе с внешними условиями. И если в старой школе было что хорошее, то это не потому, что исполнялись циркуляры и предписания, но потому, что умели их обходить».

Докладчик указывает общие, характеризующие новую школу черты. Школа будет общественной, т.е. она осуществит совместное обучение; будет светской, т.е. освобожденной от пут клерикализма; общедоступной – в ней каждый может пройти законченный путь среднего образования; трудовой – в ней будет царить здоровый, целесообразный труд, возвышающий человека, делающий его царем природы. Труд, развивающий максимум самодеятельности учащихся. Последнее относится, правда, больше к учащимся II ступени, где ученики сами должны принимать широкое участие в школьной жизни, где должно осуществляться не столько обучение, сколько самообучение. Чем больше разовьем мы в учащихся самодеятельность, тем более приблизимся к поставленной цели.

Как инспектор ОНО Сергей Павлович входил в советы трех школ и одного детского сада. В течение нескольких лет, с самого начала их учреждения в Ростовском уезде, Моравский возглавлял в качестве председателя Уездные комиссии при ОНО: по делам несовершеннолетних правонарушителей (IX.1918 - VI.1922 г.) и по ликвидации неграмотности (1.VIII.1919 - 1.II.1922 г.). В 1921-1923 годах он трижды избирался членом Ростовского горсовета. Кроме того, Сергей Павлович был членом Бюро Ростовского Отделения Всероссийского Учительского союза; членом Коллегии по Охране памятников старины при Ростовском отделе Народного Образования; Ростовского Музея Древностей; совета Труда и обороны; был председателем товарищеского суда.

В архиве есть проект устава товарищеского суда 2-ой советской школы 2-ой ступени. Вот некоторые выдержки из него, которые представляют определенный интерес и в наше время:

«Создается постоянный, единый, гласный суд с участием присяжных заседателей. Суд разбирает конфликты между учащимися школы и между учащимися и школьными работниками. Решение суда обязательно для обеих сторон.

В случае неподчинения постановлению суда, виновный увольняется из школы.

Состав суда: 3 судьи (1 школьный работник, 1 ученик и 1 ученица) и 12 присяжных заседателей.

Выборы прямые – на 1 год.

Необходимо: 1) участие в выборах не менее 2/3 школьного коллектива;

2) кандидат должен получить абсолютное большинство голосов. Председателя избирают судьи из своей среды.

Разбор дела – при открытых дверях (гласно), но в исключительных случаях – состав суда может закрыть двери для посторонних.

Наказания, которые выносит суд:

1. Возмещение убытков.
2. Извинение: в суде, перед классом, перед коллективом школы.
3. Порицание.
4. Лишение каких-то прав (занимать должность, присутствовать на каких-то увеселениях).
5. Временное удаление из школы.
6. Исключение из школы, но в этом случае решение суда должен утвердить (или нет) коллектив школы.

В те годы Сергей Павлович получал многочисленные приглашения на различные заседания: секции Единой школы I Всероссийского съезда по просвещению; II Ростовского уездного съезда работников просвещения, приглашение Ростовского Механического техникума на 5-летнюю годовщину техникума – на акт I выпуска; на открытие железнодорожной школы; Центральный Гуманитарно-педагогический институт просит Моравского принять участие в разработке программ по обществоведению.

Особо следует выделить письмо, датированное 8.XI.1918 г. следующего содержания:

«Общее Собрание учащих Борисоглебского р-на в Заседании 26/X-с.г., организовавшись в Борисоглебское Учительское Общество, постановило просить Вас взять на себя инициативу организации Уездного Учительского Общества, которое могло бы защищать профессиональные интересы учащих всего уезда».

Все эти годы, несмотря на огромную организаторскую работу в Уездном отделе народного образования и других общественных учреждениях, Моравский не оставляет преподавательскую деятельность. Он преподает всеобщую историю и советскую конституцию не только в школах Ростова-Великого, но и в Педтехникуме (I.IX.1919– VIII.1928 г.), на пролеткурсах (X.1919 г. - V.1922), на вновь открывшемся Ростовском государственном рабфаке (1922/23 уч. г.); в 1921 и 1922 годах он читает курс лекций по истории Востока и истории средневековья в Ростовском Отделении Московского Археологического института.

В трудовой школе 2-ой ступени № 2 (бывшей Кекинской гимназии), которой заведовал С. П. Моравский с декабря 1918 года, трудовое воспитание учащихся расширилось и стало более целенаправленным. При школе была организована переплетная мастерская, учащихся обучали сапожному делу. С весны 1919 года при школе был создан огород. Экскурсии на предприятия

теперь проводятся не только с целью ознакомления, но и формированию снов профориентации.

В заключение обзора деятельности Моравского в Ростове приведем адрес IV выпуска гимназии (1917 г.), в котором с особой полнотой высказывалось сердечное отношение выпускников к Сергею Павловичу в год революции.

Ученики IУ выпуска, Ростов-Великий, 1917

Дорогой Сергей Павлович!

Мы называем Вас дорогим. Это не пустой звук, не простая формальность. Нет, это слово вырвалось из самой глубины наших сердец. Вы, действительно, дороги нам. Вы своим вдумчивым к нам отношением покорили нас. Вы заслужили не только наше уважение, но и нашу любовь. На каждого из нас Вы смотрели не просто как на номер в общем списке учеников, но, прежде всего, старались видеть личность, видеть в каждом из нас человека. Мы чувствовали это и доверчиво делились с Вами своими заботами, шли к Вам за всяким разъяснением и советом. Покорные необходимой внешней дисциплине, мы были внутренне свободны; наших убеждений никто не насиловал.

Умело подобранный Вами педагогический персонал широко и беспристрастно освещал перед нами общие вопросы, связанные со специальностью каждого отдельного преподавателя. Мы могли получить возможный для средней школы тахітит знаний. Все было для этого нам предоставлено. Если мы не получили, то только по своей вине.

Под Вашим умелым руководством гимназия давала нам не одни только научные знания: она была для нас школой общественности. В тяжелые времена старого режима, когда правительство душило всякое проявление общественной жизни, когда в большинстве учебных заведений о ней можно было лишь мечтать, - Вы дали нам возможность собираться в стенах гимназии и обсуждать волнующие нас вопросы. Благодаря этому мы приобрели известные общественные навыки. И не с пустыми руками выйдем мы на арену жизни, а худо или хорошо вооруженные.

Сейчас припоминаются первые дни революции... Какой поток возбуждения пронесся по всем учебным заведениям! Все почувствовали, что как будто спали с плеч какие-то оковы. Все стали требовать и требовать. Требования были часто нелепы, но в них чувствовалась давнишняя озлобленность, старая вражда. У нас было спокойно. Нам почти нечего было желать. Почти все уже мы получили от Вас.

Вы готовили из нас граждан свободной России, И мы с гордостью можем назвать себя воспитанниками Ростовской Кекинской гимназии, которая была свободной и до свобод!

Честь и слава нашей незабвенной гимназии! Честь и слава и глубокая наша признательность ее руководителю! 32 подписи».

Кекинцы и революция. Память и благодарность

Тема революции присутствует и в адресе VI выпуска, учеба которого закончилась раньше времени – в 1918 г. Обращаясь к Сергею Павловичу, ученики писали: «Вы старались всеми силами пробить нам дорогу к светочу знания, но судьба против нас, и нам приходится против желания преждевременно расстаться с Вами...». Речь идет о том, что в январе 1918 г. вышло постановление Наркомпроса об ускорении выпуска 8-го класса. Основанием для такого декрета стало указание на рознь между учителями и учащимися. Но ученики ростовской гимназии энергично протестовали против выполнения этого постановления. Представители учащихся самочинно явились на педагогический совет гимназии 30 января (12 февраля) 1918 года, когда заслушивался этот декрет Наркомпроса, и заявили о своем крайне отрицательном к нему отношении. Утверждение о «розни между учителями и учащимися» им казалось неприложимым к их гимназии.

Покинув гимназию, ее бывшие выпускники свято относились ко дню рождения своего учебного заведения. В годовщину 5(18) октября, где бы они ни жили, они собирались вместе, а в Ростов, в гимназию посылали телеграммы и письма. У Сергея Павловича в архиве сохранились коллективные поздравления от «Уполномоченных 1 выпуска», от «Кекинцев политехников», от «Студентов кекинцев», от «Студентов университета» и целый ряд писем от отдельных учеников и две телеграммы 1921 и 1922 гг. от группы выпускников и бывших преподавателей, которые переехали в Москву. Вот текст коллективной телеграммы, посланной в 1921 году:

«Кекинцы в Москве, собравшись в день акта своей Ростовской Метрополии – Кекинской гимназии у А.И. Девишева, чтобы вспомнить годы, проведенные в ее стенах в качестве учителей и учеников гимназии, неразрывно связывали свои воспоминания с Вашим именем, дорогой Сергей Павлович. В общей беседе, зашедшей далеко за полночь, были помянуты все, оставшиеся в Ростове и ушедшие в вечность Кекинцы, но Ваше имя, оставшееся для всех нас одинаково милым, поминалось особенно часто.

Мы просим принять наши единодушные и сердечные приветствия и вместе пожелания сохранить еще на долгие годы и свои силы, и бодрость духа в уверенности, что всегда Вы останетесь в нашем представлении тем центром, вокруг которого создавалась гимназия, собирались ее работники и связывались вместе с учениками в одну большую, бодрую и дружную семью.

Мы просим Вас также передать от нас оставшимся в Ростове старшим и молодым кекинцам наш искренний привет и нашу уверенность в непрекращающуюся внутреннюю связь, созданную годами дружественной совместной работы.

Надеемся, что день 5/18 октября и на будущее время будет соединять всех нас в общих воспоминаниях о дорогой гимназии Кекина, созданной Вами

и неотделимой в нашей памяти от Вашей личности.

Пока живете вы, что-то остается живое и от сошедшей в область истории самой дорогой нам Alma mater».

1921 г.

Подписи: преподаватели – Е. Мороховец и его жена, К. Котрохов и его жена, А. Девишев, С. Покровский, А. Траубенберг, бывшие ученики - 9 подписей.

Снова Москва (1923 – 1942)

1923. Снова Москва, снова работа

В 1922 году ухудшается состояние здоровья Сергея Павловича: у него больное сердце и бронхиальная астма. И в сентябре 1922 г. он отказывается от заведывания школой, но еще продолжает преподавать. Однако, приступы астмы настолько участились, что он вынужден был отказаться от преподавания вовсе.

И после окончания учебного года – в августе 1923 года Сергей Павлович уезжает из Ростова в Москву. Отец поехал сначала один, чтобы поступить на работу, получить жилье, и тогда уже перевезти маму и Софу (меня еще на свете не было). Живя в Москве один, папа очень скучал, о чем говорят хотя бы эти две выдержки из его писем: «У моих соседей есть девочка, годом моложе Софочки, очень хорошая; и когда она лепечет за стенкой со своими папой и мамой, мне иногда так досадно и горько делается, отчего это не мое красное солнышко» (1.Х.24) и «Когда увижу на улице девочку вроде Софочки, так сердце и сжимается, чуть не плачешь с досады, что не можешь обнять и приголубить свое красное солнышко ненаглядное».

Еще до окончания работы в Ростовской школе С.П. Моравский в письме от 18.IV.23 г. обращается к Д.М. Петрушевскому с просьбой «наметить что-нибудь конкретное для меня в Москве».

Первое время по приезде в Москву – с августа 1923 г. по ноябрь 1924 года – Сергей Павлович занимался литературной работой – сотрудничал в «Вестнике НКПС», в «Международной летописи», издававшейся тогда Социалистической Академией, в «Экономическом обозрении». В 1924 г. он поступает на должность экономиста в Госплан СССР, затем – ученого экономиста учетно-планового отдела Госторга РСФСР (декабрь 1924 – май 1927). Занимаясь мировым рынком хлеба, льна, кожсырья и пушнины, он опубликовал по этим вопросам более 50 статей в журналах «Экономическое обозрение», «Внешние рынки», «Вестник льняного дела», «Внешняя торговля» и «Советская торговля».

В эти же годы Моравский активно участвовал в работе Института истории РАНИОН по составлению пособия для вузов «История в источниках. Социальная история средневековья». В соавторстве с А.И. Неусыхиным был составлен раздел о древних германцах (М., 1927, под ред. А.Д. Удальцова), он участвует и в переводе II и III томов «Всеобщей истории хозяйства» Г. Кунова.

Судя по той деятельности, к которой перешел Сергей Павлович после переезда в Москву, можно заключить, что Д. М. Петрушевский предложил ему заняться работами, представляющими интерес для высших учебных заведений и научных учреждений.

С 1927 г. по 1935 г. С.П. Моравский - ответственный классификатор, старший научный сотрудник Отдела Библиографии Международного Аграрного

Института (МАИ), затем превращенного во Всесоюзную Ассоциацию сельскохозяйственной библиографии (ВАСХБ).

Кроме того, в 1933 г. он работает (по соглашению) в Публичной Библиотеке СССР им. В.И. Ленина по систематизации литературы в разделе история (феодализм). В документах архива отмечается высококвалифицированная работа Моравского, способствовавшего научной постановке библиографического дела в МАИ и ВАСХБ. После ликвидации ВАСХБ (декабрь 1935 г.) он становится переводчиком Исторической редакции Соцэкгиза на договорных началах. Работа Моравского дала русскому читателю ряд высококачественных переводов научных трудов; в том числе новый перевод работы М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (М., Огиз, Соцэгиз, 1939, 186 с.). Названная книга представляет собой курс лекций, прочитанных М.М. Ковалевским в 1890 г. на французском языке в Стокгольмском университете. Эта работа в оригинале была использована Энгельсом при переработке труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое вышло в 1891 г. Перевод Моравского книги Ш. Пти-Дютайи «Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков» вышел в 1938 г. (М., Соцэгиз, 422 с.). Переведенные им книги Луи Альфана «Варвары» и Ж. Вейля «Пробуждение национальностей и литеральное движение (1815-1848 г.)», намеченные к выпуску в плане Соцэкгиза на 1940 г. не были напечатаны. В архиве С. П. Моравского сохранились также неизданные его переводы – труды Ш. Сеньобос «Политическая история современной Европы», «Мемуары госпожи Ролан» с примечаниями к ним, составленными Моравским, и «Всеобщая история хозяйства» Г. Кунова – гл. V-IX в т. II и гл. XII-XIV в т. III.

Все эти годы, занимаясь переводами, С.П. Моравский продолжает и научно-исследовательскую работу.

С 1939 по 1941 г. Моравский работал в Фундаментальной библиотеке Общественных наук Академии Наук СССР, занимается библиографией, составляет аннотации книг научно-исследовательского содержания по различным разделам исторической науки (на русском и иностранных языках). Он был высококвалифицированным консультантом по различным вопросам исторической библиографии. Моравский участвовал в подготовке издания Институтом истории АН СССР «Всемирной истории»: - с 1939 г. он редактировал составляемую для нее сотрудниками Библиотеки АН СССР библиографию и (по договору с Институтом истории) подобрал рисунки для I и V томов средневековой истории, составил хронологию для I тома и синхронистические таблицы. По поручению Соцэкгиза Моравский рецензировал подготовлявшуюся к печати книгу по истории культуры (отдел средневековой культуры), и редактировал перевод книги А. Дебидура «Дипломатическая история Европы с Берлинского конгресса».

В 20-е годы, когда в стране проводилась большая работа по повышению грамотности и развитию культуры широких слоев населения, С. П. Моравскому была поручена переработка романа Джованиоли «Спартак» для массового читателя. Им было написано краткое историческое введение и предисловие. Последнее хочется здесь привести, чтобы показать его бережное отношение к автору.

«При настоящей переработке знаменитого исторического романа Джованиоли имелось в виду исключительно сокращение его с целью сделать его более доступным массовому читателю, как по цене, так и благодаря большей простоте построения и изложения. В том виде, как он вышел из-под пера Джованиоли, этот роман при всех своих общепризнанных художественных достоинствах представляется, однако, несколько громоздким и потому довольно трудным для неподготовленного читателя, так как он изобилует второстепенными действующими лицами, вводными сценами и описаниями, главная интрига переплетается в нем с несколькими побочными. Все это очень ценно и интересно само по себе, но в то же время рассеивает внимание неискушенного читателя и мешает ему сосредоточиться на основном сюжете этого замечательного произведения – на великой исторической драме борьбы пролетариата за свои попранные права и на личной драме Спартака, его внутренней борьбе между сознанием своего политического долга и влечением сердца, борьбе, в которой политический вождь берет в конце концов верх над счастливым любовником. Составитель этой книги и поставил себе задачей выделить это основное содержание романа, но при этом тщательно избегал того приема, к которому обычно, к сожалению, прибегают в таких случаях, а именно – излагать произведение Джованиоли, в целях его сокращения и упрощения, своими словами составитель считал, что и сокращение, и упрощение может быть в полной мере достигнуто исключительно путем устранения всего второстепенного, но без искажения главного. Таким образом читатель получает, правда, очень сокращенного «Спартака» джованиоли (5 листов вместо 30), но все же настоящего Спартака, а не пересказ составителя, того самого Спартака, которого так художественно изобразил знаменитый итальянский автор, и притом изложенного (в тех частях, которые сохранены) почти слово в слово так, как это сделал сам Джованиоли.

К роману приложено краткое историческое введение, необходимое для читателя, незнакомого с историей Рима. С. Моравский».

В последние годы им были написаны следующие работы: «Книги и письмена» - статья для «Настольного календаря» на 1940 год (с. 142-144), лекция для радио «Великое переселение народов» (1940 г., в архиве сохранился автограф) и статья «Рыцарство» для «Энциклопедического словаря» Граната (М., 1941. 7-ое изд., т. 36, ч. VII, с. 844-848 (с подписью).

Москва, семья

Я пыталась рассказать о Сергее Павловиче гражданине, показать, что вся его жизнь – это подвиг во имя служения народу, Родине. Но мне хочется подчеркнуть, что гражданские поступки не рождаются на пустом месте: человек формируется с детства и, прежде всего, в семье. Здесь я расскажу о нашей семье.

Мы жили очень дружно, отношения были искренние, открытые. Поэтому в нашем доме любили бывать люди. Пусть и читатель как бы войдет в наш дом.

Из Москвы папа писал маме очень часто. За период с сентября 1923 г. по январь 1925 г. сохранилось 27 писем и 2 телеграммы. И в каждом письме он спрашивает про Софу. Папа очень любил сестру и называл ее Солнышком. Софа действительно была очаровательным и очень занятным ребенком, об этом говорили все. В конце каждого письма читаем: «Крепко целую тебя и наше ненаглядное солнышко»; или – «наше красное солнышко». А в письме от 29 сентября 1923 г. папа пишет: «Завтра Софочкины именины. Поздравляю ее с днем ангела, а тебя с именинницей. Целую свое солнышко несчетное число раз в беленький лобок, в серенький глазок, в маленький носок, в губки, в щечки и во все места». Здесь звучит сказочный сюжет. Папа уехал из Ростова, когда Софе было почти 2 года, и он уже рассказывал ей некоторые сказки. В одном из писем он спрашивает, помнит ли Софочка сказку про Красную Шапочку и Снегурочку. Софа с нетерпением ждала папиных писем, которые мама ей читала, а часто Софа просила перечитывать их по нескольку раз. Сама она, естественно, читать пока еще не умела, но 1 .V.25 г., когда ей было чуть больше 4-х лет, папа пишет, что послал ей азбуку.

Папа был любящим и нежным отцом и всегда был искренним, правдивым, никогда не кривил душой. Когда на свет появилась я (в январе 1924 г.), то т. к. солнышек не может быть два, я стала называться «Полсолнышко». 3 июня 1924 г. папа пишет маме: «Я Шуру уж теперь немножко больше люблю, а как подрастет, наверное, буду очень любить». 8.VIII.25 г. читаем: «Крепко-крепко целую тебя, и Солнышко ненаглядное, и милое Полсолнышко», а 1.IX.25 г. – «Крепко-крепко целую тебя, Софочку и Шурочку. Шурочку я теперь очень люблю».

Мама с Софой и со мной переехала в Москву в 1925 году. Наша семья поселилась в Трубниковском переулке в доме № 26, принадлежавшем КУБУ (Комитету улучшения быта ученых, который тогда возглавлял академик С.А. Чаплыгин, а отец был членом КУБУ).

7-этажный дом, на 6-ом этаже которого мы поселились, был построен в 1912 году, как доходный дом. После Октябрьской революции квартиры превратились в коммунальные. Так, в нашей 6-комнатной квартире жило 5 семей. У нас была очень хорошая, большая (36 м^2), красивая комната с пятью

окнами и эркером (бывшая гостиная). Эркер отделялся от остальной части комнаты двумя величественными ионическими колоннами. Колонны очень украшали комнату, придавая ей необычный торжественный вид, особенно, если учесть, что потолки были высокие – 3,5 м. Двумя шкафами мы отделили часть комнаты с эркером. Конечно, при этом «торжественный вид» ее несколько поблек, но таким образом у нас стало почти две комнаты. А незакрытая шкафами верхняя часть колонн с очаровательными ионическими завитками продолжала радовать глаз. В «комнате за колоннами» разместились спальня и кабинет, а в «первой комнате», куда вела входная дверь - детская и столовая. В ней стояли две наши с сестрой кровати, буфет, книжный шкаф, диванчик, кресло и посередине комнаты – большой обеденный стол. Получилось немножко тесновато, но, тем не менее, очень уютно.

И мы сами и все наши знакомые очень любили наш дом. А теснота была относительная. Когда мы были маленькие, то не только вдвоем с сестрой, но даже и в компании с нашими сверстниками во время детских праздников, умудрялись бегать по комнате (правда, главным образом вокруг стола), а уж играть в прятки, так было просто раздолье. Несмотря на постоянные материальные трудности, родители все-таки считали необходимым иногда устраивать для нас детские праздники. Обычно их было 3 в течение года: дни рождения – мой и сестры и елка. К нашим детским праздникам готовились заранее, всей семьей обсуждали различные детали. А к елке мы с сестрой сами делали некоторые игрушки. Подобные приготовления уже сами по себе приносили много радости. Родители всегда были активными участниками детских праздников.

Когда мы с сестрой подросли и на домашние праздники собирались уже не дети, а молодежь, то стол отодвигали, и было достаточно места даже для танцев. Несколько пар одновременно могли танцевать фокстрот и танго, которые были в моде в дни нашей молодости, правда, вальс можно было танцевать только по две пары. Но житейскую тесноту помогало переносить то, что у нас была еще маленькая комнатка при кухне – бывшая комната для прислуги, площадью немного меньше 6 метров. Эта комнатка очень выручала семью, особенно она была необходима для работы отца, но об этом - чуть позже.

Дни рождения мамы и папы тоже отмечались, но уже без гостей, только в кругу семьи. Мама, конечно, пекла пирог. Из папиных рассказов мы знали, что в Киеве в его день рождения была традиция – подавать пирог с вязигой. И мама с радостью переняла эту традицию (в те годы в магазинах продавали вязигу). И в папин день рождения мы имели удовольствие лакомиться таким очень вкусным пирогом. Мы с сестрой ко дню рождения родителей старались приготовить им какой-нибудь подарок: что-то нарисовать, выучить новое стихотворение (а иногда и написать самим), пропеть новую песенку, что-то вышить, особенно это удавалось Софе. Она была рукодельницей-мастерицей, замеча-

тельно вышивала гладью – одним из наиболее трудных способов вышивки.

Здесь мне хочется вспомнить и некоторые другие моменты нашей жизни. Отец часто рассказывал нам сказки, и мы с Софой очень любили их слушать.

Придя со службы (как в то время говорили), папа еще много работал дома. А т.к. у него уже было больное сердце, то ему приходилось на некоторое время прилечь, прежде чем сесть за письменный стол. И вот этот небольшой промежуток времени отец безраздельно посвящал нам. Мы с сестрой устраивались около него на кровати и слушали... За один раз рассказывалась только часть сказки, а потом были бесконечные продолжения, которые отец часто придумывал сам. Когда сказка все-таки кончалась, а потом кончались и другие наиболее известные сказки, то начинались «вариации на тему». Так была рассказана не только «Красная шапочка», но «шапочки» всех цветов. После того, как мы устраивались около отца, он спрашивал: «Ну, про какую же «шапочку» вам рассказать сегодня?» Фантазия отца была неистощимой. Приключения «шапочки» нового цвета никогда не повторялись.

Сказочные персонажи часто фигурировали в нашей повседневной жизни. Так, например, если папа хотел, чтобы я принесла ему что-то или что-то сделала, то он обращался ко мне так: «Шурка-Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой» и давал какое-то поручение.

Мама, может быть, меня любила немножко больше, чем сестру, а кроме того, я не так охотно, как сестра, включалась в домашние дела, поэтому я была «старухина» дочь, а сестра – «старикова».

Сергей Павлович любил доставлять удовольствие всем, а детям – особенно.

Продолжая «сказочные» сюжеты, вспоминаю, какое огромное удовольствие получали мы с сестрой, когда папа что-нибудь «приманивал» с помощью «волшебной силы». Чаще всего это происходило осенью. Во-первых, потому, что нас на все лето, то есть на несколько месяцев отправляли в деревню к маминым родителям, куда папа приезжал только на 1-1,5 месяца отпуска, и, естественно, к осени мы уже все очень скучали друг о друге, а, во-вторых, только осенью появлялись арбузы и дыни, которые вся семья, а мы дети – особенно, очень любили, и вот они-то, в основном и «приманивались». Вернувшись осенью в Москву, мы только и ждали, когда же будет «волшебство», но «волшебник» часто был очень занят, а когда очередь доходила до нас, то происходило это следующим образом. Мама покупала арбуз или дыню, мыла и убирала так, чтобы мы не видели. А потом, когда папа приходил с работы и ложился отдохнуть, покупку незаметно для нас клала ему под подушку. Мы, конечно, не очень верили в «волшебника», особенно сестра, которая была на 3 года меня старше. Поэтому перед папиным приходом тщательно обследовали его постель и все места в комнате, где можно было что-то спрятать. Когда отец приходил с работы, мы бежали его встречать и осматривали его, не принес ли он что-нибудь с собой.

Но никогда нам ничего не удавалось найти. Все-таки дети есть дети, и родителям всегда удавалось нас «обхитрить». После небольшого, но всегда чрезвычайно увлекательного и просто захватывающего предисловия отец говорил: «И вот теперь, по щучьему велению, по моему хотению, появись у меня под подушкой хорошенькая дынька!», Мы тут же лезли под подушку и, о чудо! там действительно лежала дыня! Но ведь ее же там не было! Мы сами смотрели!..

Я как сейчас вижу своих родителей (мама всегда присутствовала при «волшебствах»): сколько радости было написано на их лицах, когда они видели нашу радость и восторг!

Хочется подчеркнуть, что, несмотря на большую занятость, несмотря на плохое здоровье, из-за чего отец был лишен возможности свободно повозиться с детьми, он все-таки находил и какое-то время и какой-то способ доставить это удовольствие и детям и себе.

Вспоминаю еще одну игру, придуманную отцом для нас. Эта игра называлась «землетрясение» и происходила следующим образом: отец лежит на кровати на спине, ноги его согнуты в коленях. В игре принимали участие не только мы с сестрой, но и наши двоюродные братья, которые часто гостили у нас, и другие дети – наши сверстники, часто бывавшие в нашем доме. И вот мы по очереди садимся к папе на колени. Кто-то уже сидит, папа придерживает его за руки и начинает рассказывать какую-нибудь увлекательную историю о необыкновенном путешествии. Все слушают, затаив дыхание, потому что представляют себя путешественником где-нибудь в пустыне на верблюде или на дереве в тропическом лесу, спасающимся от диких зверей, а в это время начинается «буря» - папа потихонечку начинает раскачивать колени вправо и влево. Сидящий на коленях так увлечен рассказом, что даже не замечает раскачивания. Буря усиливается, превращается в ураган или землетрясение, или буря в море. «Кораблекрушение!» – говоря так, папа выпрямляет ноги – это происходит так неожиданно, что раздается общий детский визг восторга, и того, кто свалился с колен на постель, и тех, кто ждет своей очереди, чтобы совершить такое же путешествие.

Свет души

Я уже не раз говорила, что папа очень любил детей и не только своих, а всех детей, и дети отвечали ему такой же искренней любовью.

Вот одна из картинок: «Сергей Павлович и дети».

В нашем доме на 5-ом этаже жила молодая семья, у которых были очаровательные близнецы Норочка и Ленечка. В то время, о котором мне хочется рассказать, им было года 3-3,5. Это были темноволосые черноглазые крошки.

Их большие круглые черные блестящие глазки были как спелые вишни после дождя, а головки были в прелестных кудряшках.

В конце 1930-х годов лифт в нашем 7-этажном доме практически не работал. Но тогдашний домоуправ проявлял хоть какую-то заботу о жильцах, и на 3-ем и 5-ом этажах были поставлены садовые скамейки, чтобы жильцы, идущие на верхние этажи, могли передохнуть. Мы жили на 6-ом этаже, и отец, у которого, как я уже упоминала, было больное сердце, всегда пользовался этими скамейками. И многие другие жильцы также садились отдохнуть. Таким образом, скамейки стали местом общения.

В часы, когда папа приходил с работы, часто возвращались с прогулки Норочка и Ленечка со своей няней. Тогда они вместе отдыхали на скамейке 3-го этажа. И я не раз видела такую трогательную картину, которая навсегда запечатлелась в моей памяти: отец сидит на скамейке. У него на коленях Норочка. Она весело щебечет. Привалившись к другой ноге отца и облокотившись на нее, стоит серьезный и молчаливый Ленечка. Одной рукой папа держит Норочку, другой обнимает Ленечку. Он внимательно слушает Норочку и улыбается: видно, что он получает истинное удовольствие.

А однажды, придя домой, он рассказал с веселой улыбкой: «Сегодня по обыкновению беседовал с Норочкой. В это время проходил кто-то из жильцов. Здороваясь, я снял шляпу, а потом не надел ее, а положил на колено. Норочка увидела мою непокрытую голову с большой лысиной, вдруг стала серьезной и умолкла. Потом сказала с глубоким вздохом: «Как у тебя мало волосов!». Но в этот момент взгляд ее упал на бороду, и она весело закричала: «А... я знаю, где твои волосы!».

В нашей семье существовала традиция – в воскресные дни, если была хорошая погода, всей семьей отправлялись гулять на Воробьевы горы, весной ходили смотреть ледоход на Москва-реке. Этого дня дети ждали с нетерпением. Теперь ледоход как-то не замечается, это не считается событием, а во времена моего детства (1930-е годы) казалось вся Москва – и дети, и взрослые, очень заранее только и говорили: «Как там на реке... Когда может начаться ледоход... Только бы не пропустить!».

С удовольствием вспоминаю нашу дружную семью. Центром ее всегда был отец, он задавал тональность общей жизни семьи, оберегал крепость ее устоев. Светлые воспоминания о нашей семье согревают мою душу.

Преодолевая трудности

Характеризуя отца как человека, хочется подчеркнуть, что никакие жизненные трудности, а на его долю выпало их немало, не смогли оказать отрицательного влияния на его душу.

Он никогда не был резким, я никогда, да, вероятно, и никто не видел его раздраженным, тем более угрюмым. Хотя поводов было предостаточно: и

плохое здоровье, и большая усталость – нагрузка не по годам, и всевозможные житейские трудности.

И ухудшение здоровья не могло испортить характер отца, Я помню, какие изнурительные приступы кашля мучили его. Просто страшно вспомнить! Особенно сильными приступы были по утрам. Бронхиальная астма усугублялась тяжелейшим хроническим катаром горла – профессиональной болезнью педагогов, особенно после стольких лет работы с огромной ежедневной нагрузкой. Удушающие приступы кашля часто кончались кровохарканьем. Несколько облегчал его страдания горячий крепкий чай. Стакан с чаем всегда стоял и на его ночном столике, и на рабочем столе. Работая, он время от времени должен был сделать 1-2 глотка чая, чтобы предупредить или хотя бы смягчить приступ кашля.

Сейчас принято недоброжелательность людей друг к другу, их всевозможные дурные поступки объяснять материальными трудностями.

Однако, и это мое глубокое убеждение, все зависит от нравственного воспитания.

Из архивных материалов отца видно, что в течение большей части своей жизни он находился в стесненных материальных обстоятельствах. Ему часто приходилось брать деньги в долг. Однако, из многих писем видно также, что и сам он, когда у него была хоть малейшая возможность, охотно давал в долг другим.

Вот несколько выдержек на эту тему из писем:

Д.М. Петрушевский, 28 авг. (10 сент.) 1892 г.

«...Если до какого-нибудь числа сентября (получка от Кареева) можете снабдить меня рублями 20-ю, буду весьма благодарен. В таком случае высылайте немедленно же по получении этой цидули. На нет и суда нет. Ваш Д. Петрушевский».

М.О. Гершензон (1899-900 г.).

«...Если у Вас есть, дайте до завтра 10 руб. – до зарезу нужно. Или сколько есть».

А.Д. Степанова (6.VIII.1907 г.).

«…возвращаю Вам 10 рублей...»

И уже на моей памяти – наша семья почти не вылезала из долгов. Особенно было трудно, когда после тяжелой болезни сердца отец не мог ходить на работу, поэтому регулярного заработка не было, и мы жили только на то, что он зарабатывал переводами.

Вспоминаю, как в те редкие дни, когда Соцэкгиз выдавал деньги по договорам, вечером, после того, как мы с сестрой уже ляжем спать, родители, полагая, что мы уже заснули, тихо начинали обсуждать, кому надо отдать долг в первую очередь, а кто еще может подождать, и как долго он сможет ждать, и когда появится новая возможность вернуть долг и т.д. и т.п.

И вот по всем этим причинам мы жили очень скромно, более чем скромно. И тем не менее отец старался не терять оптимизма, умел сохранять чувство юмора.

Мама вела хозяйство предельно экономно и все-таки иногда, в отдельные

воскресные дни умудрялась испечь пирог с капустой, который у нее очень удавался. Нам, детям, покупала немного сладостей, а папе, чтобы доставить и ему маленькое удовольствие, покупала 100 граммов сыра «Рокфор» и маслин, которые он очень любил. И вот, за таким праздничным столом отец шутя говорил: «Конечно, все это очень приятно, но часто есть такие вещи вредно, хотя добровольно отказываться от них трудно. Поэтому то, что у нас мало денег, имеет свои плюсы. Мы избавляемся от язвы желудка, которая непременно появилась бы, имей мы возможность каждый день есть подобные деликатесы».

Душа общества

Отец неизменно был душою общества. Его добрые выразительные карие глаза светились улыбкой. Ему всегда было присуще обаяние. Его душевное благородство отражалось на всем его облике. Он всегда выглядел элегантным. Но элегантность отца вовсе не была следствием дорогой, шикарной одежды. Судьба не баловала его. Как я упоминала, практически вся его жизнь прошла в стесненных - в той или иной степени - материальных обстоятельствах. Но элегантным папа был всегда, в чем бы он ни был одет. Это было его свойство. Вспоминаю отца в последние годы жизни, когда ему было уже более 70 лет. Он ходил на работу в черной суконной толстовке. Толстовку сшила мама, переделав из старого сюртука; мама не была настоящей портнихой, поэтому с профессиональной точки зрения толстовка была далеко не идеально сшитой, но на отце она выглядела очень хорошо, и в ней он был элегантным. Летом отец ходил в полотняной толстовке – из сурового льняного полотна.

На наших детских праздниках папа с удовольствием участвовал в играх, руководил более шумными и подвижными. Играли в прятки, ставили шарады.

На детских праздниках самым желанным гостем всегда был Александр Николаевич Сперанский. О необычных обстоятельствах знакомства отца с Александром Николаевичем я уже рассказала. Потом между ними возникла очень теплая дружба, продолжавшаяся до конца их жизни. Сперанский, хотя и был на 25 лет моложе папы, но пережил его менее, чем на 1 год, У него было больное сердце, и он умер в январе 1943 г.

Александр Николаевич был человеком большой души, он часто бывал у нас и один, и с женой Ксенией Ивановной, тоже очень милой. Когда они приходили к нам, то в доме возникала замечательная, совершенно незабываемая атмосфера искренней, взаимной и всеобщей симпатии.

Александр Николаевич, блондин, среднего роста, с очень живыми веселыми голубыми глазами, был обаятельнейшим человеком, И он очень любил детей (своих детей у них не было), а дети его просто обожали. Ни один детский праздник не проходил без него. Если в назначенный день Александр

Николаевич почему-либо не мог придти, то праздник переносили. С детьми он играл, показывал бесконечные фокусы. Оторвать от него детей и увести домой было невозможно. Когда детей приглашали на праздник, то они прежде всего спрашивали: «А фокусник будет?» (Фокусником они называли Александра Николаевича).

Сергей Павлович – человек, который так много сделал для людей, был человеком чрезвычайной скромности и высокой требовательности к себе. Показателем этого может служить составленный им список своих работ, вкоторый вошли только 47 работ. При описании же архива установлено, что в действительности работ более в 3-4 раза больше.

Скромность была присуща значительной части русской интеллигенции конца XIX – начала XX века. Эти люби делали огромное важное дело – несли знания, просвещение в массы, действительно «сеяли разумное, доброе, вечное» и делали это скромно.

Характерна выдержка из письма А.Д. Алферова С.П. Моравскому 4.VI.1901. (Речь идет о работе «Комиссии по организации домашнего чтения» - этого Первого заочного университета России, результаты просветительской деятельности которой огромны):

«...Хоть каплю человеческого, а все-таки вносим мы в жизнь и работаем не бесплодно». Об этих же качествах Сергея Павловича говорит и Д. Н. Ушаков, известный филолог, член-корреспондент Академии наук СССР. Привожу выдержку из его письма.

Кристальная справедливость и человечность С.П. Моравского особенно наглядно проявлялись при выполнении им таких общественных обязанностей, как председатель ростовской комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей (IX.1918 - VI.1922) и председатель товарищеского суда и в Ростове и затем – в Москве (1931-1941).

Сергей Павлович не раз выступал в суде в качестве защитника. Приведу выдержки из писем двух матерей правонарушителей.

1. «Многоуважаемый Сергей Павлович!

Примите мою глубокую благодарность за защиту, благодарность жены и матери. И дай Бог, чтобы Ваше слово на суде было авторитетно, как всегда.

Мария Благовещенская»

2. «Многоуважаемый и дорогой Сергей Павлович!

Простите меня ради Бога, что я беспокою Вас.

Осмеливаюсь это делать, зная Вашу доброту, благородную доброту, если можно так выразиться.

(Подпись неразборчива)».

С.П. Моравский всегда принимал активное участие в общественной жизни того коллектива, где он работал, и в доме, где жил. Будучи сотрудником

МАИ и ВАСХБ и др., он вел работу по профсоюзной линии: он был членом, а потом председателем ревизионной комиссии месткома, кассы взаимопомощи, уполномоченным секций научных работников.

А с 1931 года, как только были учреждены товарищеские суды, Моравский был избран председателем суда в нашем доме и ежегодно вновь переизбирался вплоть до 1941 года, до отъезда в семьи в деревню в Великую Отечественную войну.

Летом 1931 года товарищеский суд был создан сначала в доме № 26 по Трубниковскому пер., где жила наша семья (дом принадлежал жилтовариществу научных работников (КСУ – комитет содействия ученым – бывший КУБУ). Позднее в этот же товарищеский суд вошли и жильцы другого дома КСУ – дома М 15 по Зубовскому бульвару.

В бытность председателем товарищеского суда особенно ярко проявились необыкновенные редкие качества души отца - его беспредельная доброжелательность и чуткость, его объективность и беспристрастность. В те годы научные работники жили в коммунальных квартирах. В одной квартире часто жило по 5-6 семей. Каждая семья по 4-5 человек: чаще всего в семье было по двое детей, и еще обычно жил кто-нибудь из стариков (бабушка или дедушка) или другие родственники. В лучшем случае семья занимала 2 комнаты, а часто – 1. Вся квартира готовила в одной кухне, на одной газовой плите. Поэтому легко представить себе, что при такой скученности конфликтов было очень много. Когда отец приступил к обязанностям председателя, имелось несколько пухлых папок с заявлениями. Он не только справедливо судил, но и учил, как надо относиться друг к другу, как избегать конфликтов, а уж если конфликт возник, то не усугублять его. Чтобы конфликты не разгорались, он разрешил приходить к нему в любое время, чтобы разобраться в ситуациях с самого начала и не доводить дело до суда. Постепенно папки с заявлениями стали тоньше. Судились уже только самые закоренелые и неисправимые.

Будучи однажды избран председателем Товарищеского суда, отец избирался на эту должность непрерывно. Даже когда в 1935 г. после очень тяжелой болезни сердца, а, кроме того, ему тогда уже шел 70-ый год, он настойчиво пытался отказаться от этой, в сущности, очень обременительной общественной нагрузки, у него ничего не вышло. Отпустить его с председательства никак не хотели. Выбрали несколько дополнительных заместителей, обещали всевозможную помощь, но настояли, чтобы председателем все-таки оставался Моравский.

И действительно, надо было быть именно Сергеем Павловичем, чтобы разобраться в тех, часто предельно запутанных и сложных ситуациях коммунальных квартир. Ему помогала его кристальная честность и справедливость. Как бы человек ни был ему близок и дорог он не мог покривить душой.

Уже сама нравственная чистота, духовное благородство отца при общении

его с людьми оказывали на них благотворное влияние. Часто после собеседования люди понимали, что они поступили неправильно и забирали свои заявления, и конфликт улаживался без суда. На собеседование отец обязательно вызывал каждую из сторон (отдельно), прежде чем назначить заседание суда.

Немалую роль играло то, что большинство жильцов папа знал лично. Это обстоятельство иногда облегчало, а порой и осложняло ситуацию.

Я помню одно дело, когда в суд подали два профессора – один на другого. Квартиру занимали только эти две семьи. Ссора сначала началась между детьми, потом в нее включились их матери, а потом и отцы, участие которых крайне обострило положение.

И вот, перед заседанием Товарищеского суда, на которое было назначено слушание этого дела, к папе приходит его старый и хороший знакомый. Этот знакомый дружил с одним из конфликтующих профессоров. Цель визита – уговорить Моравского осудить другого профессора: осуждение могло стать мотивом для его отселения, и тогда «хороший» профессор окажется единоличным владельцем квартиры.

Отец внимательно выслушал все «доводы», а потом спокойно ответил: «Как бы ни был хорош Ваш друг в других ситуациях, но в данном случае виноваты оба. Их безобразные поступки заслуживают всяческого порицания. И на чьей бы стороне ни была моя личная симпатия, будут осуждены и оштрафованы оба. Вы просите меня помочь, я с удовольствием помогу и сделаю все, чтобы они разъехались».

И в той коммунальной квартире, в которой жила наша семья, тоже иногда складывались «конфликтные» ситуации. Мама, конечно, «жаловалась» папе, и он всегда был неизменно объективен и справедлив. Мягко и терпеливо объяснял он, что мама не только не должна поступать неправильно, но ее поступки должны предупреждать появление конфликтных ситуаций. Мама всегда соглашалась, и так сохранялся мир. Честность, правдивость папа считал одним из главных человеческих качеств. И нас – своих детей – он такими воспитывал. С самого раннего детства он говорил и мне, и сестре: «Я прощу любую шалость, но если ты будешь говорить неправду, я не смогу любить тебя».

Правда и обман

В нашей семье говорили только правду. И малейшая ложь считалась самым большим проступком. В этой связи хочется рассказать об одном случае, который глубоко потряс отца.

(Я не буду называть имена действующих лиц, так как я описываю этот случай исключительно для того, чтобы полнее нарисовать портрет именно Сергея Павловича).

В течение всего периода жизни нашей семьи в Москве с 1925 по 1941 год - у нас в доме часто бывал А., почти каждую неделю.

А. был учеником отца. И отец его очень любил и много ему помогал и когда он был юношей, и когда он стал взрослым человеком.

При всех визитах А. (за редким исключением) присутствовала мама. Она почти всегда была дома, т. к. не работала. У нее было плохое здоровье, и ее сил едва хватало лишь на то, чтобы вести домашнее хозяйство. Мама была гостеприимной и радушной хозяйкой и всегда угощала А. (так же, как и других знакомых), уж чаем-то во всяком случае, даже если он приходил с коротким визитом, и при самых затруднительных у нас материальных обстоятельствах.

Как я уже упоминала, в 1934 г. отец очень тяжело болел. И когда он все-таки поправился, здоровье его было в таком состоянии, что врачи запретили ему ходить на работу. Но семью (жена и двое детей-школьниц 2-го и 5-го класса) надо было кормить. И с 1935 г. он стал работать по договорам в Социально-экономическом издательстве (Соцэкгиз), делая переводы книг с французского, немецкого и других языков. Переводы были единственным источником существования всей семьи. Но работа в издательстве не была регулярной, многое зависело от того, появится ли в очередном плане издательства какая-нибудь подходящая литература, а также и от того, какому переводчику дадут ее перевести.

Волею судьбы оказалось так, что А. в эти годы также работал в Соцэкгизе. С ним вместе работал другой ученик отца - назовем его В.

А. неизменно и часто продолжал бывать у нас.

Здесь необходимо сказать, что у мамы было очень чуткое сердце, поэтому часто она сердцем чувствовала то, что разум еще не улавливал. Порой она замечала такие детали, которые для других были совершенно невидны.

И вот благодаря этим своим способностям мама стала замечать, что А. неискренен с папой. О своих впечатлениях она, конечно, рассказывала ему, на что он сначала отвечал: «Ну, это тебе кажется, почему же я ничего не замечаю». Но такие наблюдения повторялись, и тогда отец, которому было очень горько это слышать, сказал маме, что она ошибается, и попросил ее больше такого не говорить.

А это время было периодом, когда он закончил перевод одной книги, и уже довольно долго ничего нового для перевода ему не предлагали. Однако, и А. и В. говорили, что появилась интересная книга, по тематике очень близкая папе, и хорошо было бы, чтобы он ее перевел. Надо лишь подождать, когда книгу включат в план издательства. Время шло, и при каждой встрече они оба повторяли, что план еще не утверждали. Потом, какое-то время спустя, когда уже стало явно, что план должен быть утвержден, они сказали, что эту книгу в план не включили.

Было очень жаль, потому что у отца работы никакой не было, но ничего не поделаешь. Приходилось где-то занимать деньги, что-то придумывать и надеяться на лучшее!

Но однажды к нам пришел У. Это был хороший знакомый отца. В то время У. был без работы и пробивался переводами. Отец знал о его трудных обстоятельствах и относился к нему очень сочувственно. У. сказал, что он просит Сергея Павловича помочь ему, так как А. и В. дали ему перевод, но книга от его специальности далека, но это как раз тема Сергея Павловича.

Отец, как всегда, очень доброжелательно и обстоятельно помогал. Вопросов и неясных для У. мест было много, и они работали до позднего вечера. Мама по обыкновению поила их чаем. Папа внешне был совершенно спокоен. Но мама своим любящим внимательным взглядом заметила, что он взволнован. Когда отец работал, обычно руки его лежали на столе. Но, если он волновался, то пальцы рук он сплетал иначе, чем обычно. Будучи в курсе всех дел, мама все поняла. Кончив работать, папа проводил У., сказав ему, что если у него возникнут еще вопросы, пусть приходит, он охотно ему поможет.

Обычно после чьего-либо визита отец обменивался с мамой впечатлениями и новостями. На этот раз он молча ушел и лег на кровать.

Мама предупредила нас с сестрой, что папа плохо себя чувствует, чтобы мы к нему ни с чем не обращались и тихо ложились спать.

Сама мама всю ночь не сомкнула глаз – очень боялась за отца – такого еще никогда не случалось.

А он всю ночь пролежал, не раздеваясь, как лег, так и лежал, будто окаменел. Лишь под утро произнес: «Как же они могли сказать мне неправду?! Почему?! Как они, зная меня, могли подумать, что я не захочу передать перевод У.? ». После паузы он добавил (имея в виду мамины наблюдения): «Прости, к сожалению, ты была права».

Знал ли У. о лжи А. и В. и пришел к отцу, потому что не хотел участвовать в их обмане? (Я знаю, что У. был порядочным человеком и с большим уважением и любовью относился к папе). Или случайность открыла обман, как это часто бывает в жизни, - осталось неизвестно.

Быт и работа

На склоне лет, уже умудренный жизненным опытом, он пришел к выводу, что ранняя женитьба неразумный шаг. Хотя он очень любил свою первую жену, но все-таки понял, что его ранняя женитьба была опрометчивым поступком. Об этом он говорил не раз, очень опасаясь, чтобы Софа «не выскочила» рано замуж.

Первая жена Сергея Павловича умерла в 1911 году, и он долго – в течение восьми лет не женился вновь, хотя многим женщинам он нравился, среди них – несколько его коллег, в том числе и некоторые преподавательницы Кекинской гимназии, мечтали выйти за него замуж. Об этом мы знали и от мамы, а иногда

и из шутливых «подтруниваний» над отцом кого-нибудь из Ростовцев (многие из Ростовцев часто бывали у нас в доме). Двух папиных поклонник даже знала и Софа. Но папа женился только в 1919 году и выбрал маму, которая появилась в Ростове в 1918 году.

Софа «с пристрастием» расспрашивала папу, почему он выбрал именно маму, а не S и не N. и не др. На что он отвечал – у мамы доброе сердце. Если бы не мама, меня уже давно не было бы, и вы были бы сиротами. Мама в молодости была довольно красива, хорошо сложена, но не это определило выбор отца, а ее душевные качества.

Я пишу обо всем этом потому, что мне хочется более полно нарисовать портрет Сергея Павловича.

Нам с сестрой он часто подчеркивал, что в человеке главное – его душевные качества. Ни внешний облик, ни социальное положение не могут и не должны играть определяющей роли в оценке человека. Основными свойствами характера – души отца были доброжелательность, отзывчивость, участливость, т. е. полное отсутствие какого-либо равнодушия, безучастности. И очевидно, именно поэтому он, в конце концов, перешел на ночной режим работы.

Эта привычка начала появляться еще в молодости, еще в студенческие годы.

При его общительности и отзывчивости - днем к нему обращались очень многие и по разным поводам. Поэтому сосредоточенно поработать можно было только ночью.

Позднее, живя в коммунальной квартире, когда уже не было отдельной комнаты-кабинета, тишина и уединение были возможны лишь только ночью. Кроме того, днем была не только житейская сутолока. Но, будучи председателем Товарищеского суда, отец, как упоминалось выше, чтобы устранить поводы для развития и усугубления конфликтов, постоянно возникающих в коммунальных квартирах, и особенно в коммунальных кухнях, разрешил приходить к нему в любое время. Он считал, что, если при возникновении конфликтной ситуации, хотя бы одна из сторон сразу не вступит в конфликт, а придет к нему и получит разумный совет, то конфликт заглохнет в самом начале. Так и происходило. Но возможность работать днем для него поэтому исчезла полностью. В результате рабочий режим отца строился теперь таким образом. Последние годы жизни – 1939-1941 годы – он работал в ФБОН (Фундаментальной библиотеке общественных наук) Академии наук СССР. Так как у него уже был очень тяжелый сердечный приступ (по-видимому, это был инфаркт – тогда медицина еще не очень в этом разбиралась), он работал на полставки – с 1 часа дня.

Но чтобы содержать семью, он продолжал заниматься переводами по договорам с Соцэкгизом. В эти годы он сделал целый ряд переводов книг по истории с французского и немецкого языков, И вот переводами-то он и занимался теперь ночью.

Как я уже упоминала, в коммунальной квартире у нас было 2 комнаты: одна большая в 36 кв. м и маленькая – 6 кв. м, расположенная при кухне.

Часов в 11 вечера, когда мы все ляжем спать, отец подойдет к каждой из нас и поцелует на ночь, а потом идет в маленькую комнату работать.

К этому времени и остальные жильцы квартиры ложатся спать, коммунальная кухня пустеет, в квартире воцаряется тишина. Он греет себе чайник и ставит около себя стакан горячего чая и начинает работать. Но не только тишина была необходима отцу, для того, чтобы спокойно работать, он должен был быть спокоен, что все мы дома, мы спим и все в порядке. Но бывало так, что сестра ушла в театр. В те годы сестра увлекалась театром и часто ходила в оперу в Большой театр, в его филиал и на спектакли в концертном исполнении в Большом зале консерватории. Спектакли в те годы кончались поздно, значительно позднее, чем теперь. И вот отец не раз подойдет к двери на черную лестницу (на которую был ход из кухни), прислушается, не идет ли она. В нашем доме было две лестницы. Так называемая «парадная» лестница, где с некоторых пор работал лифт, и которая в 11 часов вечера запиралась, а тот, кто приходил позже, должен был уже подыматься пешком по «черной» лестнице, «черная» - не закрывалась круглые сутки). И по рассказам сестры, почти всегда, когда она подходила к 6-му этажу (где мы жили), отец уже в открытой двери ждал ее. Они вместе пили чай, ужинали, Софа шла спать, и только после этого отец углублялся в работу. Папа работал до 4 часов утра. И затем спал до 11 часов утра. На работу – на ул. Знаменка (тогда ул. Фрунзе), где находилась ФБОН, он шел пешком. Иногда, когда у сестры была возможность - она училась в школе во II смену - она провожала его. Отец очень любил эти совместные «прогулки» - эти часы общения с дочерью. С работы он тоже шел пешком.

Здесь мне хочется сказать несколько слов о том, как работал Сергей Павлович над переводами. Отключившись от всего постороннего, он полностью погружался в атмосферу той эпохи, того сюжета, которому была посвящена книга. Прекрасно зная языки, особенно французский, он искал не только точного перевода, но и сохранения окраски (духа, аромата) языка автора. На его рабочем столе всегда лежали различные словари – полный французско-русский (Н. П. Макаров, С.-Петерб., 1887, ч.I , 509с., ч.II, 552с.), полный немецко-русский (титульный лист не сохранился, 1530 с.), толковый французский словарь (P. Larousse et cie, P., 1879, 1138 с.).

Он любил, чтобы под руками всегда были разные справочные издания (например, «Свод законов Франции» и др.), но не только по истории, дело в том, что отец иногда переводил книги и статьи, казалось бы, на неожиданные темы. Так, его, в частности, интересовали вопросы, связанные с вентиляцией помещений, эта тема занимала его со времени, когда он был директором Ростовской мужской гимназии. Папа считал, что одна из основных задач дирек-

тора учебного заведения – создавать такие условия учебы детей, чтобы они росли здоровыми физически. По его убеждению, непременным условием для этого был хороший воздух в классных и рекреационных помещениях школ, отсюда проистекала необходимость регулярных проветриваний.

В сохранившемся его отчете о работе директором Ростовской мужской гимназии им. Кекина за 1907-1908 учебный год мы читаем: «Забота о чистоте воздуха в школьном помещении: в прошлом году мы жили в тесном и совершенно неприспособленном частном помещении, и воздух все-таки всегда был удовлетворителен». Позже, когда после Ростова мы всей семьей жили в Москве, он внимательно следил за тем, чтобы комната регулярно проветривалась по нескольку раз в день, и особенно тщательно – перед сном.

Причем папа не признавал общепринятого способа проветривания с помощью форточек. Он считал, что форточка очень мало что дает для проветривания. Поэтому в нашей семье открывали окно в любое время года. В холодное время, особенно зимой, а зимы в 30-ые годы были очень морозные (в отличие от последних лет) – мы все из комнаты выходили, а мама или папа (когда мы с сестрой были еще небольшие) надевали пальто и открывали окно. Проветривание длилось минут 10-15, в зависимости от погоды. Если погода была очень морозной, то после того, как окно закрывали, нас впускали не сразу, а минут через 5, чтобы воздух в комнате немного согрелся.

И вот я помню, что отец переводил с чешского какую-то работу, посвященную вопросам вентиляции помещений. И с удовольствием рассказывал, что автор этой работы разделяет его точку зрения. У папы был большой письменный стол – двухтумбовый с большим выдвижным средним ящиком. И все-таки часто ему было тесно на нем. Поэтому иногда он мечтал – если бы была возможность, он заказал бы себе круглый стол, чтобы сидеть внутри этого большого круга на вращающемся стуле, тогда все будет лежать на своем постоянном месте, и в то же время все будет под руками.

Отдых – родная природа

Лето наша семья проводила в Ярославской области. Сначала – в деревне Хмельники, где жили мамины родители, а после их смерти (бабушка умерла в 1936 г., а дедушка – в 1937) стали ездить в село, по странной случайности с тем же названием – Хмельники, расположенное километров на 10 ближе в Ростову-Великому. Отец очень любил эти места и с удовольствием проводил там отпуск, который обычно брал в июле-августе. Лишь один раз в 1933 году папе дали отпуск в сентябре, и он побывал тогда в доме отдыха под Москвой – станция Быково.

Деревня Хмельники находилась километрах в 45 от Ростова, окруженная в те годы дремучими, преимущественно хвойными лесами.

Места были очень живописными, в 1-1,5 километрах от деревни уже можно было оказаться среди вековых елей с трудно проходимым буреломом, среди будто оживших картин Шишкина. Или выйти на светлую, солнечную опушку с небольшими куртинами деревьев. Там же протекала не менее живописная река Ворьсма, по берегам которой часто встречались кусты черной смородины. Река протекала по прекрасным пойменным лугам с роскошным цветущим разнотравьем – там был деревенский покос.

На эту реку отец любил иногда пойти с удочкой на рыбную ловлю с деревенскими парнями, с которыми он находил общий язык; у них уже была постоянная дружная компания, и они получали большое взаимное удовольствие от этих встреч. Предвкушая радости рыбалки, отец еще зимой запасался разными крючками, поплавками, лесками и т.п. «снастями».

Папа очень любил ходить за грибами, но делал это тоже лишь иногда, т. к. и на лето он брал с собой работу. Я не помню ни одного его отпуска, чтобы он приехал и не привез с собой книгу для очередного перевода. Летом отец уже работал не по ночам, а только днем – здесь не было московского многолюдья и потока посетителей. Но и в деревне местные жители любили придти «побеседовать» с Сергеем Павловичем. Однако это бывало вечерком, после трудового дня. Папа любил эти беседы, ему нравились трезвый крестьянский ум, их наблюдательность, смекалка. Крестьяне относились к отцу с любовью и уважением. О трогательном проявлении этих чувств в самый трудный для нас момент прощания с отцом я расскажу несколько позже.

Природа вокруг села была еще более живописной и очаровательной, чем в деревне. Папа, оказавшись в селе Хмельники, полюбил их еще сильнее. Провести отпуск в селе было для него истинным наслаждением.

Живя в селе, в лес можно было попасть, пройдя всего лишь метров 400-600. Причем, если пойдешь в одну сторону, попадаешь в еловый лес (правда не такой старый и дремучий, как был в деревне), пойдешь в другую сторону – окажешься в мелколесье небольшого, но щедрого клюквенного болотца; с третьей стороны села находилась светлая березовая роща, а пойдешь в другую, четвертую сторону, окажешься в сосновом лесу, напоенном совершенно другими ароматами, особенно сильными в жаркий летний день. Сосновый лес папа очень любил, а в деревне, куда мы ездили раньше, соснового леса не было совсем. И вообще папе нравилось то, что в селе воздух был суше, чем в деревне, даже и в еловом лесу (т. к. ельники были там более молодые и более разреженные). Прогулки в сосняки доставляли ему огромное удовольствие.

Сосновый лес был особенно богат всевозможными дарами природы. Там было много разных ягод (земляника, черника, брусника) и грибов. За ягодами ходили сестра и я вместе с сельскими сверстниками, а родители отправлялись в лес на прогулку, и мы вместе с ними просто гуляли, любовались природой. Ягоды и грибы собирались уже «между прочим». Прелестные картины той

поры сохранились в моей памяти до сих пор. Например, полянка с брусничником, посредине старый пенек, весь усыпанный брусникой, это небольшие растеньица с плотными темно-зелеными листочками и веточками спеющих ягод, одни из которых – уже алые, другие – еще только с красными «щечками», а некоторые пока совсем зеленые). Мы рассядимся вокруг, любуемся и восхищаемся: какая сила жизни, какая «изобретательность» – «взобраться» на пенек, чтобы быть «ближе к солнцу»! Или – сколько радости получали все, если кто-нибудь найдет «семейку» белых грибов или рыжиков! А в сосновом лесу и белые, и рыжики были особенно хороши – такие коренастенькие крепыши, а у «белых» бывали густо-коричневые, почти черные головки. Папа очень любил собирать грибы, а рыжики были для него едва ли не самыми любимыми. А уж жареные в сметане – это самое лакомое блюдо. Здесь следует подчеркнуть, что папа, насколько я помню, всегда ел очень мало. Тех же рыжиков в сметане – он съедал всего несколько грибочков. Поэтому мама, естественно, и старалась приготовить какое-нибудь любимое им блюдо в надежде, что папа поест побольше. Он, по-видимому, всегда был худощавым: в одном из писем от 2.IX. 1902, как о чем-то необычном читаем: «Говорят, Вы толстый; вот бы посмотреть!» (Селиванов С.).

Я помню отца худощавым, пропорционально сложенным. До конца дней своих он не был сутулым. Летом папа очень одобрял наше с сестрой участие в сельских работах. Он считал, что это и физически полезно, а кроме того – и расширяет кругозор. И мы с удовольствием участвовали, например, в уборке сена. Сенокос – очень тяжелая и трудоемкая пора, но у нас он проходил как праздник, в нем участвовали буквально все: от мала до велика – и стар и млад. В те годы травы косили вручную. Косили главным образом мужчины, а из женщин, лишь молодые, наиболее крепкие и сильные. Работать начинали на рассвете и косили до тех пор, пока не спадет роса. Отсюда и выражение – «коси коса, пока роса». Когда роса подсохнет, всем миром выходили сушить скошенную траву шли все: и старушки, и подростки; и вот на эту работу шли, принарядившись, все в белоснежных платочках, в светлых, а чаще – тоже в белоснежных блузках и платьях. Шли группами и пели. Это были уже спевшиеся группы с прекрасным запевалой. Было приятно и смотреть на них, и, тем более, приятно участвовать в их работе.

Отец и его окружение

К отцу, человеку редких душевных качеств, всегда тянулись люди. Он всегда был очень добрым, готовым сделать все, что он может, поделиться всем, что у него есть, вплоть до собственного платья, о чем говорит, в частности, вот эта записка В. Каллаша (записка без даты, но она лежала в пачке

писем, датированной 1890/1 годом).

Привожу текст записки буквально.

«Милсдарь!

Подателю сего письма дай пожалуйста:

1) Черные штаны (по-короче).

2) Черный галстук (по-приличнее).

Твой Вл. Каллаш.

Если письмо не застанет тебя, ради Бога пришли сегодня вечером или завтра утром до 9 часов».

Я стараюсь привести по-возможности больше выдержек из писем различных товарищей Сергея Павловича по коллегии, университету, педагогической и просветительской деятельности для того, чтобы читатель лучше представил себе атмосферу их взаимоотношений. Несмотря на всевозможные трудности, вплоть до того, что «не у каждого есть собственные штаны», они веселы, остроумны, доброжелательны, охотно выручают друг друга. По этим письмам мы можем нарисовать картину жизни целого слоя общества - русской интеллигенции, можем судить о характере взаимоотношений людей в то время.

А письма академика Д.М. Петрушевского к С.П. Моравскому приводятся полностью (в приложении - 50 писем). Их переписка охватывает большой период - более полувека. Ученые-историки почерпнут в ней много полезного для своей работы.

С этой же целью привожу и переписку Моравского со своим учеником - историком А.И. Неусыхиным, а также известным литературоведом М.О. Гершензоном - однокурсником отца по университету и тоже учеником проф. П.Г. Виноградова.

В приложении приведены некоторые документы из архива Сергея Павловича, полнее освещающие отдельные периоды его биографии и его многогранную деятельность.

В студенческие годы в комнате, которую снимал отец, очень часто кто-то останавливался: часто и подолгу жил Д.М. Петрушевский, месяцами – В.В. Каллаш, а также А.В. Заремба, Ф.А. Смирнов, И. Плешко и другие. Это товарищи по Киеву и по Московскому университету. И после женитьбы отца в квартире, снимаемой Моравскими, тоже находили приют все, кто нуждался. Вот выразительная цитата на эту тему из письма М.О. Гершензона к брату от «15 июля 1900 г. Москва. Суббота, 6 час. вечера... Полчаса назад я приехал сюда (на квартиру Моравского, конечно)».

Сергей Павлович был интересным собеседником, внимательным слушателем и увлекательным остроумным рассказчиком. Его шутки и афоризмы передавались из уст в уста. М.О. Гершензон сообщает афоризмы Моравского своему брату в письмах, которые были опубликованы в 1927 г. в Москве («Письма к брату», с. 79, 70, 83, 84, 90, 92, 93, 100, 107, 120, 122, 137).

В архиве сохранилось несколько страничек, написанных рукою Сергея Павловича, под заголовком «Игра ума». Вот они:

Май 1896 г.

«В хорошем хозяйстве и навоз идет в дело

Из записной книжки одного земского начальника:

Пересечь дорогу вовсе не то же самое, что пересечь целую деревню.

Образчик силлогизма: все люди смертны; мой приятель К. скотина, а не человек; следовательно, К. бессмертен. Однажды ничего не случилось.

Совет моему юному другу: Не принимай гостиного кресла за кафедру, и не смотри на свою бабушку или старую тетку как на орудие для устройства лучшего будущего.

Хорошо выслушивать доктору: те, кого он выслушивает, молчат!

Один мой знакомый напоминает собой коронационного герольда: с необыкновенной торжественностью объявляет он то, что всем давным давно известно.

Рецепт, как приготовить хорошую комедию. Возьми кусочек жизни (любой, какой тебе попадется), перевари его хорошенько, высыпь всю соль, какая у тебя имеется (не бойся пересолить: комедия никогда не бывает слишком соленой) и затем подавай.

Прим. Перцу и горчицы можешь прибавить по вкусу, но Боже тебя сохрани класть лавровый лист! Он все дело испортит.

Порядочный человек похож на хорошую, дорогую материю: тонкий, но крепкий; сколько бы его ни вымачивали, не линяет, на солнце выгорает мало.

Ирония – это высокие каблуки, к которым охотно прибегают маленькие люди, чтобы казаться выше.

Чтобы быть поэтом совсем не нужно непременно писать стихи; и наоборот, чтобы писать стихи, вовсе не требуется быть поэтом. Вот почему я рискнул на следующее стихотворение; в нем, правда, нет ни начала, ни конца – но ведь и середина имеет некоторое значение в поэтических произведениях:

А вы, друзья неверные, притворщики в любви,
С холодным сердцем и горячими речами на устах,
Вы, слуги лицемерные народа...

А вот и еще один стих:

Холодный, как мрамор надгробной плиты.

Из моих педагогических наблюдений: чем более голова пуста, тем труднее ее наполнить.

Новый орден. Я слышал, что всем чиновникам за усердную двадцатипятилетнюю службу будут давать пучок седых волос для ношения в бороде.

Вариации на народные темы:

С нищего по нитке - богатому рубашка.

Полюби нас коллежским регистратором. А тайным советником нас всякий полюбит.

От царя далеко - Бог высоко; царь близко - Бог низко.

Была бы кафедра, а профессор найдется.

Не плюй в колодезь, потому что для этого существуют плевательницы.

Не кажи «топ» пока не перескочишь; а як перескочишь, кажи, «слава Богу».

Задача. От Великого до Смешного считается 1 шаг; спрашивается, сколько шагов от Смешного до Великого?

Вот ещё некоторые письма и выдержки, из которых видно отношение друзей к Сергею Павловичу. Любопытна и манера выражать свои чувства.

М. О. Гершензон - С.П. Моравскому

21 дек. 1898 г.–Дрезден

«Дорогой Сергей Павлович, посылаю Вам это письмо ко дню Вашего рождения, чтобы сказать Вам, что и я, как многие другие, рад тому, что Вы родились.

Это был не только честный и мужественный, но и благородный поступок, и если бы я мог предполагать, что Вы совершили его сознательно, то первый внес бы лепту на постановку Вам памятника.

Заочно обнимаю Вас и от души желаю Вам душевной бодрости. Весь Ваш М. Гершензон».

У Сергея Павловича с М.О. Гершензоном были близкие и добрые отношения, о их взаимной симпатии свидетельствуют в частности надписи на фотографиях Сергея Павловича, которые он подарил Михаилу Осиповичу. 22.11.1897 г. он пишет: «Дорогому Михаилу Осиповичу Гершензону на память о нашем коротком, но интенсивном[16] знакомстве», а 25.XII.1897 г. – «Дорогому Михаилу Осиповичу Гершензону на память об искренно любящем С. Моравском». Эти фотографии Моравского сохранились в архиве Гершенэона[17]. Сергей Павлович и Михаил Осипович познакомились в 1896 г. Об этом он писал брату 16.11.1897 г.: «Он (С.П. Моравский. – А. М.) – самый симпатичный и самый талантливый из молодых историков. Мы близко сошлись, хотя нет еще и года, как познакомились; но мы раньше слышали друг о друге»[18].

Михаил Михайлович Богословский в одном из писем пишет:

«1902.IX.28

Многоуважаемый

Сергей Павлович,

---

16. Имеется в виду, вероятно, работа в «Комиссии по организации домашнего чтения» - см. сс. - переписка Моравского с Гершензоном

17. Российская Государственная Библиотека. Отдел рукописей, Фонд 746, к. 55, д. 7.

18. Гершензон М.О. Письма к брату. М., 1927

В понедельник 30 сентября в 9 1/2 час. веч. в

Alpenrose имеется быть дружеское собрание историков и юристов (С.Ф. Фортунатова, П.И. Новгородцева, П.Э. Дена и др.). Вы сделаете большое удовольствие всем, если туда прибудете.

Ваш М. Богословский».

Остальные письма (их сохранилось 11 за период с 23.II. 1882 по 29.II.1904) посвящены работе Педагогического общества.

Ф. Нелидов - С. П. Моравскому

Ельня, 3 августа 1900 г.

«Дорогой Сергей Павлович.

С наслаждением и душевной радостью прочел Ваше письмо, остроумное и насквозь пропитанное счастливым настроением духа..».

Как видно, отношения к Сергею Павловичу у всех милые, добрые.

Вот еще пример – сохранившаяся визитная карточка. Как известно, стандартный размер ее очень невелик и написать на ней пространное письмо трудно. Написано всего несколько слов, но каких! Теплых, которые согревают душу. Так на визитной карточке (без даты) Хвостов Михаил Михайлович пишет: «Жажду видеть Сергея Павловича, которого не видел с Французской революции».

Об отношении П. Г. Виноградова можно судить по следующим выдержкам из писем 1893 г., когда Моравский собирался уехать работать в Киев.

П.Г. Виноградов – С.П. Моравскому:

28.VII.93.

Очень жаль, конечно, что Вы уезжаете из Москвы, но из разных зол надо избирать меньшее. Само собой разумеется, что надо приезжать как можно чаще к нам и не порывать связь с Московским университетом.

... Если бы Вам заявили, где следует, что это нужно, я напишу. Вообще на меня можете ссылаться и рассчитывать в неограниченных размерах. Известите меня о ходе этого дела.

23.V (без года)

Сожалею, что не удалось повидаться с Вами до отъезда. Прилагаю письмо на имя Корелина на случай, если бы Вам понадобилась рекомендация для получения места...

Некоторые сведения можно почерпнуть из сохранившихся записок.

Например, на визитной карточке (без числа) читаем: «В понедельник праздник. Если будет хорошая погода, приходите часам к 10, отправимся куда-нибудь погулять».

Но большая часть писем и записок (а всего их имеется 28 – за период с 1892 по 1904 г.) – деловые, о заседаниях различных комиссий: по составлению

средневековой хрестоматии, «Книги для чтения по истории средних веков», о делах Учебного отдела, Комиссии Домашнего чтения, о выработке программ, о выборах в Педагогическом обществе и т. п.

Добрые дружеские отношения связывали Сергея Павловича с крупным ученым-историком Робертом Юрьевичем Виппером. Сохранилось 15 небольших писем и записочек, за период с 1892 по 1900 год. Из этого документального материала видно, что они часто виделись, советовались, дорожили мнением друг друга.

Вот несколько выдержек:

Р. Ю. Виппер – С. П. Моравскому

«Очень хотелось бы видеть Вас у себя... будет Ст.О., вероятно, Кизеветтер и М.Н. Покровский. Приходите, пожалуйста.

Ваш Р. Виппер». (Без даты).

«Сергей Павлович, очень жаль, что не застал Вас. Оставляю Вам половину своей книги (в несколько непривлекательном типографском наряде). Очень бы хотелось послушать Ваше мнение по поводу напечатанного.

Р. Виппер» (без даты).

- 25 августа 1892 г. «.. имею ввиду передать Вам некоторые из моих уроков...»

- 18 дек. 1893 г. «...Воскресенья не будет. Следующее –2 января.

Сообщите, пожалуйста, об этом Дмитрию Моисеевичу.

Ваш Р. Виппер».

- 3 мая 1894 г. «...К сожалению наша прогулка в среду не может состояться, т. к. мне придется быть вечером ассистентом на экзамене у Герье в Университете.

Ваш Р. Виппер».

- 26 дек. 1897 г. «...Не соберетесь ли к нам в понедельник 29 дек. вечером, чем нас очень обрадуете...».

- 29 мая 1898 г. «...Отчего Вы не соберетесь к нам на дачу. (Сходня, Никол. (аевская) ж. д., имение Леденцова, № 21). Поезда удобны. И мы будем рады.

Преданный Вам Р. Виппер».

- 19 дек. 1899 «...На всякий случай позвольте Вас предупредить, что в этот вторник[19] (21) в виде исключения меня не будет дома. Надеюсь Вас

19. Без даты, на визитной карточке.

скоро увидеть.

Всего лучшего.

Ваш Р. Виппер».

- 8 сент. (без года) «Многоуважаемый Сергей Павлович.

Я переехал в Москву и к Вашим услугам.

Ваш Р. Виппер».

«Очень хотел видеть Вас. Может быть, как-нибудь, проходя мимо, завернете. Я живу теперь ближе к Вам.

Ваш Р. В. Больш. Афанасьевский пер. (близ Гагарина), дом Тютюнника».

Отношения с Робертом Юрьевичем потом, в силу сложившихся обстоятельств, прервались на довольно длительное время. В 1907 г. Сергей Павлович переехал из Москвы в Ростов-Великий Ярославской обл. В Москве теперь он бывал только наездами, а в период с 1916 года по 1923 год он совсем не приезжал в Москву, а Р. Ю. Виппер потом жил в Риге.

Но вот весной 1941 года Р.Ю. Виппер вернулся в Москву. Академия наук СССР устроила заседание в его честь. На заседание был приглашен и Сергей Павлович. Ожидая эту встречу, он испытывал большое волнение. Как они встретятся?!.. ведь прошло столько лет!.. и каких лет... Р.Ю. Виппер – теперь академик с мировым именем...

Моя память отчетливо сохранила картину того дня. Папа уже собрался на заседание. Он стоит перед зеркалом и медленно, задумчиво приглаживает щеточкой волосы. Он весь в прошлом... Мама сидит с каким-то рукоделием, но ничего не делает. Она молча и внимательно оглядывает отца, все ли в порядке, все ли как надо... Потом мы все ждем возвращения отца... И вот он вернулся! Лицо счастливое, будто помолодевшее, он улыбается и рассказывает. Встретились они необыкновенно тепло. Когда Роберт Юрьевич увидел его, он весь преобразился, обнял его и расцеловал. У обоих были слезы на глазах. Они окунулись в прошлое...

В 1944 г., когда Роберт Юрьевич узнал о нашем возвращении из эвакуации, мы были приглашены к нему домой. Он очень тепло нас принял. А сестру даже пригласил посещать его семинары по истории христианства. Это было очень трогательно и знаком очень большого внимания для студентки II-го курса, потому что семинар предназначался для дипломников и аспирантов. Проводил его Р. Ю. Виппер дома, т.к. был уже почтенного возраста. И потом, до последних дней своих Роберт Юрьевич был к нам очень внимателен.

В архиве Моравского есть записка и Вячеслава Петровича Волгина, содержание которой говорит не только о добром отношении его к Сергею Павловичу, но характеризует и его самого, как доброго и отзывчивого

человека. Привожу записку дословно.

На бланке:

Профессору В.И. Молчанову

Многоуважаемый Василий Иванович, очень прошу Вас, если возможно, поместить в Вашу клинику дочь Сергея Павловича Моравского больную скарлатиной.

С.П. Моравский очень известный среди историков ученый и педагог. Простите, что так часто надоедаю Вам своими просьбами.

Искренне уважающий Вас

В. Волгин.

Кроме того, в архиве имеется отзыв В.П. Волгина о деятельности С. П. Моравского, написанный 13.III.1934 г. при оформлении персональной пенсии Сергею Павловичу.

Отзыв представляет несомненный интерес, поэтому привожу его полностью.

Деятельность С.П. Моравского в конце 90-х годов и в начале 1900-х в Москве мне хорошо известна. В этот период С.П. Моравский резко выделялся в кругу молодых ученых своей исключительною общественной активностью. Культурное значение тех предприятий, во главе которых он стоял или вдохновителем которых был, не подлежит никакому сомнению. С.П. Моравский был горячим сторонником идей демократизации школы и приближения науки к массам. По условиям того времени эти идеи не могли выразиться в тех формах, к каким мы привыкли сейчас в Советском Союзе. Но С.П. Моравский принадлежал к тем немногим, которые в среде научных работников того времени прокладывали пути – средствами тогда возможными – к возможно более глубокому проникновению науки в широкие массы населения. Значение этой работы С.П. Моравского засвидетельствовано тем, какое близкое участие принимали в ней М.Н. Покровский и Н.А. Рожков (тогда большевик). Не случайно при поддержке М.Н. Покровского была переиздана после Октябрьской революции одна из работ С.П. Моравского. О деятельности С.П. Моравского вне Москвы я знаю лишь по отзывам товарищей. Но все, что я слышал о ней, характеризует ее как продолжение той же линии, которая определялась основными интересами С.П. Моравского – интересом к науке, интересом к ее распространению в массах, интересом борьбы с препятствовавшими этому делу силами царского режима.

В. Волгин

Непременный Секретарь Академии Наук. С подлинным верно

13/III (1934)

Заметки и стихи в альбомы

Сергей Павлович может быть, это и не всем известно из его теперешних друзей и соратников – родился под небом благословенной Украины. Со времен Гоголя страна эта пользуется в литературе народов российских заслуженным признанием. Она дала нам немало видных и замечательных деятелей на разных поприщах науки и культуры. Многие из них происходят от украинского корня в силу существовавших в то время политических условий, вырастали под могучим и всегда безапелляционно и подавляюще действовавшим приоритетом русской (как в те времена говорили, великорусской) культуры. Сам Гоголь, будучи украинцем, приобрел мировую славу и будет пользоваться ею, пока существует человеческая культура на земле, как писатель русский. И, может быть, это не вполне уместно будет сказать здесь, но я не могу не отметить, что, как ни люблю я Пушкина и Тургенева – двух корифеев оптимистической гётевской линии развития русской литературы, я полонен в то же время титанической силой скорбной иронии украинца Гоголя-Яновского: «Горьким смехом моим посмеются!». У какого мыслящего, чувствующего человека не шевельнется сердце при этих словах, но потянется рука в книжный шкаф за томиком «Мертвых душ» или бессмертного «Ревизора».

Но Сергей Павлович при всем богатстве его внутреннего духовного мира тяготеет больше к безоблачному молодому Гоголю «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Где бы ни действовал он – в стенах ли Московского университета, на уроках ли истории в поливановской гимназии в Москве, в ростовской ли образцовой на всю Россию гимназии, на библиографическом ли поприще на наших с вами глазах и при нашем скромном участии – всюду он вносит свой украинский радужный взгляд на жизнь, оснащенный и раскрытый своевременным приобщением к русской культуре. Как я люблю явление и созревание иронических сентенций в Сергее Павловиче! Он сидит как будто ни в чем не бывало, хотя бы в том же замечательном нашем «Notre Plaisir» и прилежно кушает вместе с Ольгой Сергеевной и Иваном Сергеевичем. Но вот зерно, достойное прорастания, пало на благодатную почву. Вы чувствуете, что в глазах его засверкали искорки, сквозь бороду заиграла едва приметная улыбка, такая снисходительная, как будто Сергею Павловичу немного совестно, что он, такой серьезный человек, снизошел до иронии, и он не сразу решается высказаться, немного смакуя взращенный плод и его искомое действие.

Я сказал уже, что с полным правом могу назвать себя учеником Сергея Павловича по части библиографии. Но я взыскую иной чести: я хочу научиться у Сергея Павловича его искусству жизнесозерцания, его уменью ставить людей и отношения на подлежащее им место в своем сознании.

Но кто же идет вслед за Сергеем Павловичем? Никто, кроме Ивана Сергеевича! И никого не пущу рядом с Сергеем Павловичем, кроме Ивана Сергеевича!

16.XI.33

И. Макаров

И.С. Макаров – историк и литературовед. Он бывал у нас, К сожалению, я не помню ничего об авторе этого пролога. Могу только добавить, что в детском альбоме сестры есть написанное им же стихотворение, датированное 9.XI.33 и подписанное «И. Макаров».

Здесь следует сказать несколько слов о том, что это за альбомы. В дни нашего детства и отрочества (в 1930-е гг.) почти все девочки заводили специальные альбомчики, которые продавались в магазинах. На обложке было написано «Poesie» и нарисована (в частности, на альбоме сестры) девушка, которая сидит на лесной опушке, перед ней лежит раскрытая книга. девушка мечтательно слушает. На дереве, около которого она устроилась, сидит птичка, которая, по-видимому, поет, В такой альбомчик наклеивали небольшие цветные картинки (цветы, зверюшки и т. п.), которые специально для этого продавали в магазинах, на каждую страничку наклеивали по одной картинке, а потом полагалось написать по стихотворению, что и делали подруги и знакомые. Кто умел, вдохновленный владелицей альбома, сочинял собственное стихотворение, а чаще всего писали то, что знали наизусть.

Вот в такой-то альбом и написал свое стихотворение И. Макаров на страничке с изображением зеленого растения в изящном кашпо.

«Кем хочешь быть о, друг мой, Софа?
Мосты бестрепетной рукою проводить,
Недуги тяжкие целить
Иль младость резвую учить
Нелегкой мудрости седого апострофа?
Года бегут, две, три зимы протянет
Планета наша. И мой вопрос призывно встанет
Перед тобой. И матери любовь и мудрость отчая
Склонятся над головкой твоей. А в ней, гляди,
Давно роятся планы светлые,
И затаенные мечты растут в груди.
Но помни путь, какой бы ты ни избрала,
Смотри глазами ясными на этот мир,
Умей о нем составить собственное мнение,
И дух обогатится твой. И слаще будут мир,
И солнца свет, и ночи сны, и ветра дуновенье.
И. Макаров

Отец писал стихи редко и только в особых случаях, но в семейном архиве сохранилось и его веселое стихотворение, написанное им еще в студенческие годы (предположительно с 1886 по 1889 г.) во время его пребывания на даче у кого-то из его киевских друзей. На листе бумаги небольшой карандашный рисунок. По дороге, проходящей мимо пруда, идут две верховые лошади. На одной сидит молодой человек в шляпе, на другой лошади всадница, но она не сидит, а лежит в обмороке. Молодой человек – это Сергей Павлович на прогулке с дамой, но он так увлечен рассуждениями о высоких материях, что ничего не замечает, даже е просто его не слушает, а лежит в обмороке. Этот сатирический рисунок сделан дамой, участницей прогулки, будущей женой Сергея Павловича, раздосадованной тем, что на прогулке он не уделил ей должного внимания. Под рисунком стихи, написанные Сергеем Павловичем. В стихах «дама» упоминается как «барышня-малютка» (она была небольшого роста). Все это я знаю по рассказам отца. А вот и стихотворение:

О,Сестрино - приют раздольный!
Недолгий срок, еще два дня,
И разорвет с тоской невольной
Союз свой вольная семья.
Замолкнет шум и смех невинный,
Уютный опустеет дом,
Где мы гурьбой не очень чинной
Все собирались за столом;
Где речь лилась, сверкали шутки,
Непринужденный смех звучал,
И голос барышни-малютки
Невинным ядом трепетал;
Где квакер опытный солидно

И с убежденьем говорил,
Что незаслуженно обидно
Он чай прескверный получил;
Где трудности съестной дилеммы
Копунъ без промаха решал
Путем нехитрой стратагемы;
Он «или» «и» предпочитал;
Где, чуть хозяйки стихнет голос,
И от Сергевниных затей
Начнет вздыматься дыбом волос,
Бонтон в в постель кладут скорей;

Тогда и Петр Самсоныч смело
Свою солидность покидал,
Все дружно бралися за дело,
И визгом оглашался зал.
Спасибо, Сестрино! Победно
Нас научило жить оно,
Психологически безвредно
Зоологически умно.

Петрушевский

Редкая, большая, трогательная и нежная дружба с детства и на всю жизнь связывала папу и Дмитрия Моисеевича Петрушевского. Они познакомились в Коллегии Павла Галагана в Киеве в 1881 году, когда в Коллегию поступил Сережа Моравский. Дмитрий Моисеевич в это время уже был коллегиатом - он был старше Сережи на 3 года. Вот как Дмитрий Моисеевич вспоминает эту встречу в своем письме к отцу 21 декабря 1889 года из Лондона. «...Давно ли я видел Вас маленьким коллегиатом первого класса? И вот этот несколько застенчивый, но далеко не робкий мальчик, к которому я сразу же почувствовал необыкновенно нежную симпатию (да будет, наконец, Вам это известно), на моих глазах незаметно превращается в мужа в двойном значении этого слова...» (в 1889 г. Сергей Павлович женился).

В письмах Дмитрия Моисеевича обычны такие формы обращения в Сергею Павловичу как: «дорогой Сергей Павлович», «дорогой друг», «ближайший друг», «бесценный друг», «близкий человек», а подписывается Петрушевский: «питающий к Вам самые нежные чувства», «Ваш неизменный; искренне любящий Вас», «всею душою любящий Вас».

Приведу лишь несколько выдержек из этих писем Д.М. Петрушевского, которые ярко характеризуют их взаимоотношения.

Д.М. Петрушевский – С.П. Моравскому

22 мая (3 июня) 1901.

Дорогой Сергей Павлович.

Мне очень приятно было получить от Вас письмо; мы молчали с Вами по целым годам, но каждый из нас прекрасно знает, что это молчание ни на йоту не ослабляет тех дружеских, часто сердечных уз, которые соединяют нас и соединили на века...

Последнее письмо:

Казань, 3 января 1942 г.

Дорогой Сергей Павлович.

Получил сегодня Ваше письмо. Неужели Вы могли подумать, что я мог

забыть Вас, бесценного друга, милого, дорогого, родного Сергея Павловича, в теснейшем общении с которым прожил, можно сказать, всю свою жизнь, с которым делил всякую радость и горе? Не теряю надежды отпраздновать в Москве достойным образом шестидесятилетие нашего знакомства... Крепко, крепко обнимаю и целую Вас и шлю самый сердечный привет всем Вашим. Все мои шлют всем Вам свой сердечный привет. Будьте здоровы и благополучны. Всеми силами души любящий Вас. Ваш Д.М.»

Между отцом и Дмитрием Моисеевичем все время велась оживленная переписка. Сохранились 52 письма Петрушевского к моему отцу за период с 1889 по 1942 г.

Дмитрий Моисеевич скончался 12 декабря 1942 года, пережив Сергея Павловича менее чем на 10 месяцев. Последние дни, уже тяжело больной, он писал нашей семье очень теплые и душевные письма, в которых видна любовь и забота о семье друга. Приведу одну выдержку из письма Дмитрия Моисеевича ко мне.

Д.М. Петрушевский – А.С. Моравской

Казань, 13 июля 1942 г.

Дорогая Шура!

Сердечно благодарю Вас за милое родственное письмо. Вы хорошо знаете, кем был для меня всю мою долгую жизнь Ваш папа, с которым близкими друзьями мы стали еще в конце восьмидесятых годов прошлого столетия и с тех пор не переставали быть друг для друга ближе всяких самых близких родных. И я буду рад и счастлив, если его семья будет видеть во мне родного человека, всегда по мере сил готового придти ей на помощь. Не представляю себе, чтобы не нашлось немало людей, готовых на то же и не находящих возможным, чтобы дочери так много сделавшего для образования С.П. Моравского остались без законченного образования... Будьте же бодры и не унывайте. Позвольте поцеловать Вашу голову, поцелуйте Вашу сестру и передайте мой самый сердечный привет Вашей маме...

Почерк Д.М. Петрушевского очень трудно разбирать. Я потратила много времени и сил, чтобы прочитать все его письма, адресованные отцу. Это обстоятельство послужило для меня дополнительным аргументом в пользу их скорейшего опубликования: пусть мой труд поможет другим, кто обратится к материалам архива моего отца, и избавит их от работы, которая уже проделана.

Неусыхин

Многие ученики отца поддерживали свои отношения с ним и окончив гимназию и став взрослыми. Но сам он больше других любил Александра Иосифовича Неусыхина. Александр Иосифович тоже питал добрые чувства к папе. В архиве сохранилось 49 писем от него за период с 1919г. по 1962 г. (после смерти отца он писал нам его семье).

Александр Иосифович поступил учиться в Ростовскую гимназию, т. к. его мать Елизавета Алексеевна работала земским фельдшером в Петровске – это ближайшая к Ростову железнодорожная станция (в сторону Москвы).

Александр Иосифович был одаренным мальчиком, и папа оказывал ему всяческое внимание и проявлял заботу о нем, тем более, что мать его – Елизавета Алексеевна разошлась с мужем и не хотела брать от него никакую помощь. Она до конца дней своих относилась к Сергею Павловичу с глубоким уважением и признательностью. Но, несмотря на решение не брать от мужа алименты, Елизавета Алексеевна не мешала бывшему мужу принимать участие в воспитании сына. Отец Александра Иосифовича – земский врач, образованный человек, на каникулы брал сына к себе и даже возил его за границу. Так, во время одной из поездок, в Германии они познакомились с семьей Кобленцов. Это было в Лейпциге. В коридоре гостиницы произошла ссора между подростками Неусыхиным и Кобленцом. На шум вышли родители, здесь они и познакомились. Из дальнейших общений мать Кобленца узнала о существовании необыкновенной Ростовской гимназии, т. к. Неусыхин уже был ее учеником. Потом Иоэль Нафтальевич Кобленц был привезен в Ростов, поступил в Ростовскую гимназию и таким образом тоже стал учеником Сергея Павловича.

Позднее, уже в 30-ые годы, когда отец, занимаясь библиографией, работал во Всесоюзной Ассоциации сельскохозяйственной библиографии (ВАСХБ), где И.Н.Кобленц занимал административную должность, папа шутил: «Если бы два подростка в Лейпциге не устроили потасовку, я бы не работал в ВАСХБ».

Папа не оставлял своим вниманием Неусыхина и после окончания им гимназии. Окончив гимназию в 1916 году, Александр Иосифович поступил сначала на медицинский факультет Московского университета, но в 1918 году он решил перевестись на историко-филологический факультет. Папа просил Дмитрия Моисеевича Петрушевского, который был тогда профессором Московского университета, оказать Неусыхину покровительство и потом способствовал тому, чтобы Дмитрий Моисеевич сделал Александра Иосифовича своим учеником. Все это имело большое значение и определило дальнейшую судьбу Неусыхина. Александр Иосифович бывал у нас часто, уж каждую неделю обязательно, а иногда и по нескольку раз на неделе приходил

по каким-нибудь делам. Либо ему нужна была какая-то консультация, либо необходимо было о чем-то посоветоваться. Его путь в науку был вначале весьма тернистым. Нередко он приходил всей семьей - с женой и дочерью, чтобы засвидетельствовать свою любовь и уважение к Сергею Павловичу.

В 1934 году папа крайне тяжело заболел. Был очень сильный приступ стенокардии. Потом – длительное воспаление легких. Врачи уже предупреждали маму, что надежд на выздоровление практически нет. «Организм уже износился», – говорили они. А отца угнетала одна мучительная мысль: что будет с нами, его детьми. Первую семью он потерял. В 1911 году умерла от туберкулеза его первая жена. Сын от первого брака – Володя, с детства тоже больной туберкулезом, умер в 1928 году.

За нас с сестрой с раннего нашего детства он боялся, чтобы и мы не заболели туберкулезом, не сказалась бы наследственность, ведь наша бабушка - мать отца - тоже умерла от туберкулеза. Туберкулез, к счастью, у нас не обнаружился, но вот теперь над нами реально нависла другая беда. Если не будет отца, то мы останемся без всяких средств к существованию. Мама не имела никакой специальности, а, кроме того, у нее было плохое здоровье, поэтому ее заработок был бы просто ничтожным. А мы с сестрой были еще очень малы, чтобы идти работать; мы учились в школе, я еще только во втором классе, а сестра – в пятом. При таких обстоятельствах даже среднюю школу мы могли не окончить. Такая мрачная картина нашего будущего рисовалась отцу. Он, который всю свою жизнь посвятил тому, чтобы все дети могли получать образование, он, стараниями которого стали образованными тысячи детей, ничего не сможет сделать для своих родных девочек!... В эти страшные дни Александр Иосифович Неусыхин дал папе клятву, что он нас не оставит... Сразу же скажу: при всех новых драматических поворотах в жизни нашей семьи, которые только еще поджидали всех нас в отдаленном будущем, клятву свою он сдержал.

Но тогда судьба сжалилась над нами, кризис прошел, и отец, в значительно мере благодаря маминому уходу, постепенно стал поправляться. Выздоровление шло очень трудно и медленно. Но даже и когда он поправился, ходить на службу долгое время ему было запрещено. Он мог работать только дома. Поэтому в основном папа стал заниматься переводами по договорам с Соцэкгизом. На работе отца начали хлопотать о назначении ему персональной пенсии. Александр Иосифович внимательно следил тогда за всеми перипетиями этого долгого процесса, подстраховывал в меру сил каждый его этап и немедленно сообщал новости отцу. Большие надежды на благополучный исход дела А.И. Неусыхин связывал с возможным участием в нем влиятельного ученого-историка «непременного секретаря Академии наук» В.П. Волгинаю. Как это видно из письма Неусыхина от 23 мая 1934 г., он добился аудиенции с ним. Из его следующих писем к Моравскому явствует, что он вовлек в эти хлопоты и своего гимназического учителя, а теперь и коллегу

по университету профессора Е.А. Мороховца. «Евгений Андреевич сообщил мне только, что Ваше дело о пенсии 9.VII (1934) направлено из Наркомпроса в Совнарком, – очевидно, с каким-то положительным решением...». Так оно все и произошло, персональная пенсия С.П.Моравскому была назначена. Впоследствии, в годы разразившейся войны, она послужила единственной опорой существования всей нашей семьи.

Чрезвычайно большую роль сыграла в эти очень тягостные военные годы и моральная поддержка, которую оказали отцу письма Александра Иосифовича из далекого Томска. Волею судеб с первого же дня Отечественной войны мы оказались вне Москвы. Случилось это следующим образом.

Как я уже упомянула, лето мы всегда проводили в Ярославской области. Но обычно отец брал отпуск в середине июля, а в 1941 году он получил его с 20 июня, и судьбе было угодно, чтобы, сложив летний багаж, мы взяли железнодорожные билеты за 1 час 10 минут до того, как по радио узнали, что фашистская Германия напала на нашу страну и началась война! Поезд уходил через какие-то несколько часов, и за это время трудно было взвесить все «за» и «против» отъезда... мы решили поехать, «а там посмотрим». Но «там» очень скоро мы уже ничего не могли решать: обстоятельства все решали за нас. В августе из ФБОН АН СССР, где работал Сергей Павлович, прислали телеграмму, что он уволен «по сокращению штатов», сообщили также, что учреждения Академии наук эвакуируются, и советовали нам оставаться на месте. Но мы захватили с собой из дома только летние сарафанчики. Поэтому в сентябре мы с мамой, преодолев огромные трудности, съездили в Москву и привезли, что удалось, из теплых вещей.

Застрявший с семьей в глухом селе отец оказался в мучительной изоляции от всех своих друзей. Война своевольно разметала их по самым отдаленным местам. Деревенский быт наш был совершенно неустроен: не было ни запасов продуктов, ни денег, ни дров, но горше всего для отца была именно оторванность от дружеского кружка. Поэтому уже первому письму А.И. Неусыхина от 3 октября 1941 года из далекого Томска, куда Александр Иосифович добирался целых 20 дней, он «несказанно обрадовался». В ответном письме он признается: «Я уже начинал чувствовать себя оторванным от всего мира, заброшенным, забытым и вдруг обрел снова своих друзей, получил снова возможность сноситься с ними, хотя бы при помощи писем, идущих несколько недель, а иногда и совсем не доходящих до адресата. Большое, большое Вам спасибо, дорогой Александр Иосифович, за то, что Вы не забываете меня, старика...». В этом же письме он доверительно делится с Неусыхиным своими тревогами за девочек, которые «остались без школы и неизвестно когда попадут в нее»; тревогами за возможность удержать за семьей московскую квартиру, не скрывает от него своего ужаса перед тем, что всем им предстоит «провести здесь зиму с ее семнадцатичасовыми ночами

без керосину, без спичек, без часов, прожить долгие месяцы без сахару, без чая, без табаку, в душной комнате, где нет форточки...».

Отца удручает и пугает его нарастающая физическая слабость. В этих обстоятельствах особенно необходимым становится для него восстановление связей с друзьями. «Не забывайте, – просит он Неусыхина в том же самом пространном письме от 3 октября, – что каждое Ваше слово доставит мне радость и будет лучом света в моей мрачной жизни, весточкой из того мира, где люди живут более или менее нормальной жизнью, а не прозябают, как я здесь. Писем Ваших буду ждать с нетерпением».

А.И. Неусыхин отвечает отцу большими и сердечными письмами: рассказывает ему о положении своей эвакуированной семьи, откликается на всякую высказанную С.П. Моравским озабоченность, сообщает ему все, что знает, об общих близких друзьях: Петрушевском, Кобленце, Мороховце. Сын врача, сам некоторое время изучавший медицину, попутно он дает Моравскому и врачебные советы. Их переписка друг с другом с наибольшей полнотой запечатлела нарастающий драматизм в физическом состоянии и душевном самочувствии отца. В одном из последних писем от 11 января 1942 г. Моравский сообщает о себе: «А радоваться мне, уж действительно, нечему. С каждым днем жизнь становится все тяжелее и тяжелее. Мой главный враг – темнота, правда, пошла на убыль (почти полтора самых темных месяцев уже позади), но все же еще больше двух месяцев ночь будет длиннее дня. К тому же к темноте прибавился холод враг, пожалуй, хуже темноты: я уже не раз в комнате сидел в шубе и, лежа в постели, со страхом думал о том, что надо вставать. А к этой компании скоро присоединится еще один приятель, похуже всех остальных – голод. <… >. Что мы тогда будем делать, я даже думать боюсь <…>».

Эвакуированным в это время выдавали лишь по 400 г. черного хлеба и абсолютно ничего больше. Причем выдача этих 400 г на человека производилась в магазине, расположенном за 5 км от села, где мы жили, пока пройдешь эти 10 км туда и обратно, не сумеешь сдержаться и съешь свои 400 г. А у папы был больной желудок, и есть черный хлеб он совсем не мог, поэтому ему было особенно тяжело. Сложившиеся условия нашего существования нередко приводили его просто в отчаяние

В начале февраля он почувствовал себя особенно плохо, у него поднялась температура до 39,5. Чтобы вызвать врача, надо было сходить к нему за 6 км (!). А зима в 1942 г. была очень суровая – сильные морозы и снежные заносы. Причем часть пути шла через поле, где дорога была совершенно заметена. Софье все-таки удалось сходить и привезти врача. Врач, недавняя выпускница мединститута, поставила диагноз: рожистое воспаление ног. Папе становилось все хуже. Несколько дней он был без сознания, а 22 февраля скончался. Семья наша оказалась в совершенно безвыходном положении. Мама была в полной растерянности. Когда был жив папа, он получал академическую пенсию – 300

руб. В военные годы, когда деньги страшно обесценились, это было совсем немного, тем более если учесть, что каждый месяц мы платили за квартиру (московскую и здешнюю) – 105 руб., нам на четверых оставалось 195 руб., оставались гроши! Но все-таки было на что выкупить хлеб, Теперь же не стало абсолютно ничего. Надежды на папину страховку лопнули как мыльный пузырь. Хотя папа платил страховку всю жизнь, нам не выдали ни копейки: придрались к тому, что не было уплачено за февраль. Задержка с уплатой имела свои причины: страховку следовало платить только в Борисоглебе (районном центре) за 16 км от нашего села. Часто туда ходить было невозможно, тем более зимой; уплатить за много месяцев вперед у нас не было средств, но все-таки до февраля, то есть за январь, все было уплачено. Тем не менее, из-за нарушения срока страховку нам при оформлении последних документов отца не выдали.

Будто чуяло мамино сердце, когда она не разговорила папе, «ну зачем ты платишь страховку, и так от зарплаты мало что остается» (тогда страховка составляла немалый процент, тем более, что существовало и много других вычетов из зарплаты), но отец неизменно отвечал: «Ничего, теперь мы как-нибудь перебьемся, но зато я буду спокоен, что на первое время (без меня) у вас кое-что будет». Но он, к сожалению, ошибся.

И вот в эти тяжкие для нас дни люди, знавшие Сергея Павловича, пришли к нам на помощь, хотя общая атмосфера отношений местных жителей к нагрянувшим к ним эвакуированным была не слишком доброжелательной.

Особенно тронул нас поступок жителя села – Михаила Ивановича (фамилию его я, к сожалению, не помню). Ему было уже более 70 лет и он, как это иногда делают некоторые в селах, заранее приготовил тес себе для гроба. Узнав, что скончался Сергей Павлович и мы в затруднительном положении, свой гроб (!) он отдал, чтобы схоронить его!

Похоронить папу мама решила на том же кладбище, где уже были похоронены ее родители, – у церкви Николая Чудотворца в 3-х километрах от деревни Хмельники.

И в начале лета, когда уже можно было привести в порядок могилу отца, нам передали о не менее трогательном поступке другого местного жителя, теперь уже из деревни Хмельники, который без всякой просьбы с нашей стороны, побуждаемый лишь собственным движением души, сделал сам прекрасный деревянный крест, сам отнес его и поставил на могиле Сергея Павловича. Это был Николай Абрамович, я хорошо его помню – он с большим уважением относился к дедушке и любил придти побеседовать с отцом, когда мы раньше отдыхали в деревне летом.

Итак, Сергей Павлович Моравский скончался в глухом селе. Шла Великая Отечественная война. Некрологов о нем не было опубликовано, это и не было тогда возможным. Своего рода некрологами стали многочисленные письма, присланные его семье.

Из числа близких друзей первым, кого мы телеграммой сразу же известили о смерти отца, и кто мгновенно откликнулся на нее, был А.И. Неусыхин. Он писал нам тогда:: «...глубоко потрясен смертью горячо любимого Сергея Павловича: с тех пор, как я лишился отца, Сергей Павлович как бы заменял мне его; да и сам он любил меня как отец родной. Из всех учителей Кекинской гимназии я был связан самыми кровными узами именно с Сергеем Павловичем и Евгением Андреевичем...» (12 марта 1942 г.). Александр Иосифович попросил нас сообщить ему все малейшие подробности последних дней С..П. Моравского: ему хотелось остаться в душевной близости с ним до самого конца его жизни.

В основном именно от А.И. Неусыхина узнали о случившемся многие его соученики и коллеги по Ростовской гимназии, питавшие к Моравскому глубокое уважение и искреннюю любовь.. Один из бывших ее учителей С.В. Покровский писал Неусыхину:

2.IV. 42. Милый Александр Иосифович,

Только что принесли Ваше письмо от 20. III с извещением о смерти Сергея Павловича.

Мы с Анной Гавриловной с горячей симпатией всегда относились к этому талантливому и привлекательному человеку. Когда о нем думаю (теперь, да и всегда) передо мной всегда возникает его образнее не последних его дней, а лучшей поры его работы в Ростове в той гимназии, где Вы учились, а мы с Евгением Андреевичем преподавали. Для меня эта пора была одним из плодотворных периодов жизни во всех отношениях: и в смысле работы моей педагогической линии и общественной сферы, выходящей за границы узко школьной жизни. Работа на Кекинской фабрике: связи с рабочими в воскресной школе, на курсах общеобразовательных, работа с драматическим рабочим кружком, постановка «Грозы» и «Женитьбы» на сцене Ростовского театра и многое другое, что делалось тогда в атмосфере того прекрасного коллектива, который был создан Сергеем Павловичем. Вспоминаю, что, пожалуй, нигде на протяжении моей педагогической работы не чувствовал я себя так хорошо среди педагогического коллектива, как в Ростовской гимназии.

Кекинская гимназия сумела стать общественным центром для целого города, и культурное ее влияние на население было очень велико – недаром и ученики гимназии, и кекинские рабочие и все слои города тянулись к культуре, и заслуги Сергея Павловича во всем этом трудно переоценить.

Было бы очень хорошо, Александр Иосифович, если бы Вы написали о нем не только некролог (или если некролог, то во всяком случае такой, который хоть коротко, то осветил бы заслуги покойного). Вам, как историку, и как человеку, имевшему постоянную связь с Сергеем Павловичем, это легче сделать, чем кому-нибудь другому. Если же нужно присоединить мою подпись, то я заранее предоставляю ее в Ваше распоряжение».

К Неусыхину как к одному из самых близких и верных учеников и друзей Сергея Павловича обращает свое письмо по поводу его кончины и Д.М Петрушевский, которого связывала с Моравским еще более многолетняя дружба. Он пишет ему из Казани 3. V/42 г..: «Дорогой Александр Иосифович, третьего дня получил письмо от Н. И. Радцига с известием о смерти Сергея Павловича Моравского. Неужели это правда? Мне не хочется верить этой кажущейся невероятной вести, хотя состояние здоровья Сергея Павловича в последнее время внушало очень серьезное опасение. В последние дни и я, и Василий Дмитриевич усиленно думали о нем, и нам обоим это казалось подозрительным: и я и он подозревали, что Сергея Павловича уже нет в живых, а Василий Дмитриевич даже не сомневался в этом. С Сергеем Павловичем я знаком больше 60 лет, а находился с ним в самых тесных дружеских отношениях больше 55 лет. Чем был для меня Сергей Павлович нет надобности объяснять Вам. Вы сами близко знали, высоко ценили и всей душой любили этого исключительно прекрасного человека, и кончина его – такое же личное тяжелое горе... Мы еще много будем беседовать с Вами о бесконечно дорогом нам Сергее Павловиче...».

30.V.42 г.

Благодаря Неусыхина за то, что тот выполнил его просьбу и прислал ему свои воспоминания о Моравском, Петрушевский в следующем своем письме называет их драгоценными и поддерживает его мысль о сборнике памяти С.П. Моравского .

Глубокой любовью к Моравскому и желанием оказать моральную поддержку его родным проникнуты и многие другие письма, написанные под влиянием известий о смерти моего отца, адресованные и нам и Неусыхину. Вот выдержки из них:

«...Я от всей души любил Сергея Павловича. Это был человек самый чудесный душевно и исключительно талантливый интеллектуально...» (К. Р. Симон, 19 июня 1942 г.).

«Дорогие Евлампия Ивановна и Шура!.. О том, какой он был человек, не мне вам и не сейчас говорить. В моей памяти он всегда останется одним из самых хороших людей, которых я знал, независимо от того, что я считаю себя многим ему обязанным...» (Д. Д. Иванов, выпускник ростовской мужской гимназии, потом директор Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, 17.VII.1942 г.).

«...Умер редкий, умнейший человек с большим сердцем...» (Б. П. Ильин, 21 июля 1942 г.).

«С покойным Сергеем Павловичем я был связан долголетней службой с самого начала Кекинской гимназии, всегда высоко ценил его доброжелательность, такт и готовность помочь человеку качества особенно ценные в нашу грубую эпоху...» (В.В. Казанцев, преподаватель Ростовской кекинской мужской гимназии, 28 августа, 1942 г.).

«Дорогая Шура… О кончине папы, моего товарища и друга, я узнал от Дмитрия Моисеевича (Петрушевского – А.М.). Он писал мне из Казани... Для проезда и на хозяйственные нужды посылаю 200 р. Не откажитесь принять от друга папы, оплакивающего его кончину...» (В.Э. Грабарь, 21.IX.42)

После смерти С.П. Моравского А.И. Неусыхин взял на себя самый большой груз забот о благополучии нашей семьи. Еще пребывая в далеком сибирском краю,.он умудрялся четко и последовательно руководить всеми нашими действиями по сохранению московской квартиры, по организации нашего возвращения в Москву, по продолжению нашего с сестрой учения.

Вернувшись из ярославского села, мы с сестрой обе закончили Московский университет: она по историческому факультету, я – по биологическому. В период студенчества наши отношения с Александром Иосифовичем стали еще более тесными и родственными. Помнится, :в 1946 году я была на III курсе биофака МГУ. Биологический и исторический факультеты МГУ в старом здании располагались рядом – напротив друг друга, надо было только перейти через улицу – Большую Никитскую (тогда она называлась улицей Герцена). И наши отношения с Александром Иосифовичем поддерживались тогда следующим образом. Мы с ним заранее договаривались, и я приходила на истфак к концу его занятий. Мы шли домой вместе, и по дороге я рассказывала ему о наших делах, а он - о новостях на истфаке, которые особенно интересовали сестру. Несмотря на болезнь, она не порывала связей с истфаком. Так мы шли с Александром Иосифовичем по улице Герцена до Никитских ворот. А потом он шел на Малую Бронную, где они тогда жили, а я к себе в Трубниковский переулок. Но если тема нашего разговора не исчерпывалась к Никитским воротам, я провожала его дальше – до дома и уже шла в Трубниковский по переулкам, так знакомым с детства. До войны по этому пути на Малую Бронную я ходила очень часто - либо вместе с отцом, который нередко бывал и у Неусыхиных (дом № 12), и у Александра Николаевича Сперанского, жившего в соседнем доме (дом № 10); либо одна, навещая дочь Неусыхина, с которой до войны мы дружили и обменивались очень частыми визитами.

Хочется со страниц этой книги еще раз сказать слова благодарности Александру Иосифовичу, который и после смерти отца ни на минуту не упускал нас с сестрой из виду, ободрял, помогал точным дружеским советом.

Евгений Мороховец и Ушаков

Продолжал рассказ о человеческих качествах отца, о взаимоотношениях его с людьми, об отношении к нему других людей, упомяну о Евгении Андреевиче Мороховце. Он, как и многие другие преподаватели Ростовской гимназии, уехал из Ростова в 1920 году. А когда папа в 1923 г. тоже переехал в Москву, добрые, товарищеские отношения между всеми, бывшими колле-

гами по гимназии, в том числе и с Мороховцом, продолжались и в московских условиях. Евгений Андреевич жил в Трубниковском переулке дом 26 - в доме, принадлежавшем Комитету улучшения быта ученых (КУБУ), позднее переименованному в Комитет содействия ученым (КСУ). В этом же доме в 1925 году получил комнату и отец, тоже член КУБУ. До этого, не имея своей жилплощади он жил на Малой Бронной - в 1923 году у А. И. Неусыхина в доме № 12, а в 1924, когда у Александра Иосифовича родилась дочь, отца пригласил к себе А. Н. Сперанский, живший в доме № 10.

Итак, волею судьбы мы жили в одном доме с Е. А. Мороховцом, только в разных подъездах - мы на 6-ом этаже - кв. 25, а Мороховцы на 7-ом - кв. 13. И хотя лифт, как правило, не работал в обоих подъездах, это не мешало ни Евгению Андреевичу, ни отцу часто навещать друг друга. Правда, иногда мы с сестрой или внучки Мороховца – наши ровесницы были посыльными и переносили записки или книги. У Евгения Андреевича была большая прекрасная библиотека научная и художественная, которой он щедро делился с папой. (Свою библиотеку отец, как я уже упоминала, почти всю оставил в Ростове своему сыну Володе).

Вот две выдержки из писем Мороховца с преобладающей тематикой:

«Е.А. Мороховец – С.П. Моравскому

4 августа 1934 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Сегодня было совещание относительно учебника по истории для первой ступени. Все начало (примерно до XVI в.) поручено Владимиру Евгеньевичу Сыроечковскому, который очень заинтересовался Вашей готовностью принять участие в этом деле и просил меня предложить Вам взять на себя составление первых уроков, которые должны касаться общих вопросов (что такое история, зачем ее изучают, что такое исторические источники и пр.), а также дать общую характеристику древних культур (начиная с палеолита) и основных событий до появления славян на восточно-европейской равнине. Объем этой части - 1 1/2листа... Тип учебника - вроде книжки Коваленского «Вчера и завтра».

Относительно пенсии ничего не знаю.

У Александра Николаевича[20] большое несчастье: у Ксении Ивановны[21] оказался рак: сделали ей операцию, но, как всегда при этой подлой болезни, возможно опять рецидив.

Ну, всего хорошего пока. Привет Евлампии Ивановне и ребятам. Ваш Е. Мороховец.

20. А.Н. Сперанский.

21. Жена А.Н. Сперанского.

«8 января 1935 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Сейчас звонила мне Нечкина, которая предлагает Вам следующую работу: подготовить ее знакомую к зачету по истории Греции и Рима...

Если Вы согласитесь... и Вам понадобятся книги.., то у меня найдется по этой части все, что Вам может быть нужно для этой цели.

Всего хорошего. Привет Вашему семейству.

Ваш Е. Мороховец».

В заключение хочу привести еще одно письмо, которое можно назвать «новогодним признанием в любви». Действительно, надо питать очень теплые чувства к человеку, чтобы сесть писать ему письмо в новогоднюю ночь – в половине двенадцатого! Это письмо Д.Н. Ушакова – профессора, члена-корреспондента АН СССР, крупнейшего филолога, инициатора, главного редактора и одного из составителей 4-томного толкового словаря русского языка и орфографического словаря, который выдержал около 40 изданий.

Вот это письмо.

«Дорогой Сергей Павлович!

Пользуюсь оказией (через Е. А. Мороховца) переправить Вам две из моих (одна полумоя) книг, которые Вы выразили желание иметь. К сожалению, больше ничего из моих «творений» у меня не осталось. Посылаю десяток программ по литературе, которые наконец-то вышли. Их можно иметь сколько хотите (через НКПрос).

Сохраняю самые хорошие воспоминания о Ростове-Великом и о Вас. Это последнее не комплимент «между прочим», «для красоты слога», а в самом деле. Я ведь Вас очень люблю с юных лет, когда мы познакомились; я хотел Вас видеть и все думал, каким-то я Вас увижу. И вот нашел Вас, с одной стороны, все таким же МИЛЫМ, а с другой – (как я понял из чествований отъезжавших учителей и из общений с учительской средой) совершившим большое-большое культурное дело незаметно и скромно.

Целую Вас крепко и желаю всего лучшего в наступающем новом году.

921 31/XII 11 S ч. ночи. Ваш Д. Ушаков

Арбат, Никольский, 19, кв. 1».

С. П. Моравский и Д. Н. Ушаков познакомились, будучи преподавателями. И тот и другой, окончив Московский университет, стали преподавать в гимназиях Москвы. Дмитрий Николаевич был на 7 лет моложе Сергея Павловича. Точных сведений об обстоятельствах их знакомства нет, но из их биографий известно, что и тот и другой преподавали, в частности, в гимназии Купчинской. Кроме того, они, по-видимому, могли встречаться в связи с ра-

ботой Педагогического общества при Московском университете или Учебного отдела ОРТЗ.

А в сентябре 1921 года Дмитрий Николаевич был по приглашению Сергея Павловича в Ростове-Великом. Об этом мы читаем в письме Е. А. Мороховца от 16 июля 1922 года. Евгений Андреевич уже переехал из Ростова в Москву. А Сергей Павлович продолжает работать заведующим единой трудовой школы, в которую преобразована Кекинская гимназия. Мороховец сообщает, что выполнил различные поручения Сергея Павловича относительно школьных дел, а также пишет, что Дмитрия Николаевича видел, передал ему приглашение, которое тот принял и согласен приехать в Ростов на Съезд учителей в первой половине сентября для прочтения теоретического курса, длительностью 10-12 часов, а также согласен участвовать в конференции по родному языку.

В архиве Моравского сохранилось еще 3 письма Дмитрия Николаевича (за 1904 и 1923 г.), в которых звучит только одна тема - он приглашает Сергея Павловича в гости: «. . .так как мы продолжаем неистово желать Вас видеть...».

В.Э. Грабарь и М.И. Грабарь-Пассек

Большая истинная дружба, возникшая еще в Киевской коллегии П. Галагана, связывала всю жизнь папу и Владимира Эммануиловича Грабаря, который был на 1 год старше отца.

В архиве есть 31 письмо В. Э. Грабаря и его жены–М. Е. Грабарь-Пассек за период с 1933 г. по 1957г. Хотя большая часть писем относится к годам после кончины отца и адресована его семье, они очень ценны тем, что показывают любовь и заботу Грабарей о семье их старого друга.

После смерти папы Владимир Эммануилович с женой отнеслись к нам как к родным. Они помоги нам вернуться из эвакуации. А потом, когда я сначала одна вернулась в Москву в октябре 1943 г. и поступила на биологический факультет Московского университета, то всю зиму жила в семье Грабарей. Дом, где жили мы раньше всей семьей, как, впрочем, и многие другие дома, еще не отапливали, да и газ у нас тогда был отключен, так что и готовить пищу было не на чем. Когда в сентябре 1944 года в Москву вернулась и сестра, вызванная как студентка историческим факультетом МГУ, мы с ней стали жить уже у себя дома. Но Владимир Эммануилович и его жена – Мария Евгеньевна продолжали нам всячески помогать и опекать нас. Они считали нас своими дочками (фото и надпись). 11 апреля 1952 г. и Владимир Эммануилович (которому шел уже 88-ой год(!), и Мария Евгеньевна – оба были на моей защите кандидатской диссертации на биофаке МГУ. В память об этом дне Владимир Эммануилович подарил мне часики (ручные, марки «Звезда». Это были первые часы в моей жизни!) Потом с этими часами произошла любопытная история.

В 1956 году Владимир Эммануилович тяжело заболел, состояние его быстро ухудшалось, но иногда все-таки были и улучшения. Я навещала их почти каждый день.

И вот однажды – утром 26 ноября, когда я проснулась и посмотрела на свои часики, то обнаружила, что они стоят. Решив, что накануне я забыла их завести, я взяла их, но оказалось, что они были заведены, как обычно. А через несколько часов мы получили телеграмму от Марии Евгеньевны. У нас не было телефона, и телеграммой она извещала нас, что Владимир Эммануилович скончался. И оказалось, что остановились мои часики его подарок! именно в тот час, когда скончался Владимир Эммануилович... А потом часы пошли и исправно работали в течение многих лет. Наша дружба с Марией Евгеньевной, а также и с семьей ее двоюродного брата продолжалась до последних дней ее жизни (она умерла 23 декабря 1975 г.).

Софья, старшая дочь

Софа была любимицей отца. Она очень рано научилась читать, в 5 лет уже вполне свободно читала небольшие книжки. До этого отец рассказывал ей сказки, а первая книга, которую прочитал ей папа, была «Евгений Онегин», – да, роман в стихах А.С. Пушкина! Вот таким был выбор педагога Сергея Павловича. Софа слушала с удовольствием и большим интересом – каждый день понемногу.

С детства у нее была прекрасная память, она легко запоминала прочитанное. Был такой эпизод. Сестру отдали в детский сад. Это был частный сад, государственных тогда еще не было. Там детям, конечно, читали сказку. А через несколько дней стали читать опять ту же самую сказку. Софа сразу же сказала воспитательнице: «А Вы нам эту сказку уже читали!». Недовольная преподавательница ответила: «Ну, тогда расскажи ее». Софа всю сказку пересказала, а дома заявила, что в сад она ходить больше не будет, потому что там каждый день читают одно и то же.

На десятилетие моей сестры, уступая ее просьбам, папа написал в ее детский альбом стихотворение:

На память Софочке
Из любви к тебе я стал поэтом
И, чтоб исполнить твой каприз,
Я напишу в альбоме этом
Нижеследующий сюрприз:
Милая Софочка, будь умницей,
Слушайся папу и маму,

Учись хорошо.
Любящий тебя папа
С. Моравский
(1931 г.)

Когда Софа подросла и стала получать от родителей деньги на школьный завтрак, она экономила их. А по воскресеньям самым любимым ее занятием было пойти с подругой на Арбат в книжный магазин и выбрать интересную книгу. Летом, когда мы ездили через Ростов в деревню, вместе с отцом мы шли навестить Володю (сына папы от первого брака), который постоянно жил в Ростове. После окончания Ростовской Кекинской гимназии Володя поступил на исторический факультет Московского университета. Потом он работал в Ростовском музее древности сначала экскурсоводом, а с марта 1919 г. – научным сотрудником. У него была большая библиотека; уезжая из Ростова, папа почти все свои книги оставил ему. Володя очень любил Софу, и все книги, которые она выбирала, он дарил ей. Это были большей частью путешествия и исторические романы.

В старших классах Софа была миловидной, с хорошей фигуркой, и мальчики увивались около нее в большом количестве. И все, чем обычно девочки делятся с мамой, Софа доверяла папе, а папа рассказывал ей себе, причем очень самокритично. Позднее, когда я подросла, – и в моем присутствии. На склоне лет, уже умудренный жизненным опытом, отец пришел к выводу, что ранняя женитьба – неблагоразумный шаг. Об этом он говорил не раз нам обеим, очень опасаясь, чтобы Софа «не выскочила» рано замуж.

В 1939 году сестра окончила 10-й класс. Надо было выбирать специальность. Отец не хотел оказывать на нее никакого давления. Он только сказал ей, что надо выбрать то, что ты больше всего любишь. – подумай, как следует. А она любила историю и путешествия, а, следовательно, - географию и геологию. Однако, чтобы сделать правильный выбор, надо иметь не отвлеченное представление о той или иной науке, а. возможно более конкретное. Поэтому отец повел Софу к специалистам, чтобы она могла задать им вопросы и послушать их рассказы. Сначала они пошли к геологу, благо он жил рядом, - в нашем доме, этажом выше. Это был Е.А. Милановский, который в свое время учился у моего отца в московской гимназии. Он был очень внимательным, охотно рассказал, из чего складывается работа геологов. Дал Софе почитать некоторые книги из своей библиотеки.

Потом папа с Софой отправились к Васе (Василию Дмитриевичу) – сыну Д.М. Петрушевского. К этому времени он уже окончил географический факультет МГУ и работал экономгеографом. Об этом визите упоминает Дмитрий Моисеевич в письме к моему отцу от 18. IV. 39 г. «...Очень рад был вчера видеть Вас у себя, да еще с Вашей милой дочкой. То же скажу о Васе

и его жене…». Только после этих встреч и бесед Софа сделала выбор: она решила стать историком. Отец был рад, он хотел этого, но он никогда не настаивал именно на таком решении и тем более к нему не принуждал. Хотя жизнь и судьба историков в 30-е годы была очень сложной, папа одобрял выбор сестры, т.к., на его взгляд, она была прирожденным историком. Софа обладала широтой мышления, ей было присуще умение анализировать события, сопоставлять факты, проводить аналогии, обобщать. Она много читала, и, как я уже упоминала, у нее была прекрасная память. Осенью 1939 года Софа благополучно сдала приемные экзамены и была зачислена на исторический факультет Московского государственного университета.

Папа был очень рад этому, но перед войной, в 1940 году, она заболела брюшным тифом. Как известно, для восстановления здоровья после такой тяжелой болезни требуются очень хорошие, особые – санаторные условия. А получилось как раз наоборот. Началась война, и мы оказались не просто в тяжелых, а в ужасающих условиях, самых неподходящих для ее выздоровления, (о чем можно судить по уже цитированной выше переписке отца с А.И. Неусыхиным и Д.М. Петрушевским). А после смерти отца наши жизненные условия еще более осложнились. Ослабленному организму сестры оказались не под силу выпавшие на его долю в военное лихолетье и первые послевоенные годы нагрузки

Сестра вернулась в Москву в сентябре 1944 г. по вызову, посланному ей истфаком МГУ (иначе тогда из эвакуации возвратиться было нельзя). Восстановившись на II-м курсе, она продолжила свои университетские занятия, но в 1945 г. здоровье сестры резко ухудшилось. Надо сказать, что еще с детства после перенесенной в трехлетнем возрасте кори у нее было больное сердце.

В военные и первые послевоенные годы в университете очень строго следили за посещаемостью студентов, отмечали их присутствие на каждой лекции, на каждом семинаре. Очень жестко учитывалась успеваемость. Все это учитывалось при выдаче продовольственных карточек и назначении на стипендию. Больничные листы студентам врачи предоставляли с большим трудом. Особенно такой порядок ужесточался в период сессии. И вот в 1946 году, чувствуя себя очень плохо, сестра все же пошла на экзамен. .Оттуда ее привеб3ли домой на машине скорой помощи: у нее признали инфаркт. В сложившихся бытовых условиях болезнь затянулась. Из университета ее отчислили.

Когда после окончания биофака МГУ (в 1948 г.) и аспирантуры (в 1952 г.) я поступила работать, жить мы стали значительно лучше и смогли интенсивно заняться здоровьем сестры. Правда, поднять ее с постели не удалось, но она перевелась на заочное отделение и смогла продолжить учение на истфаке. Преподаватели, которые приходили к Софе на дом, были довольны ее

успехами. Государственные экзамены она сдала хорошо и благополучно окончила исторический факультет К тому же она опубликовала две статьи: Средневековая деревня и замок (Путешествие маленького Франсуа») – в «Книге для чтения по истории средних веков» (Т..1 С. 115-127. «Просвещение». М. 1969) и «Средневековый город» – в «Детской энциклопедии» (Изд. 3-е, М. 1975. Т. 8. С. 127-130).

Сохранился отзыв о первой из этих статей ответственного редактора издания «Книги для чтения...» академика АН СССР и действительного члена Академии педагогических наук СССР С.Д. Сказкина: «Статья эта представляет собой оригинальное литературное произведение, в котором на основе безукоризненного научного материала о жизни средневековой деревни и крестьянства дана картина жизни этой деревни... Статья эта признана редакцией одной из наиболее удачных как с научной, так и с педагогической точки зрения» (14 мая 1970 г.).

В 1960 г. Софа получила долгожданный диплом Московского университета.

Книги и говорящие надписи

Интересен и список авторов, книги которых, подаренные С.П. Моравскому, сохранились.:

Алабина Т. – 1, проф. Алексеев А. С. - 1, Ардашев Павел – 1, Афанасьев Г. Ег (Л-д) – 1, Балталон Ц. – 1, Багрова Евг. – 1, Безобразов П. В. – 1, Брун М. – 1, Васильев В. – 1, Виппер Р. – 2, Галанин Д. – 1, Гарина К.- 1, Гершензон М. – 9, Грабарь В. Э. – 2, Грушка А. – 1, Гутерман А. Н. (перевод) – 1, Гутьяр Н.М. – 1, Добранов Ю. - 1, Довнер-Запольский М. - 1, Егоров Д. – 2, Житецкий И. П. – 3, Житецкий П. – 1, Жуковский П. - 1, Зандберг Д. Г. – 1, Зенченко С. – 1, Ивановский В. – 1, Иванцов А. – 1, Иванцов М. – 1, Иванцов Н. – 2, 30. Иванцов С. – 1, Ильин Алексей – 1, Казанский И. – 1, Каллаш В. В. – 18, Катаев И. -3, Кивлицкий - 1, Кизеветтер А. А. – 9, Клячин В. – 1, Коваленский Мих. – 1, Кондратьев С. П. - 2 , (переводы), Коропчевский Д. А. – 1, Котлов Ив. – 1, Куно-Фишер – 1, Маклаков В. – 1, Мачтет Г. – 1, Молчановский Н. – 1, Мороховец Е.А. – 7, Мякотин В.А. – 1, Надеждин А. Д. – 1, Науменко В.- 1, Недачин В.П. – 1, Нелидов О.О. – 6, Неусыхин А.И. – 4, Неусыхин И.Г. – 1, Николаев Б.А. – 1, Никольский Н. – 1, Павлов А. – 1, Петрушевский Д. М. – 13, Пискарский Влад. – 5, Романов Н. – 1, Романович-Славатинский А. В. – 5, Сперанский А.Н. – 1, Сторожев Вас. Ник. – 5, Строев В.Н. – 2, Тарасов Н. – 1, Теплов Н. В. – 1, Ушаков Д. Н. – 1, Федяевский К. – 1, Хвостов М. – 5, Хреновский А. Я. – 1, Черняева М. – 1, 71. Шамонин Н. Н. - 1 (перевод).

Всего -155 работ самых разных, подчас – очень известных авторов.

Определенный интерес представляют надписи на подаренных С.П. Моравскому книгах. Вот некоторые из них:

Павел Ардашев. «Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря». М., 1890, 504 с. «Сергею Павловичу Моравскому одному из моих лучших товарищей». Автор.

Евг. Богрова. «Персия и Персы». М., 1903, 80 с.

«На добрую память многоуважаемому Сергею Павловичу Моравскому от буйного и непокорного автора «Персию» и «Петра Великого».

В. Васильев. «Сто дней у Форда». М., 1927, 92 с.

«Любимейшему родоначальнику замечательной «нации» - кекинцев Сергею Павловичу Моравскому от автора». М. Виль.

«На память от искренно любящей и уважающей Ваш серьезный ум». М. В. 1870, ноябрь 6.

М. Гершензон перевод Б.Г. Нибур «Рассказы о греческих героях». М., 1897.

«Сергею Павловичу Моравскому от искренно любящего его М. Гершензона». 6 апр. 1897.

И.Житецкий. «Литературная деятельность Іоанна Вишенского. Приложение – «Неизданные сочинения І. Вишенского». Киев, 1890, 50 с.

«Искренно любимому Сергею Павловичу Моравскому. Глубокоуважающий И. Житецкий. 18 II. V… М. Иванцов.

«Памяти проф. С.С. Корсакова». М., 1902, 10 с.

«Сергею Павловичу Моравскому в знак искреннего уважения». М. Иванцов.

В. Каллаш. «Опыт пересмотра некоторых спорных вопросов о Белинском». М., 1899, 57 с. «С.П. Моравскому на память о многолетней дружбе от В. Каллаша».

С.П. Кондратьев – перевод – М. Да-Коста «Национализм в германской средней школе». М., 1904, 38 с.

«Искренно уважаемому Сергею Павловичу Моравскому от переводчика».

Е.А. Мороховец. «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции». М.-Л., 1926, 240 с.

«Дорогому Сергею Павловичу Моравскому с благодарностью за сделанные им ценные указания». Е. Мороховец.

А.И. Неусыхин. «К вопросу об элементах капитализма в средневековом обществе». М. 1923, 17 с.

«Дорогому учителю Сергею Павловичу Моравскому от благодарного ученика». Москва, 24/IX-23 г.

Б.А. Николаев. «Стихотворения». Киев, 1886, 52 с.

«Дорогому другу и товарищу Сер. Моравскому на память от горячо любящего автора Бориса».

Д. Петрушевский. 1) «Рабочее законодательство Эдуарда III». М., 1889, 43 с. «Лучшему другу и утешителю, дорогому Сергею Павловичу Моравскому». Д. Петрушевский. 2)«…Восстание Уота Тайлера», ч.I, ч. II и др. книги...

«Дорогому другу Сергею Павловичу Моравскому от искренно любящего

Д.П.» - 1897г.

«Дорогому Сергею Павловичу Моравскому от любящего его старого друга». 1901.

«Дорогому Сергею Павловичу Моравскому от сердечно преданного друга Д.П. ...- 1903».

«Дорогому Сергею Павловичу Моравскому от все не едущего, но не менее любящего его автора». 1915.

М. Хвостов. «Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения».

«Сергею Павловичу Моравскому в знак искреннейшей приязни от автора. 16 дек. 1897 г.»

С музыкой – всю жизнь

С. П. Моравский очень любил музыку и сам играл на скрипке. Играл хорошо, принимал участие как в домашнем музицировании, так и в концертах. В архиве есть программа концерта Общества для распространения народного образования в г. Ростове и Ростовском уезде 16.III. 1909 г. Моравский участвует в исполнении трио Мендельсона, Andante contabile из струнного квартета ор. П. Чайковского, «Когда б Вы знали все» Денце; «Сомнение» Глинки, квартета C moll ор. 26 Фреска.

Из писем, в которых говорится о музыкальных вечерах, а их сохранилось в архиве несколько десятков, узнаем, что домашние концерты, в которых принимал участие Сергей Павлович, устраивались у П.Г. Виноградова, А.А. Кизеветтера, П.Н. Милюкова, Д.М. Петрушевского; у Гольденвейзеров, Беккеров, Ф. Нелидова, А.В. Зарембы и др.

Сергей Павлович, очевидно, был хорошим партнером в ансамбле.

Чаще в письмах говорится о квартетах (Бетховен, Гайдн, Шуберт (№ 3), Мендельсон (№1 и 3), Моцарт), иногда - трио.

На одной из визитных карточек (без даты) П.Г. Виноградов пишет: «Приходите сегодня вечером – будет Игумнов».

В письме А.А. Кизеветтера (без даты) есть приписка (другой рукой), видимо, Е. Кизеветтер: «А что бы Вы сказали о повторении у нас вечера с квартетом?

Любительница квартетов».

Частыми музыкальные вечера были у Гольденвейзеров. Об этом говорят письма, их сохранилось 37 за период с 1893 по 1904 год. В одном из писем (8-IX-1902 г.) сестра Александра Борисовича (впоследствии известного пианиста) пишет: «Шура просил передать приглашение... будет Рахманинов».

Вот две выдержки из писем Петрушевского, где говорится о музыке:

Д.М. Петрушевский - С.П. Моравскому

30 марта 1893 г.

Сергей Павлович.

Вчера я видел П.Н. Милюкова, и он просил меня передать Вам следующее: если Вы желаете участвовать в квартете, в таком случае благоволите известить его об этом сегодня же: завтра Вы получите от него ноты (среда у него будет), а в воскресенье будете гастролировать.

Д. Петрушевский.

Д. М. Петрушевский – С. П. Моравскому 22 февраля 1895 г.

My deaг Siг, завтра (четверг) вечером к нам придет Серафима Гавриловна[22]*. Если Вы свободны и не оставили желания как-нибудь послушать у нас музыку, приходите завтра и Вы: буду очень рад Вас видеть. Ваш Д. Петрушевский.*

Вот еще любопытные выдержки из писем:

А. В. Заремба С. П. Моравскому

21.VI.02

1. ...«Когда вспоминаю о Вас, очень часто является желание съездить к Спасу на пески[23], чтобы послушать в великолепном исполнении трио Шумана и «Скептицизм» Глинки»...

9.VII.02

2. ... «Дорогой Сережа!

...В Москве никого из приятелей нет, кроме Томаса...

...Кстати, Томас требует, чтобы Вы привезли скрипку – поедете втроем (Вы, Томас и скрипка) в Можайск к Федору Федоровичу[24] и Лидии Николаевне»...

Н. Рихтер (Гагарина) в письме от 27.X.1892 г. приглашает Сергея Павловича поиграть на скрипке (трио). Среди корреспондентов Моравского была музыкальная семья Беккер - 2 сестры и 2 брата. Все играют на музыкальных инструментах. И, кажется, все - преподаватели. А Эрнест Егорович (Георгиевич) Беккер потом был профессором на биологическом факультете Московского университета (40-ые - 60-ые годы). И мне довелось у него учиться, когда я была студенткой кафедры энтомологии в 1943-1948 гг.

Но я, к сожалению, тогда не знала, что он был знаком с моим отцом. Узнала я об этом много позже – в 80-ые годы, когда стала разбирать архив Сергея Павловича, но Эрнеста Егоровича уже не было в живых.

---

22. Сестра П.Г. Виноградова.

23. Сергей Павлович с семьей в то время жил на Смоленском бульваре, то есть очень близко от церкви Спаса на песках

24. Может быть это Нелидов, так как его инициалы тоже Ф. Ф., а кроме того многие его письма посвящены музицированию, (См. ниже).

От семьи Беккер сохранилось 10 писем за 1903-1904 годы и без даты. Вот две записки Эрнеста Георгиевича на визитных карточках.

1) «Многоуважаемый Сергей Павлович, в субботу мы проектируем квартет, причем думаем перед квартетом подкрепиться обедом, который состоится ровно в 5 час, вечера; надеемся, что Вы не откажете нам и не лишите нас Вашего общества за обеденным столом; в случае же если Вы в субботу заняты, просим об этом сообщить посланному».

2) «Многоуважаемый Сергей Павлович, приношу Вам глубокую благодарность за скрипку, которой я так бесцеремонно пользовался в течение целого месяца. Желаю Вам счастливого Нового года. За карандаш извиняюсь - пишу на вокзале».

Ф. Ф. Нелидов - С. П. Моравскому

28 декабря 1898 г.

Дорогой Сергей Павлович.

Бауэр просит нас с Вами как-нибудь помузицировать у них, подумайте относительно выбора вечерка..

Ваш Ф. Нелидов.

(Москва) 16 декабря (Без года):

Если будете на праздниках в Москве.., можете остановиться у меня, есть 2-3 комнаты... Хорошо было бы, если бы Вы захватили с собой Вашу скрипочку: с Вашим участием у нас составится превосходный струнный квартет; есть хороший альтист, даже два, есть очень хорошая 1-ая скрипка, да и я, отдохнувши, могу подтянуться. Возможно и трио.

13 апреля 1913 г.

В нашем квартете новая первая скрипка – один восторг, тоже милости просим.

28 марта 1917 г.:

А если приедете, ради всего святого, высокого и прекрасного захватите с собой скрипочку. Есть превосходная пианистка к нашим с Вами услугам – вспомним доброе старое время!

Музыкальные вечера устраивали не только зимой - в Москве, но и летом. Когда Сергей Павлович ехал в отпуск в Киев, он вез скрипку с собой. Его брат – Григорий Павлович пел, У него был хороший голос – тенор очень приятного тембра. Он даже мечтал стать профессиональным певцом и поехал в Италию учиться. Но оказалось, что учение стоит слишком дорого – ему не по карману. Тех денег, которые ему удалось скопить, хватило только на 1 месяц.., и на этом учение кончилось.

В письме от 14.VIII.1907 г. (Киев) Соня (подруга жены Сергея Павловича) поздравляет его с назначением (очевидно, директором гимназии в Ростове - А. М.) и пишет: «Очень сожалеем... что не будете принимать участие в нашем квартете...»

Жена Сергей Павловича - Ольга Павловна играла на рояле. Сохранились ее ноты. Шопен: вальсы, мазурки, ноктюрны и блестящая вариация, а также «Князь Игорь» Бородина (переложение для фортепиано Ф. Блюменфельда) с дарственной надписью «Дорогой Ольге Павловне Моравской от преданного Антона Зарембы. 4.XV.98).

Из нот Сергея Павловича есть:

S.Bach - прелюдия.

L.v.Beethoven сонаты, квартеты, квинтет.

Ch. de Beriot – 9 concerto; fantaisie-ballet.

Boccerini – квинтет.

А. Бородин – 1 квартет.

А. Вилламов – романсы.

Carl Goldmark - сюита, Op. 43.

Э. Григ – Op. 46.

Гайдн – сонаты, трио К 1.

I.N. Hummel - трио (Op. 83, 93, 96).

F. Mendelsson-Batholdy - квартеты.

Mozart - трио (1-7), квинтеты (1-10), сонаты.

А. А. Опель - романс.

J. Paff - каватина.

A. Rubinstein - трио (Op. 52).

Шуберт - ноктюрн.

Шуман - Op. 15, Op. 41, Квартет (Op. 47); Op. 70; романсы.

Hans Siff - Op. 45.

Чайковский - Баркарола, трио (Op. 50).

Weber - квартет.

H. Wieniawski – Romance d· a Rubinstein.

Хочется отметить, что 10 сонат и 4 квартета Бетховена переплетены в красивые переплеты с монограммой Моравского и на каждом из 6 томов есть автограф Сергея Павловича.

Бетховен был одним из любимых композиторов Сергея Павловича. Последние годы (начиная с 20-х годов) папа на скрипке уже не играл.

Я помню, что в среде московских ученых, куда входили и историки, устраивали вечера домашнего музицирования и не раз приглашали отца принять в них участие. Но он неизменно отказывался. Лишь однажды, после настой-

чивых просьб сестры, папа согласился поиграть у соседки по коммунальной квартире, где мы жили. У нее часто бывал неплохой пианист. Но это было лишь единственный раз. В годы нашего детства и юности (сестра родилась в 1921 году, а я в 1924-ом) у нас не было возможностей брать уроки музыки, тем более, что и инструмента в доме не было.

Но отец все-таки всячески старался приобщить нас к музыке, используя любую возможность. Так, году в 1928- 29 нас водили в Большой театр на балет П. И. Чайковского «Щелкунчик», и чудесный спектакль и театр произвели огромное впечатление, которое сохранилось до сих пор. А в 1933 году папа сам, несмотря на большую занятость, ходил с сестрой в Большой зал Консерватории на концерт, в котором участвовал Л. В. Собинов. Он очень хотел, чтобы сестра послушала этого замечательного певца. О своем желании он как-то сказал Александру Иосифовичу Неусыхину, часто бывавшему у нас. И Александр Иосифович купил билеты для себя с женой и Сергею Павловичу с Софой. Это был один из последних концертов Собинова.

Позднее сестра очень полюбила оперу. Она часто бывала в Большом театре и его филиале, на концертах оперных артистов в Большом зале Консерватории и в Колонном зал дома Союзов. В те годы спектакли кончались очень поздно, сестра возвращалась домой в 11 и даже около 12 часов вечера. И вот частые посещения спектаклей начали отрицательно сказываться на успеваемости Софы в школе. Мама стала возражать против такого увлечения, хотела его ограничить, но отец убедил ее, что это хорошее увлечение, и не надо ему мешать, а с занятиями в школе Софа справится. Так оно и вышло.

Когда я училась в школе, то участвовала в хоровом кружке. Папа поощрял эти занятия. Он находил, что у меня «неплохой голосок», и ему это было приятно.

Памятные встречи

Здесь мне хочется рассказать лишь о некоторых послевоенных встречах.

Я уже упоминала, что в 1944 г. из эвакуации вернулась сестра. (Я вернулась годом раньше и зиму жила в семье В. Э. Грабаря). Теперь с сестрой вместе мы уже жили у себя дома, но Грабари продолжали нас всячески опекать и время от времени старались доставить нам удовольствие. Мы все вместе – вчетвером (Мария Евгеньевна - жена Владимира Эммануиловича, он сам, сестра и я) ходили в Большой театр на оперу Римского-Корсакова «Садко», в театр им. Станиславского и Немировича-Данченко на оперетту «Цыганский барон» И. Штрауса, в театр оперетты на «Веселую вдову» Легара (Владимир Эммануилович очень любил оперетту) и на другие спектакли. А иногда они брали нас с собой обедать в Дом ученых. Напомню, что 1944-1945 гг. были военные - голодные годы, когда продукты выдавали по карточкам. Поэтому обед в доме ученых,

где кормили, по тем временам, просто роскошно, был настоящим праздником. И вот мы в Доме ученых (на Кропоткинской улице), уже поднимаемся по мраморной лестнице старого здания и неожиданно встречаем брата Владимира Эммануиловича – Игоря Эммануиловича – художника - «знаменитого брата» (как называл его Владимир Эммануилович). Веселые приветствия. Вежливый поклон нам с сестрой – двум студенткам, и Мария Евгеньевна представляет нас: «А это дочери Сергея Павловича Моравского». Лицо Игоря Эммануиловича мгновенно просияло... Возглас радостного удивления, и он буквально распахивает объятья...

Вот еще один эпизод.

В конце сентября 1985 г. я ездила по делам в с. Успенское (под Москвой) в Лабораторию лесоведения Академии наук СССР, где я работала до выхода на пенсию. После нескольких дней дождя выдался дивный осенний день. Яркое солнце, высокое синее небо, почти безветренно. За городом («на природе», как принято теперь говорить) было так хорошо, что я решила пойти (именно пойти пешком) на Николину Гору (это километра 2 от с. Успенского), посмотреть этот известный дачный поселок (я там никогда не была) и может быть попробовать «найти» Кобленцев. Когда-то они меня приглашали, но разные обстоятельства мешали воспользоваться приглашением.

Мне хотелось повидать Зинаиду Вячеславовну. Я очень давно ее не видела, а в Москве это как-то не получалось. Может быть, мне повезет и они еще на даче.

Зинаида Вячеславовна знала моего отца еще по Ростову. Она, как я уже упоминала, была дочерью Вячеслава Антоновича Мишке, соратника Сергея Павловича по просветительской деятельности в Ростове. Он был очень приятным человеком. Я знала это не только по рассказам родителей, которые относились к нему с большим уважением, но мне самой довелось его видеть в начале 50-х годов, когда я была у Кобленцев в Москве. Зинаида Вячеславовна потом вышла замуж за ученика Сергея Павловича по Кекинской гимназии Кобленца Иоэля Нафтальевича. После переезда в Москву между нашими семьями поддерживались добрые отношения. И отец и мама относились к Зинаиде Вячеславовне с большой симпатией. А как она относилась к папе, я еще раз убедилась во время этого визита.

Мне повезло и настолько, что совсем не пришлось ничего «искать», Оля (дочь Зинаиды Вячеславовны) попалась мне навстречу (она шла в магазин).

Когда мы пришли на дачу, Зинаида Вячеславовна спала. Оля показала мне участок. Место прекрасное и участок тоже - просто кусок дивного леса (около гектара): могучие сосны, ели, вековые березы и плюс еще посадка белой акации - уже большие деревья, которые (по словам Оли) очень обильно цветут (и в этом году тоже хорошо цвели).

Оля была очень приветливой и любезной хозяйкой.

Когда Зинаида Вячеславовна проснулась, меня пригласили к ней в комнату. Тогда ей было 87 лет. У нее были частично парализованы ноги, хотя она все-таки немного передвигается. Голова же ясная, светлая, у нее хорошая память.

Когда я вошла в комнату Зинаиды Вячеславовнs, у нее только вырвалось удивленное: «О!», лицо ее озарила улыбка, глаза расширились и стали мечтательными. Было видно, что все ее мысли ушли в прошлое, и она тихо, задумчиво сказала: «Как похожа... Как похожа на Сергея Павловича!.. Какой он был удивительный человек!..». Она вспоминала Ростов, мы смотрели ростовские фотографии, она показывала фотографии своих внуков... Когда я уходила, Зинаида Вячеславовна очень тепло попрощалась и поцеловала меня.

Потом Оля пошла меня проводить до остановки автобуса. Зинаида Вячеславовна вернула ее и велела ей нарвать мне цветов. Это движение души и эти цветы относились к Сергею Павловичу...

Несколько лет спустя, 31 марта 1990 года я была у Кобленцов в Москве. В этот день Иоэлю Нафтальевичу исполнилось бы 90 лет. Когда я пришла в комнату Зинаиды Вячеславовны и поздоровалась, она довольно долго на меня смотрела и молчала. Я решила, что она меня не узнала и спросила: «Вы меня не узнаете?.. – «Конечно, узнаю», - быстро ответила она и, помолчав, добавила:

«Хочешь, я скажу тебе комплимент?.. Ты очень похожа на Сергея Павловича...». «А какие чувства возникают у Вас при воспоминании о нем?», - спросила я.

- Благоговение,.. - сразу ответила она.

- А Вам вспоминаются какие-то эпизоды?

-Экзамены... У нас в женской гимназии была очень плохая директриса... Он присутствовал на экзаменах...

(Зинаида Вячеславовна окончила женскую ростовскую гимназию в 1916 г.).

С.П. Моравский, как я уже упоминала, был председателем педагогического совета Ростовской женской гимназии. – письмо О. Альбовой к нему – очевидно именно эту плохую директрису имела она в виду, когда писала... «Темные силы...» и, что «как луч света, Вы проникли в женскую гимназию...».

А вот еще один любопытный эпизод, в котором я ярко почувствовала отзвуки обаяния личности Сергея Павловича. Впечатление такое яркое, что, хотя с тех пор прошло не менее, а может быть и более 30 лет(!), я помню все так, как будто это произошло лишь вчера.

В середине 1950-х годов, летом, будучи на полевых работах в Теллермановском лесу, я как-то пришла по делам на соседний кордон. Мне надо было повидаться с одной нашей сотрудницей, и мы с ней заранее договорились об этой встрече. Когда я пришла, в комнате находилась также и ее мать, которая недавно приехала. Я видела ее в первый раз. Это была интеллигентная и

приятная пожилая женщина небольшого роста. Дочь нас познакомила. Мать звали Анной Дмитриевной. Дочь назвала и мою фамилию. Анна Дмитриевна встретила меня так радушно, так тепло, как будто я была ее родным близким человеком. Меня она видела тоже первый раз. С ее дочерью мы хотя и были в добрых отношениях, но связаны были только по работе, и очень близки мы не были. Поэтому теплое радушие Анны Дмитриевны я не могла принять на свой счет, а объяснила его «старым» - «прежним» воспитанием интеллигенции начала XX века. Но все-таки эта сердечность меня очень тронула и встреча запала в душу. Об Анне Дмитриевне дочь ее я не расспрашивала, так как слышала, что мать лишь недавно реабилитирована и вернулась из мест «не столь отдаленных»; что в свое время она была репрессирована вместе с мужем. девичью фамилию сотрудницы, а следовательно и фамилию матери я тоже не знала.

И вот, много лет спустя, а именно в августе 1985 г. эта сотрудница случайно зашла ко мне домой с каким-то поручением от Лаборатории. Я уже была на пенсии и последние годы разбирала архив Сергея Павловича. Архив большой. Очень много писем. Их надо было как-то систематизировать. Поэтому по всей комнате были разложены разные пачки бумаг и писем. Встречая Анну Альфонсовну (так зовут сотрудницу), я извинилась за некоторый беспорядок и объяснила вкратце, чем я занимаюсь. И тогда она мне сказала: «А наши родители были знакомы. Может быть, Вам встречались письма Степановой?» Да, в архиве есть несколько писем, написанных очень характерными крупными круглыми буквами и подписанных – А. Степанова, потом Степанова-Вормс. Анна Дмитриевна работала с Сергеем Павловичем в начале (!) ... века. Она была секретарем Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе Общества распространения технических знаний (ОРТЗ), председателем которого был Сергей Павлович с 1900 по 1907 г. И вот только теперь я поняла истинную причину того душевного тепла, с которым встретила меня Анна Дмитриевна тогда на лесном кордоне. Она уже перед моим приходом знала мою фамилию и отчество, значит, знала, что я дочь Сергея Павловича, и поэтому излила на меня всю теплоту своего отношения к нему. Но в силу понятных обстоятельств своей судьбы Анна Дмитриевна ничего не сказала мне. И Анна Альфонсовна по той же причине была очень немногословной и ушла очень быстро. Она только упомянула, что Анну Дмитриевну приглашали работать в общество «Знание».

Злопамятность – редкий случай

Пришлось мне испытать на себе и совсем иной «отзвук», но даже и он был результатом именно душевной чистоты, благородства и порядочности С. П. Моравского, его принципиальности.

В 1950-е годы, когда я работала, то атмосфера в нашей лаборатории была неплохой, доброжелательной. Но был среди научных сотрудников один (он

был лет на 20 меня старше), отношения которого внешне (явно) не отличались от взаимоотношений с другими сотрудниками. Но «за спиной» я постоянно чувствовала какую-то недоброжелательность с его стороны, какие-то «уколы», «шпильки». Меня это очень удивляло, потому что никаких конфликтных ситуаций между нами не возникало, и вообще никаких к этому поводов я не подавала. И вот однажды я рассказала об этом дома, заметив, что никак не могу понять, чем объяснить такое поведение.

(А надо сказать, что дома у нас всегда царила атмосфера полной откровенности. И мама и сестра знали все и о моей работе, и о наших сотрудниках).

И мама рассказала, в чем тут дело. Дядя упомянутого сотрудника, которого назовем NN, преподавал в Ростовской гимназии. Родители NN захотели, чтобы их сын учился в этой знаменитой гимназии и из Москвы переехал в Ростов. Шли 1914-1915 годы, когда в Ростов приезжало много беженцев, главным образом, родители с детьми - из Польши и Прибалтики. Поэтому, когда дядя обратился к Сергею Павловичу, тот ответил ему, что он считает нецелесообразным принимать этого мальчика, т.к. гимназия переполнена беженцами, а у этого подростка, слава Богу, есть родители в Москве, причем родители вполне обеспеченные. То есть они могут выбрать для сына любую гимназию, а хорошие гимназии в Москве есть, и мальчику будет обеспечено хорошее образование. Но это его личное мнение, – добавил он. Поэтому вопрос этот он поставит на педагогическом совете гимназии. И если педсовет решит все-таки принять мальчика, то он на своем мнении настаивать не будет и правом директора не воспользуется. Но педсовет разделил мнение Моравского.

Что NN был именно тем мальчиком, и что мама не ошибалась, я убедилась позднее из рассказов самого NN. Он мне несколько раз рассказывал о любопытных эпизодах из жизни своего дяди, работавшего в Ростове. Эпизоды действительно любопытные, и я их уже знала из рассказов мамы. (Он сознательно не называл фамилию директора гимназии в Ростове, где работал его дядя, вероятно ожидая, что я скажу ему, что все это мне уже известно, но я хранила молчание).

Память людская

Из приведенных выше писем друзей и коллег С.П. Моравского, переживших его смерть как большое личное горе, явствует, что у многих из них вместе с острым ощущением душевной боли, возникла и живая душевная потребность и поделиться друг с другом столь живыми еще воспоминаниями о его светлой. гармонической личности и воздать должное тому, что он внес в жизнь и как ученый и как педагог, всегда одухотворенный в своей разносторонней деятельности самыми высокими и гуманными помыслами. Его ближайшие

сподвижники А.И. Неусыхин и Д.М. Петрушевский, не сговариваясь, приходят к мысли о необходимости предпринять серьезное научное издание, посвященное его памяти. Однако, это был 1942 год, шла Великая Отечественная война. Широко задуманный сборник научных статей, посвященных памяти Моравского, к сожалению, не смог тогда появиться. Несколько позднее Академия наук находит возможным воздать должное ученому. Особое совместное заседание Археографической комиссии и Архива Академии наук СССР было приурочено к 120-летию со дня рождения С.П. Моравского , оно состоялось 20.XI.1986 г. в актовом зале Архива АН СССР. Вел заседание директор Архива доктор исторических наук профессор Б.В. Левшин. Вступительное слово произнес председатель Археографической комиссии акад. проф. С.О Шмидт. В целом ряде докладов были подвергнуты внимательному аналитическому рассмотрению разные направления исследовательской деятельности юбиляра. Назову лишь некоторые из них: «С.П. Моравский – историк-медиевист» (профессор Ю.Л. Бессмертный); «Общественно-педагогическеая деятельность С.П. Моравского» (кандидат исторических наук М.В. Михайлова); «С.П. Моравский – библиограф» кандидат историч. Наук И.Л. Беленькая. С обзором фонда С.П. Моравского в Архиве АН СССР выступила Е.Н. Егорова (Архив АН СССР). Заседание стенографировалось. Отклики на него были опубликованы в журналах «Вопросы истории» (1987, №2);. «Преподавание истории в школе» (1987, № 2) «Советская педагогика» (1987, № 7); в сборнике «Средние века». (1988. В. 51) и в «Археографическом ежегоднике за 1986 г.» (М., 1987).

Педагогической деятельности С.П. Моравского в Ростове Великом была посвящена большая статья Н.И Нечаева «У истоков советской педагогики» в ростовской газете «Путь к коммунизму» (1988. 18 марта, № 46 (11477).

15.IX 89 г. Исполкомом Ростовского городского Совета народных депутатов по ходатайству педагогического совета и администрации средней школы № 1 было принято решение об установлении на здании средней школы № 1 в память Моравского С.П., бывшего директора Ростовской мужской гимназии, педагога и общественного деятеля, внесшего большой вклад в развитие народного образования а Ростовском крае, мемориальную доску».

20 октября 1990 года торжественно праздновался 80-летний юбилей школы № 1 (в 1910 году было закончено строительство здания Ростовской мужской гимназии), и были открыты мемориальные доски с бронзовыми барельефами основателей: А.Л. Кекина, на средства которого построено здание гимназии, и С.П. Моравского. На памятной доске Сергея Павловича надпись: «Первым директором Ростовской мужской гимназии с 1907 по 1923 год работал выдающийся педагог и общественный деятель Сергей Павлович Моравский».

Авторы мемориальных досок (110 x 80 см) – скульптор А. В. Тарасенко и архитектор В. П. Ломакин. На праздновании юбилея школы было зачитано письмо акад. РАО С.О. Шмидта. Вот выдержки из него:

«Сожалею, что не смогу принять участие в праздновании 80-летия знаменитой Кекинской гимназии. Это - праздник не только жителей Ростова-Великого, но знаменательная дата в истории российского просвещения.

...Событием в истории нашего просвещения стало и строительство гимназии на пожертвования Алексея Леонтьевича Кекина. И само здание, и организация обучения, и приемы приобщения к богатствам культуры учащихся признавались образцом для подражания. Первый директор гимназии Сергей Павлович Моравский и его сподвижники действительно сеяли разумное, доброе, вечное. Авторитет Моравского – видного ученого-историка и организатора народного просвещения – и до революции и в послереволюционные годы был очень велик.

Хочется от души приветствовать инициативу организаторов этого юбилея. Это поучительно и для Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и для Советского и Всероссийского фондов культуры, и для недавно созданного Общества краеведов России, призванных напоминать о достойных подражания делах бескорыстных ревнителей нашей культуре.

Надеюсь, что ростовские краеведы помогут не только местным жителям, но и многочисленным туристам побольше узнать и об этой славной странице истории Вашего города.

Пусть же нынешние школьники будут достойны тех, в честь которых открываются памятные доски. С наилучшими пожеланиями

профессор Сигурд Оттович Шмидт

(Председатель Археографической комиссии Академии наук СССР, Председатель Правления Союза краеведов России).

19.10.90.

С благодарностью хочется отметить, что ростовская школа в лице ее директора А.А. Гаврилова и преподавательницы истории Т. В. Умниковой проявляют постоянную заботу о могиле С.П. Моравского: установлены новая оградка и крест.

С 1 сентября 1991 г. ростовская школа № 1 вновь преобразована в гимназию и сейчас называется «Ростовская гимназия». В ней создан музей истории гимназии и школы. Одна из экспозиций посвящена С.П. Моравскому. Я снабдила гимназию всеми нужными материалами. Кроме того, также передала им в дар карандашный портрет Сергея Павловича – теперь этот портрет висит в кабинете директора. Портрет написан одним из учеников ростовской мужской гимназии (фамилию я, к сожалению, не помню). У нас дома в Москве весной 1941 года за 2-3 сеанса художник сделал два портрета. Сергей Павлович очень похож, прекрасно схвачено выражение его лица. Таким он был тогда и будто живой стоит у меня перед глазами. Портрет я подарила

гимназии в день ее юбилея 20.X.90 г.

Ростовско-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник в Ростовском Кремле планирует создать краеведческую экспозицию, в которой бывшая ростовская мужская гимназия, как центр и очаг просвещения и культуры.

Для экспозиции я передала в дар музею и сохранившийся в нашей семье большой портрет С.П. Моравского, написанный маслом в 1914 году художником - учителем рисования Ростовской мужской гимназии А.И. Звонилкиным.

Во всей своей жизни и разносторонней деятельности Сергей Павлович Моравский являл собой образец русского интеллигента в лучшем смысле этого слова, как человек, с молоду проникнутый духом высокой гуманности, служения своему народу, страстного поборника его образования, нравственного и духовного развития. Он терпеливо и мужественно перенес все трудности и беды того грозного исторического периода, в который забросила его судьба, и до последних дней честно и самоотверженно трудился на ниве просвещения и культуры.

Переписка С.П. Моравского с разными корреспондентами

Переписка С.П. Моравского с М.О Гершензоном

С.П. Моравский - М.О. Гершензону

Москва, 1896, (открытка).

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Обсуждение программы по новой истории будет у меня в среду в 7 час. Адрес мой: Смоленский бульвар, дом Селивановского, во дворе (против ворот).

Ваш С. Моравский.

Москва, 24.V.96 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Ваше письмо застало меня накануне отъезда из Москвы, а потому спешу ответить на него, чтобы не откладывать дела в слишком долгий ящик. На Ваших гуманистов никто не заявил претензию, но так как Петрушевский сообщил, что Вы отправляетесь в Рим и что, вероятно, обстоятельства заставят Вас отказаться от участия в нашей работе, то мы решили навалить гуманистов на отсутствующего Виппера. Данных в пользу того, что Виппер возьмется обрабатывать немецких гуманистов, нет решительно никаких, кроме всем известного его благодушия и готовности поработать на общую пользу. Но раз Вы не отказываетесь, гуманисты в силу всех законов божеских и человеческих естественно остаются за Вами: Випперу и без того будет достаточно работы - ему оставили, ни много, ни мало, всю немецкую и французскую реформацию, с религиозной борьбой включительно + католическая реакция + Испания в начале XVI-го века. Как видите, у него будет достаточно работы на лето. Итак, я буду рассчитывать на Вас, как на человека, взявшего на поруки среднеевропейский и северный гуманизм вообще, и немецкий в особенности. На всякий случай известите меня о своем согласии по следующему адресу: станция Рублевка, Полтавской губ., Кременчугского уезда, бар. Ник. Андр. Менгдену для передачи мне. Заранее уверенный в Вашем согласии, сообщаю Вам то, что выяснилось относительно характера предстоящей Вам работы. На последнем собрании решительно преобладало пессимистическое настроение (что объясняется, очевидно, действием общих условий метеорологических, физиологических, социальных и иных, характеризующих собой конец учебного сезона: я не знаю людей более склонных к пессимизму и мизантропии, чем преподаватели всякого рода в эту пору года). Было высказано положение, что если мы, составляя программу, будем ждать сборника (как

это предполагалось раньше), то наши читатели никогда не дождутся программы, а если и получат когда-нибудь программу, то не будут в состоянии по ней заниматься ввиду отсутствия необходимого материала; время, требуемое для составления сборника исчислялось десятилетиями. Ввиду всего этого мы решили: составить в течение лета программу по существующему материалу, руководствуясь в качестве «необходимых пособий» учебниками Виноградова и Шульгина, курсом Кареева (История западной Европы в новое время) и хрестоматией Гуревича. Нужно составить, так сказать, «минимальную» программу по этим книгам; в то же время составителю рекомендуется иметь в виду и предполагаемый сборник (в особенности, если в указанных выше книгах окажется недостаточно материала), причем вопросы, ответ на которые можно найти только в сборнике, нужно выделить (самый лучший способ - отметить их звездочкой). Итак, Вам предстоит составить программу по вышеназванным книгам и в то же время подготовить материал для будущего сборника. Для того, чтобы не очень затягивать дело, в сборнике имеется в виду помещать прежде всего перепечатки, затем переводы, потом компиляции и, наконец, самостоятельные статьи. Впрочем, так как Вы работник надежный, то Вам нечего смущаться этой очередью: составляйте свои статьи для сборника так, как Вы найдете удобным и полезным для дела.

С Маклаковым мы виделись, и он уже получил свою статью. Петрушевский уже уехал, и поэтому я не могу передать ему Ваше поручение; его адрес - г. Клин, Москов, губ., село Демьяново.

Программы домашнего чтения на 1-ый год я Вам посылаю, программы же 2-го года находятся в данный момент в цензуре, выйдут на днях, но уже в мое отсутствие; впрочем я сообщу, кому следует, чтобы их Вам выслали. Итак, буду ждать Вашего письма.

Искренно уважающий Вас

С. Моравский.

P.S. Передайте мой поклон королю Гумберту и папе; если увидите Криспи, плюньте ему в бороду от моего имени.

Демидовка, 19.VI.96 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Выражаю Вам живейшую признательность от имени покойных немецких гуманистов и ныне живущих составителей будущего сборника за Ваше согласие принять участие в этой работе. Срока для этого пока еще нет, так как сборник по новой истории помещается на самой верхней полке (рядом с Кедровской хрестоматией по Моммзену) той «воздушной библиотеки», которую составляют московские историки (обычай строить воздушные замки теперь начинает уже выходить из моды). Это не значит, что Вы можете ограничиться одним мечтанием о статьях по северно- и среднеевропейскому гуманизму:

чем скорее Вы их приготовите, тем лучше. Я хотел только сказать, что Вы можете устроиться с этой работой, как Вам будет удобнее, и что я, в качестве энергичного подрядчика, взявшего на себя доставку программы и сборника по новой истории, не приеду в Рим оказывать над Вами насилие, если статьи не будут готовы к сроку. Иначе обстоит дело с программой: она должна быть готова вчерне к нынешней осени. И я думал бы, что удобнее всего Вам взять на себя составление также той части программы, которая относится к гуманизму. Отсутствие книг вряд ли может служить серьезным поводом для отказа от этой работы: ведь их нетрудно выписать из России. А между тем, Ваше участие в этом деле было бы во всех отношениях желательно. Во всяком случае, будьте так добры написать мне поскорее в категорической форме, беретесь ли Вы за это или нет: до получения Вашего ответа мне нельзя будет писать Випперу. Статью по гуманизму для сборника я уже считаю за Вами.

Англия с Елизаветы до Георгия III находится на попечении Покровского и Хвостова, с которыми Вы и можете снестись по этому поводу (Мих. Пик. Покровский - Москва, Сокольники, Богородское шоссе, дача Авдеева 17; Мих. Мих Хвостов - ст. Царицино Московско-Курской ж. дор., дача Вознесенского). Со своей стороны могу сказать только следующее. Нам предстоит две работы: одна - составить к осени программу по учебникам, Карееву и Гуревичу, в которой только допускаются в виде лакомства скорее, чем насущного хлеба для читателя, добавочные вопросы по будущему сборнику (пока же читатель должен будет отвечать на них по книгам и статьям, из которых сборник будет составлен, а это, как Вы сами знаете, практически мало выполнимо). Другая работа - составить в возможно более скором отдаленном будущем (составителю программ, сборников и хрестоматий по истории и не такие еще выражения приходится употреблять!) сборник; тогда этот последний ляжет в основу программы, которая в виду этого в следующих изданиях, вероятно, изменится. Таким образом Ваше предложение насчет вопросов по Вейлгартену и К^0 логически приводит Вас к тому, что Вы должны будете взяться за составление: во 1-х, части программы по истории английской революции; во 2-х, соответствующих статей для будущего сборника. Покровский и Хвостов будут, без сомнения, весьма и весьма Вам обязаны, если Вы снимете с них часть труда (у обоих, особенно у Покр. останется еще много работы). Я же, со своей стороны, могу только благословить Вас обеими руками на такое милосердие (хотя я папа только одного своего сына).

Когда я в конце мая уезжал из Москвы, Бареков (*буква «К» или «Х» - неразборчиво*) уверял (и на этот раз ему можно поверить), что 1-й выпуск хрестоматии выйдет в июне месяце (вопрос о немедленном выпуске в свет книги решен, наконец, утвердительно и членами товарищества и самим Виноградовым). Летом же будет начато печатание второго выпуска, но до 4-го выпуска дело дойдет, по-видимому, нескоро. Ваш же Петрарка будет помещен, вероят-

но, в 4-й части хрестоматии. Теперешний адрес Павла Гавр. Мне неизвестен: от сестры его слышал, что в июне она собирается ехать за границу, в Берлине она встретит П. Г., и оттуда они отправятся на несколько недель путешествовать; куда они поедут, сколько именно недель будут путешествовать, началось ли это путешествие, кончилось ли оно уже и куда после этого денется П. Г., - на все эти вопросы я не могу дать решительно никакого ответа.

Ваш С. Моравский.

P.S. Боюсь, что папа на основании Вашей рекомендательной речи составит себе совершенно превратное представление обо мне. Во 1-х, я живу не в Рублевке, а в Демидовке (в Р. находится лишь почтовая контора, в которую посылают за письмами); во 2-х, у меня прекрасный почерк, гораздо лучше Вашего, в 3-х, я чрезвычайно энергично веду дело составления программы, в чем Вы могли убедиться на собственном опыте; в 4-х, председателем исторической группы Комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при Учебном отделе общ-ва для распространения технических знаний (опасаюсь, как бы Лен XIII не подавился этим титулом) состою не я, а Кизеветтер; в 5-х, … но если бы я вздумал исправлять все ошибки и неточности Вашей характеристики, я бы нескоро кончил, а меня, правду сказать, уже клонит ко сну. Поэтому кончаю письмо и желаю Вам всего хорошего.

М.О. Гершензон - С.П. Моравскому

Лейпциг, 23/11.VI. 1898 г.

(Письмо на открытке с цветными иллюстрациями к «Фаусту» Гете).

Дорогой Сергей Павлович,

Пишу Вам из погреба Ауэрбаха, того самого, который фигурирует в Фаусте. В Лейпциге я проездом. Я уже пробыл 10 дней в Берлине, посетил Гарц, завтра возвращаюсь в Берлин, где и водворюсь. Черкните. Berlin, Postrestan.

Ольге Павловне мой поклон.

Дрезден, 21.XII.1898 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Посылаю Вам это письмо ко дню Вашего рождения, чтобы сказать Вам, что и я, как многие другие, рад тому, что Вы родились. Это был не только честный и мужественный, но и благородный поступок, и если бы я мог предполагать, что Вы совершили его сознательно, то первый внес бы лепту на постановку Вам памятника. Заочно обнимаю Вас и от души желаю Вам душевной бодрости.

В Варшаве я видел Петрушевских, но недолго; они на днях хотели переехать сюда. Живу здесь уже больше недели, но еще немного видел. Город удивительно красив. Напишите мне, пожалуйста, о себе и своих. И Вас, Ольга Павловна, сердечно поздравляю. Как Вы чувствуете себя, как здоровье Во-

лоди? Вот, как осмотрюсь здесь, так напишу подробно; у меня сначала от обилия впечатлений в новом месте всегда становится немного тесно в голове. Целую Володю и крепко жму Вам обоим руки.

Весь Ваш М.Г.

Мой адрес: Dresden (Deutschiand)

Sachsen-Allee 2 III 1.

M. Gerschenson.

Дрезден, 27. I.1899 г.

(*Письмо написано на одном листе с письмом Д. М. Петрушевского к С. П. Моравскому от 9.II-28.1.1899 г.).*

Сергей Павлович, живы ли? Или умерли духовно и потому не знаете срама? Больше месяца назад писал Вам, но не получил ответа. Если и теперь не напишете, будет Вам очень стыдно.

Завтра переселяюсь в Берлин. Здесь написал статейку для «Вестника Воспитания», бросил курить (это было труднее большой работы) и много занимался насчет искусства, ибо галерея здесь удивительная. Жаль уезжать, но делать нечего; надо работать.

Ольге Павловне очень кланяюсь. Володю целую. Напишите. (Berlin, Pestalozzi str. 13 Quergeb. II 1. Herr Irombach fuer M. Gerschenson.).

Обнимаю Вас и остаюсь сердечно любящий Вас

М. Гершензон.

Без даты (1899-1900 г.)

Сергей Павлович!

Если у Вас есть, дайте до завтра 10 руб. - до зарезу нужно. Или сколько есть. Завтра в 12 могу вернуть Вам.

М. Гершензон.

Москва, 19.VII.1900 г.

Дорогие Ольга Павловна и Сергей Павлович!

Посылаю Вам два письма, полученные здесь; первое письмо было получено еще до моей поездки к Щепкиным, но я не торопился пересылать его, потому что оно ведь Ваше, Ольга Павловна; а второе я нашел только вчера, вернувшись из Кунцева, куда поехал из деревни. Еще получен № «Журнала для всех», но его, я думаю, не следует пересылать.

В Вашей квартире все благополучно, т. е. на всем лежит полвершка пыли, три недели не метено, пахнет нафталином, одним словом, все вполне так, как приличествует квартире на летнем положении. Хочу ходатайствовать у няньки, чтобы подмела комнаты и вытерла пыль, но не знаю, увенчается ли моя петиция успехом. Теперь, приехав, я застал верхнюю половину буфета отпер-

той, а это, кажется, не предполагалось; нянька говорит, что так и надо. Я заглянул внутрь и увидел, что там нет ничего особенного, да и нянька, кажется, вполне честная: по крайней мере, во время моей отлучки все мои вещи были открыты и ничего не пропало.

Думаю прожить здесь неделю, пока напечатаю переведенное за это время, чтобы получить деньги, а там думаю поехать в Петербург. В деревне немного поправился, а тут скука, пустота комнат, недоедание и пр. Обедаю иногда в «Петергофе», иногда езжу в Кунцево. Петрушевский не приезжал.

Был бы очень рад, если бы Вы написали мне, что делается у Вас. Не нужно ли Вам каких поручений в Москву? Здесь уже более недели пасмурно, холодно и чуть не ежедневно дождь.

Кланяюсь Софье Александровне и целую Володю.

Преданный Вам М. Гершензон.

С.П. Моравский - М.О. Гершензону

16.XI.1900 г.

Дорогой Михаил Осипович,

Как бы мне узнать, кто написал сегодня в «Русских Ведомостях» о Соломоне Моймоне (в «Новостях науки и литературы»), а узнавши, кто написал, узнать, откуда он взял сообщенные им сведения, а узнавши откуда взял, получить в руки и самый источник этих сведений. В такой именно книжке я в высшей степени нуждаюсь; но так как все это нужно сделать очень скоро, а меня из дому не выпускают (я порядочно-таки захворал) и еще несколько дней выпускать не будут, то я и обращаюсь к Вам с вышеизложенной просьбой. Если можно, пожалуйста, устройте мне это.

Простите за беспокойство.

Ваш С. Моравский.

30.I.1903 г.

Многоуважаемый Михаил Осипович,

Заседание памяти Беневоленского будет в четверг 6-го февраля (в 8 ч. В библиотечной зале). Вас мы поместили третьим (1-й Дживелегов, 2-й Потемкин, 4 - письмо Виноградова). Я просил послать повестку Вам, но если почему-нибудь и не получите ее, то все-таки приезжайте: открытка отправлена по адресу: ст. Лихославль, Николаевской ж. д., усадьба Катино. В случае какой-нибудь перемены я извещу Вас.

Ваш С. Моравский.

Москва, 9.II.1903 г.

(*Письмо написано рукою жены С. П. Моравского - Ольги Павловны, в конце - небольшая приписка, сделанная С. П. Моравским*).

Дорогой Михаил Осипович,

Вызывали Сережу в округ по поводу заседания. Помощник попечителя обратил внимание особенное на доклад Потемкина. Особенно, конечно, не понравились выражения: «трепанация черепа», «демократизация знаний» и это в присутствии учащихся. Попечитель потребовал от Сережи представить доклад Потемкина и Виноградова, в последнем не понравилось слово «бесправие» (тени бесправия). Вместе с докладами Сережа должен представить объяснительную записку. Сережа собирается в среду представить то, что требуется. Каша только заваривается, что будет дальше сообщу, пока же больше ничего не знаю. Боюсь, что могут пострадать Учебный Отдел и Историческое отделение, будет гораздо неприятнее, чем если неприятности только коснутся лично Сережи. Волнуюсь я сильно. Попечитель вел себя вполне корректно и вежливо.

Будьте здоровы. Хотя я и не знакома с Вашей мамой, но свидетельствую ей, как Ваш друг, свое почтение.

Сережа Вам кланяется. Не забывайте нас.

Искренно расположенная к Вам

О. Моравская.

(рукою С. П. Моравского)

Страхи Лелины совершенно напрасны, но выкручиваться, конечно, придется.

Ваш С. Моравский.

6.II.1904 г.

Дорогой Михаил Осипович,

В понедельник 9-го в 8 ч. у меня совещание по делам исторического отделения. Ваше присутствие было бы очень желательно.

Ваш С. Моравский.

М.О. Гершензон – С.П. Моравскому

23.VII.1907 г.

(Письмо на бланке: Критическое обозрение, Москва, Большая Никитская, дом Семенковича, кв.16).

Дорогой Сергей Павлович,

Приехала Елена Георгиевна Лопатина, и сегодня будет у Вас. Она сейчас у меня. Я считаю нужным дать ей эту записочку, потому что боюсь, чтобы она не напугала Вас своей крайней щепетильностью. Она будет Вам говорить, что она никогда не преподавала немецкого языка в классе, а только отдельным детям, и пр. Удостоверяю, что она немецкий язык знает отлично, и что

все это только ее дикая скрупулезность. Опыт у нее громадный, и недюжинная образованность. Да Вы сами увидите. Я хотел Вас только предупредить насчет этой ее черты - совестливости, не знающей предела.

Ваш М. Гершензон.

10. VIII.1907 г.

(Написано на письме Е.Н. Орловой, в котором она рекомендует С.П. Моравскому для Ростовской гимназии Е.Г. Лопатину).

Дорогой Сергей Павлович, поздравляю Вас и Ольгу Павловну с Вашим «производством», хотя разлука с Володей Вам верно нелегка. Насчет Лопатиной могу только подтвердить то, что написала Вам Е.Н. По широкой, неженской образованности, по совершенной преданности педагогическому делу, по удивительной мягкости характера это - редкий человек. Если Вам нужна учительница для младших классов, Вы лучшей не найдете. Она сейчас свободна, живет у брата и ищет места. Мы подумали, что она для Вас - клад, и Вы для нее клад, потому что в Вас она встретит, наверное, полное понимание своих мыслей и приемов.

Ваш М. Гершензон.

Москва, 23 июня 1920 г.

Арбат, Никольский пер. 13

Милый Сергей Павлович.

Меня просят написать Вам о следующем. Под Москвою, близ ст. Пушкино Яросл. ж. д., недавно основана кружком преподавательниц школа-колония, где находятся и мои дочери. Учительницы эти - чудесные люди, и состав сотрудников и учащихся - мальчиков и девочек - подобран прекрасно. И вот задумали они съездить на день или два в Ростов - развлечься и осмотреть старину. Поедет в общем 30 человек, со своей провизией; им нужен ночлег и нужны хоть общие указания о месте, достопримечательностях и пр. Я предложил написать Вам, и они очень обрадовались этой возможности. Поэтому прошу Вас: если можно, помогите им; приютите их на ночь в Вашей гимназии или устройте им чистый ночлег в другом месте, и не откажитесь либо сами указать им что нужно, либо рекомендовать им кого-либо, может быть, из преподавателей, кто знает Ростов и его старину. И будьте добры, напишите мне тотчас ответ. Вы очень обяжете этим их и меня. Жму Вам дружески руку. Ваш по-старому

М. Гершензон.

С.П. Моравский - Д.М. Петрушевскому

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

От всей души поздравляю Вас с назначением, о котором узнал из газет. За Вас я очень радуюсь этому, за себя же, правду сказать, немножко огорчен. Вы знаете, как я дорожу нашими отношениями, уверенный, что ни у Вас, ни у меня такой дружбы ни с кем уже не может быть. А между тем, эти отношения в последнее время подвергались разным перипетиям, и мне очень тяжело было бы думать, что они в таком виде, как сейчас, фиксируются и на всю остальную нашу жизнь. Пока мы жили в одном городе, у меня все время были надежды, что мы вернемся, наконец, к тому, с чего начали: к искренней дружбе, основанной на взаимной симпатии и уважении, постоянно укрепляемой общностью взглядов, интересов и даже среды, в которой мы оба живем. Теперь же я начинаю сомневаться в этом: слабость, а может быть и полное отсутствие на долгое время непосредственных сношений, неизбежно приведет к некоторому отчуждению; в воспоминаниях, которые могли бы до известной степени служить противовесом, сохранится элемент горечи, еще неизжитой и незаглушенной новыми годами спокойной дружбы. Повторяю, я этого боюсь и со своей стороны сделал бы все, чтобы вышло иначе.

Леля, кажется, не меньше моего огорчена тем, что Вас и Елизаветы Сергеевны не будет в Москве. Вашего Тайлера я стал читать тотчас же, как приехал в Демидовку, что, впрочем, произошло довольно поздно, 8-го июня. Прочел основательно (хотя для рецензии буду, вероятно, читать еще раз), и вот что я могу сказать Вам по этому поводу. Ваша книга не разочаровала меня, т. е., читая ее, я все время чувствовал, что автор - человек умный, имеющий правильные понятия и умеющий заниматься историч. наукой. Но я убедился в справедливости своего предположения, которое высказывал Вам раньше, что тема, выделенная Вами для магистерской диссертации, несколько жидковата. В самом деле, результаты Вашей работы сводятся к установлению факта: значительнейшая часть материала, которым Вы пользуетесь, уже находилась и раньше в руках ученых; основные точки зрения на этот факт и объяснения его, которые Вы даете, уже были высказаны. Из этого, конечно, не следует, что Ваша работа является лишней. Она нужна и даже необходима для дальнейшего Вашего исследования: необходимо собрать весь материал, хотя бы даже и не новый, чтобы привести его в систему, и дальше на основании его дать полную и яркую картину факта «во всей его конкретной индивидуальности», как Вы выражаетесь. Еще более необходимо превратить уже высказанные другими объяснения этого факта в твердо обоснованные научные положения, чтобы чувствовать твердую почву при дальнейшей научной

работе. Но все это имеет чисто служебное значение в интересах дальнейшего. Из этой подготовительной работы многое не попало бы на страницы Вашего труда; остальное в сгущенном, так сказать, экстрактном виде послужило бы вступительной главой, а также дало бы материал для обоснования того или другого из Ваших положений (кое-что, быть может, попало бы даже в нижний этаж).

Но раз Вы оторвали эту подготовительную часть и захотели целиком преподнести ее публике, то к Вашей работе и требования предъявляются уже другие. Чтобы такая книга представляла собой крупное явление в научной литературе, нужно, чтобы или самый факт был впервые Вами изложен, так сказать, открыт Вами; или чтобы к изложению его Вы привлекли совершенно новый материал, бросающий новый свет на старый, известный факт, значительно расширяющий и углубляющий знакомство с ним: или же, наконец, чтобы Вы рассмотрели его с новой точки зрения, раньше никому не приходившей в голову, дали новое объяснение, которое раскрывало бы, так сказать, глаза на то, что раньше знали. Но не понимали. Ни одному из этих требований Ваша диссертация не удовлетворяет.

Положим, и за всем тем, она могла бы представлять собой нечто весьма ценное. Ведь и самая простенькая пьеса может быть сыграна так, что слушатели замрут от восторга! Но для этого именно и нужно безукоризненно артистическое исполнение. Между тем Ваша работа оставляет кое-чего желать. Историографическому очерку не хватает полноты и «историзма», если можно так выразиться, т. е. изложение судьбы выбранного Вами вопроса в историографии не представляет собой истории развития взглядов и точек зрения на этот вопрос, «истории накопления истины» по этому поводу. Что касается полноты, то при данном условии она необходима. Ваше заявление, что Вы за полнотой не гнались, только усугубляет Вашу вину, превращая ее в преступление с заранее обдуманным намерением (зато по делу об убийстве М.М. Ковалевского, очевидно для всех, совершенного в состоянии запальчивости и раздражения, Вам может быть дано снисхождение; но об этом Вашем преступлении придется говорить дальше).

Обзор источников недурен, но он дает, в сущности, лишь общие довольно грубые характеристики. Не сердитесь на меня, Дмитрий Моисеевич; эти характеристики хорошо, умно и интересно сделаны, но в них нет совсем филигранной тонкой работы настоящих мастеров по Quellenforschung'у. О документальных источниках сказано слишком мало и обще. Аргументация в пользу исповеди Джона Строу - слаба.

К описанию восстания, ввиду изложенных мною выше соображений, могли бы быть предъявлены такие требования, как к художественно-литературному произведению: между тем, оно вряд ли вполне удовлетворяет им. С другой стороны, в нем почти нет детальной исследовательской работы,

в которой ученые проявляют иногда столько остроумия и блестящих талантов по поводу выеденного яйца.

Последнюю главу я прочел с удовольствием, но и она во многих местах представляет собой скорее статью, в которой автор, хорошо знакомый с вопросом, в общих чертах излагает свои мнения. Вы отсылаете читателя к 3-ей главе, но это неудобно, и в такой работе, как Ваша, это недостаток. Вы слишком много берете у читателя времени и усилий и в конце концов слишком мало ему даете, а потому должны быть с ним особенно предупредительны и все ему разжевывать и под нос преподносить, ведь только тогда и имеет смысл подобная книга. По существу довольно слабым является пункт, касающийся исповеди и «радикальной программы меньшинства»; но об этом подробнее поговорим после, если Вы этого пожелаете.

Итак, Ваша книга, в которой Вы преподносите читателю целиком свою подготовительную работу, нужную в видах будущего исследования, которая по содержащемуся в ней материалу представляет собой «старую песню на новый лад» и должна быть поэтому последним словом науки, после которого нечего и затрагивать фактической стороны восстания Уотта Тайлера, остается лишь ссылаться на Вашу работу. Ваша книга является далеко небезукоризненной: историографич. очерк не полон и не историчен, обзор источников не полон и лишен тонкого анализа, описание факта лишено прелести художественно-литературного изложения и в нем мало детальной исследовательской работы, которая бы препарировала каждую мелочь, представляющую хоть какой-нибудь интерес в смысле установления факта «во всей его конкретной индивидуальности»: общим выводам не хватает авторитетности и веса, скажу даже тяжеловесности добытых тут же, на глазах читателя научных положений. Как видите, простая пьеса сыграна далеко не артистически, а между тем, именно простота и требовала артистического исполнения.

Кроме всего этого книге не хватает отделки, которая возможна лишь тогда, когда автор сразу пересмотрит уже целиком написанную работу. Много лишнего, что может навести недоброжелателя на мысль, что Вы искусственно увеличивали объем книги. Слишком много отведено места Ковалевскому: что там ни говорите, а нужную Вам суть, касающуюся научных приемов и выводов К-го, отлично можно было бы изложить на 10-ти страницах, - лишнее же сие от лукавого, тем более, что полемику по отдельным вопросам можно было поместить в соответствующих местах Вашего собственного изложения (что Вы отчасти и делаете); это было бы во всех отношениях лучше. Характеристика Стоу, как источника, очень теряет от того, что Вы впутываете в нее чересчур обстоятельное исследование об именах вождей; ему совсем не след занимать чуть не 8 страниц в главе, посвященной обзору источников (на лучший конец его можно было бы в сокращенном виде упрятать в примечание). Изложение событий, происшедших в Лондоне по всем законам боже-

ским и человеческим, следовало бы поместить в 3-ей главе; это нисколько не помешало бы Вам в 4-й гл. трактовать вопрос о роли Лондона. Совершенно напрасно чуть не 100 страниц в общем занимают латинские тексты, буквальный перевод которых помещен в верхнем этаже; это можно допустить лишь в исключительных случаях, напр., когда текст настолько важен, что имеет значение каждое его подлинное слово, и читатель не должен доверяться Вашему переводу, или же если вверху Вы излагаете какой-нибудь эпизод лишь в кратких и общих чертах, за подробностями отсылая читателя к подлинному тексту, помещаемому в примечаниях. У Вам же десятки страниц изложения самого простого, не заключающего в себе ничего «казусного», напечатаны на двух языках: в оригинале и в рус. переводе; злой критик и в этом может усмотреть нездоровую полноту. Во многих местах читатель совершенно недоумевает, чем Вы руководствовались при распределении материала по этажам: я бы, напр., во многих случаях кое-что из верхнего этажа сослал бы в подвал и наоборот; иногда кажется, как будто верхний этаж Вы представляете данным, извлеченным из хроник, а нижний - материалу, содержащемуся в документах, - но вряд ли это правильный прием.

Я уже не говорю о мелких придирках, которые можно было бы сделать.

Вот Вам самая сердитая критика, которую только может произвести искренне расположенный к Вам человек. Пусть другие расхваливают Вашу книгу из равнодушия к ней и к Вам самим, или преподносят Вам вольную и невольную лесть, которая играет, к несчастью, слишком большую роль в приятельских отношениях, особенно среди людей с таким самолюбием, как наше с Вами. Я же считаю своим долгом говорить Вам не о достоинствах Вашей работы, которые Вы знаете сами лучше, чем кто-либо другой, а о недостатках ее; и отнеситесь к этим недостаткам с той ревнивой строгостью, которая, по моему мнению, так естественна по отношению к действительно близкому и искренне любимому человеку. Сердитесь Вы или не сердитесь, а я хочу, чтобы Ваша докторская диссертация была лучше магистерской, так чтобы никакой сукин сын не мог говорить про нее таких гадостей, какие говорит теперь Ковалевский. В виду этого я еще раз и с особенной настойчивостью повторяю свое замечание о недостатках окончательной отделки и сводной, общей редакции. А все потому, что Вы спешили с печатанием Вашей книги и старательно оберегали свое самолюбие от приятельских замечаний. Ученая работа не лирическое стихотворение и не застольный спич, который может вылиться сразу в художественно отделанном виде. Я даже не понимаю, как можно печатать начало работы, пока конец еще не написан. И чего Вам торопиться теперь. Отдайте конец лета и весь будущий учебный год своему курсу, а потом и заканчивайте потихоньку свою диссертацию. Ведь лучше же отложить на год-два докторство, чем выпустить небрежно сделанную работу, читать по ее поводу рецензии a la Ковалевский, а, кроме того, испортить себе первые шаги профессорской карьеры. Вспомните

свои пробные лекции, коллективные уроки и послушайте моего совета.

Искренне любящий Вас

С. Моравский.

Елизавете Сергеевне мой поклон, маленькой Лизе поцелуй. Леля кланяется Вам обоим. О себе напишу как-нибудь потом; сейчас нет места. Чуть было не забыл: если можете, пришлите Англ. пугачевщину и рецензию к-ского. Мой адрес: ст. Рублевка, Полтав. губ., Кременч. уезда, б. Ник. Андр. Менгдену для передачи мне. Послал бы Вам это письмо раньше, да не знал адреса и теперь только догадался написать на имя Маклакова в Москву.

По этому случаю передайте мой поклон Александре Алексеевне.

На конверте: Профессору Дмитрию Моисеевичу Петрушевскому.

Московская губ., город Воскресенск.

Покровское-Рубцово, имение Голохвостиковой.

(Некоторые места в письме подчеркнуты карандашом Д.М. Петрушевским).

Д.М. Петрушевский - С.П. Моравскому

36, Bedford

Place Russer Square

London,

November 1, 1889.

Наконец собрался написать Вам, дорогой Сергей Павлович. Не претендуйте на меня за то, что я до сих пор хранил самое упорное молчание: просто не было физической возможности собраться с мыслями; беспрерывное движение не позволяло остановиться ни на одном предмете; все время я был словно в каком-то чаду; как бы по щучьему велению переносился из города в город, из государства в государство; не успеешь осмотреться в одном месте, глядь - оно уж за горами, и из пивной патриархального Кельна попадаешь на шумный, сверкающий огнями парижский бульвар; быстрая смена впечатлений лишает тебя всякой индивидуальности, превращает тебя в какой-то пассивный приемник звуков и образов; невольно приходит на мысль: да когда же всему этому конец? Пора бы и отдохнуть. Но нет; не тут-то было; садись еще и на пароход. Как ни упираешься, как громко ни протестуешь: «Да нет, же, позвольте, ведь я индивидуум; ведь у меня есть тоже свое. Ведь я тоже могу воздействовать». Ни малейшего внимания. Пароход свистит; и опять образы и звуки, звуки и образы, и нет им конца.

Ехал я без особых приключений; комических пассажей, на которые Вы с Плюшей рассчитывали, не было вовсе. В Варшаве я заночевал; приехал днем и поэтому мог хоть немного рассмотреть этот город; город действительно европейский в полном смысле этого слова. В Торне сел я в одно купе с молодым польск. художником; оказалось, что он едет учиться в Париж; очень кстати, спутник подходящий; языками владеет он даже хуже меня; ничего: вдвоем

как-нибудь обойдемся; и действительно обошлись. Заплатили мы кондуктору 3 марки и до самого Берлина были единственными обладателями купе, значит выспались превосходно; нужно отдать справедливость немцам: их железные дороги образцовые; если уж едет schnell, так действительно головокружительно; остановки оч. непродолжительные: обыкновенно 2-3 минуты; вагоны лучше требовать нельзя (все вагоны кроме IV-го кл. поделены на отдельные купе, по две скамейки в каждом; купе III-го кл. только не достает обивки для скамеек, а все так чисто, аккуратно, изящно даже); на немецких станциях (где я пил Bier) видел немало тевтонских воинов (офицеры); ничего подобного я не встречал ни в одном государстве; величественны и руничны просто до карикатурности; грудь выпячена колесом; одна рука подпирает бок, а другая закручивает ус, - опереточный герой в полной парадной форме, без смеха смотреть нельзя. В Кельне опять остановка; наняли мы номер вблизи знаменитого собора, побродили по городу, зашли в ресторан, посмотрели немцев (с женами и детьми) за биром, поужинали, я, конечно, сделал вполне приличную честь немецкому пиву: оно действительно превосходно; пил я бир и вспоминал собутыльников настоящих и былых, свободных, полусвободных и рабов...

Наконец, попал в Париж; это было вечером (в 10 м, сколько помнится, часу). Добывши себе помещения, я пошел шляться по бульварам; шум, гам, движение и все это при ярком освещении (электричество, газ); просто весело как-то становится; день закончил в кафе, где съел порцию и осушил бокалов пять: тоже недурное. На другое день утром натурально на выставку (вместе с дорожн. приятелем). На выставке был я раза два. Не стану описывать ее: Вы знаете о ней из газет. Выставка действительно величественная; отдел машин нечто грандиозное; в остальных навалена такая масса роскошнейших предметов, что просто нет сил осмотреть все это более или менее обстоятельно; народу - тысячи, всех наций; шум, гам (*нрзб - 1 сл.),* машины пыхтят, стучат и свистят, органы играют; в ресторанах своя музыка и пение; к пяти-шести часам публика толпами стоит, дожидаясь свободного места, чтобы утолить свой голод. Эйфелева башня - чрезвычайно изящная постройка; несмотря на свои грандиозные размеры. Она поражает легкостью, эфирностью своею, просто игрушка какая-то; вечером, когда все это освещено, получается вид восхитительный; на башню я не поднимался вовсе: физически не могу подыматься на высокие пункты; видел земной шар (Земли), панораму Парижа (очень живо); видел, конечно, историю жилищ туземцев французск. колоний etc: всего не перечесть. Париж собственно я не смотрел; снаружи видел многое, но внутри не был нигде, кроме, конечно, ресторанов, в которых обедал (виноват: случайно заходил в академию художеств (Yalian Academie) и видел художников за работой (рисовали с натуры); так что Лувр только видел; это, конечно, непростительно, но не совсем: нельзя же было пропустить выставки. Видел большие бульвары и грандиозные магазины. Народу на бульварах

- десятки тысяч, так что пройти нельзя свободно; бульварные кафе кишмя кишат гражданами всех наций. В общем, Париж подавлял меня; должно быть, дорога порядочно-таки расшатала мою нервную систему; так что когда я сел в вагон поезда, направляющегося в Дьепп, я вздохнул свободно.

Дорога в Лондон была очень приятна (ехал ночью); поезд мчался во всю прыть, и я заснул преспокойно (в купе 2-го кл.) и проснулся уже в Дьеппе, когда нужно было пересаживаться на пароход; езда по морю оказалась весьма приятной; стоять, конечно, было невозможно; но заручившись советом одного парижского знакомого, я лег на спину и кроме удовольствия ничего не испытывал; вскоре я заснул и проснулся уже в Newhaven; тут сел тотчас же в поезд и часов в 8 или около того был на лондонск. вокзале (Victoria station); тут мне порекомендовали Hotel d.stanger, нанял cab и через 10 м. я очутился в весьма приличном номере. Прожил я тут субботу и воскресенье. За 8 s сутки я пользовался полным содержанием; кормили меня завтраками и обедами роскошнейшими; завтрак равнялся солиднейшему нашему обеду; что же касается обеда, то количество блюд было неисчислимо, и все это приготовлено самым тончайшим образом; прибавили по шиллингу, и я выпивал бутылку оч. недурного ме... (*нрзб*). В понедельник я перебрался на квартиру, которую помог мне найти приятель Грабаря, а теперь мой Миленко Веснич оч. любезный и славный молодой человек. Живу я в так наз. Boarding housen (apartment with board (нрзб - 1 сл.) в двух шагах от British Museum; занимаю большую комнату с обстоятельной меблировкой (постель императорская до безобразия) и пользуюсь полным содержанием; постельное белье, подушка, одеяло, полотенце - все это конечно хозяйское; три раза в день ем (breakfast 8-9 ч. кофе или чай с солидным дополнением, lanch 1-2 ч. и Dinner 7-8 ч.) и весьма солидно; во время второго завтрака и обеда выпиваю по бутылке aie и закусываю сыром, обедают и вообще едят все (*нрзб. - 1 сл.*) boarding housea, конечно (*нрзб - 1 сл.);* если мне надоест сидеть в своей комнате, я могу отправиться в т. назыв. dro ... room (гостиная (*нрзб. - 1 сл.*), тут могу читать, писать, играть на пианино. С жильцами я еще не успел познакомиться надлежащим образом благодаря тому, что еще (*нрзб. - 1 сл.)* не привык к звукам разговорного языка (говорят они ужасно быстро); оказывается, что мое произношение довольно прилично: меня понимают; а одна дама (живет (*нрзб. 2 сл.*), когда я ей прочел несколько отрывков, заявила, что меня и поправлять нечего: беда только, что ужасно трудно с непривычки подыскивать слова для разговора. Хозяйка моя – miss Fisk, весьма недурна собой (можете не делать многозначительной мины: застрахован). Занятия мои уже пошли правильным путем; от 10 до 4 (с перерывом для завтрака) сижу я в К(нрзб.) Office, а от 4 до 7 в British Museum. В К. Of. «исследую» я судебные протоколы (т. назыв. Coran Rege Rolls); сначала я почти ничего не мог разобрать: стоят (*нрзб. - 1 сл.)* какие-то непонятные крючки; но благодаря (нрзб. - 1 сл.) образом помощи Mr. Kirka я

теперь уже читаю почти свободно; иногда только приходится лезть за справками в руководство; policemen'ы, стоящие в Rolls Yard (двор, где помещается K. Of.) уже говорят мне «good morning», и я им отвечаю тем же. Комната, где я занимаюсь, назыв. Sp. (*нрзб.)* Room; это круглая зала с куполом со стеклами; на полках стоит множество всяких изданий, которыми можно пользоваться без спроса; между посетителями оч. много представительниц прекрасного пола (попадаются оч. миленькие физиономии); для входа в K. Of. не требуется никакого разрешения; нужно только при входе записать в книгу свою фамилию и адрес. В Br. M. я изучаю пока Parfiamentary Rolls (протоколы парламент. и петиции с ответами); т. назыв. reading Room представл. огромную круглую залу со стеклян. потолком; стены уставлены книгами (*нрзб. - 2 сл.)* нужно разрешение); полукругом идут скамейки; на каждой скамейке литера, а место обозначено №; скамейки двойные; один ряд мест отделяется от другого перегородкой; в этой перегородке устроены все приспособления для каждого места: тут помещаются чернила, стальное перо и два гусиных, а также выдвижной пюпитр; заниматься действительно оч. удобно; вечером зал освещается электричеством. Собственно музей я еще не осматривал, только проходил через несколько зал. Вообще Лондона я еще не рассмотрел, с внешней стороны видел, конечно, немало, делая прогулки или сидя наверху омнибуса. Лондон мне нравится; движения (в особенности езды) оч. много, т. что иногда невозможно перейти улицу вследствие скопления всякого рода экипажей; но на всем этом лежит печать какой-то степенности; Вас не разрывает на куски эта невозможная суматоха, которая характеризует уличную жизнь Парижа. И дома здесь не так высоки, как в Париже; а т. к. теперь погода весьма недурная, то жаловаться на пресловутую мглу пока не приходится. С Уэстминст. моста любовался (вечером) на Houses of Partiament: величествен. постройка. Я упомянул о погоде. В последнее время несколько похолодало; но englishmen'ы продолжают щеголять в одних пиджачках; по примеру их и я не снимаю (*нрзб. - 1 сл.)* пальто, оказавшегося модным: синее пальто и коричневый котелок с непременно маленькими подогнутыми вверх полями и желтые перчатки - вот самый обыкнов. уличн. костюм. Желтые перчатки у меня уже есть; вот только шляпа черная (парижская), а то был бы совершеннейшим englishmen'ом. Пока довольно.

Чувствую и бестолково все это написано и бессодержательно, но на первый раз не поставите в большую вину, надеюсь; в следующие разы, когда ознакомлюсь с Лондоном обстоятельнее, и писать буду обстоятельнее. Как же Вы живете? Успели ли Вы уже выразить себе modus vivendi? Завела ли уже знакомства Ольга Павловна? Чувствует ли она себя уже хоть несколько москвичкой? Хозяйствен. часть, думаю, Вы уже устроили окончательно. Передайте Ольге Павловне мои искреннейшие пожелания всего наилучшего. Кланяйтесь «Осиповичу», Смирнову (ему я собираюсь скоро написать), Иванцовым, Соканцеву

и Маслову, Каллашу. Занесите поклон в Левшинский переулок.

До свидания. Желаю Вам полного и несокрушимого счастья от всего сердца.

Ваш Д. Петрушевский.

P.S. Где Игнат? Если он прислал Вам Ключ. И (*нрзб. - 1 сл*), передайте Баркову (с Ш к.) я забыл послать П. Гавр. расписку от Kirk'a; передайте ее ему, пожалуйста. Забыл я также отправить в Юрид. Инстит. - экземпл. моего труда, а потому (*нрзб.)* А. (*нрзб. - 2 сл.*) «Р (*нрзб.*) Эд. Ш» (*нрзб.)* (я отправ. в Русск. М. и Р. Вед.)

Д.П.

Finsbury Park

2 Adolphus Road

London. N.

December 21, 1889.

Дорогой Сергей Павлович!

Передо мной лежит несколько начатых писем к Вам. Сейчас же по получении Вашего первого послания я принялся за приготовление приличного ответа, написал около страницы, но на этом и покончил: очень уж дрябло и бессодержательно вышло это вступление; через несколько дней после этого сделал опять попытку, исписал чуть не целый лист, но и этот раз не решился посылать его Вам. Сообщение это может возбудить в Вас чувства не особенно благоприятные для Вашего корреспондента. «Ну, есть ли хоть капля искреннего чувства в душе этого человека, который в письме к своему ближайшему другу старается нарядиться в возможно приличный костюм, пригладить каждый волосок на своей голове, зорко следит за каждым своим жестом и словом?» с негодованием воскликните Вы, Друг мой, Сергей Павлович! Pray be quiet. Не так уж я преступен, как Вам это может показаться. Не помню, рассказывал ли я Вам об одном довольно несносном свойстве моей натуры: когда то или другое стечение обстоятельств ставит меня в положение человека, подвергнутого одиночному заключению в самом суровом значении этого слова, я на это время как бы замираю (термин, применимый к мухам), превращаюсь в какую-то дробь, одну девятую или что-нибудь в этом роде, и только какая-нибудь особенно счастливая случайность может возвратить мне на момент все мои чувства, всю полноту моего «я», выражаясь языком «философии» (кавычки специально для Вас). Как необходимое следствие этого является, между прочим, то, что письма мои за это время в большинстве случаев отличаются или несколько «неестественно» высоким тоном, или же полным отсутствием какого бы то ни было тона, так что подчас превращаются в описание видимых предметов, в какое-то дряблое переливание из пустого в порожнее, весьма естественно подающее повод лицам, к которым такого рода письма адресованы, или до слез зевать, или

тем или иным способом выражать свое негодование на автора их за бесчувственность, черствость души. Прибавьте к этому убийственно однообразную жизнь, которую я веду, и Вы поймете, что не бесчувственность это, а скорее, некоторая одеревенелость, и если друзьям она доставляет огорчение, то и самого меня обрекает на довольно-таки печальное существование. Находись я теперь в периоде творчества, настроение мое было бы без сомнения гораздо лучше. Но ведь произвожу я теперь исключительно черную работу переписчика, а эта черная работа утомляет до такой степени, что думать как следует во время, свободное от занятий в Rec. Offise и Brit. Mus., положительно оказывается затруднительным: чувствуешь какое-то расслабление во всем организме, потребность отдыха дает себя знать самым настоятельным образом, а его-то как раз и нет. Примешься писать письмо, поговорить по душам, а вместо простой безыскусственной речи получается какой-то суконный язык, выражающий вовсе не то, что хочешь. Поэтому меня довольно больно укололо раздражение, которым проникнута Ваша защитительно-обвинительная речь, произвела на меня действие незаслуженного упрека. Но довольно о сих прискорбных сюжетах. Как однако быстро идет время! Давно ли я видел Вас маленьким коллегиатом первого класса? И вот этот несколько застенчивый, но далеко не робкий мальчик, к которому я сразу же почувствовал необыкновенно нежную симпатию (да будет, наконец, Вам это известно), на моих глазах незаметно превращается в мужа в двойном значении этого слова и не в столь отдаленном будущем обратится ко мне не с предложением поместить в «Слове» один из своих юных беллетристических опытов, а с настоятельной просьбой поручиться за непоколебимую верность православию существа, которое, придя в соответствующий возраст, станет звать его «папашей». Хотя Вы мысленно уже давно воспитали своего сына на английский манер и даже чуть не отплясали на его свадьбе, тем не менее, я думаю, Вы еще не свыклись с «самым замечательным событием на Молчановке»: уж очень должно быть необычные ощущения произвело оно в Вас; я напр. так даже теоретически не могу представить себя папашей in spe или в действительности; на первых порах я, должно быть, чувствовал бы себя чрезвычайно глупо: настолько мы привыкли к *(нрзб. - 1 сл.)* существованию; если я с превеликими усилиями кое-как еще могу представить себя женатым человеком, *(нрзб. - 9 строк)* и твердо верю, что титул «папаши» нисколько не замедлит получение Вами следующего чина магистра всеобщей истории.

Глубоко признателен Вам за Ваше предложение помочь мне в моих финансовых затруднениях. Я думаю поступить таким образом: денег мне хватит до половины января, наверное; поэтому мне кажется целесообразные 100 р. у Вас теперь не брать, а возвратить Вам теперь же всю взятую у Вас сумму с превеликой благодарностью; впрочем, если Вы вышлите мне не 100, а всего лишь пятьдесят (50) руб., буду Вам оч. благодарен; тогда я буду

уже совершенно гарантирован до самого февраля, т. е. до получения денег из университета. При этом маленькая просьба: потрудитесь предварительно превратить рубли в фунты, потому что здесь эта операция чрезвычайно убыточна. Разгадка цитаты из письма мистера: вместе с прошением в университет о выдаче мне пособия я отправил письмо Фортинскому, в котором спросил его, нельзя ли мне будет вместо 400 р. получить 600 в интересах вящей занимательности толстяка Тайлера и ввиду дороговизны лондонской жизни; письмо, как оказывается, имело некоторый успех. «Как же поживает пресловутый толстяк?» – спросите Вы. Thank you, very well. Материал, непосредственно относящийся к восстанию 1381го г. я, кажется, собрал уже почти весь, так что очень скоро примусь за изучение материалов, относящихся к положению английского крестьянства и земледелия в I4 в., хотя и в этом отношении я уже успел кое-что сделать из Rot Partiamentoron. Если за 1 S остающиегося мне месяца я успею в достаточной степени ознакомиться с этого рода материалом, то на этом и покончу и в начале февраля возвращусь в Москву; собственно книг по моему предмету мне читать здесь не придется: их в сущности почти нет, а те оч. немногие, кот. существуют, я частью куплю, а частью найду и в Москве. Признаться, я до такой степени привык иметь дело с самими источниками, что книги в большинстве случаев служат для меня только для справок, положительных же данных они не сообщают; автору нужно быть очень уж остроумным, чтобы он удостоился моего полного внимания сам по себе или по своему методу. Во что превратится та груда сырья, которую я собрал, сказать, конечно, трудно, тем не менее, судя по качеству материала, можно надеяться, что толстяк лицом в грязь не ударит и не сконфузит своего патрона. Не шутя, материал чрезвычайно ценный; присяжные XIV-го века были люди весьма обстоятельные и подчас рассказывали просто сцены из народного быта, эпически передавая самые мельчайшие подробности. Применив к этому громадному количеству «показаний» метод интенсивного исследования, можно получить результаты чрезвычайно интересные. Попробуем. А хотелось бы написать хорошую книгу. Может быть, я ставлю себе очень уж широкую задачу, имея в виду философски осветить восстание 1381-го г., представить его как проявление (вспомните *(нрзб. - 1 сл.)* действия всех элементов разлагающегося феодального строя, но мне кажется, что только решая задачу в таких общих социологических терминах (на солидной конкретной подкладке), я оправдываю свое уклонение от изучения своей истории, - упрек, имеющий свои некоторые основания в устах, конечно, вполне понимающего дело человека, – и, выполнив как следует свою работу, буду иметь некоторое право сказать, что все-таки я не совсем бесплодный член российского общества, кое-что можно и у меня позаимствовать. Однако я замечтался, чего доброго окончу письмо стихами; в избежание этой опасности ставлю точку. Свидетельствую мое глубокое почтение Ольге Павловне,

поклон жильцу (собираюсь ему отвечать), Смирнову (жду письма). Занесите мои пожелания в Левшинский переулок. Еще раз поклон всему семейству. До свидания.

Ваш неизменный Д. Петрушевский.

P.S. Как только явится подходящее настроение, немедленно же засяду за следующее письмо к Вам.

2 Adolphus Road

Finsbury Park

London. N.

December 19, 1890.

Дорогой Сергей Павлович!

Поздравляю Ольгу Павловну и Вас с Новым годом и от всего сердца желаю Вам самого полного счастья. Вижу, что явился с поздравлениями несколько поздно, но лучше поздно, чем никогда. Собирался я, было, поздравить Вас в более подходящее время, но настроение мое было весьма неписательское, посылать же что-нибудь вроде визитной карточки представлялось мне очень уж официальным выходом, совершенно не гармонирующим и даже оскорбляющим те чувства, которые между нами существуют (как Вы ни старались уверить меня в противном). Собственно говоря, и теперь я не надеюсь написать длинное письмо, и Вы не удивляйтесь, если я расчеркнусь на второй же страничке. «Домой, домой, домой!», - вот ария, которую я теперь постоянно исполняю и с большим чувством; в свободное от работы время и только и думаю об этом; фантазия рисует мне даже сцены встречи с так давно покинутыми пенатами, и смею Вас уверить, Малая Молчановка занимает здесь далеко не последнее место. «Тогда уж заживу настоящей жизнью», – мечтаю я, «и никто не услышит от меня минорных разговоров, которыми я должно быть порядком надоел своим корреспондентам». В самом деле, будущее мое московское существование (не понимайте, пожалуйста, это в узком смысле) рисуется мне до такой степени радужными красками, что я даже не могу думать о нем как следует: чувства берут верх над размышлениями; чтобы пощадить несколько истомленные нервы, я даже иногда стараюсь не думать об этом. Принимая во внимание все подробности моей обстановки (я разумею совокупность как русских, так и заграничных обстоятельств, определяющих мое положение), Вы, конечно, понимаете, что low spirits за все это время едва ли можно считать доказательством моей неспособности жить вне России, моей, т. сказать, первобытности. Едва ли это так, хоть, конечно, отечество, как оно ни неустроенно, занимает здесь довольно почетное место: прожить более или менее сознательной жизнью какой-нибудь десяток лет, от младых ногтей связать свои интересы с интересами русского общества что-нибудь да значит; славяно- и пр.-филом Англия меня не сделала, но мне кажется, что связь свою с русским обществом, стремление по мере

сил способствовать его европеизированию теперь я чувствую несколько более отчетливо (если можно так выразиться), чем прежде, как в сущности ни мало имел я возможности как следует вникнуть в окружающую меня здесь среду. Действует в данном случае общее впечатление, определяющееся как внешними, так и внутренними условиями. Уже один случай - очутиться в положении «русского подданного» - чего-нибудь да стоит. Мы совершенно механически произносим слово «прусский, австрийский подданный», читая напр. в Русск. Вед. дело, положим, об истязании малолетней Анны Б., что ли, содержательницей белошвейной мастерской какой-нибудь Амалией Тринкгельды. Но когда сам в одно прекрасное утро увидишь себя «иностранцем», тогда поймешь все значение этого термина. Ты - иностранец, все, что вокруг тебя происходит, тебя не касается; ты можешь с просвещенной любознательностью наблюдать все это, интересоваться всем этим; но вся эта около тебя движущаяся жизнь идет своим путем, имеет свои цели, свои интересы, ты для нее чужой. Вот тут-то и восчувствуешь: нет, м. г. г., и у меня есть свое, и я - часть чего-то сложного, движущегося, имеющего свои цели, свои интересы. Мне кажется, что положение фланера (более вежливо: просвещенного наблюдателя), если он человек не совсем потерянный, самое плачевное. Не помню в каком томе своих сочинений (чуть ли не в 7-м старого издания) Успенский выражается так: «должен же человек иметь такое место, куда бы он мог предъявлять свою физиономию»; но если это место только кабак, не позавидую просвещенному наблюдателю. Конечно, принципы, идеи, проникающие эту чужую жизнь, далеко тебе не чужды, все это так же дорого тебе, как и «им», но все же это жизнь чужая. Как видите, до космополитизма в смысле чувства я еще не дошел; не знаю, впрочем, доходил ли до него вообще кто бы то ни было; должно быть, нет.

Праздники Вы, конечно, провели чисто семейным образом: Игнат мне писал, что к Вам собиралась приехать Ваша mother-in-lav. Я праздновал вместе с англичанами, так что в самые торжественные для русского сердца дни аккуратно посещал Reard Offise и British Museum; новый год, впрочем, совпал с днем Mondy Popular Concert, и я с превеликим удовольствием прослушал превосходнейший концерт st. James's Hall (in 8 S до 10 s вечера): со времени переселения моего в Finsbury Park я не пропускаю ни одного понедельника; 17 февраля (нов. стиля) выступает Joaxum и пробудет до конца сезона; хоть раз мне, вероятно, удастся его послушать. Игнат остался оч. доволен Москвой и заметно почувствовал к ней тяготение; Смирнов его восхитил; от лекций Пашки в восторге (европейский ученый, должно быть, уж постарался не ударить лицом в грязь). Что там вышло у него с Мачтетом? Из неопределенных намеков письма я догадываюсь, что от восторжен. чувств к автору «Белой Панны» у нашего восторгающегося друга не осталось и следа. Письмо Игната дышит бодростью и энергией и произвело на меня самое освежающее впечатление. Позволю себе надеяться, что наша дружина когда-нибудь да заявит

себя; лишь бы только нас не повесили раньше времени. По этому поводу я мог бы написать стихотворение в прозе, но боюсь, что мысли мои расплывутся в лиризме. То же могу сказать и об историческом кружке; при надлежащей обстановке немало речей произнесем мы по этому поводу; теперь же я могу только констатировать свой восторг. Когда подумаешь обо всем этом, о всем том, что предстоит еще чувствовать, делать, приходишь просто в какое-то вовсе не соответствующее солидному виду настроение, чувствуешь себя только что получившим аттестат зрелости гимназистом; хорошо еще, что дара песнопений не имею, а то бы пришлось бы чего доброго оскандалить свою солидность упражнениями в стихотворстве. Вот видите, как чувствует себя Ваш лондонский друг, когда ему удается стряхнуть с себя преследующую его хандру. Как же Вы живете? Удалось ли уже Вам войти в колею правильной семейной жизни? Осуществляются ли те Ваши мечты, кот. Вы мне иногда высказывали по этому поводу? Чувствую, впрочем, что вопрос этот помимо своей некоторой нескромности (которую Вы мне надеюсь простите) несколько и несвоевремен: с одной стороны, и времени прошло еще сравнительно оч. мало, чтобы можно было придти к каким-нибудь определенным заключениям, а с др. стороны, «возмущающим» (термин из физики и невольный каламбур) обстоятельством является перспектива предстоящего экзамена, который, конечно, не может идти в ряд с правильными научными занятиями, для которых правильная в самом высок. смысле семейная жизнь является весьма существенным условием для человека, не склонного тратить чувства, по выражению почтен. президента нарождающейся исторической академии. Надеюсь, Вы встаете рано, и (*нрзб. - 2 сл.)* не застает Вас за 31-м роббером? Я вполне уверен, что застану у Вас строгий режим, те самые порядки, немедленное осуществление которых Вы всегда выставляли как решительный аргумент, когда я старался поднять Вас с постели во времена нашего совместного житья? Если это не так, то к мягким увещеваниям огорченной Ольги Павловны я присоединяю свои грозные громы, грохочущие раскаты которых станут поднимать Вас с петухами. Alter ego! Что Ольга Павловна? Все так же не может свыкнуться с Москвой? Все так же остающаяся незанятой частица ее сердца наполнена Петербургом? И немудрено, впрочем, если только Вы не исправились. О! Naughty boy! Bad boy! Горю нетерпением разделаться с Вами лично и думаю, что даже ощущение встречи после долгой разлуки не смягчит моей угрюмой суровости. Что поделывают Ваши родственники: артист, воин, владелец Фастова? Порешили ли уже как-нибудь с домом? Как Ваши финансы? Получили ли Вы уже от мистера, что следовало? По последним кратким вопросительным предложениям Вы догадываетесь, что мое красноречие начинает истощаться, и поэтому я считаю благоразумным поставить точку. Желая же Вам (двойств. число) всего наилучшего, успешного исхода экзаменов (Вам лично) и надеюсь увидеть Вас в самом лучшем настроении.

Кланяйтесь Плюше и испросите у него прощения за мою неаккуратность (несколько раз начинал письмо к нему, но все выходила какая-то чепуха), Смирнову, родственнику, в Левшинский пер. отнесите мои комплименты.

Mr. Wat Tyler и Rev Boll кланяются Вам, они горят нетерпением выйти, наконец, на свет Божий из многовекового заключения со всеми своими дружинами; только они выражают опасение, что русские policemen могут опять водворить их на место жительства за их оч. давние, а все же возмутительные речи и поступки.

Ваш Д. Петрушевский.

Сергиевский посад, Вифания,
дача П.И. Беляева и Д.М. П.
1.VIII.1890 г.

Только теперь, дорогой Сергей Павлович, нахожу возможным послать Вам пару слов, душа моя была заперта на замок, и ключ куда-то заброшен. Двигался я, читал, писал, как будто даже думал, но все это производилось как-то внешним образом. Описывать ли Вам мое житье-бытье? Картины природы прекрасны здесь, но изобразить их не с моим пером. Пуститься в описание хозяйственных мелочей - скучно. Дачников довольно много, но интересного они представляют мало. Исключение - Милюковы. П. Ник. живет собственно в Москве и только по временам наезжает сюда; здесь же живет его семейство, т. е. жена и ребенок. С Анной Сергеевной (так, если помните, называется жена Милюкова) в последнее время я познакомился несколько лучше и не без удовольствия веду с ней продолжительные беседы; женщина она, как Вы знаете, весьма образованная и даже ученая (хотя без всяких признаков blue *(нрзб.)*, чрезвычайно простая, и поэтому беседовать с ней весьма приятно. Диссертация Милюкова начнется печататься в сентябрьской книжке Ж.М.Н.Пр. Он уже отправил одну или две главы. Занятия мои идут довольно исправно. Занимаюсь переливанием из пустого в порожнее, т. е. расписываю материалы (пока (*нрзб. - 1 вл.*) по карточкам - единственный способ не растеряться в массе мелких подробностей; пока разбираю материалы, непосредственно относящиеся к восстанию; с надписями более или менее справился, т. е. вчерне свел их к определенным источникам; вообще возни с ними особенной не предстоит, хотя думаю и эту сторону дела отделать поотчетливее. Имею смелое намерение все привести в порядок к концу лета. Как видите, о творчестве и речи быть не может. К нему мне еще придется надлежащим образом приготовиться: когда все материалы будут приведены в самую строгую систему, превратятся в нечто вроде подвижного алфавита фактов, из которых легко можно будет составлять какие угодно слова, тогда я все это запру под замок и начну подчитывать разнообразнейшую литературу, чтобы не приступить к священнодействию с пустыми руками; и только прочистив как следует го-

лову и, запасшись более или менее солидным историческим опытом, приступлю я к писанию Уота Тайлера. А материал действительно богатый, и мне кажется, что работа может выйти весьма интересная. Если только мне удастся выполнить намеченную мною программу. Должно быть, придется выдерживать нападения как реалистов, так и представителей культурной истории, потому что и эта последняя займет у меня далеко не второстепенное место. Однако довольно облизываться, тем более, что все эти разглагольствования чрезвычайно однообразны и знакомы Вам давным-давно.

Рядом с изучением материалов у меня идет изучение человеческой природы на живых образцах. Сожитие в этом отношении незаменимый метод, и П. Ив. теперь для меня весьма удобопонятная книга. Живем мы с ним мирно и однообразно, конечно. На нем я изучаю индивидуализм со всеми его скорбями и печалями; индивидуализм я беру в данном случае как противоположность духу общественности; ego, ограниченное пределами человеческого организма, и только ego. История выходит весьма грустная для самого же ego и в такой же степени поучительная для постороннего наблюдателя; представляется возможность ответить на различные часто встречающиеся психические противоречия; человек, напр., всю жизнь преследует в других и притом самым искренним образом, как раз ту самую черту, которая является отличительн. признаком его нравственной физиономии - положение довольно-таки комическое. Satio.

Как видите, размазываю я перед Вами все скучные материи, ни одного живого слова до сих пор не сказал. Буду говорить их в Москве; к тому времени надеюсь окончательно реставрироваться (не придавайте слишком широкого и слишком узкого значения этому слову). Скажу еще несколько слов. П. Гавр. иногда подает о себе вести; по-видимому процветает. В начале июля был здесь Смирнов. Поговорили всласть, впрочем, больше о предметах объективного характера, т. к. моя субъективность in suspenso, как выражаются софисты, к ней я позволю себе возвратиться в Москве и, должно быть, скоро.

Как же живете Вы? Как здоровье Ольги Павловны? Я оказался перед ней порядочной с..., но произошло это по самой непростительной забывчивости, в которой не решаюсь даже извиняться; вспомнил об одиннадцатом (а не пятом ли?) июле только несколько дней назад. Как же Ваши занятия? Моя ли правда, или Ваша? Видитесь ли с мразцами? Что они поделывают? Где Игнат? Нет ли в Киеве Плюши? Если он в Киеве, спросите у него, пожалуйста, выслал ли он Гродзицкому деньги? Дело в том, что, уезжая из Москвы, он взял у Гродзицкого деньги, конечно, последние, что-то больше 20 р.; уехал он, когда я был в Вифании; получаю письмо, писанное в день отъезда, в котором Плюша просит меня отдать Митр. Осип. взятые им деньги (я рассчитывал получить кое- что с Барскова приблизительно к тому времени, но уверен в этом, конечно, не был) и отправил ему (Плюше) телеграмму, что деньги, мол, заплатил.

Не получив денег (Барсков не приезжал и не писал мне (нрзб. - 2 строки). Я все-таки утешаю себя той мыслью, что причина этого инцидента - пути сообщения; Вы помните, как долго шли к Плюше деньги после телеграмм. Ну, пока до свидания. Если есть что написать, не поленитесь. Засвидетельствуйте мое почтение О. П. Кланяйтесь братьям. Поклон мразцам.

Ваш Д. Петрушевский.

Киев, Жилянская, 59.

4.I.1891 г.

Берусь за перо, чтобы написать Вам, дорогой Сергей Павлович, длинное письмо в надежде, что и Вы не поленитесь ответить мне не менее обстоятельно. Прежде всего, конечно, поздравляю О. П. и Вас с новым годом и шлю самые лучшие пожелания, которые, надеюсь, не замедлят осуществиться в непродолжительном или продолжительном времени. Как Вы проводите праздники, занимательно или незанимательно, весело или скучно, об этом Вы, конечно, сообщите мне в письме, которое, уповаю, не заставит себя долго ждать. Вы, само собою разумеется, не обиделись на то, что первым человеком, которому я послал весть о себе, были не Вы; там я не передавал Вам поклона в виду того, что собирался в оч. скором времени написать и Вам, что и исполняю. До последнего момента я нахожусь в бродячем состоянии, изображая собою таким образом один из тех сюжетов, которыми так интересуется наш многоученый друг В. К. Перебывал почти у всех знакомых, вдохнул в себя Киевский воздух и остался спокойным вполне философически. Продолжительное пребывание в Москве среди иной обстановки, среди иных интересов, размышления о предметах непреходящих наделили меня способностью ко всякой иной атмосфере относиться вполне философски, научно, употребляя нашу с Вами терминологию, всегда сознавать свою физиономию, чувствовать, что сидящие внутри этой физиономии основы никогда не пошатнутся - словом «мы созрели» (извините ненавистные Вам кавычки), остается только запасаться фактическим багажом. Произошли тут некоторые события (слово несколько громкое), которые еще раз подтвердили, что наш с Вами союз покоится на таких основах, которые никогда не поддадутся, что наши физиономии окрашены в весьма определенный цвет, хотя и без тени доктринерства. Я, однако, забегаю вперед и сверх обыкновения расписываюсь в неопределенностях. Местных сборищ я, конечно, не посещал, а видел людей, так сказать, в разброде. Результаты наблюдения в этом смысле оказались весьма неутешительными. Призраки, призраки и призраки - вот как можно формулировать положение дел. В результате получаются чистейшие курьезы: если мы будем рассматривать молодое поколение, то столпами окажутся люди вроде Вас, мистера, секретаря, т. е. как раз те самые, на которых некогда взирали несколько подозрительно, истинные же сыны Отечества... где вы? Пришли некоторые люди, нашумели, намахали руками и прочь ушли. Остались только клубы табачного дыма. И грустно, и

смешно. Главное, не только ушли, но и забыли о том, что некогда шумели, т. е. окончательно забыли, так как будто бы этого никогда и не было; не то, что форму изменили, форму юную на более серьезную (что и следовало сделать), но совершенно прочь ушли искать новых ощущений для своего нетронутого общественностью (как, по-видимому, это ни странно) духа. Каллашизм во всех его видах. И главное, ведь совершалось это с быстротой почти непостижимой. И никакой мотивировки. Ведь это, наконец, черт знает что такое; точно люди всю жизнь собираются шутки шутить. Действительно, с такими гражданами дальше земских начальников не уедешь. Ведь кроме самого ненасытного тщеславия, необузданного самолюбия, самого мальчишеского вожделения играть ролю, за душой у самых, казалось бы, видных из них нет медной полушки. Все эти суровые речи прилагаю я и к... к кому бы Вы думали? Ни к кому иному, как к Игнату, знаменитому Тартарену из Тараскона, который блистательно опроверг все наши с Вами ожидания насчет благотворного влияния Петербурга. Петербург только развил в нем весь тот Каллашизм, который неприятно поражал в нем нас при всех наших симпатиях к этому бесспорно талантливому (вспомните в нем наши (*нрзб. – 1 сл.)* о талантливости) человеку. Ведь в нем произросло теперь такое возмутительное фатовство, что с ним серьезно разговаривать невозможно; это какой-то саврас без узды от науки, литературы и даже (*нрзб. - 1 сл.)* отношений; наплевать на что и на кого угодно, вот основной тон его слов и деяний; с легким сердцем готов он отряхнуть прах от ног своих при всяком удобном и неудобном случае; хлестнуть бойким словом в печати кого угодно, вознести кого угодно, и без всякой на то аргументации, но хотя бы мотивировки, для него ничего не стоит. Что хочу, то и пишу, вот ответ, который он считает возможным давать недоумевающим приятелям, принимая при этом излишне самостоятельный вид. Пытались мы, было, с ним объясниться, выяснить, наконец, да что он такое нам и что мы ему, но кроме чуть не истерических нелепостей и дико логических разглагольствований ничего путного не добились. Поговорили довольно крупно, а расстались в недоумении, потому что не было возможности даже резюмировать как следует все происшедшие изменения. Будем ждать, навсегда лишенные способности удивляться тем прогрессивным (от слова прогресс, а не прогрессия) изменениям, которые явятся в результате естественного роста игнатовой психики, как он сам о себе выражается, т. е. знаете, большего сумбура в голове я не встречал; это какая-то феерия, карнавал недомыслия, психопатология какая-то. Легкомыслие, легкомыслие без конца. Просто удивляешься, как это можно прожить четверть века и остаться каким-то мальчиком без штанов, какой-то утлой ладьей, разукрашенной цветными тряпками, носимой по безбрежному морю. Сознания полное отсутствие, какая-то растительная психология. Satio eloquentia .

Мистер вполне понимает и извиняет Вас как автора еще непоявившегося труда для Киевск. старины. Вот это мущина настоящий; не киевский, солидный муж. Молчановский «призван»: он занимает теперь пост начальни-

ка отделения в канцелярии киевск. генерал-губернатора. Он был приглашен для работы над новым городским положением, просидел почти 2 месяца, изучил материалы и представил доклад в полтораста листов, где самым научи. методом доказал всю нелепость предполагаемого увеличения ценза для избирателей. Игратьев был подвергнут в изумление талантами секретаря, выразил желание быть его учеником и предложил ему пост начальника отделения канцелярии по хозяйствен. части, так что секретарь теперь заведует хозяйством трех губерний (ему же подвержены и *(нрзб. - 1 сл.)*. Жалования 2300 р., а с нового года думают увеличить до 3000. Секретарь долго колебался, наконец, его убедили, что он будет полезен на новом посту. У Арменевских я был два раза (раз обедал), сообщил им, что знал, о Вас, об Ольге Павл. Атмосфера у них довольно тяжелая (*нрзб. - 1 сл.*) недомогания членов семейства. Софья Еремеевна только поднялась после болезни, куда девалась та энергичная, бодрая старуха, которую я видел в прежнее время? Софья Александровна выглядит, по-моему, несколько бодрее прежнего. Несколько раз был у Ин. Ивановича Ничипоренко и беседовал с ним по душе о разных материях важных. С такими людьми еще можно жить в Киеве. Он еще отдыхает, несколько поправился, со временем думает занять место инспектора народн. училищ. Преемник его уже найден. Это некий Анненский из Петербурга, человек еще сравнительно молодой, по-видимому, порядочный и толковый. Обиженными оказались Трегубов и Яреш, которые скоро должно быть перестанут кланяться с Ничипоренко. Был я и у патронов. Лучицкий чрезвычайно любезен и мил; он совершенно искренне рад новому человеку среди киевского безлюдья в смысле занимающихся науками. На завтра получил от него особое приглашение; такое же приглашение было у меня и для встречи нового года, но им я не мог воспользоваться. Беседовал с его превосходной женой, что и впредь намерен совершать: очень уж она интересная во всех смыслах женщина. Познакомился я и с петербургским историком малорусских крестьян; вопреки тартареновскому описанию он оказался весьма милым, скромным, несколько застенчивым и весьма интеллигентным и довольно неглупым юношей несколько нескладно-немецкого вида (из тех немцев, которые смотрят на муху и декламируют Шиллера). Завтра буду видеть его у Лучицкого и рассмотрю еще больше; он изучает здесь румянцевскую опись (нрзб. - 1 сл.) - малорусские крестьяне 1 8 века); после Киева он думает заниматься в Полтаве и Харькове. Тарасконцы принимают его в своих домах. Интересно будет порасспросить его, какое впечатление производит на него местная тарасконада.

Никаких занятий я еще не нашел, хотя разнюхивал и свидетельствовал о своих желаниях. Фортинского видел еще только раз; никаких своих мыслей обо мне он еще мне не сообщал, только дал инструкции относительно печатания диссертации. Лучицкий собирается печатать (уже нашел издателя) исто-

рию крестьянск. реформы на западе в 2 томах; отрывок о датских крестьянах (был напечатан в «Северном Вестнике»), а начало о Германии еще лет 10 тому назад в Унив. Изд. Снегу навалило пропасть, температура довольно высокая сравнительно. Но все это, скажете Вы, внешние факторы. Внутри тишина и спокойствие, порядок; элементы моего «я» сохраняют прежнюю энергию, но пришли в гармонию - действуй, а остальное все приложится. Я констатирую настроение данного момента (почти для 2-недельного), но думаю, что оно прочно и не оставит меня. В Левшинск. занесите мои чувства, насколько их может передать третье лицо. Кланяйтесь Смирнову (ему я собираюсь писать), Гродзицкому, Радзимовскому (коэффициент 2) и всем прочим. Вместе с книгой Виноградова пришлите мне, пожалуйста, и (мои) лекции по госуд. праву Англии (Вы их найдете). В ожидании скорого ответа

остаюсь Ваш Д. Петрушевский.

Мачтет шлет поклон и пожелания.

Киев, Жилянская, 59.

5.IV.1891 г.

После продолжительного размышления я пришел к тому выводу, что Вы, дорогой Сергей Павлович, оказываетесь довольно-таки большим свинтусом; этот факт Вы сами должны признать, если научность Вашего мышления простирается и на Вашу собственную особу. Как хотите, но не написать ни одного слова за целую четверть года человеку, который имеет наивность питать к Вам самые нежные чувства, - поступок, на мой взгляд, не находящий для себя ровно никакого оправдания. Вы, конечно, сошлетесь по своему обыкновению на то, что у Вас не выдалось ни одного момента, чтобы написать мне настоящее письмо; но ведь извинение это едва ли может выдержать серьезную критику. Три месяца, и ни одного момента - сомнительно что-то. А ведь мы не раз пили Ваше здоровье, не раз вели пространные речи о Вашем настоящем и будущем и самым сердечным образом желали Вам всего того, что можно от Вас ожидать. Даже выдающиеся факты из Вашей жизни мне удалось узнать со стороны, совершенно случайно, а это, по моему мнению, уже совершенно непростительная вещь. Можно подумать, что Вы и все, Вас касающееся, для меня совершенно безразличные факты. Ну, на что же это похоже? Я понимаю, конечно, что молчание близкого человека не всегда следует истолковывать в дурную сторону. Но ведь должен же существовать какой-нибудь предел этому молчанию; но ведь Вы перешли всякую возможную границу. Вы как будто задались целью совершенно отлучить меня от московской атмосферы. Уверяю Вас, что намерение Ваше ни к каким благим результатам привести не может, что вместо воображаемого равновесия Вы вызываете во мне только состояние неудовлетворенности, какую-то пустоту душевную, которая оказывает вовсе неблагоприятное действие на мою работу. Я не оставил надеж-

ды, что Вы поделитесь со мною хоть сотой долей всего того, что Вы приобрели за эти три месяца. И в этой надежде остаюсь искренне Вас любящий

Д. Петрушевский.

Передайте мои поклоны Левшинскому переулку. Спросите у Смирнова, что за причина его упорного молчания: ведь я не получал от него письма в течение двух, если не больше, месяцев. Ольге Павловне свидетельствую свое уважение.

Д.П.

Штамп:23.III.92 г. Почтовый вагон.

Благодарю Вас, дорогой Сергей Павлович, за Ваше единственное письмо, оно до такой степени необычное явление, что я считаю необходимым отвечать на него не письменно, но устно, представ пред Вами своею собственной персоной, вероятнее всего, в пятницу 27го марта в 2 часа дня (если, конечно, Вы явитесь встретить меня и закусить на Курском вокзале известной селедкой). Еду я в Москву на продолжительное время; просуществовать до лета я могу там свободно (в смысле финансовом), на лето уезжаю в деревню (близ Шпола) и в Крым, а после каникул опять явлюсь в Москву для полного окончания диссертации и подготовки курса, который открываю с января следующего года в Киеве, конечно. Лектором меня не захотели свиньи сделать (забаллотировали нас всех), ну, и Бог с ними. Если у Вас есть свободная комната, я бы с удовольствием поселился у Вас на прежних (или на каких хотите) условиях, значит мог бы прямо к Вам и отправиться с вокзала (где Вы мне все это сообщите), Мистер и мистеришка шлют Вам массу приветов. Мой привет Ол. Павл. и Вашему Seir presumptive.

Ваш Д. Петрушевский.

(Без даты.)

My Dear Сергей Павлович,

Я и забыл сообщить Вам просьбу П. Ник. Милюкова доставить ему «Крестьянский Вопрос» Семевского, так как ему нужна эта книга для читаемого им девицам курса. Чтобы не затруднять Вас, я взял Семевского и доставлю его по назначению.

Прижимаю Вас к своей одинокой (увы!) груди и изливаю на Вас весь запас нежных чувств, не находящих других (нрзб. - 1 сл.).

Ваш Д. Петрушевский.

Новоселки, Ливен. У., Орлов. губ.

3.VIII.1892 г.

Признаться сильно соскучился я по Вас, дорогой Сергей Павлович, и очень бы хотел поскорее увидеться с вами после столь тяжкой разлуки. С удовольствием навестил бы я и Киев, чтобы повидаться со всеми физически и духовно близкими людьми, да вот беда: денег нет. А почему нет? Потому

друг мой любезный, нет, что не заработал по лености моей, т. е. собственно отчасти и заработал, да не получил, (*нрзб. - 1 сл.)* редакция «Словаря» думает рассчитаться со мною только в апреле месяце, К (*нрзб. - 1 сл.)* не приступил, диссертация спит, рецензия на Пашку тоже не готова. Больше всего меня угнетает это последнее обстоятельство. Написал введение к рецензии, представляющее собою нечто вроде упразднения существующей истории и возведения на развалинах ее нового здания по всем правилам науки. Во всяком случае, думаю на днях ее окончить. Что же я делал, спросите Вы. Больше читал «(*нрзб. - 1 сл.)* вообще». Почему? Восстанавливал растраченные силы и увеличил свой вес на целых 17 фунтов. Таким результатом я недоволен и поэтому хочу воспользоваться августом самым производительным образом. Из последней фразы Вы можете заключить, что и август я собираюсь проводить здесь, где нахожусь в настоящее время; заключение Ваше совершенно справедливо, в чем Вы можете вполне убедиться, вспомнив сообщение мое об отсутствии у меня вследствие таких-то и таких причин презренного металла, который дал бы мне возможность отправиться через Киев в Крым, как я и предполагал перед каникулами и как я не предполагаю теперь ввиду, между прочим, и холеры. Вот и все, что могу сказать о себе со стороны, т. сказать, деловой, и дальше распространяться не буду. Живется мне здесь ни весело, ни скучно; впрочем, теперь это не совсем точное определение: так, т. е. ни весело, ни скучно было до последнего времени, когда я приходил в нормальное состояние, теперь я уже, по-видимому, утвердился в этом состоянии, внешний мир опять получил для меня интерес, и чашка весов стала склоняться на сторону «скучно». Действительно, жизнь я веду весьма однообразную, окружающие люди особой живостью во всяком смысле не отличаются, занятия мои идут не так, как бы следовало, и отсутствие обычных собеседников начинает давать себя чувствовать. Мне кажется, что Вам живется несколько лучше в этом отношении, чем мне. Где Вы живете, я, конечно, не знаю; предполагаю, что где-нибудь вблизи Киева, если не в самом этом городе. Вы сделаете оч. доброе дело, окажете мне истинно дружескую услугу, если хоть в двух-трех словах сообщите мне, где и как Вы живете, что делаете, как поживает Ваше семейство, как Вы проводите время, видитесь ли Вы с нашими киевскими приятелями, что и как они все вообще и каждый в отдельности (я как-то писал мистеру, но ответа еще не получил), отчего не пишет Игнат, как здоровье Григ. Павл. и пр. пр. Не преминете при этом сообщить, когда Вы собираетесь в Москву. Еще одна просьба, о кот. я Вам как-то уже говорил: когда будете отправляться в М-у, зайдите к моим родным и возьмите там для меня мое зимнее пальто; буду Вам оч. обязан, там же находится «История Греции» Аландского и некоторые другие книги. Пока до свидания. Маслов Вам кланяется. Целую Вас крепко. Поклон О. Павл., артисту, Арменевским, заключаю в объятья всех мразцев.

Целую Вашего наследника, который, наверно, уже твердо ходит по земле, свободно изъясняется и помнит своего импровизированного дядю.

Ваш Д. Петрушевский.

Адрес. Ливны, Орлов. губ., Серг. Пик. Маслову для Д. М. П-го.

28.VIII. 1892 г.

Злодей!

Что же Вы не пишете? Шлю Вам письмо от какого-то неизвестного. Мню, от Фортунатова или от (*нрзб. - 1 сл.).*

Серг. Пик, кланяется Вам. Лобызаю Вас и Вашего наследника (надеюсь, Вы уже научили его говорить).

Кланяюсь О. П-е. Что артист? Кланяйтесь ему. Заключаю в объятья мразцев, *(нрзб. - 1 сл.)* от мистера получил и много благодарен). Когда едете в Москву? Скоро, надеюсь, увидимся.

Ваш Д. Петрушевский.

Если до какого-нибудь числа сентября (получка от Кареева) можете снабдить меня рублями 20-ю, буду весьма благодарен. В таком случае высылайте немедленно же по получении этой цидули. На нет и суда нет.

Ваш Д.П.

30.III. 1893 г.

Сергей Павлович,

Вчера я видел П. Н. Милюкова, и он просил меня передать Вам следующее: если Вы желаете участвовать в квартете, в таком случае благоволите известить его об этом сегодня же. Завтра Вы получите от него ноты (среда у него будет), а в воскресенье будете гастролировать.

Д. Петрушевский.

3.V.1894 г.

Я не сомневаюсь, Сергей Павлович, что Вы, как и я, считаете положение наше ненормальным; почему, Вы, как и я, оч. хорошо знаете для того, чтобы об этом нужно было распространяться. Ненормально оно решительно во всех отношениях, - и со стороны законов божеских, и со стороны законов человеческих. Мы с Вами люди, менее всего допускающие в жизни иррациональное, совершенно несводимое к здравому смыслу и научному взгляду. Мне кажется, что времени прошло уже достаточно для того, чтобы впечатления от разных, неизбежных в жизни человеческой шероховатостей изгладились, и мы опять обнаружились как добрые приятели, никогда, конечно, не перестававшие уважать друг друга и связанные друг с другом не только теоретическими, но и сердечными узами. Как Вы об этом думаете?

Д. Петрушевский.

20.XII. 1894 г.

My dear Сергей Павлович. Был сегодня у Вас и забыл взять у Каллаша по... *(нрзб.)* в переводе Мищенка для моей супруги. Она просит Вас, когда будете идти к нам завтра, взять у Каллаша названное сочинение (об этом я прошу его покорно) и принести к нам, если Вас это не затруднит. Ждем Вас завтра непременно (есть и поручение в Киев, весьма необременительное).

Ваш Д. Петрушевский.

22.I. 1895 г.

My dear Sir, О. П-на предлагает послать ей вместе с Вашей посылкой полотно для малоросского (*так написано у Д.П. - А.М.)* костюма, который О. П. любезно взяла на себя труд заказать для моей супруги. Как это устроить? Когда Вы думаете отправлять в Киев это «кое-что», о котором пишет Ольга Павловна? Когда Вы зайдете к нам? А может быть, я к Вам должен зайти? Напишите об этом, беспутный. Только будьте аккуратнее, чем с *(нрзб. - 1 сл.)*. Каллаш как поживает?

Ваш Д. Петрушевский.

22.II. 1895 г.

My dear Sir. Завтра (четверг) вечером к нам придет Серафима Гавриловна. Если Вы свободны и не оставили желания как-нибудь послушать у нас музыку, приходите завтра и Вы: буду оч. рад Вас видеть.

Ваш Д. Петрушевский.

г. Клин (Москов. Губ.),
село Демьяново (имение Танеева)
19.V.1895 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Спешу послать Вам два слова, чтобы уведомить Вас, что в М-у я приеду в понедельник (22 мая) и, следовательно, могу собеседовать со всеми Вами в тот же день вечером. В понедельник же утром приезжает Венедикт. Недурно бы было и его пригласить на собрание? Не правда ли? Как поживаете? Отчего не исполняете своего обещания и не появляетесь у нас на даче? Мекотин собирается поселиться в тех номерах на Арбате, где он останавливался зимою. Может быть, ему можно будет найти даровую квартиру? Собирается он пробыть в М-е до 10 июня. В понедельник утром (22 мая) часов с 11-12 его уже можно будет найти в архиве.

До свидания. Желаю Вам всего наилучшего. Кланяйтесь Каллашу. Что же он? думает приехать к нам?

Ваш Д. Петрушевский.

Д. М. Петрушевский - С. П. Моравскому

Варшава *(нрзб. - 1 сл.)*

Гостиница (на случай, если Вы забыли мой адрес). 30.X.1897г.

Дорогой Сергей Павлович, очень признателен Вам за Ваше милое внимание к моему семейству, а также за *(нрзб. - 1 сл,)* польской грамматики (за которую оч. благодарю Антония). Посылаю Вам для Антония (я не знаю его адрес) адрес его приятеля Сигизмунда Василевского (Новгородская, 33). Извиняюсь, что так поздно. Дела мои по-прежнему идут очень хорошо (буквально). В университете освистали некоторых из профессоров, посылавших патриотическую телеграмму по случаю закладки памятника *(нрзб. - 1 сл.)* (Филевича и проф. физики Зилова) так что главный инициатор телеграммы Кулаковский, говорят, входит в университет с городовым. Идет суд. (Ведь здесь еще университ. суд существует). Пишите, что у Вас лично (приехала ли О. П.? Если приехала, очень ей кланяюсь. Как Ваши занятия?) и что в Москве. Кланяйтесь всем приятелям.

Ваш Д. Петрушевский.

Варшава, Мокотовская, 56, кв. 7

11.IV. 1898 г.

Дорогой Сергей Павлович, нельзя сказать, чтобы переписка наша с Вами теперь превзошла аккуратностью наш литературный обмен прежней поры; теперь только главная причина во мне, а не в Вас. Если обо мне Вы могли слыхать что-нибудь от др. моих корреспондентов, то я о Вас поставлен, можно сказать, в полную неизвестность. Раза два только попалось мне краткое упоминание, что Вы чувствуете себя нехорошо. Но ведь не исчерпывается же этим все Ваше существование в течение этого года? Или Вы по-прежнему опутали себя непроницаемой сетью всевозможных «неотложных дел» и изнемогаете под их бременем, отгоняя от себя назойливую мысль об экзаменах, о науке, о том главном, прямом пути, на который Вы никак не наберетесь духу попасть, совершая великий грех против духа святого, о котором, если не ошибаюсь, писание говорит как о грехе, не прощенном ни в сей жизни, ни в будущей. Насчет будущей жизни мы предоставим астрономам доказывать, а вот что касается сей жизни, то и сейчас Вы чувствуете, какие несладкие плоды приносит оскорбление святого духа. Неужели Вы опять не сдержите данного мне в прошлом году слова? Вы как-то выражали весьма неубедительную для меня мысль, что экзамен ничего не поможет, что эта мысль явилась будто бы в качестве resume всей Вашей послеуниверситетской жизни. Если Вы иссушили свою душу и утратили всякий интерес к научному мышлению и исследовательской работе, если для Вас – прошедшее - те к жизни и науке зовущие речи, которые когда-то так живительно действовали на Ваших друзей и, казалось, исходили из самой сущности Вашего духа, если энергичная

деятельность ума на научной почве не может занять главного места в Вашей жизни, то я умолкаю, и мне остается только оплакать безвременную гибель прекрасной организации, самой природой созданной для отправления высших умственных функций. Но я не верю в этот кошмар, в Вас просто говорит временный упадок сил и энергии и продолжаю быть убежденным, что для такого слабовольного и инертного человека, как Вы, экзамен и следующая за ним заграничная командировка на 2, на 3 года будут иметь огромное значение, твердо поставят Вас в новую колею, и Вы будете по ней по инерции катиться; а потом инерция заменится и кой-чем иным. Как же Ваши дела с экзаменом? Что Вы думаете? Какие у Вас планы на этот счет? Неужели в Москве нет человека, который бы исполнял роль того перса, который становился за обеденным столом Дария (кажется, Дария?) и настойчиво твердил ему об (*нрзб. - 1 сл.)* Что же делает Гершензон (кстати: спросите его, прислать ли ему свою вступительную лекцию и покупать ли мне его Рамбо и Лависса и Эд. Майэра)? Напишите мне обстоятельно о себе и о своих делах и помышлениях, потому что устно беседовать с Вами не предвижу скорой возможности (нет денег и времени для этого). Как здоровье О.П. и Володи? Как Вы семейно теперь живете в Москве? Собираете ли у себя народ или уединились? Имеете ли сношения с Миром и Мирилизом председательства, проще говоря, с П.Г. Виноградовым? Как вообще являет себя народу этот тоже сбившийся с настоящего пути человек? Пожалуй, совсем уж утратил образ и подобие. Кое-что слыхал о его лекциях, и, как я и ожидал, читал публикацию о них в «Р. Вед.», отзывы о собственной философии истории лектора хвалебного характера не носили. Я думаю, ни для кого теперь не тайна, что в погоне за почестями П. Гавр. никогда, впрочем, как Вы знаете, не твердый в теории историч. знания, незаметно для себя, но не для других, потерял позицию лидера московских историков, и ему ее не вернуть, потому что историки ушли далеко вперед, и за ними не поспеть обремененному регалиями и отяжелевшему от побрякушек светской пошлости автору «Лангобардов» и «Исследований по соц. истории Англии». Ну, да и характер у него способный, как показал опыт, скорее разогнать, чем сконцентрировать вокруг себя разбросанные силы. Как поживает наша respublica Historiarum? Что Вам сообщить о себе? Безлюдие большое; живого слова не (*нрзб. - 1 сл.)*, остается сидеть дома и заниматься. Знакомых у нас оч. мало и больше едва ли будет. Начальство либерально и благодушно; гады перестали пока шипеть. Жить можно в этом смысле, прямо-таки легче, чем было, да и есть в Московском университете с его Некрасовыми, Зверевыми и прочей поганью. Только народ уж больно неинтересный, и для обмена мыслей настоящих умов нет. К тому же, почти всех заел патриотизм в форме самого полицейского полонофобства; о юдофобстве уже не говорю, слово «жид» с уст не сходит, как экстраординарных, так и ординарных. Вообще политическое и общественное развитие здешних профессоров ниже всякой

критики; просто ушам своим не веришь, слушая здешние разговоры на общие темы. Не угодно ли такой анекдот. У нас за чаем сидит как-то один из профессоров нашего факультета, человек добродушный и в обычном смысле вполне порядочный. Идет речь о евреях. Профессор авторитетно утверждает, что евреи - крайне вредная раса, принесшая огромный вред всему человечеству и их нужно всеми мерами притеснять. «Помилуйте, когда я был студентом (профессору 40 лет), я любил спорить об обществен. вопросах; и вот как-то зашел у них спор об Ал. П. Один «жиденок» (Sic!) очень поносил Ал. П., которого я оч. уважаю. «Что же он сделал Вам», спрашиваю я его. И что бы Вы думали он мне ответил? «Мы ждем этого ужасного ответа». «Это, говорит мне этот паскудный жиденок (Sic!?!), вопрос принципа. А! Как Вам это понравится?» Нам это действительно не понравилось, но только не то, что не понравилось профессору, и я чуть не нарушил обязанности гостеприимного хозяина, в особенности, когда профессор стал дальше «развивать» свои «мысли» и стал, между прочим, говорить, что писать о России в заграничных газетах, значит «выносить сор из избы» (Sic!?!) Об этом же зашла речь по поводу того, что один облагодетельствованный этим профессором еврей («паршивый жиденок») (профессор просил Анурчина позволить этому гимназисту еще раз держать экзамен, но он опять был провален) уехал за границу и там стал писать, за что был прогнан профессором от себя за границей, когда они встретились. «Теперь мои убеждения таковы, что еврея («жида») я не могу пустить к себе в дом». Этот не меднолобый профессор на совете при мне был единственным возразителем против предложения, сделанного математиками, послать за границу одного окончившего курс еврея. Он и здесь говорит об облагодетельствованном им еврее нехорошо писавшем «о нас» за границей. Вот каковы экземпляры. Не все, правда, таковы. Есть и оч. милые люди (Любович, напр.), но, в общем, почва для обмена мыслей, а тем более чувств весьма неблагоприятная. Остается сидеть дома и погружаться в средневековые сюжеты; ну, а в этой области впечатлений и ощущений неиссякаемый источник. Еще две лекции, и конец моему общему курсу. В общем, я доволен им, хотя пришлось ограничиться лишь выяснением генезиса основ феодального общества и государства (римская империя, эволюция ее общества и государства, разложение ее на ряд варварских государств, общество и государство древн. германцев и эволюция его у англосаксов, у остготов в Италии и у франков в направлении к феодализму). Лекции издаются (я даю готовый текст). В следующем году Рим и средневековая Франция до нового года, а с нового года уезжаю на год за границу (с мая нельзя было ехать по семейным обстоятельствам).

Жена и дети здоровы. Передайте от жены и от меня сердечный привет О. П-не и поцелуйте Володю. Помнит ли он меня и то, как он смотрел у меня Ивана Великого. Жду от Вас письма настоящего. До свидания. Летом будем жить

над Неманом возле Гродно. Куда Вы едете? Желаю Вам всего наилучшего.

Ваш Д. Петрушевский.

С.П. Моравский - Д.М. Петрушевскому

Москва,

18.VIII.1898 г.

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

Не клеится что-то наша переписка, несмотря на мое искреннее желание сохранить по возможности наши прежние хорошие, близкие отношения. Все лето я собирался Вам написать, но меня смущала некоторая, как мне казалось, неопределенность Вашего адреса: в самом деле, слова «возле Гродно» казалось всем нам более уместным в поэтическом или прозаическом описании местности, чем на конверте письма. Конечно, это не лишало меня возможности написать Вам, но, как Вы знаете, лень хватается за всякие пустячные предлоги, как утопающий за соломинку, - а в результате прособирался целое лето.

Только теперь берусь я за перо, получивши известие о Вашем отъезде за границу этой же осенью. Меня испугала мысль, что Вы уедете и я целый год не увижу Вас, не буду даже знать Вашего адреса, следовательно, не буду и писать, а Вы подумаете, что это по каким-нибудь другим причинам, кроме известной же Вам давно моей распущенности. Странно, и Вы и я, по-видимому, сохранили прежние чувства; иногда мне кажется, что Вы единственный человек, который может и должен остаться моим другом «по гроб жизни», а между тем отношения между нами чуть не прервались совершенно и, Бог знает, наладятся ли когда-нибудь вполне. Спасибо Вам, большое спасибо за последнее письмо. В ответ на него я могу сообщить Вам, что обстоятельства мои складываются, по-видимому, довольно благоприятно. Весной прошлого года был в Москве Гриша, и когда он спросил меня, когда же я выдержу экзамен, я не без мрачной иронии ответил: «Когда ты дашь денег, чтобы я мог не наваливать на себя столько работы». К удивлению моему, за этим последовал вполне серьезный разговор, который привел к тому, что Гриша даст мне субсидию в размере 1000 р. в этом году и 600 в следующем. В виду этого я сократил свои уроки, и вместо 30 уроков в n местах , как это было в прошлом году, у меня теперь 22 в трех местах (в Мариинском, у Алферовой и у Купчинской); никаких особенных занятий в связи с этими уроками (вроде VIII класса в первый раз) не предвидится. Посторонней работы я никакой не буду брать, в заседания и гости буду ходить лишь в случае крайней необходимости. Таким образом, у меня освобождается известное количество времени и энергии, которые я буду тратить целиком на приготовление к экзамену. Будь это несколько лет тому назад, я по этому поводу написал бы Вам восторженное письмо, полное самых радужных надежд, но теперь я как-то устарел для восторгов и надежд. Поживем - увидим: буду добросовестно работать, насколько

хватит сил, а что из этого выйдет, не знаю. Боюсь, не поздно ли начинать новую жизнь, что-то мало сил осталось. Лето я провел не особенно хорошо: и не отдохнул как следует (под конец даже совсем расхворался) и позаняться много не удалось. Даже этого проклятого перевода не кончил, хотя он уже и печатается: на месяц еще работы осталось. Я жил эти каникулы в Китаеве с Гришей (сначала и Володя был со мной, а Леля в Киеве, потом в конце июня они уехали в Демидовку, откуда Леля недели на две приезжала в Киев); ездил в Фастов, видел старое наше гнездо, был в Вьюнищах (где раньше жила Гога с Ниной), - и отовсюду на меня нахлынули воспоминания о далеком прошлом, которое кажется теперь таким прекрасным в сравнении с печальным настоящим... Пишите, голубчик, напишите хоть открытое письмо, чтобы я знал, что Вы получили это послание. Хорошо бы устроить так, чтобы наши письма перестали быть ежегодниками, а превратились бы хоть в двухмесячники вроде прежних «Вопросов Философии и Психологии».

Поклон Елизавете Сергеевне и всему Вашему семейству.

Искренно любящий Вас С. Моравский.

Д.М. Петрушевский - С.П. Моравскому

Варшава, Мокотовская, 56, кв. 7.

15.IX.1898 г.

Дорогой Сергей Павлович, Очень рад, что хоть заблуждение привело Вас к мысли подать, наконец, о себе голос после безнадежного молчания, которое Вы твердо хранили в прошлом году. Я действительно еду за границу и в самом деле на целый год, но только не сейчас, а с января (по январь). Чумазые, управляющие народным просвещением, конечно, как я и надеялся, не дали мне ни копейки на поездку в чужие края, но «не встретили препятствий» к тому, чтобы сам университет изыскал в своем собственном кармане средства для командировки «означенного э.-орд. профессора». И вот университет изыскивает; шестьсот руб. уже наскребли (у факультета осталась такая свободная сумма), и еще столько же, вероятно, найдется, а до полной суммы (1500 р., о которой совет ходатайствовал перед чумазыми) все-таки не доберут. И на том спасибо (если только университетский совет, в котором у меня немало доброжелателей на всякую мерзость, не воспротивится против такой непроизводительной траты специальных средств). Так. обр. с янв. я со всей своей фамилией двину за кордон и там предамся свободным наукам, для которых исполнение профессорских обязанностей не оставляет решительно никакого места. Где мы будем жить, и где и как я буду заниматься, об этом мы еще с Вами, надеюсь, успеем побеседовать и под русс (нрзб. - 1 сл.). Сейчас у меня на руках два новых курса - Рим (республика) для юристов 1го курса и историков и классиков 3го и 4го (Sic!) курсов и история средневековой Франции для историков 3го и 4го, и того 5 часов (1 час сверх абонемента, потому что экстраординарному полагается только 4 часа). Дело идет недурно, не хуже

прошлого года (о благодарственной речи и аплодисментах со стороны юристов за «такой интересный курс» и пр. и о заключительных аплодисментах историков старших курсов я кому-то из московских писал), ко взаимному удовольствию; и я и не замечу, как пройдет полгода. Семья моя еще на даче (в Гродненской губ.), но в субботу все уже будут в сборе. Вот и все пока о себе. А теперь перейдем к Вам. Мне чрезвычайно утешительно было слышать о Вашем материальном положении в данный момент. Мне только очень хотелось бы, чтобы на этот раз эксперимент, которому Вы себя теперь подвергаете, дал настоящий результат. Признаться меня несколько расхолодила цифра уроков, которые Вы все-таки нашли необходимым оставить и в этом году. Правда, при ней в наличности оказываются и соответствующие оговорки.

Но... Сергей Павлович, я слишком хорошо Вас знаю, и оговорки эти не много мне говорят. Боюсь, что Вы опять убедите и успокоите себя насчет того, что разве возможно заниматься чем-либо (кроме, разумеется, всевозможных программ, корректур и многого иного прочего, к экзамену магистерскому ровно никакого отношения не имеющего) человеку, который принужден давать столько-то и столько-то уроков (а цифра их у Вас в письме стоит немаленькая), человеку не выспавшемуся, не успевшему как следует отдохнуть на каникулах (дальнейшие подробности «блага» я Вам предоставляю сочинить)... А ведь вопрос идет о целой жизни (хотя Вы, кажется, уверены, что Вы уже успели всю ее исчерпать), и если Вы себя серьезно уважаете, то должны, как выражается у Диккенса какая-то дама, «сделать усилие», баловаться срок уже прошел. Все, что Вы говорите на тот предмет, что «не поздно ли начинать новую жизнь, что-то мало сил осталось», это для меня звук пустой: если человек кис до 30^{ти} летнего возраста, то это вовсе не значит, что он «загубил свою молодость» и чуть ли не прожил жизнь (или как это выражаются в изящной литературе); бросьте Вы всю эту бутафорскую психологию и принимайтесь за дело, а то ведь в самом деле окажется потом слишком поздно. Я твердо и самым серьезным образом уверен, что когда Вы покончите с экзаменами и примитесь за настоящую работу, с Вас как рукой снимет всю вялость, малодушие и всякую иную тину: живой же Вы еще человек и не превратились же Вы еще в классного чиновника народного просвещения. Пишите непременно, что и как. Ольге П-не мой искреннейший привет и поклон. Володю поцелуйте. Будьте бодры и мудры.

Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

Варшава, Мокотовская 56, кв. 7.

21.XI.1898 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Пользуюсь оказией и пишу Вам два слова, хотя Вы, по-видимому, забыли о самом своем искреннем желании иметь со мною хоть письменное обще-

ние. Будьте добры, передайте (*нрзб. - 1 сл.*) Смирнову (где он и действительно ли превратился в податного инспектора, об этом я понятия не имею; Москва, должно быть, обет молчания на себя наложила), а три выпуска Histoire generale собственнику оной; ему же, должно быть, нужно отдать и черновик Великой Хартии Вольностей, сочиненной Н.И. Романовым, почему-то у меня оказавшуюся. Это часть деловая.

Через месяц, если не раньше, я уже буду, если не особенно, то все же довольно-таки далеко от (*нрзб. - 1 сл.*) и экстраординарных проходимцев, составляющих большинство совета Варшавского университета (*нрзб. - 1 сл.*), это - явление для меня утешительное. Вы давали мне дружеский совет не спешить со вторым томом Тайлера. Совет хороший, но исполнить его в том смысле, как Вы бы этого желали, не так-то легко. До сих пор я действительно не спешил (нрзб. - 1 сл.) по той простой причине, что времени для него совершенно у меня не оказывалось. Думаю, что так довольно долго будет и впредь, если я раза четыре в неделю буду облачаться в вицмундир с (*нрзб. - 1 сл.*) пуговицами. Волей-неволей придется поторопить Тайлера за (нрзб. - 1 сл.), и я мечтаю даже с авг.-сент. будущего года начать его печатать в ж.м. нар. пр., посылая порциями в министерский журнал из-за границы. Едем мы все, т. е. жена моя и дети, а также бабушка Ел.Л. и няня (бывшая кухарка Маша). Поселимся на целый год в Дрездене, откуда буду делать экскурсии в Лондон (хоть раз) и в немецкие университеты, денег мне совсем не дали ни копейки, провалив даже назначенные (словесно т. е. (*нрзб. - 1 сл.*) факультетом из собственных командировочных (*нрзб. - 1 сл.*) 600 р. (28 голосами против 20). Придется довольствоваться экстраординарным жалованием и (*нрзб. - 1 сл.*) и те гроши, которые имеются у жены и детей. Деньги - металл презренный, и не в них суть. Так, вероятно, думают и мои слушатели, выразившие мне на деле свои симпатии дружными аплодисментами. С юношеством у меня дело ладится вообще, и это заставляет забывать о всяких неполадках и еще с большей энергией дуть и в ус, и в рыло чумазых господ из факультета и совета. Единственное у них против меня оружие - тайная подача голосов в денежных делах. Они, по-видимому, верили в его силу; но действительность опровергла их, и чуть ли не накануне (*нрзб. - 1 сл.*) заседания, решившего мой денежный вопрос, я крупно поговорил на факультете с одним из самых заядлых мерзавцев (*нрзб. - 1 сл.*) Кулаковским, который, конечно, не замедлил повести агитацию по всей линии. На заграницу я возлагаю много надежд - и уверен, что хоть часть из них я осуществлю в тихой и мирной немецкой обстановке. Пока я в Варшаве, постараюсь воспользоваться близостью Европы и буду ездить за границу по возможности каждое лето; к тому же дачи везде здесь так плохи, что лучше просто переехать границу, чем попадать в отечественную совершенно невозможную обстановку.

Как Вы, однако, живете? Неужели никаких перемен? Я все еще не теряю надежды, что Вы встряхнетесь и прекратите мелочную (*нрзб. - 1 сл.*) способ-

ностями и силами своей души и тела. Еще не поздно. Возьмите пример с Ивановского - с Вами, конечно, университет. Получил недавно от Кизеветтера письмо; пишет, что Виппер плох. Как он сейчас? Вернулся ли уже в Москву и поправился ли хоть сколько-нибудь. Мих. Мих. Хвостову скажите, что с его стороны молчание вещь непростительная.

Как поживает О. Павл. и Ваш наследник? Вы хоть бы об этом написали мне. Как Ваша физика. Кончили Вы, наконец, перевод Гиро или все еще не можете с ним расстаться? Много ли у Вас программ, корректур, заседаний, обсуждений и ets? Где Гершензон? Ходите ли в педагогическое общество и пользуетесь ли благодатью, излитой на него просвещенным владыкой через посредство «генерала» Виноградова? Уверен, что (нрзб. - 1 сл.) бесплатного обучения Вы все-таки не отвергаете. Пишите. Будьте здоровы. Елена кланяется О. Павл. и Вам; я тоже; поцелуйте Володю. До свидания.

Ваш Д. Петрушевский.

Drezden, Lueticharestrasse
16,1 (Pension won Rabenau)
9.II – 28.I.1899 г.
Дорогой Сергей Павлович,

У Мих. Осип. возникла идея (во время нашего разговора о Вас, в котором я Вас, конечно, поносил во всех направлениях) написать Вам коллективное послание. Коллективным оно не вышло, М. Ос. сначала сам сочинил, что ему следовало, а теперь и я хочу внести свою лепту. Мирно живу в первопрестольном граде Дрездене, в меру пью немецкое пиво (в противоположность русскому немецкое пиво и сам пью, и другим рекомендую), еще более умеренно посещаю галерею и иные прочие достопримечательности. И погружаюсь в свои английские сюжеты. На библиотеку здешнюю я не рассчитываю и поэтому запасся необходимым книжным провиантом, что не мешает иногда заглядывать в так называемый «японский дворец», где помещается здешняя королевская библиотека. Месяца на 1 S нужно будет съездить в Лондон, чтобы еще покопаться в (*нрзб. - 1 сл.*) Court Rolls (протоколы (*нрзб. - 2 сл.)* и Ministers' Accoumts, лежащих в R. Offiice, Вы, конечно, знаете, что для моих сюжетов это самый важный материал; им я уже и прежде занимался, а теперь хотелось бы употребить на него все время, когда буду в Лондоне. Пока я занят приведением в порядок и окончательной разработкой этой массы материалов, мыслей и комбинаций, которая успела накопиться в моих папках за эти годы. Некоторые главы думаю совсем написать до поездки в Лондон, другие же приготовить так, чтобы в Лондоне уже их закончить. Очень облегчает мое существование отсутствие варшавских впечатлений и с ужасом подумываю о том, что мне придется опять вернуться в эту поистине омерзительную пустопорожне-патриотическую, человеконенавистническую обстановку. Да и возвращение еще не так-то скоро.

Живем мы в пансионе, занимаем прекрасное помещение из трех весьма немалых комнат и оч. хор. питаемся. Устроились мы собственно по (*нрзб. - 1 сл.*) ценам очень недорого, даже по выражению некоторых «баснословно дешево», а все-таки на это уходят все гроши, которые громко именуются профессорским жалованием. А между тем мне предстоит еще и в Лондон съездить и в других городах (немецких) побывать. Ну, да как-нибудь выйду из затруднения. Университет, как Вы знаете, не дал мне ни гроша. Все мы здоровы. Дети даже расцвели. Жена довольно часто бывает в картинной галерее, хочет основательно ознакомиться с живописью, как она здесь представлена; вчера мы были в театре (на (*нрзб.)* - оркестр идеальный, но певцы ничего особенного, весьма в сущности посредственные. Напишите же что-нибудь о себе и о Ваших, а то вы, по-видимому, окончательно уже не желаете слушаться совета одной почтенной дамы из Диккенса, рекомендовавшей Вам «сделать усилие»). Что Вы делаете и что думаете делать с собой в ближайшем будущем и вообще? Кончили ли Вы, наконец, Гиро? Все-таки жду ответа. Жена просит передать свой привет О. П. и Вам. Передайте и от меня не менее сердечный привет О. П. и поцелуйте Володю (помнит ли он меня?) Как Ваш экзамен? Желаю Вам хоть самой посредственной энергии и желания ее иметь и тратить целесообразно. До свидания. Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

(Здесь же письмо М. О. Гершензона.)

Дрезден, 14/2 IV.1899 г.

(*Письмо общее - Д. М. Петрушевского и Григория Павловича Моравского - брата Сергея Павловича*). *Конец письма Г. П.* - «Мы много с «Петрушей толковали о тебе и о том, будешь ли ты магистром и засим профессором; я сказал, что ты мне категорически обещал, что бросишь все частные «кустарные» (т. е. дающие лишь ничтожную пищу желудку, но не душе) работы и займешься исключительно подготовлением к экзамену эти два года. Первый академический год скоро оканчивается; интересно было бы мне знать, много ли ты успел сделать для экзамена?»

Д. М. - для меня это также очень интересный сюжет, дорогой Сергей Павлович, тем более, что Вы решили, по-видимому, совсем молчать на все мои обращения к Вам. Сегодня еду в Лондон, пробуду там месяца 1 - 2. Семья моя живет уже третий день возле Дрездена на лоне природы, но со всеми европейскими удобствами, деревня в Buelau bei Dresden (Theresien Stras-Se, 3 (Villa Anna), где и пробудут до 3го октября. Получил на днях письмо от Надежды Федоровны (очень кланяйтесь ей и скажите, что ответ пришлю, как только приеду в Лондон) с очень приятным для меня известием, что Вы лучше выглядите теперь, чем прежде. Продолжайте в том же духе и дальше. Еду я, имея в кармане сейчас разменянный чек от Об (нрзб.)горского из «Образования» авансом за статью, на днях ему отправленную «Тенденции современной

исторической науки». Сегодня получил от Любовича письмо, что факультет постановил выдать мне 400 р. и совет утвердил это постановление; на днях будет баллотировка в совете. Есть основание предполагать, что на этот раз совет (нрзб. -1 сл.) и не провалит. Я не просил теперь денег; факультет сделал это по собственной инициативе. Как живете? Что О. П-на? Передайте ей большой поклон от жены и от меня. Поцелуйте Володю. Скажите ему, что у меня тоже есть маленький мальчик и девочка. Жена Вам кланяется. Будьте здоровы. Желаю Вам побольше бодрости. Встряхнитесь и будьте хоть немножко достойны своих способностей. Припомните писание о талантах. Ну, да что говорить. Вы и сами знаете, что и как. Еще раз будьте здоровы.

Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

Варшава, Кошиковая, 13, кв. 7.

24. V.1900 г.

Дорогой Сергей Павлович, большое Вам спасибо за Ваше дружеское предложение. Много шансов за то, что я им воспользуюсь. Московское уединение имеет огромные преимущества, заключающиеся в простом факте возможности по желанию прервать его. Не знаю только, удастся ли мне выбраться из Варшавы так, чтобы поспеть в Москву еще на Вас. Мне очень было бы жаль, если бы мне не удалось повидаться с Вами и до лета. В августе, надеюсь, Вы приедете в таких числах, что мы еще будем видаться.

Как Вы нашли моих маленьких? А Вашего Володю мне все не судьба увидать. Ведь он совсем большой мальчик. Ведь целых шесть лет я не видал его. Ничего особенно интересного рассказать о себе не могу. Экзаменую и пишу понемножку. Третья глава идет к концу; остается еще 4ая да только она, должно быть, выйдет пребольшая. Ничего не поделаешь, придется эту работу писать несколько иначе - с черновкой: уж очень сложные все сюжеты. Получил от редактора Ж. М. Н. Пр. письмо. Пишет, что охотно напечатает мою диссертацию, да только неуверен, можно ли будет начать ее печатание раньше октября-ноября (а я просил, нельзя ли с августа). Читал как-то в «Р.В.», что Вы произведены в генералы от учебного отдела. Правда ли это? Признаюсь, известие это отчасти утешило меня. Ну, да об этом мы с Вами еще потолкуем? Пишет мне и Антоний. Между прочим, сообщает, что Ваша Маша хочет на несколько недель уехать на лето. Едва ли это может быть для меня помехой, т. к. и я сам могу уехать к своим на те же недели. Ну, пока до свидания. Не считайте это за письмо. Очень обнимите за меня Антония.

Ваш Д. Петрушевский.

12. VI. 1900 г.

Дорогой Сергей Павлович. Черкните два слова, когда едете, вернее - сколько времени еще пробудете в Москве. Оказывается, что постоянным пунктом моего летнего пребывания спокойно (нрзб. - 1 сл.) может быть Демьяново (г. Клин Моск. Губ., Демьяново), но я часто буду ездить в Москву и ее окрестности. Если зайдет к Вам Гусаков, скажите, что книжки доставлю потом. Гершензону, Антонию, (нрзб. - 1 сл.) мой искреннейший привет. До свидания.

Ваш Д. Петрушевский.

Варшава, Кошиковая, 13, кв. 7.

11.V.1901 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Завтра вечером двигается в Москву моя обширная фамилия и прибудет к месту назначения в понедельник в $12^{м}$ часу дня и останется в Москве на несколько дней (Хамовнический пер., д. Н. С. Щелкана). Не взглянете ли на мое потомство, крайне самостоятельное и необузданное, но не лишенное достоинств физических и моральных. О самом младшем члене его Вы еще и понятия не имеете. Тем более любопытно будет познакомиться с ним. Я приеду числа $10^{го}$ июня, если не позже; не теряю надежды повидаться хоть с Вами (О. П. наверное скоро уедет, если не уехала уже). Слышал о Вас хорошие вести (о Вашей деятельности по генеральской части) и очень порадовался за Вас. Может, черкнете две строчки, не дожидаясь вдохновения для большого письма. Буду печатать свою работу в Москве и к сентябрю думаю кончить. Наш искренний привет Ольге Павловне. До свидания. Володю поцелуйте.

Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

Что Гершензон? Заремба? Каллаш?

Варшава, Кошиковая, 13, кв. 7.

22.V.1901 г.

Дорогой друг Сергей Павлович, Мне очень приятно было получить от Вас письмо; мы молчали с Вами по целым годам, но каждый из нас прекрасно знает, что это молчание ни на йоту не ослабляет тех дружеских, чисто сердечных уз, которые соединяют нас и соединили навеки. Я очень рад, что Вы познакомились с моими маленькими, что из них выйдет, я, конечно, не могу предсказывать, но мне кажется, что уже и теперь у них есть задатки к тому, чтобы из них при благоприятных условиях вышли люди, не слишком далекие от тех точек зрения, которые представляются более других правильными их родителям, временами эти крайне беспокойные элементы немало досаждают мне и иногда совсем выбивают из нормы, но за каждый волос на их буйных головках я готов без колебаний отдать всю свою жизнь. Может быть, это и неправильно с общей точки зрения, но это так. Я очень рад, что Ваша принявшая такие широкие

размеры общественная и педагогическая деятельность дает Вам нравственное удовлетворение и ряд живых и жизненных впечатлений. Живые и жизненные впечатления - ведь это главное. И не только Вы получаете сами живые впечатления; оказывается (так мне пишут из Москвы), Вы вносите также и в других, соприкасающихся с Вами на этих поприщах («Моравский сделался председателем учебного отдела, а также исторической комиссии при Педагогическом обществе. В обоих этих учреждениях он работает весьма деятельно, и благодаря его энергии вдруг откуда-то стали появляться и референты, и рефераты, и после долгой летаргии оба учреждения воскрешены к жизни»). Профессорская деятельность, несомненно, является для идеалистически настроенных юношей объектом фетишизма, и если сделать надлежащую сравнительную оценку этой деятельности и такого живого дела, как то, во главе которого стоите Вы, то еще вопрос и весьма большой вопрос, кто более полезный гражданин, ординарный ли или экстраординарный изготовитель лекций и подлежащих зубрежке и забвению записок, или же организатор настоящей живой работы на общую пользу. Повторяю, я очень рад за Вас. Немало доставили бы мне радости, если бы Вы имели возможность в часы досуга (а есть ли они у Вас?) медленно и незаметно сделать хоть небольшую научную работу, в которой Вы свободно проявили бы все свои научные силы, ясность и точность мысли, способность к настоящему научному анализу; и я все не теряю надежды, что у Вас когда-нибудь да окажется такая возможность.

Что сказать Вам о себе? Сделал я в этом году опять исторический семинарий, и он оказался весьма успешным, если судить по числу работ и по рвению, с каким взялись за эти работы студенты, очень склонные к живой мысли и к живой работе. Семинарий у меня был необязательный, а в результате много (сравнительно, по здешнему) рефератов и несколько настоящих учеников. «Критический анализ основных точек зрения Ф. де Кул (нрзб.) в «Citй Antique» в свете современной исторической науки», «Историко-экономическая схема Бюхера и Римская история»; «Вопрос о сельской общине в Западно-европейской исторической литературе» (преимущественно анализ Ф. де Куланриа и Сибома), «Социальный строй германцев по Цезарю и Тациту», «Политический строй германцев по Цезарю и Тациту» - вот темы, который я давал своим студентам, и они очень заинтересовались ими и понюхали настоящей исторической науки. Задал я в этом году и медальную тему «о колон*(нрзб.)»* и нашелся охотник, очень дельный юноша. Одного собираюсь вместе с Любовичем оставить при университете, очень талантливый, очень много сделавший и хорошо организованный юноша. Диссертацию привожу в печатный, вернее сказать, годный для печати вид (занятие не из веселых). Летом думаю напечатать. Кланяйтесь Зарембе, Каллашу. Будьте здоровы. Не забывайте. До свидания. Ольге Павловне большой поклон. Володю поцелуйте.

Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

Варшава, Кошиковая, 13, кв. 4.
14.V.1903 г.
Дорогой Сергей Павлович,

Я очень рад Вашему письму и питаю слабую надежду, что Вы и еще как-нибудь мне напишете. О московских шансах я теперь, по-видимому, окончательно приучил себя вовсе не думать, да и вообше ни о каких перспективах, кроме самой прозаической жизни я не размышляю (и о ней, впрочем, вовсе не думаю) теперь, а существую просто изо дня в день, по мере сил отбывая повинность жизни. В последнее время (так месяца два) чувствую какое-то чисто физическое бессилие, так что и наука не слишком быстро двигается, К счастью удалось-таки справиться с книгой, и в скором времени она увидит свет. В общем назову ее удачной, а местами и вовсе недурной. Что скажете Вы о ней? Сейчас вот во что бы то ни стало должен писать Великую Хартию для «Р. Б.» (Русского Богатства) и никак не могу начать ее; и работа не бог весть какая сложная, тем более, что в качестве главы книги *(нрзб. - 3 сл.)* изготовлена мной, и *(нрзб. - 1 сл.)* значит, идеи мои о ней получили надежную формулировку и постановку; нужно только все это распланировать несколько иначе и поставить на более общую почву. Хочу кончить до лета непременно, чтобы летом засесть за чтение общего курса средних веков, который хотелось бы основательно обновить, заполнить для этого массу зияющих пробелов в собственных знаниях. Жить мы будем летом там же, где жили и прошлым летом (Закрочим, Варшав. Губ., деревня Галахи, имение Корниловых). Хотелось бы мне очень съездить в начале июня в Киев, хоть на неделю повидаться с родными и с приятелями, да едва ли это удастся: все металл проклятый не пускает. А приятно бы было тряхнуть стариной, вспомнить зеленые времена наших дружеских заседаний у «Антона» и в иных местах. Только уж стары мы очень стали, и едва ли что-нибудь сносное вышло бы из наших собраний. Получил как-то письмо от Игната; не переписывались мы с ним чуть ли не целый десяток лет; и вот теперь ему понадобились биографические обо мне справки для «большой энциклопедии», где он заведует историческим отделом, уже добравшимся до буквы «п»; пишет, что должно быть, я совсем отряхнул киевский прах от ног своих, что не показываюсь вовсе в Киеве, и жалеет, что я не выставил своей кандидатуры на кафедру Лучицкого, почему-то забывая, что ведь я новой историей не занимаюсь и что кандидатом на нее был Пискорский, у которого я вовсе не собирался оспаривать то, что ему по праву надлежало бы. Впрочем и Пискорский не занял этой кафедры; хотя за него высказался Лучицкий, но восторжествовало в факультете особое мнение Флоринского и выбранным оказался все тот же Ардашев. И на кафедру Фортинского они найдут такого же. Я, во всяком случае, не собираюсь выставлять своей кандидатуры; я и Варшавой сыт по горло, довольно с меня и этого суррогата. Я думаю, что займет там кафедру Ясинский, если только

пожелает расстаться с Дерптом. И пускай его.

Ваш инцидент с Некрасовым напомнил мне мой анекдот с ним. Воспользовались ли Вы его предложением изложить Ваши объяснения по поводу слов известного эмигранта Виноградова надлежащим образом, т. е. насмеялись ли Вы над (*нрзб. - 1 сл.*) так, как он и присные его того заслуживают? А очень удобный был случай, не хуже моего. Не знаете ли Вы адрес Вл. Н. Ивановского. Если знаете, немедля черкните мне его. Дело в том, что у нас с сентября освобождается кафедра философии. В противность прежним *(нрзб. - 1 сл.)* Шварц взял это дело в свои руки и списывается с Парубецким и Лопатиным, не укажут ли они кандидата, которого Шварц и назначит (если доцентом, то собственною властью, без министра). Я не знаю, кого Парубецкий и Лопатин ему укажут. Во всяком случае Вл. Ивановскому не мешает знать об этом деле. Когда увидите М.Н. Покровского попросите у него для меня оттиск его статьи во втором издании «Книги для чтения по истории средних веков» (о «Хозяйственной жизни в Европе к концу средних веков»; он говорил, что она будет *(нрзб. - 1 сл.)* для второго издания). Собирается ли он читать пробные лекции? Где Гершензон? Вашего «Ганото» все не получил, хотя он «при сем и прилагается», как уверяете Вы в письме. Жена шлет Ольге Павловне и Вам свой искренний привет. Я тоже и целую Володю. Надеюсь, что он не провинился. Кланяйтесь Антонию и его жене. Будьте здоровы.

Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

Варшава, ул. Шопена 6, кв. 17.

25.I.1904 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Сейчас получил Ваше письмо. К великому моему сожалению, должен сообщить Вам, что «благотворительный фонд» весь истощился, и у меня в столе не сохранилось от него ни одной копейки, так что он не может служить Вам. Если Вам необходимо нужно, то известите, я обращусь к нашей университетской кассе взаимопомощи.

Мне писал Кизеветтер о бумаге г-жи Павловой, которую читали в заседании исторического отделения при гомерическом хохоте всех присутствовавших. Может быть, выход в отставку Зенгера перемешает все карты, и дело это этим гомерическим хохотом и кончится. Впрочем, и этого сказать наверное нельзя. Кто заместит Зенгера? Мои дела тоже не блестящи, как оказывается, и для меня весьма не лишено интереса, кто именно заместит Зенгера. Если Шварц, еще ничего; но если Зверев, - тоже не пришлось бы менять «род жизни». Говорю это совсем серьезно. В университете у нас как будто все вошло в колею, хотя суд еще не кончился и, должно быть, еще не скоро кончится.

После Москвы Варшава показалась мне еще тягостнее и безнадежнее и с самого момента возвращения опять погрузила меня в уныние и тоску.

Она с каждым годом становится невыносимее, превращая все более и более в хроническое мое угнетенное настроение. Так она действует и на всех наших знакомых, и можете поэтому вообразить, как (нрзб. - 1 сл.) действует наше взаимное общение. Единственно выручают университетские занятия. Не буду продолжать, иначе и Вас вгоню в тоску. Будьте здоровы. Мой искренний привет Ольге Павловне. Поцелуйте Володю. Искренне любящий Вас Д. Петрушевский.

СПб. Университет, Коллегия Александра II, № 44.
14.VI.1907 г.
Дорогой Сергей Павлович,
Был у кого надо, и мне категорически было сказано, что как только поступит от москов. попеч. представление о Вас, Вас немедленно же утвердят. Прочел уже я свои лекции при великом внимании большой аудитории и теперь рыскаю по Петербургу и его окрестностям, посещал старых друзей. Утвердили меня в деканате. Вернусь в Москву в воскресенье или в понедельник. Привет Ольге Павловне.
Ваш Д. Петрушевский.

Г. Звенигород (Москов. Губ.)
Шараповской волости
Имение Ястребки.
3.VII.1907 г.
Дорогой Сергей Павлович,
Получил сегодня от Осипа Петровича письмо. «Сегодня», пишет он 1-го июля, «написал попеч. Моск. учебн. Округа о моем согласии на назначение Моравского. Рад буду, если он, оставляя Москву, оставит в ней и все свои слабости. В таком случае я буду очень счастлив, так как с одной стороны мы приобретаем умного, образованного и талантливого человека, а с другой, не будем отказывать в утверждении избранного человека, чего я очень не люблю. Я очень просил бы Вас только повлиять на него, так как проявление на новом месте служения его слабостей заставит принять меры, которые могут быть для него очень тяжелы, но будут вызываться существом дела, Думается мне, что поддержка старых друзей может много сделать, чтобы обеспечить его от необдуманных поступков».

Таким образом, могу от души поздравить Вас и Ольгу Павловну с переходом в более благоприятные условия и пожелать Вам от всего сердца, чтобы в этих новых условиях и Вы совсем обновились, дали свободный ход всем своим способностям, воспрянули, отряхнули прах от всего того, что так засоряло Вашу внутреннюю жизнь и делало еще более тяжелым Ваше внешнее существование. Вам представляется полная возможность показать себя во

весь рост Ваших дарований, общественных и педагогических вкусов и навыков и сразу же поставить и гимназию, и себя на ту высоту, на которой она ярко засветила бы не только для одного Ростова. Думаю, что и для науки у Вас окажется не совсем малое место, и, приезжая к Вам в гости, я буду находить в Вашей библиотеке все новые и новые приобретения не по одним ростовским древностям. Не говорю уже о чисто директорском деле. Ведь в этом отношении Вы поставлены в чрезвычайно благоприятные условия: гимназия только возникает, Вы ее будете крестить и давать ее жизни то направление, какое вполне соответствует Вашим понятиям и чувствам. И это не одни слова с моей стороны. Я обстоятельно беседовал с Осипом Петровичем о многих вопросах школьного дела и увидел в нем ревностнейшего сторонника свободной инициативы и нешаблонных методов и путей *(нрзб. - 1 сл.)* людей, стоящих во главе учебного заведения, так что возможность поставить школу по-новому представляется Вам полная. Как ни хлопотлива будет Ваша деятельность, в особенности на первых порах, но ее обстановка и характер будут таковы, что дадут Вам возможность отдохнуть и телом и душою от московского кошмара. Ведь Вас больше не будут рвать на части, не будут ежечасно и ежеминутно гонять сквозь строй тысячи маленьких дел. Вы будете иметь возможность сосредоточить свою энергию на одном, сложном, правда, но все же одном и топографически и по внутреннему существу деле и, следовательно *(нрзб. - 1 сл.)* по-настоящему, я уверен, что не пройдет года, и Вы сами себя, и мы Вас прямо-таки не узнаем: от Вашего уныния не останется и следа, у Вас явится бодрость, энергия и жизнерадостность человека, твердо идущего по дороге, вполне соответствующей его вкусам и симпатиям, бодро и жизненно заинтересованного развитием хорошего дела, им самим организованного и направленного. Морщины исчезнут с Вашего лба, и глаза засветятся былым блеском. Уже одна возможность стоять во главе большого и сложного дела и направлять его сообразно своим собственным идеям и вкусам сразу же стряхнут с Вас, я в этом уверен, всякое уныние и апатию. Я очень счастлив, что хоть в слабой мере приложил руку к Вашему переходу благодаря счастливой комбинации совсем не от меня зависящих и без всякого моего участия сложившихся условий, и уверен, что благодаря этому переходу Ваша жизнь сложится совсем по-иному на радость Вам с Ольгой Павловной и на пользу русской культуры. Будьте здоровы. Пишите, как только будет что интересное о себе и о своем деле сообщить. Наш общий сердечный привет Ольге Павловне и Вам. Поцелуйте Володю. Жена и Лиля очень жалеют, что Вы не будете учить в Алферовской гимназии. И Пава сожалеет, что Вы уезжаете из Москвы.

Любящий Вас Д. Петрушевский.

СПб. Лесной. Старо-Парголовский просп., 39.
30.IV.1915 г.

Дорогой Сергей Павлович, Вы, к сожалению, не пишете, на какое отделение хотел и хочет поступить юноша, о котором идет речь. Если на наше, то подробно поговорю на основании текста Вашего письма с нашим деканом, хорошо известным Вам в старые времена Андр. Георг. Г(нрзб.). Да и Вам лично в таком случае очень и очень было бы не худо обстоятельно написать о юноше ему самому (не забыв упомянуть, что он в прошлом году подавал прошение). Адрес декана: СПб., Лесной, Политехнический институт, проф. А. Г. Г. (профессору для того, чтобы письмо не попало в студенч. *(нрзб. - 1 сл.)* и не застряло там). Будьте здоровы.

Любящий Вас Д. Петрушевский.

Почт. ст. Селлямяки (Эстлянд. губ.)
Тюрсель, дача 3.
22.V.1915 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Как видите, живу я на Балтийском море, куда приехал третьего дня (и уже застал здесь своих; они здесь с понедельника не в полном составе; двое старших детей уезжают на некоторое время в другие места) и намереваюсь оставаться до сентября. Здесь еще не все как следует распустилось, и дачников еще мало, прохладно и в общем очаровательно. Гу*(нрзб.)*ков получил Ваше письмо. Результаты выяснятся к концу лета (конкурс аттестатов), тогда и сообщу их. Все мои шлют Вам привет. Если во время странствий встретите общих друзей, кланяйтесь. Будьте здоровы.

Ваш Д. Петрушевский.

С.П. Моравский - Д.М. Петрушевскому

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

Подательница сего письма Елена Георгиевна Лопатина, которую Вы, кажется, знаете. Она просит меня устроить ей как-нибудь свидание с Герасимовым, чтобы посоветоваться с ним как с человеком сведущим в разных школьных делах. Мне кажется, Вы могли бы это сделать через Кизеветтера, у которого Осип Петрович бывает каждый раз, когда приезжает в Москву, а это случается с ним нередко, как он сам мне говорил (на возвратном пути из Киева я встретился с ним в «Праге» и свидание вышло очень хорошее).

Ваш С. Моравский.

Всем Вашим поклон. Елене Георгиевне очень важно устроить этот разговор с Герасимовым, а поэтому я очень просил бы Вас оказать ей всяческое содействие в этом.

Ростов

19. IV.1923 г.

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

Прежде всего, большое Вам спасибо, что вспомнили обо мне, и за Ваше доброе ко мне отношение. Теперь я стал к этому особенно чувствителен, и мысль, что у меня еще есть на свете человек, которого я могу назвать другом, меня трогает чуть не до слез.

Что касается существа дела, т. е. вопроса о переезде в Москву, то дать Вам определенный ответ на него я прямо затрудняюсь, и чем больше думаю, тем сложнее он мне представляется. Изложить Вам все соображения за и против было бы очень долго, и я боюсь, что не успею этого сделать до прихода того человека, который отвезет это письмо в Москву Мороховцу для передачи Вам (я до сих пор не верю в теперешнюю почту и всегда предпочитаю ей оказию). Я хочу приехать в Москву, и тогда мы с Вами обо всем поговорим подробно; я ведь семь лет не был в Москве и очень хочу ее посмотреть и людей повидать. Через месяц-полтора, я думаю, мне удастся это сделать.

Коротко говоря, дело с моим переездом стоит таким образом: за переезд соображения не материальные, а так сказать, моральные. В последнее время я начинаю делаться лишним в Ростове, и меня начинают немножко третировать ex canaile, к чему я, правду сказать, не привык. Затем, мне хочется провести последние годы своей жизни более интересно и осмысленно, чем та жизнь, которая складывается для меня теперь здесь. Против переезда множество чисто практических соображений, о которых сейчас некогда говорить, но многие из них очень серьезны. Так обстоит дело в данный момент: но в то же время я всегда могу опасаться, что через месяц-два или через полгода положение мое в Ростове станет настолько невыносимо, что я плюну на все практические соображения и уеду куда бы то ни было и на каких угодно условиях.

Пока я просил бы Вас наметить что-нибудь конкретное для меня в Москве, и мы с Вами это обсудим, когда увидимся.

Кроме того, я очень был бы не прочь заняться какой-нибудь литературной работой; но для писания каких-нибудь статей нужны источники и пособия, которых у меня, конечно, нет. Если бы я получил от Вас тему и все нужные для нее материалы, я с удовольствием взялся бы за дело. Очень было бы хорошо получить заказ на какой-нибудь перевод с французского; это я сделал бы и скоро и хорошо. Я уже наводил справки в Москве, но Чефранов сказал, чтобы я сам выбрал тему, а я здесь, конечно, не могу этого сделать.

В заключение, еще раз спасибо Вам и Покровскому: от него я, правду сказать, не ожидал, что он ко мне так хорошо отнесется.

До свидания. Крепко-крепко целую Вас; всем Вашим искренний привет. Любящий Вас С. Моравский.

Д.М. Петрушевский - С.П. Моравскому

Москва 2. Земледельческий пер., д. 13, кв. 16.

1.XII.1931 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Я написал о Менгденах Николаю Прокофьевичу Василенку, просил его сообщить об этом другим нашим с ними друзьям и сказал ему, что Софья Александровна зайдет к нему. Очень прошу Вас, не откладывайте дела в долгий ящик и немедленно напишите Софье Александровне и сообщите ей адрес Василенко: Тарасовская, 20. Жену Василенко зовут Нат. Дм. Пишу Вам, я хотел лично сообщить Вам это при свидании, но боюсь, что Вы отложили свидание это на неопределенное время, хотя и не теряю надежды, что это свое намерение доставить мне великое удовольствие, навестив меня, Вы не оставили. Крепко Вас обнимаю и шлю сердечный привет Вашим. Будьте здоровы.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Москва. Земледельческий пер., д. 13, кв. 16.

23.I.1935 г.

Дорогой Сергей Павлович, следующее воскресенье, 27го числа в 9 часов вечера у нас на дому будет панихида по Елизавете Сергеевне: уже прошел год, как ее нет с нами. Если у Вас окажется возможность быть в этот день и час с нами, доставите нам большое утешение. Крепко обнимаю Вас и шлю сердечный привет Вашим.

Ваш Д. Петрушевский.

Москва 2. Земледельческий пер., д. 13, кв. 16.

7.III.1935 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Все мечтаю добраться до Вас, и все не хватает сил на такое, казалось бы, не очень трудное путешествие. Совсем я развалился и с каждым днем все меньше и меньше становлюсь к чему-либо годным. С трудом читаю сколько-нибудь научные вещи, а о серьезных научных занятиях и думать не приходится. Сижу, вернее сказать: лежу дома, выползаю (да и то не всегда) на самую короткую прогулку недалеко от дома. Нечего и говорить, что ни в какие заседания, ни на какие доклады не хожу. Все время чувствую и физическую, и душевную усталость, и самый процесс существования угнетает меня. Всею душою стремлюсь к Вам и не могу сделать необходимого для этого усилия. Бессонницей не страдаю, но с трудом встаю и при этом чувствую себя несчастнейшим из людей. К вечеру совсем уже никуда не годен. Слишком уж долго задержался я на этом свете.

Ник. Прок. Василенко написал мне о Менгденах. Они очень бедствуют. Пик. Андр. работает служителем в лаборатории, а С. А. разносит книги по

домам. Им надо писать на имя Людм. Мих. Черняховской (урожд. Старицкой, от которой и получены эти сведения) на улице Гершуни (быв. Столыпинская). Если будете что- нибудь посылать им, имейте в виду и меня.

Крепко Вас обнимаю, целую Ваших девочек и кланяюсь Вашей жене. Будьте здоровы и не берите с меня примера.

Всею душою любящий Вас

Ваш Д. Петрушевский.

Москва 2. Земледельческий пер., д. 13, кв. 16.

2.I.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович, Вот что пишет мне вдова Н. П. Василенко о Менгденах: «У меня была Л. Мих. и сообщила, что положение их ужасно: муж служил помощником дворника в каком-то институте, но институт этот в прошлом году перевели в Харьков, и он остался без места. Поступил ночным сторожем, простудился и лежит до сих пор, кажется, с воспалением легких. По выздоровлении же снова будет безработным, т. к. нести эту службу зимой он не в силах. Она разносит книги по домам и получает около 60 р. в месяц. Напоминаю Вам адрес Людм. Мих. Черняховской: улица Гершуни, д. 31, кв. 18. Не забудьте и меня.

Сижу пока безвыходно дома, иногда целыми днями и вовсе не выхожу. Никаких особых болезней у меня как будто и нет, но я все никуда не гожусь. Соответственно и чувствую себя.

Привет всем Вам. Крепко Вас обнимаю. Будьте здоровы и благополучны.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Без даты.

Дорогой Сергей Павлович,

Вася просит Вас сообщить, когда бы он мог найти Вас в б. Рум. Музее для получения от Вас обещанных Вами указаний. Телефон наш Г. 1.42.65.

Музей, говорят, закрывается первого июля. На июль я уезжаю в Болшево.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Москва 2. Земледельческий пер., д. 13, кв. 16.

18.VI.1939 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Спешу довести до Вашего сведения, что я нашел среди своих книг книжку проф. А.Н. Ясинского «Происхождение и история азбуки» и во всякое время она к Вашим услугам. Очень был вчера рад видеть Вас у себя, да еще с Вашей милой дочкой. То же скажу о Васе и его жене. Когда буду здоров, не замедлю повидать всех Вас. Временами мне кажется, что моя голова окончательно забастовала. В таком положении очень скучно и тяжело существовать, когда

и без того невесело. Крепко обнимаю Вас и шлю сердечный привет Вашим. Будьте здоровы и благополучны.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д.6.

5.XI.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Узнал от Александра Иосифовича Ваш адрес и пишу Вам, что я в Казани с двадцатых чисел июля (с 24.VII), и что со мной приехали сюда Вася с Ниной Дмитр. и Сереженькой, а также Лиля с Левочкой и Олечкой, Вы, может быть, уже знаете. Устроились мы здесь более или менее сносно в двух небольших комнатах в одноэтажном доме одного здешнего профессора, с садиком с цветами и жили в теплые месяцы как на даче, т. ч. дети целыми днями были на воздухе. И сам профессор, и его жена прекраснейшие люди, и это тоже очень большое благо. Живем мы вдали от центра, куда я очень редко заглядываю и очень плохо его знаю. В том же доме живет Е.А. Косминский с женой, двумя сестрами жены и племянником. Завтра все они уезжают с Институтом Истории в Ташкент, а если там не найдется места для И-та, то оттуда двинутся в Алма-Ата, где тоже может не оказаться для И-та места. Уезжают с ними Греков, Веселовский и Богоявленский и целая толпа никому неведомых сотрудников И-та и их иждивенцев. Ехать они будут в самых тяжелых транспортных условиях. Я, конечно, остаюсь в Казани, так как перенести чуть ли не месячное путешествие такого характера не считаю себя способным, как и моих маленьких внуков. Из Москвы в Казань я ехал четыре с малым дня и притом летом и в хорошем твердом (от мягкого я отказался) вагоне, и то после этого пришлось отлеживаться больше месяца. Вася после долгих поисков нашел, наконец, место, куда надо ехать два часа в один конец, и очень устает уже от одного передвижения. Левочка поступил в здешний университет сначала на математический факультет, потом перешел на филологический, на словесное отделение, отбывал колхозную повинность, потом учился некоторое время, а сейчас роет вместе с университетом с ректором во главе окопы. В Казани больше месяца назад оказался и Андрюша, и мы часто видели его.

В Москве осталось очень мало историков, чуть ли не один Н.П. Грацианский, спокойно там существующий. Как раз сегодня получил я от него письмо, в котором он и мне советует никуда не уезжать. Готье, Бахрушин, Пичета и, повидимому, Виппер уехали в Ташкент, где население, говорят, увеличилось до двух миллионов. Эвакуирован из Москвы очень этого не желавший Дм. Андр. Кисловский вместе с Петровской Академией в Самарканд 19.X, но вестей от него еще нет, и Лиля пока остается в Казани. Академия все еще работы своей не организовала и остается в Казани с рядом своих Институтов. Никаких препятствий оставаться в Казани со стороны Президиума Академии я не встретил.

Как я уже сказал, переезд из Москвы стоил мне больше месяца полной прострации, и только постепенно я стал восстанавливать свои силы. Виноват был не один переезд. Тут дала себя знать вся та трепка, которую пришлось перенести перед ним, переезжая из Москвы в Петр.-Разум., оттуда опять в М-у, из М-ы в Болшево, из Б-ва через 13 дней в Мамонтовку, а оттуда опять в М-у, чтобы оттуда на другой день в Казань в безобразно спешном порядке. И все это взамен обычного летнего отдыха. С течением времени здоровье мое поправилось и в некоторых отношениях стало лучше, чем было в Москве, благодаря прогулкам и умыванию ледяной водой до пояса. Несколько книг я взял с собой, чтобы продолжать работу над социальной стороной политического кризиса в Англии во второй половине XIII в., но работа двигается очень медленно пока, не теряю надежды, что она все-таки будет двигаться к намеченной цели. Живу я вдали от Академии и территориально, и социально. Только с одним Евг. Ал. Косминским общаюсь по-настоящему. Часто вспоминаю прошлое, из которого только Вы и Владимир Эммануилович остались. На днях встретил женатого на племяннице Павла Гавриловича члена-корр. Круза, и он сообщил мне, что Наталья Гавриловна уехала из Москвы, что Александра Гавриловна в Тамбове и очень больна, а Серафима Гавриловна осталась в Петербурге со своей дочкой, окончившей тамошний Политехн. И-т, что муж ее Ив. Серг. Щегляев умер два года назад. Как давно все мы живем. Ведь и Виноградовым уже за 70 лет. А ведь мы знали их, когда им было по 20 с чем-то лет, и Павел Гаврилович был еще совсем молодым генералом. А сколько друзей оставило уже этот мир. И почти все они были моложе меня. Обо многом хотелось бы побеседовать с Вами. Материала много и персонального и неперсонального. А пока крепко-крепко обнимаю Вас, бесценный друг, и от всей души желаю Вам и Вашим здоровья, бодрости и сил и шлю самый горячий привет от себя и от своих.

Всеми силами души любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

С.П. Моравский - Д.М. Петрушевскому

Село Хмельники.

23.XI.1941 г.

Дорогой Дмитрий Моисеевич,

Опять судьба разбросала нас с Вами по разным концам, если не света, то РСФСР. Кто знает, когда и где мы теперь с Вами увидимся. Очень бы хотелось, чтобы это было в Москве и как можно скорее. Я живу в деревне, отстоящей от Ростова (на запад), ближайшего города и железнодорожной станции, на сорок километров. Приехал я сюда провести как обычно летний отпуск, а живу вот уже пять месяцев и неизвестно, сколько еще буду жить. Живу скверно и боюсь, что дальше будет еще хуже.

Наступает самое темное время года, а у нас керосина хватит не больше, как на месяц, да и то, если сидеть с лампой не больше 2-3 часов в день. Спичек

нет, и с большим трудом приходится доставать то там, то здесь одну коробочку. Стекло в лампе треснуло и верхняя часть его отвалилась. И вот лежишь в темноте и думаешь: что же будет, когда ночь будет продолжаться 17 часов, а у нас не останется ни одной спички, ни капли керосина и стекло на лампе совсем развалится. Часов у нас нет; книги, которые привезли, давно прочитаны. Уборной моей служит скотный двор, где температура такая же, как на улице. Мылся я два месяца тому назад, и умываюсь-то не каждый день. Уже теперь высчитываю, сколько осталось дней, когда ночь начнет убавляться, и сколько до наступления весны. Но тогда начнутся свои беды: истощатся запасы муки, картошки и капусты (единственных предметов нашего питания) и наступит голод, так как цены все растут, а денег у меня очень мало. Единственный мой ресурс теперь триста рублей пенсии, да из них приходится платить 70 р. за московскую квартиру и 35 р. за здешнюю - небольшую комнату и еще меньшую кухню при ней (все это, конечно, без форточек). Вот как весело приходится доживать свой век! Пожалуй, и помереть придется в этих же условиях.

А что будет тогда с детьми и подумать страшно!

Когда выяснилось, что в Москву я не вернусь в ближайшие месяцы, я не очень тужил, так как был уверен, что получу следуемый мне гонорар из Института истории за рисунки к V тому истории средних веков и из Госполитиздата (бывшего Соцэкгиза) за перевод книги Вейля (История 1-й половины XIX в.). Но вышло так, что из Института истории мне удалось с огромными усилиями выцарапать только половину следуемой мне суммы (10.X), а из издательства я не получил ничего, несмотря на все обещания. Теперь я уже потерял всякую надежду на получение от них денег, тем более, что они, вероятно, эвакуировались из Москвы и где сейчас находятся мне неизвестно; если Вы узнаете, пожалуйста, напишите мне.

Здоровье мое было сначала совсем плохо, теперь поправляюсь: все-таки деревенский воздух берет свое. А вот Софа меня беспокоит: ее осложнения после тифа все еще не проходят.

Пишите про себя: с кем Вы живете и как? Как здоровье и как себя чувствуете? Буду с большим нетерпением ждать Вашего ответа. Мой адрес: почтов. отд. Ляхово, Борисоглебского района, Ярославской обл., село Хмельники.

Искренно любящий Вас С. Моравский.

Д.М. Петрушевский - С.П. Моравскому

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д. 6.

6. XII.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Получил сегодня Ваше письмо и очень огорчился. Совсем другого Вы заслуживаете, дорогой друг, и не думал я, что Вам придется когда-нибудь очутиться в такой обстановке. Не теряю надежды, что это временное испытание (неизвестно только, за какие грехи), и что конец ему не так уж далек. Приехал

я сюда вместе с Васей, Ниной Дм. и Сереженькой, а также с Лилей, Левочкой и Олечкой, но в половине ноября Лиля с детьми уехала в Самарканд, куда эвакуирована Петров. Акад., а с нею и Дм. Андр. Кисловский. Уехала она вместе с семьями преподавательского персонала Петр. Ак., которые собраны были недалеко от Казани и двинулись в Самарканд в организованном порядке. Дм. Андр. уехал туда раньше и 21 ноября был уже на месте. По дороге ему и его спутникам приходилось выходить из вагонов и зажигать костры, чтобы варить себе пищу, но когда они переехали в более теплые места, им уже ставили в вагоне самовары и угощали пирогами с абрикосами.

Уехал из нашего дома и Евг. Ал. Косминский с семьей в Ташкент вместе с эвакуированным туда И-том Истории Ак. Наук. Я остался в Казани с разрешения Президиума Ак. Наук. Живем в достаточно просторной комнате, теплой и ежедневно отопляемой дровами, полученными через Ак. Наук. Жизнь здесь очень дорога; приходится все покупать на рынке, куда продукты подвозят колхозники, назначающие за них цены по своему усмотрению, которые спекулянты поднимают еще выше; и не всегда можно достать, что нужно, и с каждым днем это становится все ощутительнее. Здоровье мое более или менее удовлетворительно, пожалуй, даже лучше, чем в Москве; но переезд из Москвы в Казань (ехали почти пять дней) совсем меня уложил, и я больше месяца не мог отлежаться. Этому причиной было и то, что вместо летнего отдыха в Болшеве пришлось претерпеть целый ряд спешных переездов, пока в столь же спешном порядке надо было ехать в Казань. Живем мы в доме здешнего профессора, прекраснейшего человека, и его жены, такой же прекрасной и доброй женщины, это очень облегчает нам существование. Вася служит на военном заводе в качестве экономиста и очень устает, не столько от работы, сколько от передвижения туда и обратно в самой невероятной трамвайной обстановке; да и здоровье его очень неудовлетворительно. Сереженька здоров и очень деятелен; увлекается автомобилями, аэропланами и рисует их без конца, знает давно уже все буквы и начинает читать и писать. Нина Дм. не жалеет сил, заботясь о нас. Крепко, крепко обнимаю Вас, бесценный друг, и шлю самый сердечный привет всем Вашим. Все мои столь же горячо приветствуют Вас и Ваших. Будьте здоровы и благополучны.

Всею душою любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская, д. 6.

3. I. 1942 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Получил сегодня Ваше письмо. Неужели Вы могли подумать, что я мог забыть Вас, бесценного друга. Милого, дорогого, родного Сергея Павловича, в теснейшем общении с которым прожил, можно сказать, всю свою жизнь, с которым делил всякую радость и горе? Не теряю надежды отпраздновать в

Москве достойным образом шестидесятилетие нашего знакомства. Грабарь жив и здоров и живет в Абрамцеве на даче у брата. Писать ему по московскому адресу (Зубовский б-р, д. 15, кв. 5). Чувствую я себя последнее время в некотором упадке, без надобности мерзну в теплой комнате, и занятия мои мало подвигаются вперед. Мой Вася серьезно болен; служба на военном заводе в качестве экономиста, требующая 4-5 час, на проезд туда и обратно в самой невероятной трамвайной обстановке, совсем измотала его больное от природы сердце, у него сильно опухли ноги. Надеемся, что его уволят от этой службы. От Танечки давно не имею вестей и не знаю, как она существует; пишу ей письма, а ответа не получаю. Сейчас напишу о Вашем деле в Ташкент в Институт Истории. Где теперь Госполитиздат не знаю, но мне обещали узнать; тогда сообщу Вам. Крепко, крепко обнимаю и целую Вас и шлю самый сердечный привет всем Вашим. Все мои шлют всем Вам свой сердечный привет. Будьте здоровы и благополучны. Всеми силами души любящий Вас

Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д. 6.

8. I. 1942 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Вчера узнал, что Огиз вообще и Политиздат в частности переехал в Красноуфимск и адрес его такой: Красноуфимск, Огиз, Политиздат.

В Томске Комиссией Комитета по делам Высшей Школы возбужден вопрос о присуждении А.И. Неусыхину степени доктора без защиты диссертации или после защиты его книги - общественный строй германцев. По просьбе А. И. я написал отзыв об его трудах и послал ему его.

Мой Вася освобождается по болезни от службы на военном заводе, отдохнет и будет искать более подходящую работу. Мое нездоровье не так серьезно. От Лили не получал еще писем из Самарканда и не знаю, как они там устроились. От Танечки нет вестей месяца два, и мои письма остаются без ответа. Не знаю, что и думать. Москва чувствует себя спокойной, и начинают возвращаться и отдельные лица и учреждения. Мы твердо сидим в Казани. Всем Вашим все мои шлют самый сердечный привет. Крепко обнимаю Вас и шлю всем Вам свой сердечный привет. Будьте здоровы и благополучны.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д. 6.

7.III.1942 г.

Дорогой Сергей Павлович,

В свое время по Вашему желанию послал Грекову в Ташкент просьбу выслать следуемые Вам от Института Истории деньги и только вчера получил ответ: «Спешу уведомить Вас», пишет Греков, «что Моравскому И-т может

выслать деньги только после того, как нам будут отпущены кредиты на внештатные расходы. А пока у нас этих денег нет, мы не можем ему выслать ничего. Ходатайство об ассигновании нам этих сумм послано в Казань уже давно, но никакого движения в этом направлении не чувствуется». Пишу лежа, т. к. доктор уложил меня в постель, найдя у меня некоторое ослабление сердечной деятельности, которая уже, впрочем, проходит понемногу. По-прежнему не имею связи с внешним миром иной, кроме письменной, и то нечастой. Все мы мечтаем о Москве, т. к. здешняя жизнь мало удовлетворяет, хотя сейчас в Москве труднее житье, чем здесь. Не голодаем, но и далеки от изобилия. Все почему-то склонны к мысли и здесь, и в др. местах, что скоро должна окончиться война. Как бы хорошо это было! А.И. Неусыхин, наверное, уже известил Вас, что скончалась его мать. Томская жизнь очень мало удовлетворяет его. Возле Казанского Университета собралась группа петербургских историков и сделала попытку пристроиться к Академии в форме филиала Института Истории, но О.Ю. Шмидт разгромил ее. Тогда они организовали при университете нечто вроде ассоциации для чтения публичных лекций и учебных докладов. Звали меня, но, конечно, тщетно. Крепко обнимаю Вас и шлю самый сердечный привет всем Вашим. Все мои всем Вам шлют свой привет. Будьте здоровы и благополучны. Пишите.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д. 6.

1.IV.1942 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Давно нет от Вас вестей. Надеюсь Вы получили мое письмо, в котором я передавал Вам ответ Б.Д. Грекова на мой запрос о следуемых Вам от И-та Истории деньгах (у И-та нет пока денег на экстренные расходы, а когда будут, и Вам заплатят). В том же письме я сообщал Вам, что у меня обнаружено некоторое ослабление сердечной деятельности, и я должен лежать, повидимому, с ним в связи и то, что я целыми днями жестоко мерзну в теплой комнате и тепло одетый. Благодаря этому занятия мои своими темами идут очень медленным темпом. Общение с внешним миром имею только письменное и мечтаю о том времени, когда буду опять видеть своих друзей и беседовать с ними. Не умираем от голода, но нередко сидим без денег из-за каких-то денежных заминок в Академии. Вася мой тоже нездоров. Он переутомил свое не совсем здоровое от рождения сердце. Часто думаю о Вас и вспоминаю наши с Вами молодые годы в Киеве, в Москве, хождение к Виноградовым, и всех тех, с кем мы общались и дружили и там и здесь. Лежишь ночью в постели, и это счастливое прошлое оживает и становится настоящим, и опять переживаешь давно прошедшее в самых конкретных образах и настроениях. А ведь как мало осталось нас от тех времен, всего два-три человека. Новые

друзья спасают от чувства одиночества, может быть, и не подозревая, какую важную роль они играют в нашей жизни, помимо всего того, что они дают нам сами по себе, как прекрасные люди, умные, образованные, сердечные, преданные друзья и ученики, которым радуешься и которыми дорожишь. Без них нелегко было бы существовать. Уж очень долго ходят теперь письма, и общение с ними идет слишком медленным темпом. Но и оно является немалым душевным подспорьем. Получил недавно письмо от Волгина из Свердловска. Пишет, что в конце октября «без вести пропал» его сын (под Москвой). Пишите о себе и о своих. Крепко, крепко обнимаю и целую Вас, бесценный друг, шлю самый сердечный привет Вашей жене и дочерям. Как они поживают. Здоровы ли они. Все мои шлют всем Вам свои сердечные приветы. Будьте здоровы и благополучны. Всею душою любящий Вас и преданный Вам старый Ваш друг

Д. Петрушевский.

Д.М. Петрушевский - дочери С.П. Моравского

Казань, 43. Ново-Сибирская ул., д. 6.

13.VII.1942 г.

Дорогая Шура,

Сердечно благодарю Вас за милое, родственное письмо. Вы хорошо знаете, кем был для меня всю мою долгую жизнь Ваш папа, с которым близкими друзьями мы стали еще в конце восьмидесятых годов прошлого столетия и с тех пор не переставали быть друг для друга ближе всяких самых близких родных. И я буду рад и счастлив, если его семья будет видеть во мне родного человека, всегда по мере сил готового придти ей на помощь. Не представляю себе, чтобы не нашлось немало людей, готовых на то же и не находящих возможным, чтобы дочери так много сделавшего для образования С.П. Моравского остались без законченного образования. Поэтому не впадайте в уныние (чего Вы, впрочем, и не делаете), без образования Вы не останетесь, как и Ваша сестра, лишь бы поскорее она поправлялась. Сразу не ответил Вам на Ваше дорогое письмо потому, что мне трудно писать: мне мешает писать одышка, от которой вот уже сколько времени не могу отделаться, и мне приходится больше лежать, чем сидеть, и которая не дает мне возможности заниматься научной работой и даже просто чтением. Мой сын Василий Дм. тоже нездоров и помещен первого июля в клинику: у него переутомлено сердце.

Будьте же бодры и не унывайте. Позвольте поцеловать Вашу голову, поцелуйте Вашу сестру и передайте мой самый сердечный привет Вашей маме. Все мои шлют всем Вам свой самый сердечный привет. Будьте здоровы и благополучны.

Искренне преданный всем Вам Ваш Д. Петрушевский.

Казань, 43. Ново-Сибирская, д.6.

19.VIII.1942

Дорогая Шура,

Получил вчера Ваше письмо. Благодарю Вас за него и за намерение и впредь также обстоятельно извещать меня о том, что у Вас делается. А делается все у Вас, как вижу, очень рационально, и от всей души желаю, чтобы из всего этого получились самые лучшие результаты: и из хозяйства, и из учительства в школе, и из экзаменов за десять классов, и чтобы все это завершилось поступлением в высшую школу. От всей души желаю Софе поскорее выздороветь и продолжать свое учение. Мы с Вас. Дм. решили поскорее расстаться со своими болезнями. Новый мой доктор нашел, что ровно никаких больных органов у меня нет, что организм мой совершенно здоров. Что лечить у меня нечего, что лекарства нужно заменить режимом, который бы ликвидировал общую слабость организма и связанное с ней некоторое ослабление сердечной деятельности, вызывающее одышку. Сейчас одышка почти совсем прошла, слабость очень уменьшилась, только от долгого лежания ноги сильно ослабели, т. ч. я могу уже понемногу приниматься за научную работу. Вас. Дм., который уже около мес. находится в клинике, уже успел приобрести вместо 18% кровяных шариков 39% (норм. 75- 80%), и доктор очень им доволен и скоро выпустит его из клиники (а когда он лег в клинику, положение его было признано угрожающим и со дня на день ждали там самого печального исхода. Таким образом, я могу вести свою обширную переписку без особенных затруднений и на Ваши письма отвечать собственною рукою, не слишком себя утруждая. Будьте же здоровы и бодры. Целую Вас и Софу и передайте мой самый сердечный привет Вашей маме и благодарность за ее пожелания.

Любящий Вас Ваш Д. Петрушевский.

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

г. Петровск, Яросл. обл.

23.XI.1919 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович!

Прошлым летом я обращался к Вам с просьбой о месте для меня, и Вы тогда сделали все, что могли, чтобы удовлетворить мою просьбу. Воспоминание об этом, а также и всегдашняя Ваша отзывчивость, дает мне основание вновь просить Вас о том же, но на этот раз уже не за себя. Хочу оказать «протекцию» подательнице этого письма, Маргарите Николаевне Кобленц, курсистке М.В.Ж.К., которая, как и большая часть учащейся молодежи, пыталась жить в Москве и совместить службы (она работала в качестве библиотекарши) с университетскими занятиями; это оказалось невозможным, тем более, что она занималась на естественном факультете. Между тем жить без заработка, конечно, невозможно; единственным выходом, более или менее удовлетворительным, является жизнь в деревне. С тем, чтобы иметь возможность хоть теоретически заниматься (о практических работах мечтать уже не приходится, т. к. в Москве не удается ни то, ни другое). Вот я и просил бы Вас не отказать ей в помощи и содействии при подыскании работы в Ростовском уезде. Обращаюсь именно к Вам по двум причинам: во-первых, потому, что надеюсь на Вашу помощь, а во-вторых, потому, что Вы, как работник по просвещению, может быть, могли бы указать на какое-нибудь место, дать какую-нибудь работу именно в этом области. Кажется, в уезде есть спрос на сельских учительниц. Хотя это дело и сопряжено с большой ответственностью, которая несколько страшит М.Н. Кобленц, тем не менее, она могла бы быть вполне удовлетворена и такой работой. Образовательный ценз - 7 классов Ростовской женской гимназии, пять дополнительных экзаменов при нашей мужской, и 2 года пребывания на М. Высших Женских Курсах. Кажется, формально - этих данных достаточно. Надеюсь, что найдутся и не только формально требующиеся данные. Если не место учительницы, то, может быть, есть потребность в какой-нибудь иной культурно-просветит. работе (хотя бы в сельской библиотеке, тем более, что М.Н. Кобленц занималась библиотечной работой в Москве). Во всяком случае позволю себе надеяться, что Вы не откажете в своем содействии. Простите, что беспокою Вас просьбами.

Уважающий Вас А. Неусыхин.

16.XI.1923 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович,

Напоминаю Вам, что заседание сред. Секции сегодня состоится (будет доклад Д. М.), в 8 ч. веч., Волхонка, 18 (бывш. Уч. Округ).

Ваш А. Неусыхин.

10.X.1924 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович,

Заходил к Вам сообщить, что сегодня в 8 ч. веч. назначено заседание секции - исключительно по делам хрестоматическим. Хорошо было бы, если бы Вы пришли (Волхонка, 18). Будет Д.М. и все прочие.

Ваш А. Неусыхин.

Петровск-Ярославский.

20.VI.1932 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович!

Прибыл сюда вчера и водворился в нежилом строении, напоминающем мизансцену из «Воздушного пирога» в постановке Мейерхольда. Приедете - увидите. О Евлампии Ивановне и о положении на квартирном фронте удалось собрать след. сведения: Евл. Ив., по словам Домбровского, которого мама на днях встретила в Петровске, благополучно и своевременно приехала в Ростов и благополучно, но не совсем своевременно выехала оттуда: ей пришлось 2 дня потратить на поиски подводы, и в конце концов, она наняла за 30 р. - У Карцевых комната для Вас готова, и, по их словам, Е.И. собиралась приехать в Никитино-Барское 29.VI. Если захотите поселиться в Петровске, то комнату можно будет подыскать по приезде, когда Е.И. или Вы на месте сможете произвести окончательный выбор между Никитиным и Петровском. Мама, М. Н. и Лена Вам кланяются.

Всего хорошего! Ваш А. Неусыхин. Привет Ассоциации.

Петровск-Ярославская обл.

3.VII.1932 г.

Многоуважаемый Сергей Павлович!

Прошли все сроки не только приезда Евлампии Ивановны с детьми, но и Вашего приезда, а между тем ни от Вас, ни от Евлампии Ивановны нет никаких вестей. Хозяева (Карцевы) Вас ждут, комната Вас ждет, я Вас жду, и вся фамилия моя совместно со мной пребывает в ожидании...

Итак: приезжайте или сообщите (хоть голубиной почтой!), когда приедете. Еще раз мой адрес: Петровск-Ярославский, Ивановской обл., Новая ул. Д. Елисеева. - Писал Дмитрию Моисеевичу, но столь же безрезультатно, как и Вам. Ответил мне пока один только Евгений Андреевич, которому будьте

добры при случае передать привет. - Мама и М. Н. Вам кланяются. Всего хорошего. Ждем. Ваш А. Н.

Если увидите Дмитрия Моисеевича, передайте ему, пожалуйста, поклон.

С.П. Моравский - А.И. Неусыхину

Москва.

10.VII.1932 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Десятого, т. е. сегодня, я, конечно, не уехал из Москвы. Но теперь уже главные дела сделаны, и я могу наверное сказать, что 15 июля утром выеду из Москвы (если только не случится ничего совершенно непредвиденного). Мне осталось только кончить сдельную работу, сделать несколько визитов (в том числе Петрушевскому) и кое-какие мелкие дела. На все это вполне хватит сегодняшнего вечера и трех дней 11-13. А четырнадцатого утром я уже буду сидеть в вагоне, Я этому рад несказанно, потому что пришел уже в полное изнеможение от московской работы и сутолоки.

Выходите встречать на вокзал.

До скорого свидания. Всем привет.

Ваш С. Моравский.

Хмельники.

4.VIII.1932 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Письмо Софочки, которое Вы передали Домбровскому, я получил. Возможно, что Вы получите еще одно письмо (из Киева) для меня: оставьте его у себя, передадите в Москве, или же распечатайте и вложите в новый конверт и отправьте по адресу: почт. ст. Высоково, Борисоглебского р-на, Ивановской обл., бывшей Ярославской губ., село Хмельники, Анне Ин. Воробьевой для передачи мне.

Я привозил к Вам в Петровск пальто Маргариты Николаевны, которое все забывал отнести ей в Москве, и, конечно, тоже забыл отдать его Вам и вспомнил об этом уже в Ростове. Там я передал его Любомудрову, который часто видится с Вашим соседом по Петровску Карашевым; он обещал через Ник. Фед. Карашева передать пальто Вам. Надеюсь, что это уже сделано.

Здесь в Хмельниках место чудесное и воздух замечательный, гораздо лучше Петровска и даже Никитина. Масса всяких ягод и орехов, но грибов в виду засухи совсем нет. Дошло до того, что я мечтаю о дождях. Но с продовольствием очень неважно. Чувствую я себя нельзя сказать, чтобы хорошо; наверное, в Петровске настроение у меня было бы много лучше.

Тороплюсь кончить письмо, чтобы его успела захватить Маруся, которая сейчас едет через Ростов в Москву.

Желаю Вам всяких благ; Елизавете Алексеевне и Маргарите Николаевне искренний привет от меня и Лампуши.

Леночку целую.

Ваш С. Моравский.

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

Москва.

23.V.1934 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Звонил сегодня Волгину и узнал у его жены, что он приедет 25. Вечером 25го же позвоню ему и надеюсь утром получить у него аудиенцию. К Васильевым не удалось дозвониться. Завтра уезжаю по дачным делам. 26-го сообщу Вам результаты переговоров с Волгиным. Будьте здоровы и бодры.

Любящий Вас А. Неусыхин.

15.VII.1934 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Жалею о том, что мы с Вами не уговорились, как следует, перед отъездом: надлежало не мне запастись Вашим адресом, а Вам - моим и не мне давать обещания - увы! до сих пор невыполненные - писать Вам, а, наоборот, заручиться Вашим обещанием в том же роде (уверен, что Вы исполняете обещания лучше, чем я). В самом деле: ведь, если бы даже я писал Вам, письма из Теберды или Брыкова шли бы так медленно в Ваши Хмельники, что я нескоро узнал бы что-либо о Вас из Вашего ответа, между тем, как если бы Вы написали, не дожидаясь моего письма, то я бы уже теперь имел аутентичные сведения о Вашем здоровье и самочувствии и о ходе Вашего отдыха. А так я принужден довольствоваться собиранием сведений у добрых знакомых, с которыми, впрочем, Ваша переписка идет не более интенсивно, чем со мной. Евгений Андреевич сообщил мне только, что Ваше дело о пенсии 9.VII направлено из Наркомпроса в Совнарком - очевидно с каким-то положительным решением, и что он Вам об этом писал, но от Вас ничего не получил в ответ. Не знаю точно даже, когда Вы вернетесь в Москву. Все это отнюдь не должно служить к оправданию моего собственного молчания. Просто я хочу сказать, что оно не столь чувствительно, как Ваше. Я за это время очень много катался - по разным дорогам, железным, шоссейным и проселочным, в поездах, трамваях, автобусах, поломанных грузовиках и просто на линейках. Разумею: путешествие в Теберду и постоянные рейсы Брыково-Москва и обратно с Ruecksack'ом за плечами (Брыково - деревня, где мы живем на даче). Из всех способов передвижения особенно врезался в мою память грузовик, который вез нас из Баталпашинска в Теберду (105 верст) ровно сутки с ночевкой по дороге в полной темноте, если не считать светляков, летавших роями

над угрюмой бурой рекой, бурлившей, как кипящий кофе (очень красивая картина!). Вы спросите, что же запомнилось мне из моей жизни за это лето? Теберда промелькнула быстро, как сновидение: так как мы на два дня туда опоздали (из-за грузовика), то пробыли там всего 13 дней, а на дорогу в оба конца ушло 7 дней. За 13 дней, из коих было несколько дождливых, я успел сделать только две дальних экскурсии (вместо четырех прошлогодних), из них одну - на ледник одной из вершин Главного хребта. Маргарита Николаевна не всюду меня сопровождала, т. к. я выбирал для нее экскурсии полегче. Она, как человек в первый раз попавший на Кавказ, была очарована Тебердой, ей она запомнилась ярко и четко и дала запас освежающих впечатлений. Не могу сказать того же о себе: Теберда, конечно, прекрасна и нынче, как всегда, но, во-первых, я там уже в третий раз, а во-вторых, - и это самое главное - меня теперь уже не удовлетворяет простое созерцание, а бес туризма манит в горы; между тем кратковременность пребывания не дала мне возможности воздать должное этому бесу. Нынешние экскурсии были менее интересны, чем прошлогодние, а для того, чтобы Теберда и нынче могла оказать свое целительное действие, это должно было бы быть как раз наоборот.

По возвращении из Теберды, т. е. с 20-х чисел июля мы водворились в Брыкове, причем М. Н. с 1 августа приступила к работе и переехала в Москву, а я живу здесь, но выполняю договорную работу для Ком. Академии (аннотирование иностранных исторических и социологических журналов), так что мне приходится по делам наезжать в Москву. В последний приезд заходил в канцелярию исторического факультета 1 МГУ за справкой, что я состою доцентом (каковую и получил) - и... столкнулся с деканом, который вообразил, что я пришел к нему, и заявил мне, что ему давно надо поговорить со мною о ходе занятий. Я его разочаровал, сказавши, что я собственно к секретарю, но обещал в следующий приезд явиться к нему на аудиенцию. Кроме истфака, на котором занятия по средним векам к счастью начнутся нескоро (в конце первого семестра, по словам декана), у меня еще ГАИМК и три литературных договора! Угожу в долговую тюрьму...

От Дмитрия Моисеевича получил две открытки: настроение его попрежнему мрачное, хотя Сестрорецк ему понравился и он решил пробыть там два месяца (июль и август). Юрий Николаевич собирался 13 августа уехать в Дом Отдыха на месяц - либо в Перловку под Москвой, либо в Кисловодск; обещал написать, куда решил ехать, но, конечно, надул (как и Вас).

К Е.А. приехал на август Андрей с женой, и они сняли дачу в Болшеве. Вам Е. А. все лето в Москве (после Крыма). Книга его все еще не вышла из печати. Вот, кажется, и все московские новости; остальные поспеют к Вашему возвращению. Вероятно, начало занятий в школе и конец Вашего отпуска совпадут и соединенными усилиями потянут Вас в начале сентября в Москву... Дойдет ли к тому времени мое письмо до благословенных Хмельников? На-

деюсь, что Вы с пользой провели в них время и основательно поправили свое здоровье и что Евлампия Ивановна и ребята тоже поправились и отдохнули. Лена все хотела написать Шурочке, да так и не собралась и ограничивается поклоном. Мама и М.Н. кланяются Вам и всем Вашим. Передайте, пожалуйста, от меня привет Евл. Ив., Софочке и Шурочке. А где Марья Ивановна? Всего хорошего. М. б., напишете в М-ву?

Ваш А.Н.

18.X.1934 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Очень Вам благодарен за приглашение и искренне рад был бы им воспользоваться, но, к сожалению, у меня уже давно назначен на сегодня визит к Звавичу, перенесенный на 18.X еще с прошлого выходного дня. Сожалею об этом совпадении и надеюсь попасть к Е. А-чу, - хотя бы с очень большим опозданием. Поклон Евлампии Ивановне.

Ваш А. Неусыхин.

8.II.1936, 10,5 ч. вечера

Многоуважаемый Сергей Павлович!

Veni, vidi, vici... - сказал бы я словами одного из виновников Ваших полночных бдений, если бы честь победы не принадлежала Вам «целиком и полностью»: Ваше искусство ведения переговоров плюс решительность Гракова, явившегося сегодня и добившегося у Георгиани и Козерук отсрочки до 23 февраля, создали блестящее положение: Козерук безропотно приняла у меня «Анналы» для перепечатки на машинке (Граков при этом любезно разъяснил ей, что она - из созвездия Козерога, и деловито осведомился, нет ли у них тов. Рака, каковой и не замедлил обнаружиться). Я ей обещал сдать остальное 15.II, но она не очень настаивала даже на этом сроке. Келдыш действительно говорил с Георгиани, и Козерук сему последнему беспрекословно подчиняется, Я, конечно, отнюдь не намерен «почивать на лаврах» и ослаблять энергию (тем более, что и лавров никаких не заслужил), но надеюсь, что теперь хоть удастся действительно работу кончить, К сожалению, Поморской сегодня не было (она ушла куда-то в 3 часа), но она бывает ежедневно до 4-х. Я сказал, что у Вас грипп, но что Вы хотите поговорить с Поморской насчет Pirenne и Petit – Dutailis) о них Козерог ничего не знает). Просили предварительно позвонить по тел. 3-50-95 и сговориться о дне и часе. Тогда же они вернут Вам и «Германию», которая завтра будет готова.

Желаю Вам отдыха, «освежающего» сна, удачи в чехах и латинцах (Аммиана уж возьму на себя). Ваш А. Неусыхин.

6.III.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Будьте добры, зайдите, пожалуйста, завтра часа в 3 (точнее: в 3 часа!) к Келдышу на Истфак (угловой дом на углу Шереметьевского пер. и Б. Никитской, вход с Никитской во дворе) в кабинет средних веков (на третьем этаже, проход через актовый зал). Если не будет Келдыша, то надо поискать С.Д. Сказкина (зав. кабинетом) и у него подождать Келдыша. Сей последний уверил меня, что у него уже имеется на руках бланк предложения на перевод Petit, к-рый через полгода уже должен быть сдан в печать, и что он потому-то и предпочел ему Pirenne'а, к-рый будет переводиться нескоро, во вторую очередь.

Всего хорошего. Ваш А Н.

15.IV.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Был в Соцэк'е, все сдал (включая Аммиана), а другой экземпляр отдал Удальцову, к-рый написал записку Рубинштейну, что работа выполнена хорошо и может быть оплачена. Но Рубинштейна я не мог дождаться; звонил ему по тел. на дом. Он сказал, что провести оплату до сдачи материала редактором (т. е. Удальцовым) будет трудно (то же говорила мне и Рутман), но что Ваши договоры на Petit - Dutailis и Dopsch'а уже готовы и что он устроит выписку Вам авансов по ним, а тем временем подоспеет гонорар за «германцев» (Удальцов собирается сдать материал в числах апреля). Поэтому Руб. просил Вас зайти в Соцэкгиз завтра же, предварительно созвонившись. Тел. Соцэк'а: 3- 47-25 (м. б. 3-27-25, но никак не иначе!), а тел. Рубинштейна (дом.) - АТС. Таганка - 1-74-68. Лучше позвонить ему и узнать, когда он там будет.

Кроме того: 1) Нужен index к «Германцам», к-рый очень прошу Вас взять на себя (обещаю помочь, чем смогу, и вместе его просмотреть и продумать, - но работать над ним сейчас абсолютно нет времени). Надо будет после окончания редактирования взять в Соцэк'е один экземпляр рукописи для составления индекса. Подробности о его характере сообщит Рубинштейн.

2) Нужна «Германия» по латыни; ее текст я передал Удальцову, к-рый работает в Учпедгиз'е (состоит там на службе) по соседству с Рубинштейном; он обещал договориться с ним об этом, а также о карте и библиографии (все это я тоже отдал Удальцову). Будьте добры напомнить ему (т. е. Рубинштейну) еще раз об этом. Желаю бодрости и хорошего настроения и... денег поскорее!

Ваш А.Н.

2.V.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

По наведенным справкам у Аммиана (кн. XVI, гл. 12, §43) нет упоминания о германцах: поэтому лучше весь отрывок о barritus'е исключить

Менее ясно обстоит дело с языгами. Hoops в статье «Quaden» говорит по поводу Ванния и его изгнания из Богемии о том, что «языги представляют собою сарматское племя, вторгнувшееся в равнину между Дунаем и Тисой» (отдельной статьи о языгах у Hoops'a нет). Мне кажется, что отождествление их с роксоланами я заимствовал из моего издания «Германии», которым пользовались Вы и которое сейчас у Удальцова.

Поэтому очень прошу Вас оставить языгов недоделанными до тех пор, пока я не наведу справку в этом издании. Ваш А. Неусыхин.

6.V.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович,

Завтра в 11 ч. утра я буду в Соцэкгизе, где просмотрю карту Германии. При этой оказии увижу Рубинштейна и Удальцова, если Вам нужно что-нибудь передать, напишите, пожалуйста, мне об этом. Хронологическую таблицу составлю. О языгах еще ничего не знаю нового, т. к. у меня нет моего экземпляра «Германии»; завтра получу его в Соцэкгизе и тогда Вам сообщу. Библиографию (иностр.) Удальцов решил вовсе похерить: она ведь не соответствует его взглядам на германцев, - тем хуже для библиографии. Хочу «жалиться» на него принцу Гарри. Пусть их высочества друг с другом сговорятся. А как Ваш указатель?

Всего лучшего. Передайте, пожалуйста, мои искренние поздравления Александре Сергеевне. Ваш А.Н.

6.IX.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Отвечаю на Ваши вопросы и кое-что прибавляю от себя:

1) Листы 5-8 надо сдать 9.IX; 2) Е. Д., кажется, здесь, но наверно не знаю; 3) посылаю Вам примечание о «occumates agri»; оно оч. длинно и поэтому используйте его как материал (можно, напр., выкинуть всю историч. часть). 4) В предисловии Удальцова имеется след. фраза: дать марксистскую критику теории Допша и его последователей (напр., <u>акад. Д.М.П.)</u> (стр. 4). По-моему имя Д. М. <u>необходимо</u> вычеркнуть, а то нам обоим будет стыдно. Сделать ли это самому или заявить об этом Удальцову? Как и когда? Не лучше ли <u>самому</u>? 5) Был у меня Граков. Он просит: а) вставить в индекс: Армений см. Арминий. в) транскрибировать в указателе Реты; с) сохранить <u>его</u> порядок сносок в верстке (он устранил сноски, потерявшие смысл в связи с указателем). 6) Считаю нужным ввести еще одно условное обозначение: точки (...) - там, где перевод дан с купюрами, не замененными вставками в прямых скобках.

Будьте здоровы, и да будет в Вашем доме pax Romana.

Шурочка торопится.

Ваш А. Н.

17. IX.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Вчера звонил Эсфири (3-47-25 или 1-07-80 доб. 65), и сия древняя героиня слезно умоляла Вас принести указатель. Я сказал ей, что он у Вас готов (но скрыл Ваше намерение задержать его на 1 день). Листы вернутся из сверки дня через 2-3, и она их нам пришлет.

«Ins gentium» - вещь сложная, отнюдь не просто «международное право»: «Кодекс Юстиниана» (я смотрел лат. текст дигест) определяет его, как обычное право, выросшее из естественного права (ins naturale); у Pauly-Wissowa перечислено около десятка видов ins gentium (м. пр. - право родовое, семейное, гражданское); Кронеберг и Модестов оба переводят: «народное право» немцы - то «Volksrecht», то «Vulkerrechn». Машкин (он же снабдил меня дигестами) советует перевести как-нибудь вроде: «согласно общепринятым среди народов законам или обычаям».

Всего хорошего! Ваш А.Н.

17.XII.1936 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Очень рад был бы Вас видеть (сегодня, как и всегда), но нынче вечером я поздно приду домой, так как у меня только в 10 ч. кончится семинарий в Пед. Ин-те им. Бубнова (на девичьем Поле), а пока доберусь до дому, будет 11. Помня наш уговор, посылаю Вам 50 р.; простите, что так мало, но у меня на этот раз много вычли (на Поликлинику КСУ, в профсоюз сразу за 5 месяцев и проч.). До 20 декабря я занят спешной работой (сверх обычных занятий), а именно писанием доклада для ГАИМК'а («Томагаука»), к-рым мне очень досаждают: назначили Грацианского офиц. оппонентом и проч. После 20 декабря условимся, как повидаться: м. б., заглянете к нам?

Видел Сказкина. Он говорит, что охотно Вам предоставит пользование книгами в кабинете, только нужно туда суметь пройти: внизу требуют пропуска, а потому он просил Вас сказать привратнице, что Вы идете к нему по его приглашению, по делу.

Грацианского пока не видел, но сегодня буду ему звонить по делу о докладе и, кстати, скажу о Пти. Рубинштейн говорит, что книжка уже прошла через Главлит.

Будем ждать,
Будем ждать,
Будем ждать...

Весь Ваш А. Неусыхин.

С.П. Моравский - А.И. Неусыхину

Москва.

27.IV.1937 г.

Уважаемый доктор,

Благодарю Вас за рецепт и в виде гонорара за него посылаю принадлежащие Вам экземпляры «Древних германцев» (8 экз.). Вчера я был в Соцэкгизе и узнал, что 16 оставшихся у них экземпляров исторической редакцией получены, но не посланы Вам вследствие перегруженности курьера, а вернее оттого, что Богомолова вот уже с неделю как отсутствует по болезни, и обычный у них кавардак еще больше усилился. Я взял только 8 экз., в соответствии со своими старческими силами, а остальные 8 они Вам пришлют, а если не успеют, то завтра я возьму их, так как собираюсь в Соцэкгиз по своим делам. О типографских счетах (могущих существовать, но, конечно, не существующих) я ничего не узнал в виду отсутствия Морозова.

Придумайте достойную Кривоногова надпись, сделайте ее на одном экземпляре и пришлите мне.

Забыл спросить Вас о 26-й главе; посмотрите, пожалуйста, у своего немца: я почти уверен, что у него стоит «ab universes vices».

Пока до свидания. Всего хорошего. Передайте, пожалуйста, Маргарите Николаевне мои поздравления с благополучным возвращением.

Ваш С. Моравский.

Москва.

21.II.1938 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Наконец-то я добился того, что нам решили вернуть 300 р. за германцев. Послезавтра, 23-го говорят, будут деньги, и Вы можете их получить. Я бы и сам сделал это, но, чтобы получить, мне нужно иметь доверенность, а это уж слишком большая канитель. Не забудьте взять в Соцэкгизе и остаток от 100 рублей, удержанных за лишние экземпляры.

Ваш С. Моравский.

P.S. Сегодня видел уже сигнальный экземпляр Пти-дютайи.

(Москва, без даты)

Дорогой Александр Иосифович,

Звонил в Соцэкгиз; Луцевич сказала, что ждать, пока я приеду, они не могут, предложила явиться завтра утром и самому переговорить насчет указателя с производственным отделом. Она сообщила, что новые листы для Вас есть, но что посылать их на дом авторам строго воспрещено и выразила надежду, что и Вы прибудете завтра утром в Соцэкгиз, где и получите возможность лицезреть эти листы.

Ваш С. Моравский.

15.VII.1941 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Я нахожусь в очень затруднительном положении, благодаря тому, что деньги за рисунки к V тому не успел получить, уехал, оставив доверенность Грачевой. До сих пор от нее сообщения я не имею и от Лебедевой тоже. Думаю, может быть, затруднение в отсутствии дополнительного соглашения. На этот случай посылаю Вам на другой открытке доверенность. Очень прошу Вас зайти в Институт Истории и узнать, в чем дело и, если можно, устроить его. И если Вам удастся получить деньги (р. 500-700), очень прошу заплатите за квартиру за июль месяц 113 р. - иначе я боюсь лишиться квартиры.

Со всем этим обращался к Гале Мороховец, но только в начале августа получил от нее сообщение, что Институт переезжал, и не могло быть и речи о моих делах, а затем она уехала. Теперь обращаюсь к Вам, хотя у Вас и без того много дел. Очень бы хотел узнать, что у Вас. Получил телеграмму от Симона. Просит подождать с приездом до письма.

Привет всем Вашим.

С нетерпением буду ждать ответа. Сам не пишу, потому что болен, лежу в постели. Ваш С. Моравский.

(Письмо написано рукою дочери С.П. Моравского - Софии, сам он только подписал письмо.)

Доверенность:

Доверяю тов. А.И. Неусыхину подписать от моего имени соглашение на составление дополнительного (к указанному в договоре) списка рисунков для У тома Всемирной истории (истории средних веков).

С. Моравский.

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

Томск, ул. Фрунзе, д. № 63, кв. 5.

22.VIII.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Я сейчас, как видите, в Томске, писал Вам в Москву (отсюда), а теперь пишу в Хмельники. Из М-вы телеграфировал Вам в Хмельники, но безрезультатно.

Я здесь зачислен профессором Пед. И-та и зав. кафедрой всеобщей истории там же. Институт предоставил мне маленькую, но отдельную квартиру из 3-х небольших комнат с кухней. Сюда приехали со мной Маргарита Николаевна, Лена, мама, Роза Николаевна. Все более или менее здоровы. Кроме того, здесь семья Иоэля Нафтальевича (сам он в Чкалове - б. Оренбурге). Дмитрий Моисеевич в Казани; его адрес: Казань, 43, Новосибирская, д. 1 б (получил от него открыточку); Евгений Андреевич в Боровом, но все еще болен и писать не может (получил открытку от Капитолины Филипповны);

его адрес: Сев. Казахстан, Акмолинская обл., курорт Боровое, д. № 10, комн. 6. Все остальные у них уехали в Уфу (кроме Гали).

Напишите мне, пожалуйста, о себе, Евлампии Ивановне и Шуре, о здоровье Софы.

Наши кланяются.

Ваш А. Неусыхин.

Томск.

19.IX.1941 г.

Сегодня получил Вашу и Софину открытку от 15.VIII, пересланную мне из М-вы. Я со всей семьей выехал из М-вы 27.VII и прибыл в Томск только на 20-ый день, - 16.VIII. Все, в том числе и мама, здоровы. Я телеграфировал Вам из М-вы перед отъездом (был вариант нашей поездки в Хмельники), а потом писал Вам дважды из Томска, но безрезультатно - очевидно потому, что я писал в Высоково, а не в Ляхово. Напишите поскорее, как Ваше здоровье. С московскими деньгами теперь бессилен что бы то ни было устроить, но в начале октября получу подъемные и тогда вышлю Вам, что смогу (сегодня телеграфировал Вам об этом в Ляхово). Я здесь имею полную профессорскую ставку в Пед. Ин-те, а с 15/X начну получать полставки в Университете. Адрес Е. А. М. и К. Ф. - курорт Боровое, Акмолинской обл.; (Сев. Казахстан), дом № 10, комн. № 6. Адрес Д. М. П.: Казань, 43, Ново-Сибирская, 6. - Е. А. все еще болен. Привет Вам и всем Вашим от меня и всех наших. Пишите.

Ваш А. Неусыхин.

С.П. Моравский - А.И. Неусыхину

Телеграмма

Тронут вниманием. Здоровы, теперь лучше. Шлю письмо. Моравский.

Село Хмельники.

3.X.1941 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Вашу телеграмму и письмо, адресованные в Высоково, я не получил, но зато, к счастью, получил те, которые Вы писали на Ляхово. На телеграмму я ответил сейчас же и, надеюсь, она дошла к Вам не в таком искаженном виде, как та, которую послал Вам Мороховец в Теберду. Вашей телеграмме, а потом и письму, полученному вчера, я несказанно обрадовался. Я уже начинал чувствовать себя оторванным от всего мира, заброшенным, забытым, и вдруг обрел снова своих друзей, получил возможность сноситься с ними, хотя бы при помощи писем, идущих несколько недель, а иногда и совсем не доходящих до адресата. Большое, большое Вам спасибо, дорогой Александр Иосифович, за то, что Вы не забываете меня старика, это меня тем более ра-

дует, что в последнее время мне начало уже казаться, что нелепые, суматошные условия жизни, мешающие нормальному общению людей друг с другом, иногда даже делавшие его почти невозможным, уже начали отдалять Вас от меня. Меня очень тронула Ваша забота обо мне, доходящая до предложения денег. Я так много уже Вам должен, что ни за что не решился бы сам обратиться к Вам; но раз Вы предлагаете, у меня не хватит мужества отказаться, так как положение мое, правду сказать, отчаянное: вот уже почти три месяца, как я вынужден жить на 300 р. пенсии, из которых 105 р. уходит на плату за квартиру в Москве и здесь (недели три тому назад мы ушли от сестры Евлампии Ивановны, у которой жили, и наняли собственную квартиру, по здешним условиям очень неплохую - за 35 р. мы имеем совершенно отдельную комнату и кухню).

Вы спрашиваете, как мое здоровье. Должен сказать, что оно очень и очень пошатнулось: теперь я дряхлый старик, который не может сам надеть и снять с себя пальто, с трудом поворачивается на постели, после долгого сидения с трудом подымается со стула, постоянно забывает какое-нибудь имя и т. д.

Объясняется это, вероятно, тем, что я, очень уставши от работы в Москве, здесь в деревне не только не отдохнул, но еще более замучился. Началось с путешествия сюда, которое было чрезвычайно утомительным; обычно я делал в Ростове передышку и только после ночлега у Домбровского, на другой день отправлялся дальше; а теперь я, после бессонной ночи в вагоне, просидел около вокзала часа 4-5 на холодном ветру, а затем 9 часов трясся в телеге на том же пронзительном, леденящем ветру. Приехал я еле живой. Оправлялся от такого путешествия очень медленно, тем более, что первые дни была все время очень плохая, холодная погода. А затем, едва я начал чувствовать себя более или менее сносно, я схватил грипп и месяца полтора пролежал в постели. Прибавьте к этому то, что в доме, где мы жили, нас было 12 человек (кроме семьи хозяйки и нашей, вскоре здесь поселилась Мар. Ив. с младенцем, а потом жена брата Евлампии Ивановны с двумя дочерьми), затем массу раздражающих впечатлений, безденежье, тревогу о детях, особенно о Софе, мрачные мысли о будущем, - и Вы поймете, что отдохнуть и поправиться при таких условиях было совершенно невозможно. Все-таки я сейчас чувствую себя немного лучше, благодаря тому, что грипп мой прошел совершенно, живем мы теперь одни, кроме того, я съездил в Ростов, немного проветрился и отдохнул в более или менее культурной обстановке у Домбровского. Но, конечно, несмотря на все это, настроение отвратительное. Прежде всего, меня очень беспокоит Софа: она совсем не поправилась и по-прежнему не может ни читать, ни писать без того, чтобы у ней не заболела голова; она у нее заболевает даже от напряженного внимания во время искания грибов в лесу. Чтобы выздороветь, она должна иметь полный покой и усиленное питание, а ни того, ни другого у нас не было и вряд ли будет. Затем меня очень трево-

жит, что девочки мои остались без школы, и неизвестно когда попадут в нее, и будут ли вообще продолжать свое образование. Пугает меня и возможность лишиться квартиры в Москве, что при теперешних обстоятельствах легко может случиться. Я утешал себя надеждой, что, может быть, мы в ноябре вернемся в Москву, но пока приходится и от этой надежды отказаться, в виду объявленного недавно распоряжения Моссовета о временном запрещении въезда в Москву тем, кто эвакуировался из нее. И вот теперь я с ужасом думаю о том, что нам придется провести здесь зиму с ее семнадцатичасовыми ночами без керосину, без спичек, без часов, прожить долгие месяцы без книг, без сахару, без чая, без табаку, в душной комнате, где нет форточки. В довершение всего безденежье. Мои денежные дела могли бы устроиться неплохо, если бы я получил все, что должен был получить в институте истории за рисунки к V тому средних веков и в Издательстве за Вейля и за указатель к нему, но, к сожалению, до сих пор я не получил ни копейки, несмотря на все старанья и хлопоты.

Ну, довольно о себе: боюсь, что нагнал тоску на Вас. Напишите Вы о себе и как можно подробнее: как ехали, как устроились в Томске, об условиях Вашей работы, как моральных, так и материальных, о квартире и питании, как у Вас там с продуктами и каковы цены на них, как здоровье и самочувствие Ваше и всех Ваших, одним словом - обо всем и как можно подробнее. Если у Вас не хватит времени на это, то попросите от моего имени Маргариту Николаевну разделить этот труд с Вами. Не забывайте, что каждое Ваше письмо доставит мне радость и будет лучом света в моей мрачной жизни, весточкой из того мира, где люди живут более или менее нормальной жизнью, а не прозябают, как я здесь. Писем Ваших буду ждать с нетерпением.

Всего хорошего Вам и всем Вашим, передайте им самый искренний привет от меня, Евлампии Ивановны и девочек. Шура послала вчера письмо Лене.

Любящий Вас С. Моравский.

P.S. Вот доказательство моего одряхления: написал это письмо и чувствую, что очень устал.

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

Томск.

12.X.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Получили письмо от Шуры, но обещанного в телеграмме Вашего письма все еще нет. Сегодня вернулась моя открытка, посланная Вам 29/VIII, значит Вы ничего от меня не получили кроме телеграммы. Поэтому сообщаю:

27/VII мы выехали из М-вы, 16/VIII (после 20-дневного переезда в теплушке) прибыли в Томск. Я зачислился сразу же проф. Пед. Ин-та и получил казенную квартиру, но уже самоуплотнился до 8-ми чел. (нас четверо + Роза

Ник. + Вяч. Ант. Мишке + племянница М. Н. из Ленинграда + Маруся Рубина). Здесь же семья Кобленца (сам он - в Чкалове). У нас все (в том числе и мама) более или менее здоровы. Мне обещали в начале октября выдать подъемные, но дело очень затянулось. Поэтому и Вам сейчас ничего не высылаю. Адрес Д. Моис.: Казань, 43, Новосибирская, 6. Он здоров. А чем Вы хворали? Наши кланяются Вам и Е. И. Ваш А. Н.

Томск.

17.X.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович!

И я чрезвычайно обрадовался, увидав на конверте Ваш знакомый почерк, тот самый, которыми были подписаны мои наградные грамоты (при переходе из класса в класс) и мой аттестат зрелости. Еще больше обрадовался, узнав, что Вы, невзирая на все злоключения, все-таки чувствуете себя несколько лучше, чем в начале Вашего пребывания в Хмельниках.

Теперь - и прежде всего - несколько слов о важнейшем из этих злоключений, - о безденежье.

Я уже писал Вам (и притом в Ляхово, а не в Высоково, в село Хмельники, а не в деревню, на адрес А.И. Воробьевой, а не мифического И.П. Кузнецова!), что рассчитывал получить аванс в счет подъемных, но дело это очень затянулось (как и почему - об этом еще последуют пункты в другой части письма); сегодня узнал, что авансовые счета, наконец, посланы в Наркомпрос (в Москву и Киров, т. е. Вятку), но ответ может придти только месяца через полтора, а надежд на получение «аванса в счет авансового счета» (мудрено, не правда ли?) нет никаких, поелику в бухгалтерии Пед. Ин-та нет лишних денег. Поэтому я пока существую на получаемые мною 400-450 р. в каждую получку, а так как семья у нас большая, то занимаю у приехавших к нам родных и знакомых (у Розы Николаевна, у Вяч. Ант. Мишке, даже у Верочки Немчиновой из Ленинграда, племянницы М. Н., и у Маруси Рубинной, к-рая недавно приехала к Лене и поступила на биофак). Если, паче чаяния, получу все же подъемные (мне полагается ок. 2,5 тысяч) или что-нибудь вместо них, хоть какой-нибудь «энный процент», по выражению бухгалтера, - тотчас вышлю что-нибудь Вам. А пока я сделал вот что: 1) в ожидании Вашего письма списался с Д. М. П. (его адрес: Казань, 43, Новосибирская, б) и вчера получил от него открытку с сообщением о том, что он говорил о Вашем гонораре за рисунки к V тому «Всемирной истории» с Б. Д. Грековым, но т. к. оказалось, что сей муж зело мудрый подал в отставку и не состоит уже директором Ин-та Истории, то он, по просьбе Д. М., говорил о Вас с самим А.Д. Удальцовым, как народно приезжавшим на несколько дней из М-вы в Казань. Надеюсь, что это ускорит дело.

2) Написал о том же Смирину, который на днях прислал мне письмо (от

1.X) с просьбой... выслать ему оставшиеся за мною статьи для III тома «Всемирной истории» («Папство» и «Германия в XI-XV вв.»). Он просит писать ему по адресу: Б. Калужская, 19, Институт Истории Академии Наук, сектор истории средних веков, М.М. Смирину. На всякий случай сообщаю Вам и адрес В. П. Волгина, который может Вам пригодиться, как главный редактор «Всемирной истории»: Свердловск, Уральский Филиал Академии Наук СССР, академику имя-рек. Этим кончается деловая часть моего письма и начинается часть лирическая и меланхолическая (так любил характеризовать главы своих докладов по аграрной истории раннего средневековья один мой ученик - студент ИФЛИ, Дорошенко).

18.X. Не огорчайтесь тем, что Ваши девочки временно прервали занятия в школе и в Университете: Лена начала здесь ходить в школу только с 7/X (октября). В вузах Москвы занятия, правда, начались 1 сентября, но в Томске ни в Пед. Ин-те, ни в Т.Г.У. занятия до сих пор еще не начались, и оба учреждения находятся в состоянии перемещений и переездов. Пед. Ин-т прочат даже куда-то в район, в пункт, отстоящий на несколько сот километров от жел. дороги, так что он будет еще хмельнее Хмельников. Вопрос этот должен решиться завтра; тогда и мне придется серьезно подумать о своей судьбе, ибо везти маму (да и М. Н.) по Оби в сибирскую осень (на барже!) более, чем рискованно. К тому же, там мне предстоят те же семнадцатичасовые ночи без керосину, без книг, без людей и проч., о которых пишете Вы, но зато с сибирскими морозами и метелями. Сейчас мое служебное положение таково: я состою штатным профессором и зав. кафедрой всеобщей истории в Пед. Ин-те; там у меня основное штатное место, но с 1 октября меня зачислили по совместительству на ставки и в Т.Г.У. (денег пока не платят), где имеется историко-фил. фак., открытый вновь лишь в 1940-м году (раньше он существовал всего в течение пяти лет, с 1917 по 1922 год; тогда-то здесь и преподавали С. И. Протасова и покойный М.М. Хвостов). Однако на ставки меня зачислили только из формальных соображения - потому что К.В.Ш. (филиал которого находится как раз здесь) не разрешает совместительство в больших размерах. На самом же деле в Университете имеется полная штатная единица (причем основное количество часов падает на II семестр), и он нуждается реально в предоставлении ее мне, т. к. я - увы! - единственный медиевист в г. Томске. Поэтому университетский декан предлагает мне - в случае выезда Пед. Ин-та из Томска уйти оттуда вовсе и перейти в Университет на основную штатную работу. Я это предложение охотно приму, если только Пед. Ин-т не будет чинить мне препятствий. Впрочем, и это предложение связано с отрицательными последствиями: не говоря уже об уменьшении заработка, имею в виду непрочность самого Ист.-Фил. фак. Т.Г.У., к-рый состоит всего из первых двух курсов. Теперь Вы поймете, почему вопрос о подъемных и авансе столь туманен. Но все это должно решиться в ближайшие дни; я во всяком

случае буду стремиться остаться в Томске. Пока живу в квартире, предоставленной мне Пед. Ин-том; останется ли она за мною, если он уедет, - не знаю. У нас в квартире из трех маленьких комнаток и кухоньки (с перегородками доверху вместо стен) - 8 человек (перечень см. выше). Обязанности главного истопника и кочегара исполняет Вяч. Ант. Мишке; главной стряпухи - Марг. Ник.; министра снабжения - Алик, товарища министра снабжения - Лена (они носят в судках обеды из студ. столовой, т. к. собственной стряпни не хватает, а главное, не хватает сил на нее); председателем конфликтной комиссии по-прежнему состоит мама. Маруся Рубина приехала, чтобы учиться на биофаке, но пока таскает экспонаты музеев Т.Г.У., т. к. он тоже переезжает (в пределах Томска). Вера Немчинская, окончившая в Ленинграде биофак с отличием, поступила здесь на службы. - М.Н. по приезде сюда заболела острой декомпенсацией серд. деятельности с отеками ног (впервые в жизни!); теперь это несколько прошло, но у ней масса хоз. забот и хлопот, и она очень устает. Я все время оч. занят орг. и обществ. работой, и тем не менее пытаюсь заниматься, - главным образом с целью добиться внутреннего равновесия духа, чего-то вроде стоической атараксии. Отчасти и иногда это удается, но далеко не всегда, т. к. книг по истории в библиотеке Т.Г.У. маловато, то штудировал привезенные с собою философские книги (кстати: из М-вы взял не более 50-60-ти книг; все остальное - там; зато захватил большую часть тетрадей с выписками и конспектами, а также рукописи). Недавно раскопал здесь в библиотеке нек-рые монографии по варварским правдам и понемногу их изучаю. - Квартира моя в М-ве пока за мною, и Иванов даже квартплату внес. Недавно в М-ву по командировке ездил Иоэль Нафтальевич (вся семья его здесь, и он тоже приезжал сюда); теперь он, судя по телеграмме, поданной с дороги, как раз из Ростова-Яр., - уже на пути в Чкалов (Оренбург), откуда хочет перебраться в Томск, хотя твердой опоры здесь не имеет (в смысле заработка).

Живем мы здесь все дружно (Кобленцы - на отд. квартире), но скудно - в материальном и духовном отношении. И нам грозят описанные Вами семнадцатичасовые ночи со всеми их атрибутами и притом, не только в районе, но и в самом Томске.

Я живу в значительной мере надеждами и письмами, которых получаю немало отовсюду: из М-вы, из Казани (от Д.М. П.), Ферганы (от В.М. Лавровского), Каменска-Челябинского (от Брускиных) и проч. Получил и два-три письма от своих бывших учеников (студентов и аспирантов). На днях прочел лекцию учителям средней школы на тему: «Исторический миф третьей империи» (о «свящ. Римской Империи» в X-XIII вв.). Как я слышал потом, мои слушатели как будто остались довольны.

Часто вспоминаю летний вечер 23 июня, когда Вы были у нас, и я все занимал Вас терминами лангобардского права, а М. Н. советовала «быть с веком наравне». Жалею, что тогда не уговорился с Вами, как нам списаться и

установить связь друг с другом. Здесь бывают неожиданные встречи: встретил Николая Розова, окончившего со мною Кекинскую гимназию (высокий такой! Теперь он - антрополог), астронома К. Л. Баева, который примерно в 1914 году приезжал к нам в Ростов из М-вы читать лекцию о «Звездном Небе». Но, в общем, из близких людей - никого, кроме своей семьи. «Кончаю. Страшно перечесть». Письмо так разбухло, что боюсь, не дойдет. Мама (она, кстати, чувствует себя здесь не хуже, чем в М-ве), Лена, М.Н., Роза Ник., Вяч. Ант. и все Кобленцы просят передать Вам серд. привет. Привет от меня Е.И, Софе и Шуре. Всего, всего лучшего. Пишите пока в Томск.

Ваш А.Н.

С.П. Моравский - А.И. Неусыхину

Село Хмельники.

9.XI.1941 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Вчера получил Ваше письмо от 17-18.X и очень ему обрадовался, хотя содержание его и не так, чтобы очень радостное. Но я все-таки очень обрадовался, во 1-х, потому что это письмо от Вас, во-вторых, потому что из него узнал, что Вы получили мое письмо от 4.X, а меня очень угнетало опасение, что оно совсем не дойдет до Вас: ведь сидеть здесь и думать, что можешь сноситься с внешним миром только при помощи писем, которые доходят до адресата через 2-4 недели, а то и вовсе не доходят, ужасно грустно. Кстати, Ваше предыдущее письмо от 12.X я тоже получил, но гораздо позже, чем Шура письмо Лены, написанное, кажется, в тот же день. Я решил подождать с ответом на него в надежде, что Вы все-таки получите мое письмо от 4.X и еще раз напишете: так оно, к счастью, и случилось.

После этого введения (которое мне несколько напомнило одно из Писем темных людей) перехожу к содержанию Вашего письма. Я назвал его не очень радостным, так как из него увидел, что Вы похожи на дядюшку из Америки, пожалуй, немного более меня: Ваши 800 р. в городе имеют, вероятно, такую же ценность, как мои 300 в деревне, и все Ваши надежды - на проблематическую получку подъемных, как мои - на еще более проблематическую получку моего гонорара из Института истории и из Госполитиздата. Но все-таки, если Вы свои подъемные получите, то я буду Вам очень-очень благодарен, когда Вы малую толику из них пришлете мне, так как мое положение весьма скверное, и с каждым месяцем будет ухудшаться. За это я обязуюсь в случае осуществления моих надежд вернуть Вам то, что Вы мне дадите. Но предупреждаю, что шансов у меня немного, еще меньше, чем у Вас. Из Института истории я 9.X получил половину своих денег, и это вывело меня на время из прямо-таки отчаянного положения; но остальную половину обещали прислать через полтора месяца, а Госполитиздат - после 1 ноября;

при теперешних же обстоятельствах я очень мало надеюсь на исполнение ими этих обещания; я даже не знаю, в Москве ли оба эти учреждения; 10.X я писал Грачевой (своей поверенной по делам в Институте), но до сих пор никакого ответа не получил. Если Вы узнаете, где теперь Институт истории и Госполитиздат, то, пожалуйста, напишите.

Теперь, покончивши с этими проклятыми деньгами (которые, однако, имеют наглость играть решающую роль в нашей жизни), могу перейти к лирической части; но должен сказать, что моя лирика очень своеобразная. Если бы я был поэтом, то написал бы большое стихотворение на тему о том, как тоскливо сидеть в темноте и не иметь возможности зажечь свет, или о том, как неприятно пить чай без сахару, а то - о прелестях благоустроенной уборной или дифирамб неизвестному изобретателю спичек.

Здоровье мое как будто немного поправилось, но руки и ноги продолжают болеть не меньше, если не больше прежнего: я, например, совершенно не могу сам снять с себя жилет, или надеть шубу. Что же касается настроения, то его нельзя назвать иначе, как отвратительным.

Отчего Вы ничего не пишете о том, как питаетесь и какие у Вас там цены на продукты. Здесь ходят слухи, что в некоторых городах на востоке с этим делом очень неблагополучно и цены на все чудовищные. Впрочем, это, может быть, выходит за пределы Вашей компетенции и является специальностью Маргариты Николаевны. Был бы очень рад, если бы она воспользовалась этим поводом и вступила бы со мной в переписку. Но вот о чем должны написать Вы, это об условиях Вашей работы в университете и пединституте и как Вы себя там чувствуете.

Ваших писем, адресованных в деревню Хмельники, я не получал, но письма Кобленца с таким же адресом, притом совершенно фантастическим, я, к удивлению своему, получил и на него ответил в Оренбург (на Бабью улицу, в квартиру Бабьева). Ну, пока довольно: и бумага кончается и уже начинает темнеть. Пишите мне почаще - письма, особенно Ваши, для меня единственное утешение. Сердечный привет и пожелания всего лучшего Вам и всему Вашему семейству, а также Розе Николаевне и Вячеславу Антоновичу.

Искренне любящий Вас С. Моравский.

Если у Вас в Томске водится бумага, пришлите мне несколько листочков.

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

Томск.

9.XII.1941 г.

Дорогой Сергей Павлович!

Получил на днях Ваше письмо от 9.XI.41, но несколько задержался с ответом, надеясь, что скоро выяснится вопрос о моих подъемных. И он, действительно, выяснился, но - увы! - отрицательно: из Наркомпроса (из Кирова)

пришла бумага о том, что в выдаче подъемных мне отказано, - на том основании, что я не был командирован в Томск Наркомпросом, а был вызван сюда местным Пед. Институтом. «Основание», конечно, неосновательное, но что поделаешь? Буду теперь хлопотать о выплате мне денег из местных сумм, но на это - слабая надежда. А из моего заработка, к великому сожалению, ничего послать Вам не удастся, - при всем моем искреннем желании Вам чем-нибудь помочь. Вы интересуетесь моими занятиями в Университете. Читаю там общий курс средней истории (с 23 окт. по 2 раза в неделю) и дошел до Карла В. Во II семестре должен вести семинарий на II курсе (не специальный), если только он состоится («он» - и семестр и семинарий). От студентов я далеко не в восторге: слушают все они внимательно, но воспринимают пассивно, элементарно, без живого интереса, как-то по-ученически, словно школьники VI-VII класса. Есть среди них и счастливые исключения, но даже эти «звезды первой величины» на Томском небосклоне, и те светят куда менее ярко, чем рядовые, самые средние московские студенты. С этими последними, вернее, с некоторыми из них поддерживаю переписку - в частности, со студентом IV курса Истфака МГУ Зубковым, которого должна знать Софа, т. к. он работал у меня во II сем. 1940/41 г. в том практикуме, на II курсе МГУ, в котором она так и не смогла участвовать по болезни. Зубков этот сейчас преподает в школе возле Алма-Ата. Пишут мне и ифлийцы, в том числе и столь любимый мною «гениальный» Серовольский («гениальным» он не сам себя считает, а его так аттестуют), но и их письма далеко не всегда приносят радость: так, из них я узнал, что погиб один из самых талантливых студентов II курса МИФЛИ, некто Миндин (19-ти лет).

В здешнем Пед. Ин-те я совсем не имею часов, - в виду слияния первых двух его курсов с Истфаком ТГУ, и лишь заведую там кафедрой всеобщей истории, за что получаю мзду небольшую (200 р. в месяц), а хлопот и забот - полон рот. Утешает меня несколько Университетская Библиотека, где можно найти небезынтересные книги (в том числе и спец. монографии на иностр. языках) и где всегда светло и сравнительно тепло (первое у нас дома бывает лишь иногда, а второе - почти никогда), но, к сожалению, мало времени на нее остается. Т. к. М. Н. вся в заботах о базаре, обеде, в угле и в саже и все твердит две строчки из Блока:

«Черный уголь - подземный Мессия,
Черный уголь здесь - царь и жених!»,

то она совсем не способна к эпистолярному стилю и просит извинить ее за «неграмотность» (она не успевает даже ничего читать); она шлет Вам сердечный привет и передает через меня цены на продукты, которые Вас интересовали: мясо - 34-40 р. кило; масло - 120-130 р. кило; яйца - 30 р. десяток; молоко - 10 р. литр; сало - 80-100 р. кило; картошка - 20-30 р. ведро.

Мы покупаем из всего этого только мясо и овощи (брюкву, свеклу, мор-

ковь, иногда капусту и очень редко - картошку), т. к. это - всего дешевле и легче всего достать. Молоко брать перестали (хотя мама в нем очень нуждается), т. к. его трудно достать, а масло и яйца покупать явно невыгодно. Все служащие члены нашей семьи, кроме того, обедают в столовых при соотв. учреждениях. Подобная продуктологическая ситуация (хороший термин, не правда ли?) - чисто Томское явление: в Нарымском крае, на Алтае всего много и все гораздо дешевле, - также - и во многих пунктах Средней Азии.

Теперь о Кобленце. Пока шла наша переписка с Вами, он уже опять очутился в Томске, на этот раз надо думать, - всерьез и надолго, предварительно успев слетать (в переносном смысле) в командировку в Чкалов (Оренбург) и Москву и вывезти оттуда Славу и Любу Мишке (оба уже поступили здесь на работу), а потом опять побывать в Оренбурге и, наконец, вернуться в Томск. По дороге он останавливался в Ростове-Яр. и даже был в гостях у В.И. Шухвастова.

Моя Муза - в ладу с Вашей и принципиально приемлет «тематику» ее песен и даже приветствует ее (в особенности же дифирамб изобретателю спичек и прославление благоустроенной уборной), но, к сожалению, она у меня вообще молчит бедняжка, не до песен ей: «intеп аrma silent musae».

Надеюсь, что боли в руках и ногах у Вас - чисто нервного происхождения и являются симптомом небольшого неврита, часто сопровождающего грипп, как его осложнение.

А как здоровье Софы? Как чувствует себя Евлампия Ивановна? Работает ли Шура где-нибудь и где? Почему она не ответила Лене?

Мама, М.Н., Лена и Роза Ник. шлют привет Вам и всем Вашим. Кроме того, Вас приветствуют два семейства: Кобленц - Мишке. Вяч. Ант. просил передать Вам особый привет и с большой теплотой вспоминал Вас (он у нас теперь - главный истопник).

Ну, будьте здоровы, дорогой Сергей Павлович, и пишите. Привет от меня всем Вашим.

Ваш А. Неусыхин.

С.П. Моравский - А.И. Неусыхину

Село Хмельники.

11.I. 1942 г.

Дорогой Александр Иосифович,

Вот уже две недели, как я получил Ваше письмо, которое с таким нетерпением ждал, а сам сажусь за свое только сегодня. Главная причина такого откладывания - отвратительное настроение, апатия, лень и какое-то подавленное состояние духа, в котором я нахожусь все это время, а потом к этому прибавилась другая - разбились мои очки, которыми я пользовался для чтения и письма, и писать мне теперь очень трудно: быстро устают глаза; наконец, все не было оказии в Ляхово, а завтра туда как раз идут за получением хлебного

пайка (точнее - мучного), который выдают каждую декаду. Кроме того, мои письма так безрадостны, что могут только навести на Вас уныние, и вполне естественно, что я с этим не тороплюсь.

А радоваться мне, уж действительно, нечему. С каждым днем жизнь становится все тяжелее и тяжелее. Мой главный враг - темнота, правда, пошла на убыль (почти полтора самых темных месяца уже позади), но все же еще больше двух месяцев ночь будет длиннее дня. К тому же к темноте прибавился холод - враг, пожалуй, хуже темноты: я уже не раз в комнате сидел в шубе и, лежа в постели, со страхом думал о том, что надо вставать. А к этой компании скоро присоединится еще один приятель, пожалуй, похуже всех остальных - голод. Питаемся мы сейчас исключительно хлебом, картошкой, капустой и мясом; скоро истощится запас мяса, потом капусты, потом картошки. Останется один хлеб, который нам выдают по государственной цене и которого уже теперь не хватает. Что мы тогда будем делать, я даже думать боюсь, так как на пенсию я уже теперь с трудом могу купить пуд муки. Мало помогут даже деньги, если я их получу от Института истории или Госполитиздата; если бы мне прислали их своевременно, я бы обеспечил себя на весь год, а теперь их ценность снизилась, по крайней мере, в десять раз. Сейчас мы пока еще не голодаем, хотя, правду сказать, мне очень надоело каждый день есть одно и то же. К тому же наш запас сахару, керосину, спичек и табаку давно уже истощился: чай мы пьем теперь все время без сахару и каких бы то ни было его эрзацев, а с остальным мы пока еще кое-как перебиваемся, побираясь понемногу и добывая то щепотку табаку, то коробку или даже несколько штук спичек. Несколько дней я курил махорку, смешанную с нафталином, которую добыл из сундука с платьем; если бы это продолжалось недельку-другую, я, пожалуй, отучил бы себя от курения - до того этот табак был отвратительным; это мне напомнило тот напиток, которым чеховский театральный парикмахер вылечил от запоя приезжего гастролера.

С Петрушевским я, наконец, вступил в переписку и уже дважды обменялся письмами. Особенно он меня обрадовал тем, что послал мне письмо, не дожидаясь моего, которое в это время уже шло к нему. От Дмитрия Моисеевича я узнал, что Институт истории, бывший в Казани, уехал в Ташкент, а оттуда, может быть, Алма-Ата. Так как я не знаю, есть ли там кто-нибудь из моих знакомых, то я попросил его быть моим ходатаем относительно оставшейся за Институтом второй половины моего гонорара. Прошу его, также как и Вас, сообщить мне адрес Госполитиздата, если его узнаете.

Мороховцу я не писал, думаю, что сообщенный Вами его адрес временный. Напишите, где он сейчас и что с ним, Я имею о нем очень тревожные сведения, не знаю только, насколько они достоверны: Евлампия Ивановна, бывшая с месяц тому назад в Ростове у Домбровского, слышала от него, что, по словам Клавдии Ивановны Шухвостовой, у Мороховца рак и положение его безнадежно.

Вы спрашиваете о здоровье Евлампии Ивановны и девочек. И тут дело

обстоит далеко неблагополучно. Лампуша совсем измоталась; кроме обычных хозяйственных дел и забот здесь много сил и времени надо тратить на таскание воды и на дрова - распиливание упавших деревьев в лесу, доставку домой, распиливание бревен, раскалывание их на поленья, таскание на второй этаж; к этому надо прибавить хождение по самым разнообразным делам в места, отстоящие от Хмельников на 5-20 километров, особенно тягостные теперь в морозы и вьюгу. Все это замучило Лампушу и ее единственную помощницу Шуру. Софа в этом не может принять участие, т.к. кроме главного осложнения - головных болей, у нее получились еще осложнения в виде растяжения жил в руке и закупорки сосудов в ноге. Нервничает она еще больше, чем в Москве, и нервирует всех нас. Если прибавить все это к известным уже Вам материальным лишениям и невзгодам, то получится невеселая картина, и я не знаю, долго ли я в состоянии буду выносить такую жизнь.

Ну, довольно об этом. Пишите о себе и почаще: не забывайте, что письма друзей и особенно Ваши - единственная отрада в моем здешнем существовании. Не следуйте моему примеру и не откладывайте ответного письма надолго. Очень жаль, что Маргарита Николаевна возводит на себя клевету в неспособности к описательному стилю и не желает написать мне хотя бы коротенького письмеца.

В заключение поздравляю Вас с днем рождения, не помню уж которого - сорок второго или третьего. Желаю Вам прожить еще, по крайней мере, столько же лет, а себе - отпраздновать Ваше рождение в обычной обстановке, т. е. в Москве при участье моем и всего семейства Брускиных. А пока шлю Вам и всем Вашим привет и искренние пожелания здоровья и всяких других благ. Лампуша и дети также просят передать свой привет. Кланяйтесь от меня также семейству Кобленца-Мишке и особо Вячеславу Антоновичу, к которому я всегда чувствовал большую симпатию.

Искренне любящий Вас

С. Моравский

А.И. Неусыхин - С.П. Моравскому

Томск.

31.I.1942 г.

Дорогой Сергей Павлович!

На днях получил Ваше письмо от 11 января. Боже, какое оно мрачное! Но и мое будет не веселее. Прежде, чем рассказывать о себе, хочу поблагодарить Вас за поздравление с днем моего рождения (увы! 44-го!). Вполне присоединяюсь к Вашему пожеланию встретиться с Вами и Брускиными в М-ве по случаю следующей юбилейной даты моего земного странствия, и даже еще гораздо раньше ее наступления. Адрес Госполитиздата, к сожалению, не знаю, но зато твердо знаю, что Институт Истории в Ташкенте и очень сове-

тую Вам написать Е.А. Косминскому (Пушкинская, 84, кв. 15), к-рый почему-то прислал мне из Ташкента целых три письма, и либо узнать у него точный адрес Ин-та, либо попросить его передать туда Ваше заявление по поводу гонорара и похлопотать за Вас. Думаю, что помочь Вам в таком деле и «принц Гарри» не откажется. А теперь начинаю «повесть временных лет»... о самом себе. «Печален будет мой рассказ». Из трех Ваших врагов - холода, темноты и голода - первый одолевал нас в течение двух месяцев (ноября и декабря) и только в январе мы запаслись, наконец, дровами и научились топить углем здешние грандиозные печи; темнота угнетала нас больше месяца и как раз в самые короткие дни, да и теперь электрический свет включается не раньше одиннадцати часов вечера, а остальное время сидим при единственной, очень плохой керосиновой лампочке да при коптилках. Третий Ваш враг подкрадывался к нам исподволь, но зато основательно схватил нас за горло и не отпускал до самого конца января; на днях только открылась столовая для научных работников (более или менее приличная) и закрытый распределитель для них же. Но в столовой все дорого, а у меня хроническое безденежье, т. к. семья большая, работник - я один, а зарплату в Т.Г.У. и Пед. Институте выдают с опозданием на месяц-полтора. Но что все это сравнительно с картинами Вашего быта, нарисованными в Вашем письме и письме Шуры к Лене! Да и главная моя беда сейчас не в этих - в конце концов второстепенных неурядицах, которые легко пережить и перенести, если проникнуться сознанием грандиозности развертывающихся мировых событий и необходимости работать в любых условиях, делая свое дело на любом посту для того, чтобы оказать посильную помощь разгрому немцев. Главное мое горе - болезнь мамы, которая приняла совершенно новые формы. В середине декабря с ней случился обморок, после которого она превратилась в инвалида; паралича не было, но она постоянно лежит, совершает все физиологич. отправления в постель, иногда по целым суткам днем и ночью без всякого смысла выкрикивает одни и те же стереотипные фразы или отдельные слова (напр., «девять, девять, девять», «где мой муж, муж, муж?», «который час?», «сестра Дуня, милая Дуня» или «К родителям, к родителям», «запор, запор» и т. п.), а то и просто кричит: «ай, ай», но страшно громко, с неимоверной силой голоса, так что ни спать, ни заниматься, ни даже просто чай пить и разговаривать под этот крик совершенно невозможно. Ответы на ее собственные вопросы не доходят до ее сознания: так напр., Вы можете ей десять раз сказать, что сейчас 8 часов вечера, а она будет продолжать выкрикивать: «Который час, который час?». Иногда у ней начинается форменный бред: так, она воображает, что лежит в больнице и принимает М. Н. за сиделку или за сестру милосердия, а по временам - и за нашу московскую домработницу Грушу, меня - за врача и проч. На днях у меня с ней произошел следующий жуткий диалог: Она - а где мой муж? Я: Он умер. Она: Умер? Когда? Я: Давно. Она: Давно? А кто же

у меня остался? Я: Сын. Она: Сын? А кто это? Я: Шура; в ответ на это - молчание и внезапные выкрики: «ой, Дуня, Дуня, милая Дуня!» И заметьте: этот разговор имел место в минуту относительного просветления, т. к. обычно она не связывает совсем вопросы с ответами, - даже в такой бредовой форме. Приглашенный мною здешний профессор психиатрии Перельман, очень интеллигентный человек, учившийся в Лозанне и Москве, диагносцировал ее болезнь, как aterioscIerosis cerebri + dementia senilis и объяснил мне, что у ней склероз мозга не локализировался, а принял «разлитое» течение, поразив все капиллярные сосуды мозга в целом, а это приводит к распаду подкоркового вещества и к общей дементности. Но не дает отдельных ударов и параличей. Советовал поместить ее в психиатрич. лечебницу (куда сейчас перевелся моск. Институт психиатрии им. Ганнушкина), в отделение соматиков или психопатоворгаников; написал даже письмо директору лечебницы, у которого я вчера был; он принял меня очень любезно и обещал положить ее в любой момент. Но у меня как-то душа не лежит к этому, тем более, что последние 2-3 дня она стала гораздо спокойнее и сознательнее (впрочем, Перельман предупреждал меня о возможности приливов и отливов и советовал их игнорировать, как явления крайне неустойчивые).

Беда в том, что лечебница за городом, в 8-ми верстах отсюда, а сейчас стоят сильные морозы (сегодня утром было 41° по С). Поэтому решили пока подождать с помещением мамы в больницу (хотя все наши уже сбились с ног); по совету Перельмана, мы пригласили еще терапевта, профессора здешней клиники, так как у мамы бывают и сердечные припадки (однажды пришлось ночью вызывать карету скорой помощи и вспрыскивать ей камфору под кожу). Завтра этот терапевт у нас будет; посмотрим, что он скажет. Переживаю зачастую страшные мгновения: воочию вижу разрушение человека, приближение смерти, разложение заживо, ужас и безобразие. Стараюсь напрячь все внутренние силы для вытеснения этих страшных признаков, но не всегда это удается. И вдруг я сам начинаю издавать вопли, совсем как больная мама. Можете себе представить, какая у нас дома идиллия!

Кроме того, у меня стало много работы: экзам. сессия в Университете - где я прочел в 1 сем. 1 часть курса среди. истории (сессия в заочников в Пед. Инте, писание популярной брошюры, чтение популярных лекций и проч. В газетах опубликовано было сообщение о том, что 2/II. 1942 в Моск. Университете начинаются занятия на восьми факультетах, в том числе на вновь открытом историко-филологическом, который составился из объединения истфака МГУ с ИФЛИ. Я сейчас же отправил письма в Москву С.Д. Сказкину и Галкину с сыном В.В. Казанцева, который был эвакуирован в Томск, а теперь возвращается в М-ву; в этих письмах я просил их вызвать меня от имени ист.-фил. - фак. по окончании II семестра (раньше меня не отпустят отсюда). Но вчера Лена получила письмо из Ашхабада от своего товарища, отец которого - проректор

Университета; он пишет, что Галкин назначен ректором (!?) Моск. Университета, а С.Д. Сказкин - деканом ист.-фил. фак. (что Сказкин в Ашхабаде - это я знал и раньше, но думал, что он теперь вернулся в М-ву). Так и нельзя понять, где же М.Г.У. - в Ашхабаде или в М-ве; придется писать Сказкину и Галкину в Ашхабад. Расскажите обо всем этом Софе. Как ее здоровье? Закупорку сосудов в ноге надо серьезно лечить и ни в коем случае не ходить с этим!

Е.А. Мороховец сам не может писать, так как у него болит рука; со мною до сих пор переписывалась К.Ф., но от нее что-то долго нет вестей. Напишу ей и проверю Ваши тревожные слухи. С Д.М.П. переписываюсь регулярно. Боюсь, что меня нескоро выпустят из Томска, тем более что во II сем, у меня будет колоссальная нагрузка (правда, он закончится к 1 июня). Пора кончать письмо, а то оно не дойдет из-за размеров.

В московской «Правде» от 17/1-42 г. опубликовано распоряжение Моссовета о запрещении вселять в квартиры лиц, эвакуированных из М-вы, кого бы то ни было (даже на время) и о выселении незаконно вселенных. Имейте это в виду! Имущество эвакуированных должно охраняться.

Привет Е.И., Софе и Шуре; М.Н., Лена и все Кобленцы-Мишке Вам и всем Вашим сердечно кланяются (особо - Иоэль Нафт. и Вяч. Ант.). М.Н. чувствует себя неважно, крайне переутомлена и просит извинить ее за неспособность писать, Всего лучшего!

Ваш А. Неусыхин

А.И. Неусыхин - семье С.П. Моравского

Телеграмма - Моравской

Томск.

28.III.1942 г.

Глубоко потрясены смертью дорогого Сергея Павловича ждем писем. Елизавета Алексеевна скончалась.

Неусыхин

Томск.

12.III.1942 г.

Дорогие Евлампия Ивановна, Софа и Шура!

Только что получил Вашу телеграмму и глубоко потрясен смертью горячо любимого Сергея Павловича: с тех пор, как я лишился отца, Сергей Павлович как бы заменял мне его; да и сам он любил меня как отец родной. Из всех учителей Кекинской гимназии я был связан самыми кровными узами именно с Сергеем Павловичем и Евгением Андреевичем, и вот обоих не стало... От чего умер бедный Сергей Павлович: От сердечного припадка, от какого-нибудь острого заболевания или от простуды? В последнем письме он жаловался на очень плохое самочувствие и писал, что не знает, перенесет ли все это; но я

утешал себя тем, что это, м.б., у него от вполне понятного плохого настроения, и вот - неожиданный конец... Примите искреннее соболезнование и сочувствие в нашем общем горе от меня, Маргариты Николаевны и Лены: все мы одинаково любили Сергея Павловича. Сообщите, пожалуйста, если Вам это нетрудно, об обстоятельствах его смерти, - когда он скончался, от какой болезни, был ли в сознании перед смертью, страдал ли. От мамы ни привета, ни сочувствия передать не могу: она скончалась в ночь с 5 на 6 февраля от кровоизлияния в мозг после полуторамесячных тяжелых страданий, - психических и физических: она хоть и не была парализована, но почти не могла подняться с постели, непрерывно кричала дни и ночи и почти все время бредила - не от жара, а от полного душевного расстройства... Я все собирался написать об этом Сергею Павловичу, но было очень тяжело писать, и я ждал ответа от него на мое последнее письмо, в котором я описывал болезнь мамы и куда вложил - по просьбе С. П. - листок бумаги для ответа... Но, вероятно, он уже не успел прочесть это письмо. Напишите, пожалуйста, прочел ли он его, и получено ли оно Вами. Я вдвойне осиротел теперь (за один год - три смерти близких людей) и не у кого искать утешения... да и те, что остались в живых, чувствуют себя больными: у М. Н. был сильный сердечный приступ (на почве спазм сердечных сосудов), после которого она уже больше недели отлеживается. Лена совершенно изнервничалась и потеряла опять то равновесие духа, которое с трудом приобрела за последние несколько лет. Дмитрий Моисеевич пишет из Казани (в открытке от 25/II, что и он сам, и сын его (Вас. Дм.) больны сердцем и лежат в постели. Я еще пока кое-как держусь: много работаю (ведь на мне - 3 человека с сестрою М. Н., кроме меня самого!) и стараюсь по возможности забыть свое горе или как-то побороть его. Но надолго ли и меня хватит - не знаю. Очень советую Вам хлопотать о том, чтобы за Вами закрепили хоть пенсию Сергея Павловича и выплатили гонорар из Института Истории. Адрес: Москва, Б. Калужская, 19; я знаю, что зам. директора Института Анна Михайловна Панкратова вернулась в Москву и работает по этому адресу. Кроме того, можно написать в Ташкент, где имеется отделение Института и находится его директор акад. Борис Дмитриевич Греков; лучше написать ему через Евгения Алексеевича Косминского (адрес: Ташкент, Пушкинская ул., д. 84, кв. 15). Полезно обратиться и к Дмитрию Моисеевичу (если он выздоровел) по адресу: Казань, 43, Новосибирская ул., д. № 6. К сожалению, мне неизвестен адрес К.Р. Симона, и я не знаю даже, в какой город он переехал. Напишите, пожалуйста, о Ваших материальных делах. А пока позвольте от всей души пожелать Вам всем бодрости и сил для дальнейшей жизненной борьбы.

Ваш Неусыхин.

М.Н. и Лена шлют всем сердечный привет.

P.S. Как у Вас обстоит дело с московской квартирой? Простите за плохие чернила и бумагу: лучших нет.

Ваш А.Н.

P.S. Сейчас узнал от И.Н. Кобленца, что Симон в Ташкенте. Напишите Симону по адресу Косминского, ибо Косминский живет в общежитии Академии Наук, а Симон там работает.

А.Н.

Томск.

28.III.1942 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 8 марта, из которого вижу, что папа скончался, по-видимому, от общей пиэмии (общего заражения крови), наступившего, вероятно, в результате занесенной в организм инфекции. Выражением и проявлением этого общего процесса и явились нарывы и опухоли на руке и на виске; ослабленный организм не смог преодолеть пиэмию, от которой вообще редко выздоравливают. (Багряные пятна здесь особенно характерны.) Ты просишь меня «быть папой», но ты, конечно, лучше меня знаешь, что заменить тебе папу никто не сможет, - тем более такого папу, как Сергей Павлович... После смерти моего отца (мне тогда еще не было тридцати лет) я испытывал то же самое, что ты сейчас, и тогда Сергей Павлович и Евгений Андреевич, как мои учителя и старшие товарищи и друзья, отнеслись ко мне, как к родному сыну. И вот теперь обоих нет... А моя бедная мама, пережившая себя еще при жизни, покоится на Томском кладбище, на чужбине. Я вдвойне, втройне осиротел и сам... Все, что окружало меня с детства, ушло. И все-таки хоть и невозможно заменить родного отца - все, что смогу, конечно, сделаю. Главное - ты не унывай и не падай духом, и старайся подбодрить маму и Софу. Помни, что у тебя есть друзья, которые Вас всех не оставят. Если бы у меня в данный момент была хоть копейка денег, я бы немедленно выслал их по телеграфу. Беда в том, что я получаю на руки на всю семью в 4 человека (с нами Роза Николаевна) 800 р. в месяц в Университете (истфак Пед. Ин-та слили с Университетом), и половина этой суммы уходит на дрова и уголь, так что на питание остается 400 р., т. е. по 100 р. на человека, а продукты оч. дороги. Поэтому питаемся исключительно «столовыми» обедами и хлебным пайком. К тому же у М. Н. был сердечный припадок (спазмы сердечных сосудов), после к-рого ей запрещен всякий физический труд, переложенный на плечи Лены и Р.Н. (я завален работой - служебной и общественной), К тому же М.Н. необходимо прикупать хоть по стакану молока в день, ибо она очень истощена. В довершение всего жалование задерживают и приходится постоянно занимать у разных новоявленных знакомых. Но все-таки, если вдруг будет какая-нибудь экстраординарная получка (м. б., мне в апреле произведут расчет в Пед. Ин-те), непременно вышлю хоть малую толику. А пока написал письмо Е.А. Косминскому в Ташкент (Пушкинская, 84, кв. 15) с просьбой еще раз

поговорить с директором Института Истории АН. СССР Б.Д. Грековым о выплате гонорара С.П. за подбор иллюстраций к 1 т. «Всем. Истории». Дмитрий Моисеевич недавно писал мне, что Греков ответил ему на его просьбу об этом (из Казани) отрицательно, ссылаясь на отсутствие ассигнований, но м. б. на месте в Ташкенте удастся лучше договориться. Я прошу Е.А.К. передать Б.Д. Грекову, что надо игнорировать формальные препятствия (с ассигнованиями, доверенностями и проч.) и как-то помочь семье С.П.

О том же напишу сего дня же С.Д. Сказкину, который прислал мне на днях подробное письмо из Ашхабада, где он состоит деканом объединенного истфака М.Г.У. и ИФЛИ (скажи об этом Софе). Его адрес: Ашхабад, Первомайская, 88.

Недавно И.Н. Кобленц получил письмо от К.Р. Симона; оказывается, он в Ташкенте, и адрес его следующий: Пушкинская, д. № 31, кв. 31, филиал Библиотеки Ак. Наук СССР. Правда, он болен, у него была резекция ребра на почве гнойного плеврита, но пока твое письмо до него дойдет - он, конечно, выздоровеет. Вот пока и все, что могу посоветовать тебе - написать Симону, а Софе - Сказкину (он ведь ее помнит), к-рому и я напишу. Насчет поездки в М-ву, право, не знаю, что и сказать. Прежде всего, боюсь, что Вас всех туда не пустят, а если и пустят, то стоит ли всем ехать? Не лучше ли съездить кому-нибудь одному, получить страховку, забрать некоторые вещи и вернуться обратно? Беда в том, что мы с Вами разделены расстоянием в 3,5 тыс, км. и трудно отсюда правильно разобраться в том, что происходит в Хмельниках. Но все-таки пиши мне почаще, сообщай, что предпринимаете ты и все Ваши.

М.Н. шлет привет и искреннее соболезнование (ей трудно писать). Мой горячий привет маме и Софе. На телеграмму тотчас ответил телеграммой и письмом. Лена пишет отдельно. Будь тверда духом и пиши мне обо всем.

Твой А. Неусыхин.

P.S. Если будешь в М-ве, - обратись к Д.Д. Иванову.

P.S. Шура! Имей в виду, что МГУ. - частью в М-ве, частью в Ашхабаде. Стоит ли при таких условиях поступать в М-ве на биофак?

Томск.

9.V.1942 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 16 апреля (письма от Вас идут очень долго!) и спешу ответить на него по пунктам:

1) Скрывать печальный факт смерти С.П. нет никакого смысла, - особенно из квартирных соображения: ибо а) факт этот все равно станет известным и в) нужно, наоборот, всюду стучаться и добиваться того, чтобы Евлампии Ивановне, как вдове С.П., предоставлена была и пенсия, и квартира. А для этого необходимо всем напоминать о С.П. и его деятельности, его заслугах. С этой целью я (не успев еще получить твое последнее письмо) написал в М-ву в редакцию

«Историч. журнала» письмо, в котором предлагал напечатать некролог о С.П. и при этом подробно охарактеризовал его заслуги. Письмо послано с месяц тому назад, но ответа пока нет. Советую кому-нибудь из Вас написать Б.Е. Сыроечковскому о том же: он человек хороший и со связями; хорошо знал С.П. и Е.А.

2) Вчера получил письмо от Е.А. Косминского из Ташкента (датированное 27/IV); он пишет, что по моей просьбе говорил о гонораре С. П. за иллюстрации к «Всем. Истории» с Б.Д. Грековым (директор Ин-та Истории Ак. Наук) и с А.Д. Удальцовым (зам. дир.). Результат разговора не такой уж безнадежный, а именно: оба они обещали в Свердловске, куда они поехали на сессию Ак. Наук, похлопотать о получении средств для расплаты с договорниками (до сих пор им не давали денег на это) и в том числе - с С.П. М. б., они и выполнят свое обещание, тем более что Удальцов относился к С.П. хорошо (не так, как ко мне!), а Е.А. оставил им обоим (т.е. Б.Д. и А.Д.) записку для памяти перед отъездом.

3) С.Д. Сказкину я и сам писал о С. П., но пока ответа от него не получил. Пусть Софа просто опишет ему Ваше бедственное положение и напомнит о себе. Может, ты напишешь ему? Не стесняйся: он человек простой, добрый и доступный. Сошлись на меня. Я с ним вообще переписываюсь, но по делам С.П. он мне пока не ответил. Я надеялся, признаться, что он (или Е.А. К.) окажут денежную помощь, т. к. оба они - сейчас Лауреаты Сталинской премии (за «Историю дипломатии»). Я, увы! ничем не могу помочь, ибо сам живу наполовину в долг, с трудом занимая и у родных, и у чужих (даже малознакомых) людей...

4) Вам следует найти в М-ве человека, к-рый продал бы хоть часть Ваших вещей и прислал Вам деньги, а Вы бы на них купили козу или какие-нибудь продукты, попробуйте написать об этом Елене Давыдовне Зайцевой (Малая Бронная, 15, кв. 89, Исааку Григорьевичу Райхинштейну, для Е.Д.). Она, наверно, согласится это сделать, т. к. оч. хорошо относилась к С.П. Почему не написали К.Р. Симону? Он был бы очень полезен. Очень полезно было бы также написать Д.Д. Иванову (по адресу Библиотеки Ак. Наук - М-ва, ул. Фрунзе, 11); он - в М-ве, по-прежнему зам. дир. Б-ки и прямое начальство С.П. по службе. Он и пенсию бы помог выхлопотать, и с квартирой и вещами, вероятно, уладил бы дело.

Вот мое мнение; также думает и М. Н. Она все еще слаба, и врачи советуют ей уезжать поскорее из Томска, т. к. сердечным больным вреден здешний климат. Но куда? Не знаю... Мечтаю о М-ве, но пока это - мечты.

М.Н., Кобленцы, Лена тебе и всем Вам кланяются. Лена напишет отдельно. Привет от меня маме и Софе. Как жаль, что она плохо себя чувствует.

Здесь сейчас Виталий, брат Маруси; он поступил на 6 месяцев в артил. училище здесь, в Томске. Пиши мне обо всем.

Твой А.Н.

P.S. Для сохранения моск. квартиры надо обратиться к Д. Д. Иванову, как к начальнику папы по службе: пусть он пошлет бумагу в домоуправление.

P.S. Д. М. не надо сообщать о С. П.: он и сам пишет мне во вчерашней от-

крытке «еле дышу»: у него - резкое ослабление сердечной деятельности. В Тарасовском сборнике он все равно вряд ли принял бы участие, т. к. отрицательно относился к Тарасову; к тому же, он болен.

А.Н.

Томск.

27.V.1942 г.

Дорогая Софа!

Получил Ваше письмо и очень Вам сочувствую. За это время я написал письмо В.П. Волгину с просьбой о том, чтобы он в качестве главного редактора «Всемирной истории» принял меры к выплате гонорара С.П. за иллюстрации. После этого узнал, что В.П. избран вице-президентом Ак. Наук, и думаю, что теперь ему нетрудно будет выполнить такую (в сущности пустяковую) просьбу.

Е.А. Косминский пишет мне из Ташкента, что Б.Д. Греков и А.Д. Удальцов (!) обещали ему перед отъездом в Свердловск на сессию Ак. Наук похлопотать о выплате гонорара. Но на них я, признаться, мало надеюсь, а вот В.П. может и на самом деле оказать помощь. К сожалению, я получил отказ из «Историч. Журнала» в напечатании некролога памяти С. П. (мне прислала об этом извещение Мосина), но я и об этом написал В.П. Волгину, прося его содействия. С.Д. Сказкин очень мило обещал переговорить кое с кем в Ашхабаде о помощи Вам и сообщить мне о результатах этих переговоров. Я прекрасно понимаю, что все это будет нескоро, а время не терпит, и если бы у меня была хоть малейшая возможность, я бы не стал ждать исполнения моих просьб, а взял бы да и выслал Вам хоть малую толику денег. Но у меня этой возможности - увы! - нет, ибо сам живу в долг и впроголодь.

М.Н. все время больна сердцем, а жалования, конечно, не хватает. Других заработков здесь нет, ибо это не Москва.

Получил открытку от Дм. Моис.; он узнал о С.П.; очень расстроен и обеспокоен Вашей судьбой. Я написал ему (по его просьбе) длинное письмо о Вас. Он, вероятно, напишет Волгину и вообще будет хлопотать. Надеюсь, что это возымеет свое действие. (Но сам Д.М. болен сердцем). Написал я и К. Ф. Мороховец. Ее адрес: Башкирия, п о Дюртюли, Красноармейская, д. № 1 (она тоже может воздействовать на Волгина). Вы правы, что у меня было к С.П. сыновнее отношение, а у него ко мне - отеческое. Поэтому его смерть особенно тяжела мне. Пишите. Привет Е.И. и Шуре. М.Н. и Лена кланяются.

Ваш А.Н.

Томск.

22.VI.1942 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 27/V и хочу тебе прежде всего сообщить, что, судя по открытке Дмитрия Моисеевича от 30/V, он уже написал В.П. Волгину по делу об уплате Вам папиного гонорара за подбор иллюстраций к I тому «Всемирной истории». Это очень важно, ибо на просьбу Д.М., конечно, В.П. скорее откликнется, чем на мою... (я отправил ему заказное письмо на эту тему еще 16/V, но до сих пор не получил ответа). Сам Д.М. болен ослаблением сердечной деятельности и больше лежит, чем находится на ногах. О Тарасове он, - как я и думал, - отозвался отрицательно и в сборнике его памяти все равно участия не принял бы. Поэтому я и не стал писать Сыроечковскому. Зато Д.М. очень одобрил мою идею составления сборника памяти С.П. Но как это сделать, когда редакция «Историч. журнала» отказала мне даже в моей просьбе о некрологе? Очевидно, придется отложить и некролог, и сборник до окончания войны.

М.Н. благодарит за приглашение, но приехать, конечно, не сможет, ибо нам нет никакого смысла разбивать семью на части: С.Д. Сказкин писал мне из Ашхабада, что как только решится вопрос о переводе истфака в М-ву, он и Галкин вызовут меня туда; он надеется, что это произойдет к осени, и мы живем «верой, надеждой, любовью»: верой в Москву, надеждой на Москву и любовью к Москве. И твои планы переезда туда одобряю, - тем более, что надо же тебе заканчивать курс в школе. А м. б,. и остальные за тобой потянутся. Хорошо, что ты написала Д.Д. Иванову, К.Р. Симону и Б.Е. Сыроечковскому (по части некролога он вряд ли сможет быть чем- нибудь полезен).

Жаль, что Софа все еще плохо себя чувствует. Я ей ответил на ее письмо. Получила ли она мой ответ? Лена говорит, что она тебе писала и шлет тебе привет: она сейчас много работает в пригородном хозяйстве на с.х. работе (в Ботанич. Саду). Школу она окончила в конце мая и пока подала заявление на филологич. отд. ист.фил. фак. ТГУ (у ней за эту зиму произошел поворот от биологич. наук к гуманитарным). Маруся недавно уехала в Омск, откуда надеется вместе с родителями вернуться в Москву, т. к. II Мед. Ин-т, где преподает А. И., реэвакуируется. Виталий сейчас обучается в арт. училище. Он был некоторое время в Томске, и мы его несколько раз видели, но теперь он уехал в лагеря. Он очень поздоровел, окреп и возмужал.

Ну, будь здорова и пиши мне. Как только я узнаю что-нибудь от В. П. Волгина, - сейчас же напишу. Об отъезде в М-ву (если он состоится!) тоже, конечно, сообщу.

Привет Евлампии Ивановне и Софе. М. Н. и Лена всем Вам кланяются. Всего хорошего. Ваш А. Неусыхин.

Томск.

26.VII.1942 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 7/VII и еще раз прошу тебя писать мне только заказные письма ибо из этого твоего письма опять вижу, что пропало предыдущее твое письмо, в котором ты писала о предоставлении маме пенсии в 150 р. Кто ее предоставил? Как Вы хлопотали об этом? Ничего этого я не знаю. Дело в том, что почтальоны нашего почтового отделения сознательно истребляли письма для того, чтобы не утруждать себя хождением и разноской. Был такой период (в июне), когда половина писем ко мне пропадала; но после того, как они были пойманы с поличным и я подал жалобу в «Главный Почтамт», доставка стала немного лучше. Но все-таки пиши заказными. Поздравляю Вас всех с получением пенсии и трехсот рублей от Д.М. И ему бедному, наверно, нелегко было их урвать; он сам все время хворает, а живет сейчас только на академическое жалование и пенсию, т. к. в Ин-те Истории не состоит. Правда, у него сын работает, но получает он не так много, да к тому же, судя по последней открытке Д.М., сын его захворал серьезно и отправлен в больницу, т. к. у него оказалось 23% гемоглобина в составе крови (жуткая цифра!). А у него жена и трехлетний мальчик, так что теперь Д.М. в его возрасте должен содержать кроме себя еще семью в три человека. «Эх-ма, кабы денег тьма! Купил бы я себе деревеньку!» Нет, не деревеньку. Я вот, если бы я зарабатывал хоть столько, сколько в Москве, то даже при теперешней дороговизне не позволил бы Вам терпеть нужду, да и самому Д.М. постарался бы помочь. А то: «Что я могу? Сам я и беден, и мал,

Сам я смертельно устал

Чем помогу?».

Особенно беспокоит меня М.Н.: она все худеет и худеет; сердце, впрочем, стало как будто немножко лучше. Что Д.М. - не только крупный ученый, но и прекрасный человек и, несмотря на внешнюю суровость, человек очень добрый, - это давно известно. Кроме того, он очень любил папу. Как только он узнал о случившемся (помимо меня) он сейчас же попросил меня написать ему обо всем подробно. Я сообщил ему ряд воспоминаний о С.П. Он очень благодарил меня за это и написал мне, что «мы еще не раз будем возвращаться к дорогому С.П.».

Твое решение поступить в Борисоглебскую школу экстерном одобряю, так же, как и мечты о Москве. Не подумай, что это - противоречие: в школе надо сдать реально курс экстерном, а о М-ве пока следует лишь мечтать, но не упускать возможности претворения мечты в действительность. Так делаю и я (хотя в школу не поступаю). Утешь маму: никто не может знать в точности, когда кончится война и уж, тем более, что она продлится несколько лет; даже наоборот: все ждут разгрома немцев в 1942 году.

У нас вот какая новость: С.Д. Сказкин приглашает меня в МГУ, который переезжает из Ашхабада в Свердловск. Я дал принципиальное согласие и жду вызова, т. к. переезд в Свердловск (и вступление в штат МГУ) важен для меня, как путь в М-ву и как выход из Томского тупика. Но вызова я пока не имею. Раньше сентября,. во всяком случае, не выберусь, и ты пиши мне в Томск. О перемене адреса сообщу. Сейчас я числюсь в отпуску на 2 месяца, т. е. с 25/V и по 15/IX. Лена с 1 июня работает на пригородном хозяйстве по 10 часов в день и так устает, что не способна ни читать, ни писать. Она тебе кланяется. М. Н. и Лена кланяются также маме и Софе. Сердечный привет им обоим и от меня. Всего лучшего. Пиши.

Твой А.Н.

8.Х.1942 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо, но перед отъездом из Томска не успел тебе ответить; поэтому пишу с дороги; мы всею семьею переезжаем в Свердловск, куда я вызван в М.Г.У. и в филиал Института Истории, который будет работать под руководством В.П. Волгина. Теперь я буду получать две ставки (в Ин-те и в МГУ) и, м. б., со временем смогу Вам что-нибудь выслать, после того как несколько осмотрюсь и устроюсь. Кроме того, поговорю о Софе с И.С. Галкиным (зам. ректором М.Г.У., б. проректором ИФЛИ) и С.Д. Сказкиным (деканом истфака). О результатах наших переговоров тебе сообщу.

Только из Свердловска я смогу принять какие-нибудь меры для облегчения Вашей участи. Надеюсь, что удастся что-нибудь сделать. Но что именно, - трудно предугадать заранее. Лена напишет тебе из Свердловска. Она и М. Н. всем Вам кланяются. Мой сердечный привет маме и Софе.

Теперь мы будем ближе к Вам, и наша переписка, м. б., пойдет быстрее.

М. б., у меня со временем наметится и перспектива моей поездки (если не переезда) в Москву. Ну, пока всего хорошего! Пиши мне пока по адресу: Свердловск, Втузгородок, Моск. Гос. Ун-т, Истфак, мне.

Твой А. Неусыхин.

(Письмо на почтовом переводе). 3.XI.1942 г.

Дорогая Шура!

Посылаю пока 500 р. (гл. обр. деньги С.Д. Сказкина и малая толика мои). Надеюсь на днях собрать еще некоторую сумму, С.Д. 10/XI уезжает в М-ву, и я попрошу его там обдумать вопрос о вызове Софы за вещами.

Здесь В.П. Волгин, с к-рым буду говорить о Вас.

Пиши мне лучше всего по адресу: Свердловск, 9 почт. отд., до востребования.

Привет Софе и маме от всех нас.

Твой А.Н.

Свердловск.
12.XI.1942 г.
Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо. Жаль очень, что у Вас нет никаких перемен к лучшему. Конечно, лучше было бы съездить в Москву тебе или маме, чем Софе, но ведь С.Д. может вызвать только студентку, да и то я неуверен, сделает ли он это - удастся ли ему, и не забудет ли он об этом, ввиду массы дел и хлопот, не говоря уже о болезни его жены (хотя он и обещал мне перед отъездом все сделать). Со своей стороны, могу обещать, что во время пребывания моего в командировке в Москве (во II половине января) - я зайду к Вам на квартиру и все разузнаю. Поэтому прошу тебя по получении этого моего письмо выслать мне в Свердловск доверенность (нотариально заверенную) на право входа в ваши комнаты и изъятие некоторых Ваших вещей, которые, м. б., удастся переслать (напиши, какие именно). А пока насчет квартплаты советую немедленно снестись с домоуправлением или поручить это кому-нибудь еще (кроме Д.Д. Иванова), - напр., жене В.Э. Грабаря, ибо за невзнос квартплаты в течение трех месяцев могут отобрать комнаты.

Д.М. плохо себя чувствует: у него плохо сердце, он все время полеживает и через общих знакомых, живущих в Казани, просил мне передать, что именно поэтому редко мне пишет. Страшно жаль его! Он просил разузнать все о Вас и написать ему; поэтому напиши ему поскорее: ему самому трудно писать, Я состою профессором МГУ и зав. кафедрой, а, кроме того, - старшим научным сотрудником Ин-та Истории Ак. Наук.

М.Н. чувствует себя лучше, чем в Томске. Лена поступила на филологич. фак. МГУ. Она тебе напишет. Поклон от меня, Марг. Ник. и Лены тебе, маме и Софе. Всего лучшего.

Твой А.Н. Пиши заказным по указанному мною адресу: Свердловск, Втузгородок, 4 студенческий корпус, комната № 110.

Телеграмма - срочная, 28.XII.42, Свердловск
Моравской
Поздравляем Новым Годом шлем наилучшие пожелания
Неусыхин

Свердловск.
11. I.1943 г.
Дорогая Шурочка!

Прежде всего, поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе, чтобы следующий год твоей жизни был более счастливым, чем предыдущий. Думая о тебе и Лене, я часто прихожу к мысли, что для девочек Вашего воз-

раста, к тому же привыкших к ласке и заботе близких, переход к личным потрясениям и потерям последних полутора лет был слишком резким. Особенно много пришлось пережить тебе, Шурочка. Но не теряй надежды на то, что личное счастье улыбнется и тебе, как этого тебе желают искренно любящие тебя и всю Вашу семью люди.

Получил твое письмо от 1/1. Поздравительную новогоднюю телеграмму от всех нас отправила Лена; она же с неделю тому назад писала тебе. Поздравляем всех Вас с новым годом и от души желаем Вам всего лучшего. Успехи наших войск служат залогом разгрома фашистской Германии в 1943 году, а это даст и Вашей семье возможность опять стать на ноги.

Моя поездка в Москву отложена ввиду моей болезни: у меня был грипп, осложнившийся неприятными явлениями в области носа и лобных пазух (фронтит), и я около двух недель просидел дома; только сегодня начал выходить; теперь меня лечат диэтермией (прогревание лобных пазух и носа электрическим током). В М-ву вряд ли попаду раньше второй половины февраля. Поэтому еще раз советую тебе выслать мне доверенность на право распоряжения вещами в Вашей квартире с указанием, какие именно вещи Вы хотели бы получить. То, что ключи от комнат и шкафов у Вас, по-моему, не препятствие: когда я буду в Москве, я могу зайти к Д.Д. Иванову и посоветоваться с ним, как поступить; м. б., можно будет вскрыть какой-нибудь из шкафов в присутствии официальных лиц, вынуть соответствующие вещи, а потом шкаф запечатать. Во всяком случае, над этим стоит подумать.

По вопросу о гонораре за «Всемирную Историю» я обращался во время ноябрьской сессии Ак. Наук (на которую сюда съехались почти все историки) ко всем, к кому мог, - к А.Д. Удальцову, Б.Д. Грекову и А.М. Панкратовой, т. е. ко всем трем членам дирекции Института Истории, но все они отсылали меня друг к другу и в конце концов заявили мне, что ничего не могут сказать без бухгалтерии, которая в Ташкенте и частично в Москве. Придется и это дело отложить до моей поездки в Москву: м. б., там удастся чего-нибудь добиться. Не писали ли тебе что-нибудь по этому вопросу Д.Д. Иванов и К.Р. Симон? Ведь библиография и подбор иллюстраций проходил через библиотеку Академии. При личном свидании я бы мог придумать совместно с Д. Д. Ивановым, как действовать, чтобы получить гонорар. Чем был болен Д. Д.?

Вот насчет Вейля прямо не знаю, что и посоветовать: какое учреждение в Красноуфимске - ОГИЗ? Там ли он сейчас? Сообщи мне, пожалуйста, его адрес с указанием, сколько и за что именно они остались папе должны и в силу какого договора. Попробую им написать от своего имени.

Теперь должен очень сильно огорчить тебя и всех Вас, я до сих пор не хотел этого делать, но из факта отправки тобою письма Дмитрию Моисеевичу вижу, что ты все равно об этом узнаешь: Дмитрия Моисеевича уже больше нет в живых. Он скончался 12 декабря 1942 года в Казани от болезни сердца

(склероз сердца и общий склероз - в том числе и легких). Умер он безболезненно, без особых страданий. Хотя последние три месяца он чувствовал себя очень слабым, тем не менее, еще за неделю до смерти он был бодр и даже намечал планы своих будущих научных работ. Резкое ухудшение началось лишь за три дня до кончины. Он умер в полном сознании; попрощался со всеми близкими, благословил и поцеловал внуков. Подробное описание его последних дней и недель дали мне в своих письмах его сын Василий Дмитриевич и Н.А. Сидорова (докторантка Ак. Наук, прикрепленная к Д.М., - раньше преподававшая в ИФЛЯ).

Ты поймешь без слов, как тяжела мне эта новая утрата: Евгений Андреевич, Сергей Павлович, Дмитрий Моисеевич - друг за другом ушли из жизни за последние полтора года три самых любимых моих учителя. Мы собираемся в конце января устроить здесь заседание памяти Д.М. с участием профессоров истфака МГУ и представителей Академии Наук (в том числе В.П. Волгина). С.Д. Сказкин и Н.П. Грацианский пишут мне из Москвы, что в № 1 «Исторического журнала» (за январь месяц 1943 г.) появится некролог Д. М. за подписью многих историков (в том числе и моею).

Советую тебе написать Василию Дмитриевичу и его жене Нине Дмитриевне (Казань, 43, Новосибирская, 6). Они теперь очень одиноки.

Как чувствует себя Евлампия Ивановна? Сердечный привет ей от меня, М. Н. и Лены - также и Софе. О ее вызове Сказкин что-то ничего не пишет.

P.S. 12/I-1943

Дмитрий Моисеевич до самого последнего времени интересовался всеми Вами и Вашей судьбой. Уже незадолго до его кончины, в ноябре он просил Н. А. Сидорову написать мне (сам он писать не мог) и узнать, как живет семья Моравских, - с тем, чтобы сообщить об этом ему.

Трудно примириться с тем, что больше нет этого во всех отношениях необыкновенного человека - «человека не только большого ума, но и большого сердца», как сказал Н.К. Гудзий на заседании Ученого Совета МГУ 23/XII-1942, на котором мы почтили память Дмитрия Моисеевича вставанием и произнесением кратких поминальных слов (говорили Гудзий и я). Узнав о болезни Д.М., я порывался съездить к нему в Казань, но не успел... Хотел к нему заехать на обратном пути из Москвы Волгин, но тоже опоздал... Семья сына Д.М. осталась в довольно трудном положении, т. к. сын его (Вас. Дм.) сам был тяжело болен летом и два месяца пролежал в клинике (у него было всего 18% гемоглобина в крови!), а теперь уже опять поступил на работу: у него двое маленьких детей (от 3, 5 месяцев до 5 лет). Собираемся хлопотать через Академию Наук о помощи ему.

Всего хорошего.

Твой А.Н.

Дорогие Евлампия Ивановна, Софа и Шура!

Очень Вам благодарен за поздравительную телеграмму, к-рая пришла как раз 19/I, т. е. в день моего рождения. Особенно тронут Вашим вниманием, т. к. в этом году (как и в прошлом) мы этот день ничем не отметили, и Ваша телеграмма была единственным поздравлением. Надеюсь, Вы получили тем временем нашу телеграмму, мое письмо и деньги по телеграфу (200 р.).

Желаю Вам всего лучшего. Сердечный привет от М. Н. и Лены.

Ваш А. Неусыхин

Свердловск.

26.2.1943 г.

Дорогая Шурочка!

С трепетом душевным и со слезами на глазах читал я твое письмо с описанием всех мытарств и злоключений - особенно твое письмо Лене, в котором ты столь ярко живописуешь свою заведующую школой. Молодчина ты, Шурочка, что находишь в себе силы преодолевать невзгоды жизни и вести с ними борьбу! Крепись и впредь! Скоро фашистские оккупанты будут изгнаны из нашей страны, и тогда мы вновь заживем нормальной жизнью. А пока нужно, прежде всего, добыть гонорар за Вейля. Я узнал, что Госполитиздат и историческая редакция на прежнем месте в Москве (Орликов пер., д. 3). Там же работает и Сенекина (там ли Арест и Львов, мне узнать не удалось). Очень советую тебе написать ей и изложить весь ход дела, а я в свою очередь напишу и ей и заведующему ОГИЗ'ом Юдину (последнее очень советует мне сделать наш зам. декана истфака Н.А. Смирнов - человек практический и благожелательный; его Софа должна помнить по ИФЛИ).

К сожалению, моя командировка в М-ву все откладывается, т. к. до сих пор неизвестно, когда начнется реэвакуация свердловской части МГУ в Москву - в марте-апреле или в мае-июне. Выяснится это только в марте, но возможно, что мы с М.Н. и Леной сразу переедем с эшелоном МГУ в М-ву (либо в апреле, либо в мае-июне), так что я и не буду возвращаться в Свердловск. А каким маршрутом пойдет эшелон - по Северной ли дороге через Ростов-Яр., или по Казанской дороге - это сейчас предугадать заранее совершенно невозможно. Поэтому боюсь, что план передачи мне ключей от Вашей квартиры нереален, - тем более, что я, признаться, недоумеваю, как бы я мог «без гласности» войти в Вашу комнату: наличие ключей никоим образом не может дать мне право на это без письменного разрешения хозяев комнаты и управдома (ибо в противном случае любой вор, похитивший или случайно нашедший чужие ключи, мог бы безнаказанно войти в любую комнату!). Ввиду этого настаиваю на том, чтобы кто-нибудь из Вас выслал мне (возможно скорее) нотариально заверенную доверенность на право вхождения в Вашу комнату и (это главное!) на право ведения Ва-

ших квартирных дел в М-е, т. е. переговоров с управдомом и проч. Такая доверенность (заверить надо только подпись) дает мне право выступать в качестве уполномоченного хозяев Вашей комнаты и Ваших вещей, т. е. в качестве юридического лица, действующего от Вашего имени на законном основании. (Такую доверенность я и сам выслал в М-ву по моим делам) по совету юрисконсульта МГУ; вообще это юридически единственно возможный путь и всеми применяемый, а не в качестве никому неведомого субъекта, случайным и никому неведомым способом оказавшегося (весьма подозрительным) обладателем ключей от Вашей комнаты и находящихся в ней шкафов и комодов... Получив такую доверенность, я, приехав в М-ву (когда бы это ни произошло), пойду на Вашу квартиру и постараюсь спасти там, что можно будет спасти («лучше поздно, чем никогда»).

Очень тронут, Шурочка, твоими заботами о моем здоровье; но фроктит у меня оказался легким и в течение двух недель ликвидировался в результате лечения диэтермией (поликлиника в двух шагах от нас, так что я не простудился от прогревания).

На похоронах Д.М. я, конечно, не мог быть, т. к. он похоронен в Казани, а я узнал о его смерти лишь после того, как похороны уже состоялись. Не было на них и никого из учеников или близких друзей Д.М. Здесь, в Ак. Наук под председательством В.П. Волгина 12/II состоялось траурное заседание памяти Д.М. Очень хорошее, - теплое и в то же время умно построенное, - вступительное слово произнес В П. Затем были сделаны следующие доклады: мой («Д.М.П. как историк-исследователь и педагог»), В.В. Терешкович («Д.М.П. как историк средневекового города») и Н.А. Машкина («Концепция Римской империи в трудах Д. М. П.»). Доклад Машкина был содержателен, а доклад Терешкович неудачен, но в целом заседание, по общему признанию, прошло хорошо. Все докладчики много внимания уделяли Д.М., как человеку. Все доклады стенографировались. Аналогичные заседания были в М-ве, в Казани (с участием Е. В. Тарле) и в Ташкенте. О программе московского заседания я пока ничего не знаю, а в Ташкенте, где весь Ин-т Истории, докладов было много. Е. А. Косминского («Д.М. П., как ученый»), А.Д. Удальцова («Д.М. П. как руководитель семинариев») (!), Р.Ю. Виппера («Личные воспоминания о Д.М.»), Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина. Решено издать сборник статей памяти Д.М. (но некролог о нем в «Историч. Журнале» до сих пор не появился: нет его и в январском номере, хотя он должен был там быть, как мне об этом писали С.Д. Сказкин и А.П. Грацианский, - последний из них - автор некролога). Но самое печальное - не то, что до сих пор нет некролога (хотя и это грустно), а то, что все это не в состоянии воскресить дорогого Дмитрия Моисеевича... Но не будем впадать в отчаяние перед лицом смерти близких нам людей, будем мужественны!

Всего, всего наилучшего! Привет от меня, М.Н. и Лены Евлампии Ивановне и Софе (как их здоровье?). Лена кончает экзамены - остался последний (предыдущие она сдала на отлично) - и тогда напишет тебе поподробнее.

Жду письма с доверенностью.

Твой А. Неусыхин

Свердловск.

26.III.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 13.II с доверенностью. Я, конечно, и в мыслях не имел утверждать, что Вашу квартиру обокрали, ибо этого не знаю и знать не могу. Я только предложил Вам свои услуги по спасению вещей; так что напрасно Вы тревожитесь.

Сам я попаду в М-ву только тогда, когда состоится реэвакуация МГУ, а сроки ее пока неизвестны точно (ожидается она в мае). Тогда мне очень пригодится доверенность. Насчет Вейля написал подробно Ф.А. Коган-Бернштейн, которая сейчас в М-ве и ведет свои дела в ОГИЗ'е. Просил ее поискать Синекину или Арест, в случае надобности обратиться к Львову или Юдину.

У нас все по-старому. Привет сердечный Евлампии Ивановне и Софе. Такой же привет от М.Н. и Лены всем Вашим. Всего лучшего.

Твой А.Н.

Свердловск.

4.V.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 12.IV и очень Вам всем сочувствую. На 15 мая намечена реэвакуация всего МГУ двумя эшелонами одновременно. По приезде в Москву постараюсь (через Сказкина или кого-нибудь еще, а м. б., и лично) обратиться к Потемкину; займусь также и Вашими квартирными делами. Но ты одновременно напиши Потемкину и сама (одно другому не помешает), а также и С.Д. Сказкину (только он, как декан истфака, может от имени МГУ хлопотать за Софу). Пиши ему либо по дом. адресу (Смоленская пл., Шубинский пер., д. № 3, кв. 4), либо по адресу Истфака МГУ, которые теперь помещается в бывшей Леночкиной школе (Б. Бронная, д. № 6). Коган-Бернштейн пишет мне (в открытке от 8/IV), что сделает все возможное в издательстве, но пока ей еще не удалось поймать Синекину (Арест теперь не работает, но Синекина на прежнем месте, и она обещает ее найти). В ожидании ее ответа и моего переезда в М-ву очень прошу тебя не терять бодрости духа; в случае какой-нибудь сверхсметной получки вышлю тебе из М-вы хоть немного денег. Не знаю, каков будет маршрут нашего эшелона; если поедем через Ростов, то дам тебе срочную телеграмму. Пиши мне в М-ву по адресу: М. Бронная,

12, кв. 23, либо Б. Бронная, 6 (истфак МГУ).

Сердечный привет маме, Софе, тебе от меня, М. Н. и Лены.

Твой А.Н.

Свердловск.

10.V.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Только что получил открытку от Коган-Бернштейн, в которой она пишет, что в издательстве требуют предъявление нотариально заверенной доверенности. Достань, пожалуйста, таковую и вышли ее мне в Москву (наверное, нотариус имеется в Борисоглебских слободах, а не то придется предпринять путешествие в Ростов). Сегодня стало точно известно, что гуманитарные факультеты МГУ (в том числе и истфак) реэвакуируются вторым эшелоном, который должен отправиться отсюда 26 мая, после того, как вернется из М-вы состав первого эшелона, отъезжающего 16 мая. Пиши мне все-таки в М-ву (сюда имеет смысл только телеграфировать). На днях писал тебе о всех делах. Привет маме и Софе от всех нас.

Твой А.Н.

Москва.

10.VI.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Приехали мы сюда с М.Н. и Леной 1.VI, но вначале было много хлопот, поэтому не писал. Побывал у Вас на квартире; соседи говорят, что все в порядке; комната заперта, никто в нее не входил, управдома пока никак не застану, но я не знаю, нужно ли мне входить в Вашу комнату до Вашего приезда, тем более, что Д. Д. Иванов сообщил мне о том, что всем Вам на днях должны быть посланы пропуска через Президиум Ак. Наук, как членам семьи сотрудника Академии. Думаю, что мне пока достаточно ограничиться визитом к управдому и рассказать ему о Вашем приезде в скором будущем (соседям по квартире я об этом уже сказал). В Соцэкгиз не обращался, т. к. жду Вашей нотариальной доверенности. Скоро приедут и Мороховцы. Всего хорошего. Жду письма. Привет всем от меня, М. Н. и Лены.

Ваш А. Н.

Москва.

15.VII.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Получил твое письмо от 5.VII из Борисоглеба и тотчас показал его Д. Д. Иванову. Он мне сказал, что пропуска на Вас всех (два или три - это безразлично, тем более, что уже заказано три) по заявкам Академии Наук будут получены из Главного

Управления Милиции г. Москвы через 2 недели и тотчас же после этого будут Вам высланы. Т. о., Вы получите их недели через три и сейчас же после этого сможете выехать. Ускорить получение пропусков, конечно, не во власти Д. Д., ибо дело идет своим порядком, но две-три недели - не такой уж большой срок, так что я советую не впадать в отчаяние, а как-нибудь прожить этот последний период пребывания в эвакуации, а тем временем приготовиться к переезду. Зато пропуска через Ак. Наук, по которым Вы поедете, дают право на прописку в М-ве; это дело верное: мы тоже прописались по таким же пропускам (и притом довольно быстро), а недавно (5/VII) сюда вернулось (тоже по пропускам, полученным по заявкам Ак. Наук) все семейство Мороховцов - кроме Ани с мужем (они в Тбилиси) и Андрея (он - в армии); и они все уже прописались. Подумай, не взять ли и Софу с собою в М-ву. Что она будет делать одна в деревне и с кем будет там жить? Ведь одним воздухом питаться нельзя, и когда еще Вы сможете ей что-нибудь послать отсюда? Квартира и вещи Ваши целы. Все Ваши квартирные дела все время (и до моего приезда и сейчас) ведет Д. Д. через свою помощницу, которая берет жировки, аккуратно вносит квартплату (а это самое главное для сохранения за Вами жилплощади), сносится по всем вопросам с Вашим домоуправлением и проч.

У Сенекиной я был, и она сказала то же самое, что написала тебе.

Здесь В.Э. Грабарь (он здоров и огородничает, несмотря на свой возраст), недавно вернулся из Ташкента К.Р. Симон. Общими усилиями поможем Вам устроиться, когда приедете. А пока советую деятельно готовиться к переезду и ждать пропусков. М. Н. и Лена кланяются сердечно маме, тебе и Софе. Лена переходит на II курс филологич. факультета МГУ, кончает сдавать экзамены, сдает на отлично, но чувствует себя физически неважно, а нервна, почти как Софа. Совсем потеряла способность писать письма и просит у тебя прощение за молчание. Мой искренний привет Евлампии Ивановне и Софе и пожелание скорейшего выздоровления. Софу надо было бы показать в М-ве опытному врачу (а не «сельскому эскулапу») и провести курс лечения в тубдиспансере (напр., вдувание и проч.). Очень советую привезти ее с собою в М-ву. Всего лучшего. Надеюсь, до скорого свидания.

Ваш А. Н.

P.S. Симону можно писать на библиотеку Ак. Наук.

Недавно вернулся из Казани сын Дмитрия Моисеевича, Василий Дмитриевич (Плющиха, Земледельческий пер., д. 16, кв. 13).

Москва.

10.IX.1943 г.

Дорогая Шурочка!

Получил недавно твое письмо от 25.VIII из Ростова и от души радуюсь за тебя и сердечно тебя поздравляю с отличной сдачей двух столь серьезных предметов, желаю тебе столь же успешно сдать и остальные и поступить поскорее в Институт. Недавно я получил в университетском архиве мой аттестат

зрелости с такими же отметками, как и у тебя, и увидел на нем подпись: «директор С. Моравский». Это напомнило мне мою юность, ростовскую гимназию и ее незабвенного вдохновителя и руководителя. Я думаю, что напоминать о нем Потемкину письмом теперь вряд ли имеет смысл, т. к. все, имеющие с ним общение по служебным делам, съехались сюда, и надо будет мне опять попросить С.Д. Сказкина поговорить с ним. Это на сей раз, м. б., и удастся осуществить, ибо между 20-м и 30-м сентября состоится сессия Академии Наук, на которой В.П. Потемкина будут выбирать в академики, а С.Д. Сказкина - в член-корреспонденты, и они, вероятно, часто будут встречаться.

С пропусками на Вашу семью вышла, по словам Д.Д. Иванова, неожиданная и чисто формальная задержка. Дело в том, что для оформления пропуска требуется удостоверение из домоуправления о том, что такие-то лица возвращаются на ранее занимавшуюся ими площадь и что домоуправление не возражает против их возвращения. Такие удостоверения и были заготовлены для всех вызываемых в М-ву сотрудников библиотеки Академии Наук, а также и для членов их семей (в том числе и на Вашу семью). Но в канцелярии Президиума Ак. Наук (т. е. в Управлении делами) странным образом затерялись эти справки из домоуправления у некоторых из вызываемых (в том числе, к сожалению, как раз у Вас всех). Поэтому Гл. Управление Милиции, естественно, затребовало дополнительно эти справки, а впредь до их представления задержало выдачу пропусков. Теперь требуемые справки уже представлены вторично. Вопрос только в том, будут ли тотчас же выписаны пропуска, или все дела будут рассматриваться заново. В последнем случае возможна задержка примерно на месяц. Но пропуска обязательно будут рано или поздно высланы. Если их долго не будет, советую тебе приехать в М-ву пока одной с Менделеевским Институтом, а потом уж приедут мама и Софа, которую, по-моему, надо систематически лечить в М-ве. Лимиты на въезд в Москву все расширяются.

За деньги меня благодарить не стоит, ибо 2/3 их принадлежит В.Э. Грабарю, который просил меня послать тебе 200 р. Напиши ему (Зубовский бульвар, д. № 15, кв. 5).

Сюда съехались все знакомые и друзья Сергея Павловича: приехало все семейство Мороховцов, семья В.Д. Петрушевского (сына Д. М.); здесь К. Р. Симон; И.Н. Кобленц был тут в командировке, прожил 3 месяца, поступил на постоянную работу в московские учреждения, а теперь поехал в Томск за семьей. Здесь все время Е.Д. Зайцева.

С.Д. Сказкин не ответил на твое письмо, вероятно, просто по крайней занятости. Напомню ему об этом. Всего наилучшего. Пишу в Хмельники, ибо не знаю твоего ростовского адреса. Не знаешь ли ты, где сестра покойного А.Н. Сперанского, Марья Николаевна? Не в Ростове ли она? Привет от М.Н., меня и Лены Евлампии Ивановне, Софе и тебе самой.

Твой А. Неусыхин

7.VIII.1944 г.

Дорогая Шурочка!

Узнал сегодня у Федоровой, что Софа включена в список, который должен на днях быть представлен Галкину для получения его визы на отправку вызова, но нужно спешно принести Федоровой справку из Вашего домоуправления о том, что С. С. Моравская проживала до эвакуации в д. 26 по Трубниковскому пер. и имеет жилплощадь.

Попроси на всякий случай прибавить, что ее мать и сестра уже вновь прописаны по тому же адресу.

Всего лучшего! Твой А.Н.

7.VIII, Понедельник

Александре Сергеевне Моравской.

Шура!

С Новым Годом, с новым счастьем! Привет Софе и пожелание поправиться в 1950 году. Не забудь следующее: в справке из Библиотеки надо написать, что она приравнена к научно-исследовательскому Институту, но не упоминать, когда это было сделано, а то выйдет, что слишком поздно (в 1947 г.).

Всего лучшего.

Твой А.Н.

P.S. На днях видел на заседании В.Э. Грабаря. Он здоров.

1) Надо достать у Д.Д. Иванова справку о работе С. П. в библиотеке Академии Наук СССР в качестве старшего научного сотрудника. В этой справке надо указать, что С. П. выполнял в качестве сотрудника библиотеки поручения для Института Истории Ак. Наук (по составлению библиографии и хронологических таблиц для Всемирной истории).

2) Подтвердить эти данные может В.И. Шунков и К.Р. Симон.

3) Попросить И.Н. Кобленца (работающего сейчас в Библиотеке Ак. Наук) подтвердить, что С.П. работал в Международном Аграрном Институте и во Всесоюзной Ассоциации Сельскохозяйственной Библиографии при Библиотеке им. Ленина в качестве старшего референта (старшего научного сотрудника). Дом. телефон И.Н. Кобленца: 1-40-40.

4) Для выполнения всего этого надо придти в библиотеку Ак. Наук с трудовой книжкой С.П. и обратиться к Д.Д. Иванову, как бывшему ее директору и нынешнему сотруднику. Сейчас директором библиотеки является В.И. Шуков.

5) Во всех справках необходимо указать, что С.П. занимал должность старшего научного сотрудника и выполнял научную работу в учреждениях, приравненных к научно-исследовательским Институтам.

5.V.1962 г.

Дорогая Шура!

Благодарим за поздравление. Поздравляем Вас всех с праздником весны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

ТРУДОВОЙ СПИСОК С.П. МОРАВСКОГО

Общие данные

Родился в 1866 году ноября месяца 17/29 числа. (Основание: метрическое свидетельство № 8695 от 27/VI-1869г.)

Национальность: русский.

Социальное положение: служащий.

Самообразование: Высшее. (Основание: Диплом № 11133 от 21/IX-1890 г.)

Профессия: педагог-историк (с 1923 г. - экономист).

Со стажем – 33 лет.

Беспартийный.

Член Профсоюза Всеработпрос секция научных работников с октября 1919 года.

На военном учете: не состою.

Данные о прохождении службы

1. 1890 г. По окончании Московского Университета был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории.

2. С 1890 по 1907 г. В Москве занимался научной, педагогической, литературной и общественной деятельностью. (Основание: формулярный список о службе от 20/IV-1908 г.)

3. С 1907 по 1917 г. По выбору ростовской (Ярославской губ.) городской думы состоял директором учрежденной городом на завещанные ему средства мужской гимназии имени А. Л. Кекина. (Основание: служебная телеграмма попечителя Моск. Учебн. Округа. Письмо Гор. Головы г. Ростова (Ярославской губ.) от 20/V-1907 г. № 63 с сообщением о выборе г. Моравского директором гимназии).

4. С 1917 по 1918 г. Выборным председателем педагогического совета ростовской гимназии имени Кекина. (Документами не подтверждено).

5. С 1918 по 1922 г. сентябрь. Заведующим ростовской, Ярославской губернии, единой трудовой школы 2-й ступени № 2. (Удостоверение, выданное Ростовским и Ярославским губ. Ком. Отд. за № 90 от 4/VIII-23 г.)

6. С 1918г. сентябрь по 1922 г. май. Членом Коллегии ростовского (Рос-

лавской губ.) УОНО. (Основание: см. п.5).

7. С 1918 г. сентябрь по 1922 г. июнь. Председателем ростовской Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей. (Основание: см. п. 5).

8. С 1919 г. август по 1922 г. февраль. 22 Председателем комиссии по ликвидации неграмотности по Ростовскому уезду. (основание: см. п. 5).

9. С 1919г. сентябрь по 1923 г. август. Преподавал всеобщую историю и советскую конституцию на ростовских педагогических курсах, преобразованных в педагогический техникум. (Основание: см. п. 5).

10. С 1919г. октябрь по 1922 г. май. Преподавал историю и советскую конституцию на ростовских пролеткурсах. (Основание: Удост. № 90 от 4/VIII-23 г. выд. Рост. Ком. Отд.).

11. В 1922-23 учебном году. Преподавал историю на Ростовском государственном Рабфаке. (Основание: см. п.10).

12. С 1923 г. август по 1924 г. ноябрь. Сотрудничал в Москве в Вестнике Путей Сообщения издав. НКПС, в Международной летописи (изд. Коммунистической Академии) и Экономическом Обозрении. (документами не подтверждено).

13. 1924 г. с января по октябрь. Работал в Госплане СССР при тарифно-экономич. Бюро. (Основание: Удостов. За № 503 от 14/1-25 г. выд. Гос. План. Ком.).

14. С 1924г. декабрь 5 по 1927 г. май. Экономист Учетно-Планового Отдела Госторга РСФСР. (Основание: Приказ по Госторгу № 31/35 от 5/XII-24 г.).

15. 1927 г. октябрь 7. Поступил в Международный аграрный Институт в качестве ответственного классификатора Отдела Библиографии. (Основание: Приказ по МАИ от 17/X-27; № 53 § 8.

16. 1928 г. июль 10. Выбыл в очередной Отпуск. (Основание: Приказ по МАИ от 27/VII-28 г. № 33 § 18).

17. 1928 г. август 22. Возвратился из отпуска и приступил к работе. (Приказ по МАИ от 9/X-28 № 39 § 30).

18. 1929 г. июль 8. Выбыл в очередной отпуск. (Основание: Приказ по МАИ от 1?/VII-29 г. № 2? § 10).

19. 1929 г. август 23. Приступил к работе после отпуска. (Приказ по МАИ от 31/VIII-29г. №31 § 23).

20. 1930 г. июнь 19. В очередном отпуска. (Основание: Приказ по МАИ от 2/VI-30, № 43, 5).

21. 1930 г. август 20. Вернулся из очередного отпуска. (Основание: Приказ по МАИ от22/VIII-30, № 53, 3).

22. 1931 г. май 1. Освобожден от работы в МАИ ввиду перехода в Ассоц. Библиографии. (Основание: Приказ по МАИ от 10/V-31, 3-42, 1).

23. 1931 г. V 1. Зачислен во Всесоюзную Ассоциацию с.х. Библиографии на должность Старшего Классификатора. (Основание: Приказ М. 1 от 1/VI-31 г.).

24. 1931 г. Очередной отпуск с 1/VII по 15/VIII-31 г. Пр. № 3 от 1/VII-31.

25. 1932 г. Очередной отпуск с 10/VII по 10/IX 1932 г. (Основание: Приказ № 54 от 14/VII-32 г.).

26. 1932 г. X 1. Переведен на должность референта-классификатора I разряда. (Приказ № 84 а от 28/IX-32. г.).

27. 1933 г. II I. Переведен на ту же должность в редак. Индекс. (Приказ № 10 от 31/I-1933 г.).

28. 1933 г. V. В счет очерд. Отпуска – отп. С 3/V-17/V. (Приказ № 52 от IV-33 г.).

29. 1933. V. Приступил к работе после очер. Отп. (Приказ № ?1 от 9/VI-33 г.).

30. 1933 г. VII. Очер. Ото. С 20/VII. (Приказ № 77 от 19/VII-33 г.).

31. 1934 г. 1 25. Болен с 13/I-34 г. (Приказ № 8 от 25/1934 г.).

32. 1934 г. Приступил к работе после болезни с 2/III. (Основание: Приказ № 24 от 7/III-34 г.).

С подлинным верно:

Печать. Подпись

Приложение 2

Curruculum vitae
Сергея Павловича Моравского

Я родился 17 ноября 1865 г. в Киеве. В этом же городе я продел курс средней школы, по окончании которой поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Здесь я много работал в семинарии Д.Г. Виноградова и сделался одним из самых близких его учеников. По окончании университета в 1890 г. я был оставлен им и В.И.Герье при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. В течение нескольких лет после этого я продолжал работать под руководством Виноградова; между прочим, участвовал в организованном им кружке молодых ученых - историков, юристов, экономистов, философов. В своей автобиографии, напечатанной в библиографическом словаре академиков, Виноградов называет меня одним из наиболее активных членов этого кружка (вместе с А.А. Мануйловым, С.Н. Трубецким, Д.М.Петрушевским и др.). В 1891 г. была напечатана в журнале «Киевская старина» моя работа по архивным документом из истории Украины начала XVIII в. под заглавием «Федор Лисовский».

Но обстоятельства моей личной жизни так сложились, что я постепенно сошел с проторенной дорожки, по которой обычно следуют молодые ученые, и занялся педагогической, литературной и общественной деятельностью. Преподавая историю в разных среднеучебных заведениях г.Москвы (между прочим в женской гимназии А.С. Алферовой и в мужской Медведниковской гимназии), я принял в то же время самое живое участие в раооте московских молодых историков, так много сделавших тогда для поднятия уровня преподавания истории в средней школе. В историческом отделении Педагогического общества при Московском университете я в течение 4-х. лет (с 1900 по 1904 г) руководил в качестве председателя его работами по обсуждению разных вопросов преподавания этого предмета и по составлению новых учебников, которые стояли бы на высоте современной исторической науки: именно в эти годы Виппер, Коваленский, Рожков и др. делали в историческом отделении доклады о своих учебниках, вызывавшие оживленные прения многочисленных участников собрания; тогда же были напечатаны отдельной брошюрой протоколы ряда заседаний отделения, посвященных элементарному курсу русской истории, в которых принимали деятельное участие такие выдающиеся русские историки, как М.Н. Покровский, А.А. Кизеветтер и др.

В эти же годы я участвовал в комиссии по составлению новых программ для специалисток по истории в VШ классе женских гимназий (лично мною составлены подробные программы по всеобщей истории); эти программы и были приняты и введены в женские гимназии Московского учебного округа. В созванной при округе в 1903 г. комиссии по реформе средней школы я сделал доклад о преподавании истории, который был принят комиссией и напечатан в ее трудах. В этом докладе (30 лет тому назад) я впервые высказал и подробно развил ту мысль, что в средней школе следует преподавать не одну историю в узком смысле этого слова, а обществоведение т.е. элементарную энциклопедию общественных наук (экономических, юридических и др.). В «Вестнике воспитания» мною была напечатана статья о «Пропедевтическом курсе истории»; приемы и методы такого курса, указанные в этой статье, вошли затем в некоторые руководства по методике преподавания истории.

Я участвовал не только в теоретическом обсуждении вопроса о преподавании истории, о его постановке, методах, содержании и т.д., но также и в составлении соответствующих руководств и пособий, необходимых для проведения всего этого в жизнь. В сотрудничестве с Н.Г. Тарасовым мною составлена книга «Культурно-исторические картины из жизни Западной Европы IV – XVIII вв.», выдержавшая 4 издания: последнее из них напечатано Госиздатом в 1924 г. Мне принадлежат две статьи («Германцы до великого переселения народов» и «Французские города в средние века») в известной «Книге для чтения по истории средних веков», составленной под редакцией профессора П.Г. Виноградова; при этом я активно участвовал в самой организации этого дела, в составлении и обсуждении плана как всего сборника, так и отдельных его статей и в редактировании некоторых из них. Отдельными изданиями были напечатаны две публичных лекции, прочитанных мною в Историческом музее: «Средневековый идеалист (Людовик IX Святой)» и «Немецкие гуманисты и обскуранты XVI в». Под моей редакцией вышли в свет переводы книг: Гиро «Частный и общественный быт римлян»и Ганото «Фракция перед Ришелье».

Все эти печатные работы представляют собой пособия не только для школьного преподавания истории, не и для внешкольных занятий ею. Делу внешкольного просвещения вообще я также посвятил немало сил. Здесь прежде всего нужно отметить мое участие в Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе Общества распространения технических знаний; комиссия эта явилась первым в России опытом широкого распространения научных знаний в объеме университетского курса при помощи специально составленных для этого программ с указанием необходимых пособий и с вопросниками для письменных ответов, присылавшимися в Комиссию, которая заочно руководила занятиями своих клиентов. В состав Комиссии в качестве руководителей вошли все лучшие научные силы Москвы, и количество ее читателей скоро стало считаться тысячами, Я активно участвовал в работах

ее исторической группы (с самого основания ее в 1897 г. до своего отъезда из Москвы в 1907 г.), руководимой П.Г. Виноградовым, а во время его отпуска в Англию я замещал его; лично мною составлены программы университетского курса по истории средних веков и часть программ курса средней школы по всеобщей истории. В 1900 г. я был избран председателем Учебного отдела Общества распространения технических знаний и оставался им до 1907 г. Учебный отдел представлял собой одно из старейших просветительных обществ в России: основанный в 1871 г., он за 29 лет своего существования оставил заветный след в истории русского просвещения, но в момент моего избрания председателем Отдела он как раз переживал кризис, и работа его находилась в полном застое: единственным его живым органом являлась Комиссия по организации домашнего чтения, все же остальные входившие в его состав комиссии (по отдельным предметам школьного преподавания) закрылись и вся их деятельность вместе с большинством активных членов перешли во вновь основанное (в 1898 г.) при Московском университете Педагогическое общество. Но мне удалось оживить эту деятельность: в то время как Педагогическое общество продолжало работу Учебного Отдела по вопросам, связанным со школьным преподаванием различных предметов, я направил деятельность Учебного отдела по руслу внешкольного просвещения. В скором времени при нем начала работать Комиссия по наглядным пособиям, при которой образовался богатый музей наглядных пособий и склад теневых картин, обслуживавший рабочие курсы, воскресные школы, начальные городские училища и т.п. учреждения и предприятия, распространявшие просвещение в широких массах московского населения. Кроме этой Комиссии образовался и ряд других, развивших широкую издательскую деятельность; в частности историческая комиссия составила и выпустили в свет ряд научно-популярных книг на разные исторические, темы, а так же «Русскую историю в картинах», очень дешевое популярное и получившее широкое распространение пособие, изданное Сытиным: все это предприятие, в котором принимали участие такие художники, как Касаткин, и специалисты по русской истории, как Кизеветтер, велось под моим руководством, и весь текст этого издания (вышедший также отдельной книжкой) был проредактирован мною.

К области организации школы относится моя работа по созданию, - по поручению московской городской думы, - нового типа школ, а именно школ 2-й ступени для прошедших курс городских училищ. В 1905 г. Специальная Комиссия под моим председательством выработала учебные планы, подробные программы и устав таких «школ повышенного типа», которые и стали учреждаться в Москве с 1907 г. *В* работах этой Комиссии принимало участие до 80 человек школьных работников и специалистов по отдельным предметам преподавания, среди них П.Н. Сокулин, А.Н. Реформатский,

А.А.Борзов, Н.А. Иванцов и др. Эти новые училища представляли собой доступную для беднейших классов московского населения реформированную среднюю школу, программа которых была совершенно свободна от всяких отживших традиций и навязанных свыше предписаний: окончившие курс такой школы являлись вполне подготовленными для дальнейших занятий в высших учебных заведениях.

Принимал я участие также и в недолго просуществовавшей (в 1907 г.) лиге образования, поставившей себе целью широкую и радикальную реформу народного просвещения в России. В связи с этим мною была помещена в «Русских Ведомостях» (№ 150и 151, 1907 г.) статья под заглавием: «Государство и общество в деле заведования средней школы».

В 1907 г. ростовская (Ярославской губернии) городская дума предложила мне занять должность директора мужской гимназии, учреждаемой городом на средства, завещанное ему уроженцем Ростова А.Л. Кекиным. Предложение это было очень заманчиво, так как давало мне возможность, при исключительно благоприятных условиях (сравнительно большей чем обычно свободе и значительных материальных средствах) создать школу, которая стояла бы много выше среднего уровня гимназий того времени. И мне это действительно удалось. Здание росговской кекинской гимназии, построенное при мне и в значительной степени по моим указаниям, стоившее более полумиллиона рублей, сделало бы честь Москве и Петербургу. Я имел возможность прекрасно оборудовать его всевозможными пособиями, до кинематографа и астрономической трубы включительно. В нем была устроена специальная астрономическая обсерватория с вращающимся куполом, обширный гимнастический зал, несколько аудиторий (одна из которых могла вместить до 500 человек) и ряд специальных кабинетов и лабораторий. Сверх обычного (несколько расширенного) курса предметов мужских гимназий того времени ученики имели возможность заниматься по своему выбору и влечению астрономией, физикой, природоведением, химией, фотографией, ручным трудом, рисованием и живописью, лепкой, музыкой. На должную высоту было поставлено и физическое воспитание учащихся: кроме обычной гимнастики они занимались спортом и играми на вольном воздухе (двор гимназии со всеми приспособлениями для игр занимал пространство более двух десятин); на большой перемене они получали завтрак.

Усиленная забота о здоровье учащихся проявлялась и в том, что кроме общего врача при гимназии был фельдшер (на все время учебных занятий) и специальные врачи: зубной, глазной и по болезням уха, горла и носа (ежемесячно приезжавшие из Москвы). Ежегодно устраивался ряд экскурсий, ближних и дальних, между прочим по Волге, в Финляндию, в Крым, а в 1914 г. (для окончившего в этом году первого выпуска и учеников перешедших в 8-й клэсс) и за границу. Состав преподавателей, приглашавшихся по моему

выбору (за все время существования гимназии только два преподавателя было назначено непосредственно учебным округом) был исключительно хорошим. Высоко-квалифицированные педагоги (многие из них после революции перешли не работу в высшую школу) охотно шли в эту гимназию, находившуюся в захолустном уездном городке, привлекаемые исключительно благоприятными условиями работы, материальными и моральными, между прочим гораздо большей чем обычно, свободой преподавания. Это последнее обстоятельство особенно ценили, конечно, те из них, которые принадлежали к социал-демократической и другим революционным партиям, а таких среди педагогического персонала ростовской гимназии было не мало: не удивительно поэтому, что и из учеников гимназии многие приняли самое активное участие в революционном движении и в настоящее время состоят в рядах ВКП(б). И я ручаюсь, что ни один из них не помянет дурным словом своей гимназии, учителей и директора. Вообще ученики чувствовали себя в школе свободно и хорошо, часто проводили в ней и вечера за каким нибудь любимым занятием или разумным развлечением, Внешкольный надзор со всеми его одиозными чертами, характерными для огромного большинства других учебных заведений дореволюционного времени, в этой гимназии не существовал. Не существовало в ростовской гимназии и другого общераспрострененного тогда зла - юдофобства, и евреи чувствовали себя в ней безусловно и во всем равными своим товарищам русским; а когда во время войны беженцы, переведшиеся в Ростов из других гимназий, принесли с собой эту язву, то мною были приняты самые энергичные меры для устранения ее в самом начале, и это мне вполне удалось. Насколько вообще отношения между учениками с одной стороны и педагогическим персоналом гимназии и ее администрацией - с другой, были хороши, видно уже из того, что 1917 год прошел у нас без малейших конфликтов и столкновений; когда на губернском съезде учащихся в Ярославле учеников ростовской гимназии спрашивали, отчего они не выступают ни с какими требованиями, они очень удивили всех своим заявлением, что им нечего требовать, так как все, что им нужно и чего требуют учащиеся других школ, у них уже есть.

Такая гимназия, как ростовская, бывшая во всех отношениях одной из лучших в России, стоила, конечно, очень дорого, и если бы она существовала на плату с учеников, то была бы доступна лишь очень богатым людям,. На самом же деле огромное большинство ее учеников принадлежало к беднейшим классам населения г. Ростова и его уезда, бюджет гимназии, когда она дошла до полного двухкомплектного состава (с 500 учеников), составлял почти 100.000 рублей, из которых только 15.000 р. получались от платы за учение; да и эти 30 р. в год большинство учеников не платило из своего кармана, а получались они из стипендий уездного и губернского земства и частных лиц и из пособий общества вспомоществования. За все

время существования гимназии не было случая исключения ученика за невзнос платы, никаких дополнительных платежей за все, что давала им гимназия, ученики не делали. Даже за завтраки и участие в экскурсиях платили полностью лишь те немногие, кто мог это сделать; большинство же вносили лишь часть (иногда очень небольшую) следуемой платы или же совсем ничего не платили, - так даже за границу многие ученики съездили и провели там целый месяц бесплатно или за 10-20 р.

Ростовская гимназия не только воспитывала поступавших в нее учеников и давала им образование: она служила в то же время и очагом культуры для всего города: при ней организовывались научные и просветительные общества, в ее аудиториях и актовом зале часто собиралась многочисленная пулика на лекции, вечера, концерты и спектакли, устраиваемые частью местными силами, частью при помощи приезжавших из Ярославля и Москвы лекторов и артистов, среди которых не мало было и очень известных.

Моя деятельность, как директора гимназии, была, как это видно из предыдущего изложения ее, не совсем обычна и не соответствует представлению об облеченном доверием начальства выслужившемся чиновнике - педагоге, неукоснительно проводящем в жизнь школы многочисленные циркуляры, получаемые из округа. Но я таким никогда и не был. когда Ростовская городская дума избрала меня на эту должность, попечитель московского учебного округа долго отказывался представить мою кандидатуру в министерство: пришлось ростовцам пустить в ход имевшиеся у них связи в Петербурге, и только тогда я был назначен, да и то сначала не директором, а лишь исправляющим должность его. Три года я находился в э т о м положении и только в 1910 г. министерство народного просвещения наконец меня утвердило и опять теки благодаря особым ходатайствам и протекции.

После Октябрьской революции по поручению Ростовского исполкома мною проведено преобразование старой школы е единую трудовую в г.Ростове и его уезде. Благодаря принятым мною мерам преобразование прошло совершенно гладко, без малейших признаков саботажа со стороны учительства, какой был в Москве и многих других местах.

Лично я продолжал оставаться во главе средней школы, превратившись из директора мужской гимназии и председателя педагогического совета женской гимназии в заведующего ростовской школой 2-й ступени, оставаясь им до начала 1922/23 уч.года. В августе 1918 г. Ростовский исполком назначил меня членом Коллегии уездного отдела народного образования и оставался им до 1922 г. т.е. все время пока существовала Коллегия. Одновременно с этим я преподавал историю и советскую конституцию в ростовском педагогическом техникуме (с 1/IX-1919 г. по август 1923 г.) и на пролеткурсах (с окт.1919 г. по май 1922 г.), а затем, когда они преобразовались в рабфак,

то -историю на рабфаке в течение 1922/23 уч.года. В августе 1923 г. я вернулся в Москву и первые месяцы занимался лишь литературной работой, сотрудничая в «Вестнике Нар.Ком.Путей Сообщения», в «Международной Летописи», издававшейся Коммунистической (тогда еще социалистической) Академией, в «Экономическом обозрении».

С января по октябрь 1924 г. я работал в качестве экономиста в Госплане СССР, исполняя обязанности секретаря Комиссии по пересмотру хлебных тарифов и в связи с этим изучал мировой хлебный рынок.

С 5/XII-1924 г. по 1/V-27 г. я был ученым экономистом в учетно-плановом отделе Госторга РСФСР, специально занимаясь мировым рынком хлеба, льна, кожсырья и пушнины. За это время я напечатал ряд статей по этим вопросам в «Экономическом Обозрении», «Внешних Рынках» и «Вестнике Льняного Дела».

В эти же годы я кроме того составил, в сотрудничестве с А.И. Неускхиным, отдел о древних германцах в изданном под редакцией А.Д. Удальцова пособии для вузов под заглавием «История в источниках. Социальная история средневековья» и принял участие в переводе II и III томов «Всеобщей истории хозяйства» Г. Кунова, которую начал но не кончил печатать Госиздат.

В 7/Х-27 г. по 1/У-31 г. я состоял старшим научным сотрудником в библиографическом отделе Международного Аграрного Института. С 1/V-31 г. продолжал эту же работу в образовавшейся из библиографического отдела МАИ Всесоюзной Ассоциации С.-х.-, библиографии, где и остаюсь и до сих пор. В напечатанном МАИ и теперь печатающемся Ежегоднике Аграрной Литературы СССР мной составлены отдела торговли, финансов, с.-х.кредита и др.

В 1928 г. я временно замещал отпущенного по болезни экономиста по рынку льна в Наркомторге СССР.

Общественная моя работа при советской власти выразилась в следующем:

С окт. 1919 по ноябрь 1920 г. - товарищ председателя ростовского уездного отдела профсоюза рабпроса.

В нояб, 1920 по май 1922 г. председатель его.

С 1/VIII -1919 по 1/II-22 г. - председатель комиссии по ликвидации безграмотности в г.Ростове и его уезде.

С сент. 1918 г. по июнь 1922 г.- председатель ростовской Комиссии по делам несовершеннолетних.

В 1922 г. - член ростовского горсовета.

1923 г. - уполномоченный секции научных работников Междун,Агр. Инст.

10/11 ноября 1928 г.-делегат на московской губ конференции.

1928 г. по 1931 г. - член экономкомиесии МАИ.

В 1931 - 1932 гг. - уполномоченный секции науч.раб. всесоюзн Ассоц. С.-х.Библ.

1 1933 г.- член ревизионной комиссии месткома ВАСХБ.

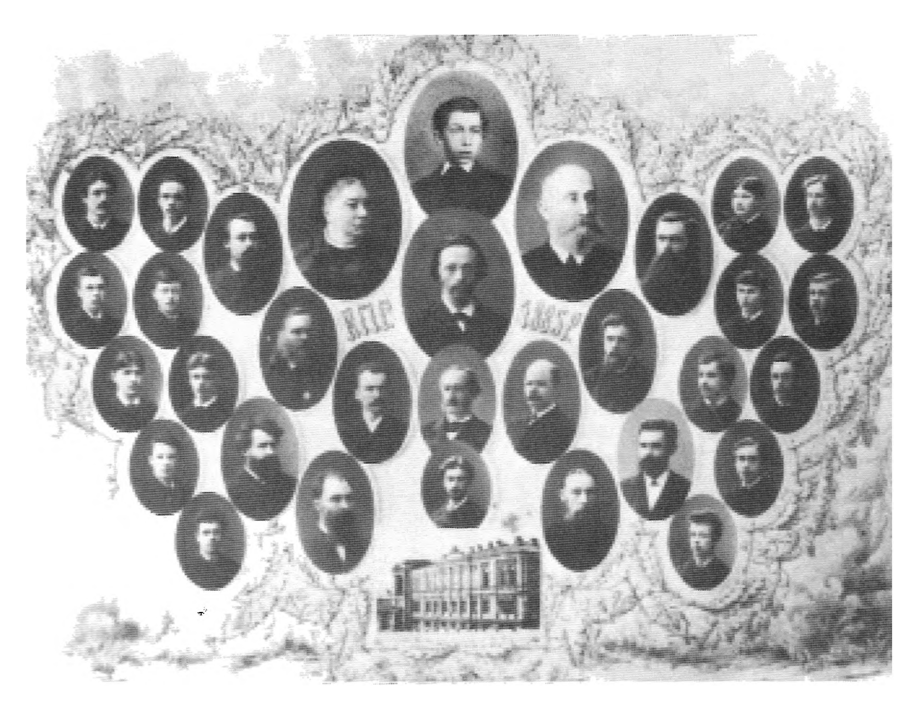
С лета 1931 г. и по настоящее время председатель товарищеского суда в доме № 26 по Трубниковскому переулку жил-товарищества научных деятелей, с 1932 г также в доме этого жилтоварищества на Зубовском бульваре.
В 1923 г. я был зарегистрирован Моск.КАБУ, а в 1924 или 1925 г.) моск. секцией научн.работников.

Павел Григорьевич Моравский

Александра Александровна Моравская

Выпускники коллегии Павла Галагина.
С.П. Моравский в левом вертикальном ряду второй снизу (1885 г.)

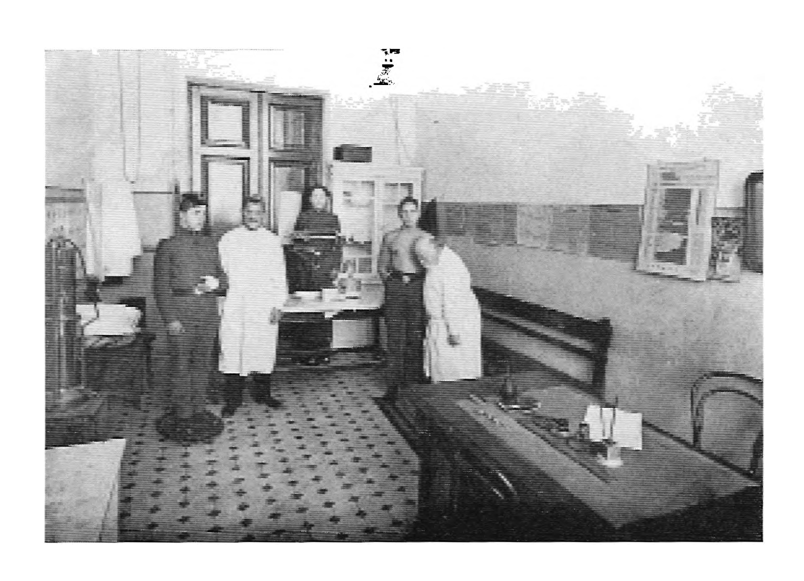

Преподаватели Медведниковской гимназии г. Москвы.
С.П. Моравский в ервом ряду четвертый слева

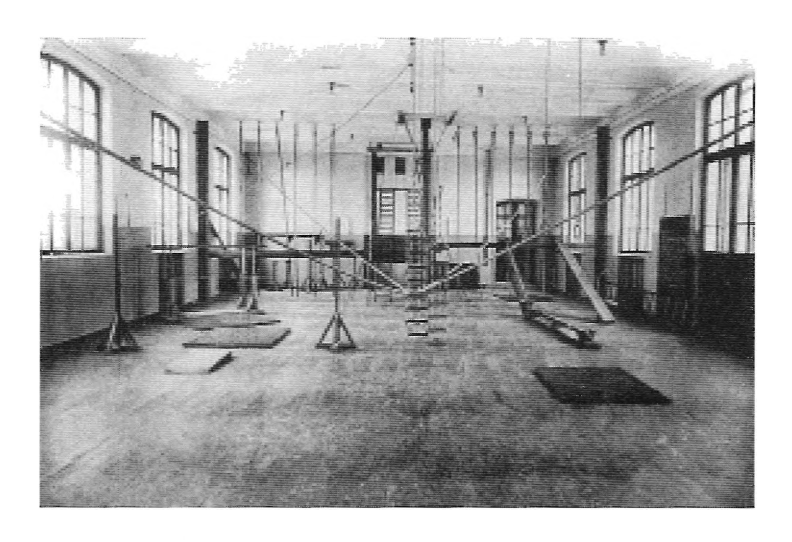

*С.П. Моравский на уроке истории в 7 классе
Кекинской Ростовской гимназии*

Заседание Педагогического совета Кекинской Ростовской гимназии

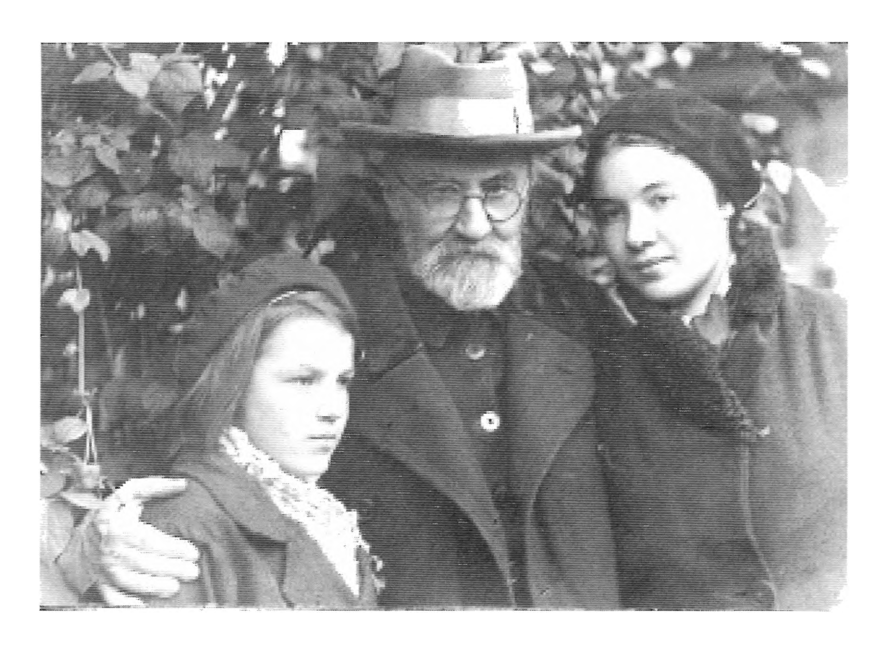
Медицинский кабинет Кекинской Ростовской гимназии

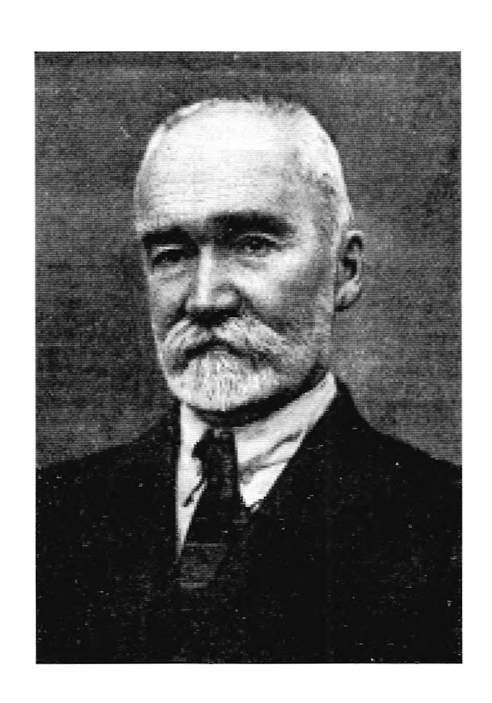
Гимнастический зал Кекинской Ростовской гимназии

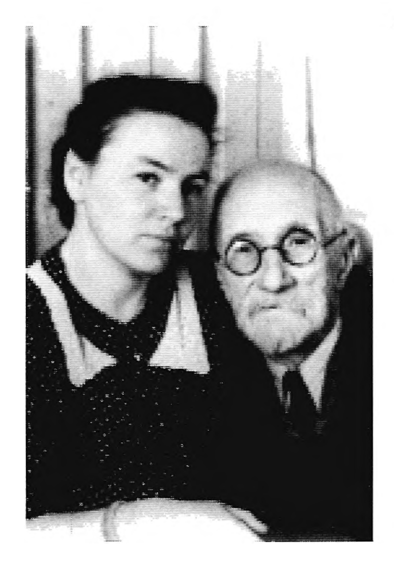
С.П. Моравский с семьей

С.П. Моравский с дочерьми Александрой (слева) и Софьей (справа)

Д.М. Петрушевский

В.Э. Грабарь и А.С. Моравская

Именной указатель

Содержание

Научное издание

Моравская А.С.
Воспоминания об отце

Моравский С.П.
Переписка

Компьютерный дизайн и
компьютерная верстка В.Н. Шайдурова

Материалы сборника печатаются
с сохранением авторской редакции

Подписано в печать 05.07.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем усл.-печ. л. 16,8. Заказ № 444
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Ропшинская, д. 4
тел. (812) 715-26-45